

Daniel Defoe

ROBINSON CRUSOE

Illustrated by N. C. WYETH

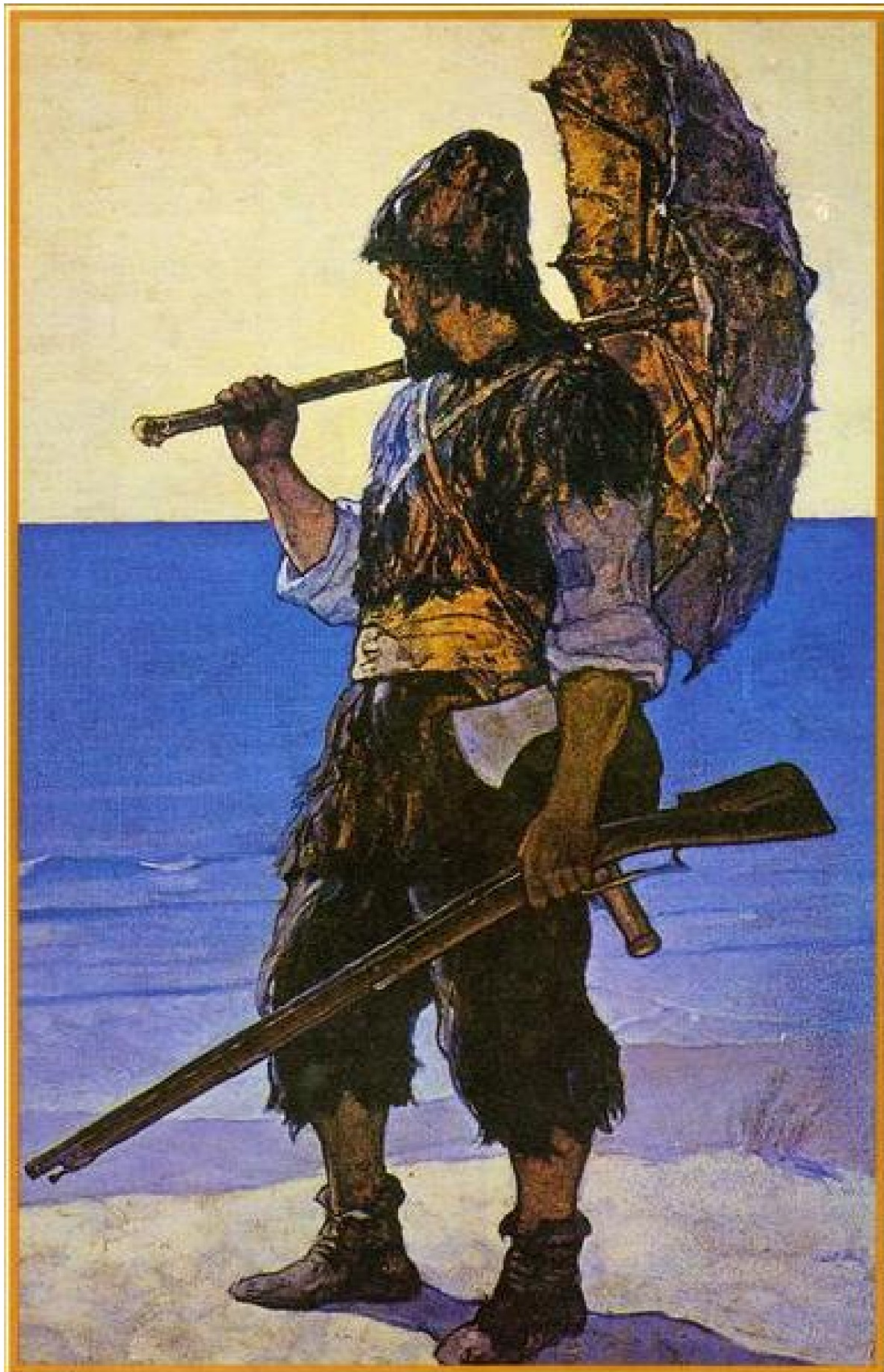

Daniel Defoe

ROBINSON CRUSOE

Illustrated by N. C. WYETH

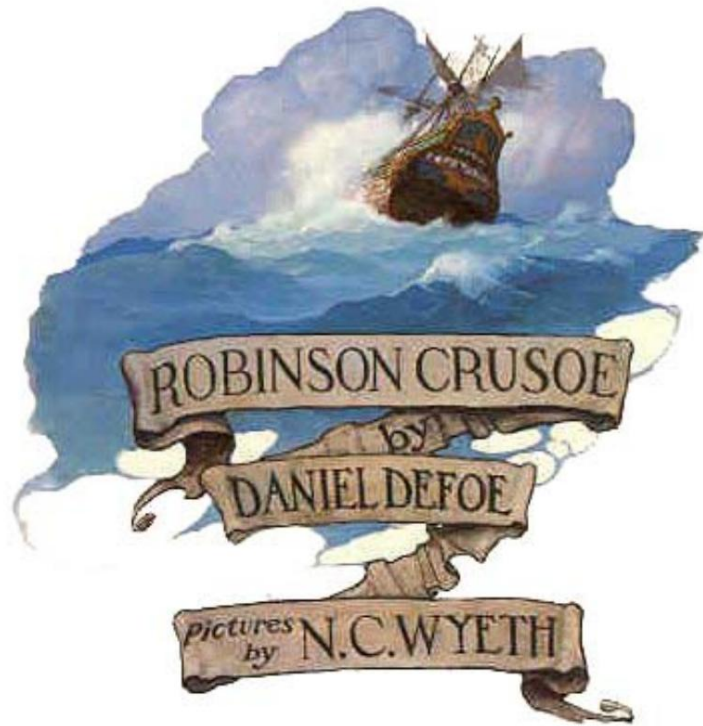

Robinson Crusoe

Даниэ ль Де фо

с иллюстрация ми Н.К. Уайета

List of Chapters

- Г лава I: Семья Робинзона — его бегство от родителей
- Г лава II: Первые морские приключения
- Г лава III: Пленение в Салли
- Г лава IV: Ещё одно путешествие и кораблекрушение
- Г лава V: Робинзон оказывается на необитаемом острове
- Г лава VI: Тоска одиночества
- Г лава VII: Время расплаты
- Г лава VIII: Дневник Робинзона
- Г лава IX: Болезнь и несчастие
- Г лава X: Восстановление и комфорт
- Г лава XI: Туртоис следует с войском
- Г лава XII: Возвращение в пещеру
- Г лава XIII: Гонимое дело и хлеб
- Г лава XIV: Строит каню
- Г лава XV. Попытки обогнуть остров
- Г лава XVI: Рост благосостояния
- Г лава XVII: Неожиданная тревога
- Г лава XVIII: Меры предосторожности против неожиданности
- Г лава XIX: Робинзон обнаруживает пещеру
- Г лава XX. Очередной визит дикарей
- Г лава XXI: Замечательный сон
- Г лава XXII: Пятница
- Г лава XXIII: Пятница цивилизации
- Г лава XXIV: Робинзон и Пятница строят каню
- Г лава XV: Освобождение испанца, Пятница обнаруживает своего отца
- Г лава XVI: Робинзон открывает себя английскому капитану
- Г лава XVII: Робинзон покидает остров

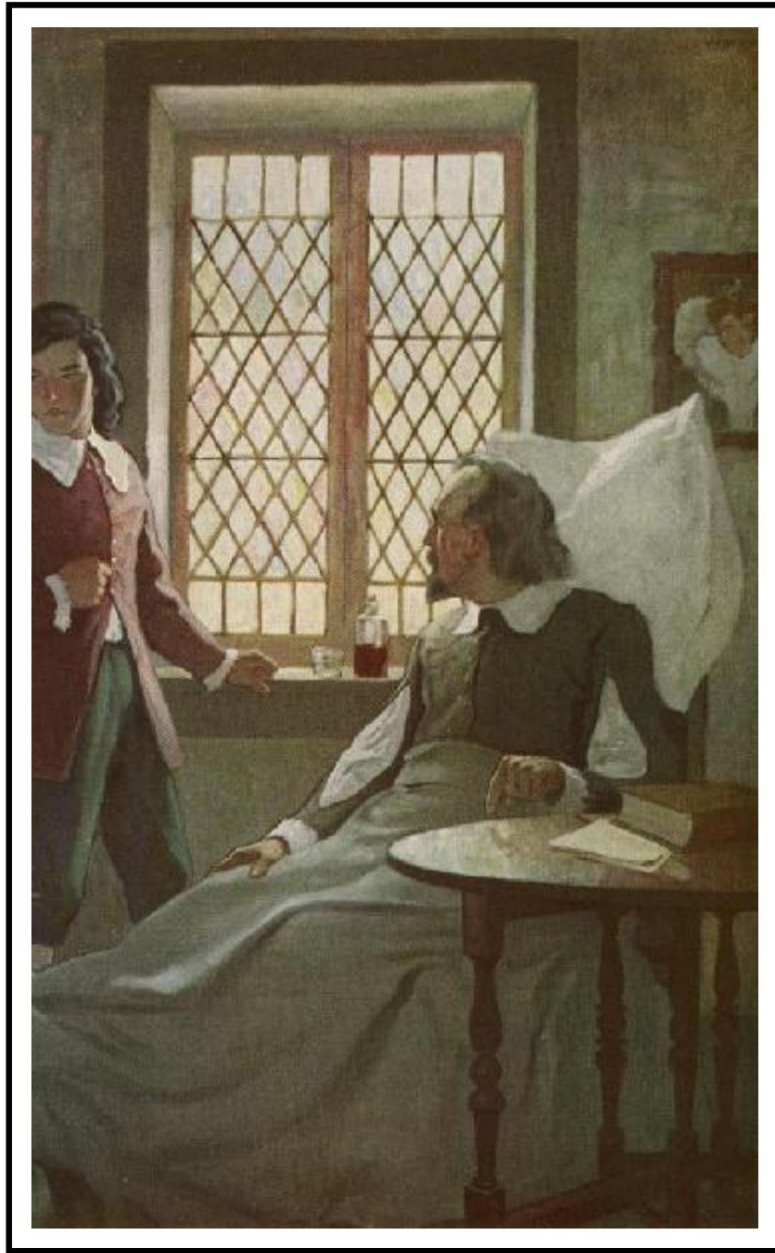
Chapter I

Семья Робинзона. Его побег от родителей

Я из этой страны, мой отец был иностранцем из Бремена, который с начала поселился в Халле. Поместье за счет товаров и оставив с вою торговлю, жил впоследствии в Йорке, откуда он женился на моей матери. Родственников звали Робинзонами, очень хорошей семьей в деревне, и от них меня звали Робинзоном Койцнаером; но из-за обычного искажения слов в Англии мы теперь называемся, нет, мы называемся с себя и писателя именем Крузо, и так всегда называли меня мои товарищи.

У меня было два старших брата, один из которых был подполковником английской пехоты полка во Фландрии, которым раньше командовал знаменитый колл. Локхарт и был убит в битве под Дюнкерком против испанцев: Что стало с моим вторым братом, я никогда не знал больше, чем отец или мать знали, что стало с мной.

Будучи третьим сыном в семье и не воспитанным ни к какому Ремеслу, моя голова очень рано начала наполняться бессвязными мыслями: Мой Отец, который был очень древним, дал мне достойную Долю Учения, несколько Домашнее Образование, и сельская бесплатная школа обычно существует и предназначена для закона; но я не был бы удовлетворен ничем, кроме как отправиться в море, и моя склонность к этому так сильно повела меня против воли, более того, приказов моего отца, и против всех мольб и убеждений моей матери и других друзей, что, кажется, должно быть чем-то фатальным в Склонности Природы, имеющей прямое отношение к Жизни Несчастья, которая должна была постигнуть меня.

Мой отец, мудрый и серьезный человек, дал мне серьезный и превосходный совет против того, что, как он предвидел, было моим замыслом. Однажды утром он позвал меня в свою комнату, где заболел подагрой, и очень горячо убеждал меня по этому поводу, где я мог бы быть хорошо представлен и иметь перспективу увеличить свое состояние, прикладывая и трудолюбие, с жизнью в легкости и удовольствии. Он сказал мне, что это было для людей с отчаянным состоянием, с одной стороны, или стремящихся к высшему состоянию, с другой, уехавший за границу на приключениях, под

Предприятием и прославиться в Предприятиях Природы вне общего Пути; что все эти вещи были либо с лишком выше меня, либо с лишком ниже меня; что мое было с редним состоянием, или тем, что можно было бы назвать высшим состоянием Низкой Жизни, которое, как он обнаружил на основании долгого опыта, было лучшим состоянием в мире, наиболее подходящим для человеческого Счастья, не подверженным Несчастьям и Невзгодам, Трудом и Страданиям механической Части Человечества, а не сущные Гордость, Роскошью, Честолюбием и Завистью высшей Части Человечества. Он сказал мне, что я могу судить о счастье этого состояния по одному этому, а именно. Что это было состояние жизни, которому завидовали все другие люди, что короли часто окружались ожалких последствиях рождения для великих дел и желали, чтобы их поместили посередине двух крайностей, между средним и великим; что мудрый Человек дал свое Свидетельство об этом как о справедливом Стандарте истинного Блаженства, когда он молится, чтобы не иметь ни Бедности, ни Богатства.

Он велел мне наблюдать за этим, и я всегда найду, что Каламиты Жизнь разделялась между высшей и низшей частью человечества; но что срединная Станция пережила наименьшее количество Бедствий и не была подвержена такому количеству Превратностей, как высшая или низшая Часть Человечества; более того, они не подвергались с таким недугом и беспокойствам ни тела, ни Разум, как у тех, кто порочным образом жизни, роскошью и расщепленностью, с одной стороны, или тяжким трудом, отсутствием необходимого и скудным или недостаточным питанием, с другой стороны, навлекает на себя болезни естественными последствиями своего образа жизни. ; Что среднее положение жизни было расчитано на все виды добродетелей и всех видов наслаждений; что Мир и Изобилие были с лужанками средней Фортуны; что Умеренность, Умеренность, Тишина, Здоровье, Общество, все приемлемо Развлечения и все желанные удовольствия были благословениями, сопутствующими среднему положению жизни; что этим путем люди шли тихой и плавно через мир и благополучно покидали его, не сущая с трудами рук или голода, не продавая свою жизнь рабства ради хлеба насущного и не мучаясь недоумением». г. Обстоятельства, которые лишают Душу покоя, а Тело покоя; не вая роста от страсти зависти или тайного горения Жажда амбиций к великим вещам; но в легких Обстоятельствах мы скользим по Миру и чувственно вкушая Сладости жизни, без

горькие, чувствуя, что они счастливы, и учатся на повседневном опыте чувствовать это более разумно.

После этого он убедительно и с самым ласковым образом убеждал меня не изображать из себя юношу, не ввергать себя в несчастия, от которых природа и положение жизни, в котором я родился, по-видимому, предусматривали; что мне не было необходимо искать свой хлеб; что он делает для меня хорошо и постарается честно ввести меня в положение жизни, которое он только что рекомендовал мне; и что если я не был очень спокойным и счастливым в этом мире, то, должно быть, моя протота, Судьба или Ошибка должны были помешать этому, и что ему не за что было бы отвечать, исполнив таким образом свой Долг, предотвращая меня от мер. что, как он знал, причинит мне боль: одним словом, что, поскольку он делает для меня очень добрые дела, если я останусь и поселюсь дома, как он приказал, так что он не будет иметь столько помощи в моих несчастиях, чтобы дать Поощрение уйти. И в довершение ко всему, он сказал мне, что в качестве примера у меня есть мой старший брат, к которому он прибегал с такими же искренними убеждениями, чтобы удержать его от участия в войнах в низменности, но не смог одолеть его юные Желания побудили его бежать в армию, где он был убит; и хотя он сказал, что не перестанет молиться за меня, все же он осмелится сказать мне, что, если я сделаю этот глупый шаг, Бог не благословит меня, и у меня будет свободное время, чтобы поразмышлять о том, как я пренебрег его. Послушай, когда некому будет помочь моему выздоровлению.

Я заметил в этой последней части его речи, которая была поистине пророческой, хотя я полагаю, что мой отец сам не знал, что это так; Говорю же, я видел, как слезы текли по его лицу очень обильно, особенно когда он говорил о моем брате, который был убит; и что, когда он говорил о том, что у меня есть свободное время показаться и что нет никого, кто мог бы мне помочь, он был так тронут, что прервал речь и сказал мне, что сердце его так переполнено, что он не может сказать «нет». мне больше.

Я был искренне тронут этим Расстройством, да и кто мог бы быть иначе? и я решил больше не думать о выезде за границу, а поселиться дома, согласно Желанию моего Отца. Но увы! несколько дней терли все это; Короче говоря, чтобы предотвратить дальнейшие наводнения моего отца, через несколько недель после этого я решил бежать от него. Тем не менее, я сделал

Я не действовал так поспешно, как подсказал мой первый пыл решимости, но я взял с вою Мать в то время, когда я думал, что она немногоприятнее, чем обычно, и сказал ей, что мои Мысли нас только полностью сосредоточены на озерцании Мира, что я никогда не должен соглашаться ни на что с достаточной решимостью, чтобы довести дело до конца, и моему отцу лучше дать мне согласие, чем заставлять меня идти без него; что мне сейчас восемнадцать лет, а это слишком поздно, чтобы идти подмастерьем в ремесло или клерком в поведенном; что я был уверен, что если бы я это сделал, я никогда не отбыл бы с войсрок, и я бы непременно бежал от моего Учителя до того, как мой Срок истечет, и отправился бы в Море; и если бы она попросила моего отца отпустить меня только на одно путешествие за границу, если бы я снова вернулся домой и мне это не понравилось, я бы больше не поехал и пообещал бы с удвоенным усердием вернуть то время, которое я потерял.

Это привело мою Мать в великую ярость: Она сказала мне, что знала, что бесполезно говорить с моим Отцом на любую подобную тему; что он слишком хорошо знал, каков мой интерес, чтобы дать согласие на что-либо, причиняющее мне только вред, и что она недоумевала, как я мог думать о чем-то подобном после такого разговора с моим отцом, такого доброго и доброго. Нежные Выражения, поскольку она знала, что мой Отец имел нас комне; и что, короче говоря, если бы я погубил себя, мне не было бы Помощи; но я мог рассчитывать, что никогда не получу их согласия на это: что с своей стороны она не будет иметь столько рук в моем уничтожении; и я никогда не должен был бы сказать, что моя Мать была готова, когда мой Отец не был.

Хотя моя мать отказалась передать его моему отцу, тем не менее, как я слышал впоследствии, она рассказала ему обо всех разговорах, и что мой отец, выразив большое беспокойство по этому поводу, сказал ей с вздохом: «Этот мальчик мог бы быть счастливым, если бы остался дома, но если он уедет за границу, то будет самым несчастным негодяем, который когда-либо рождался: я не мог дать на это согласие.

Лишь спустя почти год после этого вырвался на свободу, хотя тем временем я оставался упрямым и мог лухимковсемпредложения муладить дела и часто спорил с моим отцом и матерью о том, что они так твердо настроены против чего-то, как они знали, побуждали меня мои наклонности. Но однажды в Халле я зашел случайно и без какой-либо цели с overshить побег в тот раз; но я говорю, нахдясь там, и один из моих подвижников плывет морем в

Лондон, на корабле его Отца, и побудив меня отправиться с ними, с обычным
с облазом мореплавателей, а именно, чтобы мне ничего не стоило мое
путешествие, я больше не советовался ни с Отцом, ни с Матерью, и даже не
посылал им известие. Этого; но оставить их, чтобы они услышали об этом, как
они могли бы, не испрашивая благословения Бога или моего Отца, без какого-
либо рассматривания обстоятельств или последствий, и в трудный час, Бог знает.

Chapter II

Первые морские приключения . Опыт морской жизни. Путешествие в Гвинею .

О Сентябрь 1651 г . Я поднялся на борт корабля , направлявшегося в Лондон; кажется , ни у одного молодого авантюриста несчастия не начинались раньше и не продолжались дольше , чем мои . Не успели Корабль выбраться из Хамбера , как подул Ветер , и Ветры успели с самым ужасным образом ; а так как я никогда прежде не был на море , то я был крайне невыразимо болен телом и ужасался в уме ; мой нечестивец покидает Дом Отца моего и оставляет Мой Долг ; все добрые советы моих родителей , слезы моего отца и мольбы моей матери оседали в моей памяти , и моя совесть , еще не дошедшая до той степени жесточести , к которой она пришла с тех пор , упрекала меня в презрении к советам и нарушение моего долга перед Богом и моим Отцом .

Все это время буря усиливалась , а море , на котором я никогда раньше не был , поднималось очень высоко , хотя ничего опасного не было , что я видел много раз с тех пор ; нет , и не опасного , что я увидел несколько дней спустя . Но тогда это было досадно , чтобы поразить меня , который был все-таки молодым моряком и никогда ничего не знал об этом . Я ожидал , что каждая Волна поглотит нас , и что каждый раз , когда Корабль падает , как я думал , в Лощину или Впадину Моря , мы никогда больше не поднимемся ; и в этой агонии разума я дал много клятв и решений , что , если Бог убудет угроз здесь пощадить мою жизнь в этом единственном путешествии , если я когда-нибудь снова ступлю ногой на сушу , я отправлюсь прямо домой к моему Отцу , и никогда больше не запускать его в Корабль , пока я был жив ; что я последую его совету и больше никогда не попаду в такие несчастия , как эти . Теперь я снова увидел доброту его наблюдений о среднем положении жизни , о том , как легко , как комфортно он прожил все свои дни и никогда не подвергался ни морским бурям , ни бедам на берегу ; и я решил , что я , как истинно раскаявшийся блудный сын , пойду домой к моему Отцу .

Эти мудрые и трезвые Мысли продолжались все время , пока шла Буря , и некоторое время спустя ; но следующий день Ветер был

Утихло, и море успокоилось, и я стал немножко непривычен к нему. Однако весь тот день я был очень серьезен, так как все еще немножко болел морем; но к Ночью Погода прояснилась, Ветер с овсестих, и наступил очаровательный погожий Вечер; Солнце зашло с овершеннойсно и так же взошло на следующее утро; и при слабом ветре или его отсутствии и гладком море, сияющим на нем солнцем, зрелище было, как я думал, самым восхитительным из всех, что я когда-либо видел.

Я хорошо спал ночью, и теперь меня больше не тошнило от морской болезни: я был очень веселым, глядя с удивлением на море, которое накануне было таким бурным и ужасным и могло стать таким спокойным и таким приятным в такое короткое время после. И теперь, по крайней мере, мои добрые намерения должны продолжаться, мой товарищ, который действительно увлек меня, подходит ко мне, Ну, Боб, говорит он, хлопая меня по плечу, Что ты делаешь после этого? Я ручаюсь, что вы были напуганы, не так ли, прошлой Ночью, когда дул всеголишь Цапка, полная Ветра? Полная кепка, как вы это называете? -- сказал я, -- это была ужасная буря. -- Буря, дура ты, -- отвечает он, -- ты называешь это бурей, почему это вообще ничего не значило? Цапал Ветра как таковой; ноты всеголишь матрос пресной воды, Боб; давай сделаем чашу пунша, и мы забудем все это, ты видишь, какая сейчас очаровательная Погода. Чтобы сократить эту печальную Часть моей Истории, мы пошли по старому пути всех Морских, Пунш был сделан, и я опять не от него, и в той одной Ночной Злости утопил все свое раскаяние, все мои размышления о моем прошлом. Поведение и все мои решения для моего будущего. Одним словом, подобно тому, как Море вернулось к своей гладкой поверхности и установилось Спокойствие после стихания этой бури, так и спешка моих мыслей закончилась, мои страхи и опасения быть поглощенными морем были забыты, и Поток моих прежних Желаний вернулся, я совершенно забыл Клятвы и Обещания, которые дал в Бедствии. Я действительно находил какие-то промежутки для размышлений, и серьезные мысли как бы старались время от времени возвращаться снова, но остряхивали их и пробуждали себя от них, как от сноты, и предавался питью. и компания, вскоре освоили возвращение этих припадков, ибо я их так называл, и за пять или шесть дней я одержал такую же полную победу над совестью, как и любой молодой человек, решивший не беспокоиться о ней. , мог бы пожелать: Но мне предстояло еще одно Испытание; и Провидение, как это обычно бывает в таких случаях, решило оставить меня совершенно без извинения. Ибо если я

не примет э то за Избавление, с ледую щее должно было быть таким, каким х удший и с амый закоренелый Нег одя й с реди нас признаетс я и в Опас нос ти, и в Милос ердии.

На шес той день нашег о пребывания в море мы вышли на Ярмут-роудс ; Ветер был вс тречный, а пог ода была с покойной, и пос ле бури мы проделали очень малю пути. Зде сь мы должны были стать ная корь, и зде сь мы лежали, ветер дул противно, а именно. на юг о-западе, в течение с еми или вос ьми дней, в течение которых множес тво кораблей из Нью кас лавышли нате же дорог и, что и в обычную г авань, г де корабли мог ли ждять ветра с реки.

Мы, однако, не плыли зде сь так долг о, но должны были подня ть ег о вверх по реке, но ветер дул с лишком с вежо; и пос ле тог о, как мы пролежали четыре или пя ть дней, дул очень с ильно. Однако, пос кольку дорог и с читалис ь х орошей г аванью, я корная с тоя нка — х орошей, а наши наземные с нас ти — очень с ильными, наши лю ди не бес покоилис ь и ни в малейшей с тепени не опас алис ь опас нос ти, а проводили время в покое и вес елье, как и моря ; но на вос ьмой день утром ветер ус илилс я , и мы приложили вс е ус илия , чтобы ударить по нашим с теньг ам и с делать вс е плотно и близко, чтобы корабль мог плыть как можно лег че. К полудню море дейс твительно подня лос ь очень выс око, и наш Корабль вывел Форекас тла в нес колько морей, и мы подумали, что раз или два наш Якорь вернулс я домой; на котором наш Мас тер приказал из я коря листа; так что мы ех али с двумя я коря ми на г олове, а трос ы ушли в лучший конец .

К э тому времени дейс твительно налетела страшная Буря , и тепер ь я стал видеть Ужас и Изумление на Лиц ах даже с амых Моря ков. Капитан, х отя и бдительно с ледил за делом с ох ранения корабля , вс е же, ког да он вх одил и вых одил из с воей каю ты ря дом с о мной, я слышал, как он тих о с казал с ебе нес колько раз: Г ос поди, будь милос тив к нам, мы вс е пог ибнем, мы вс е пог ибнем; и тому подобное. Во время э тих первых пос пешнос тей я был г луп, неподвижно лежал в с воей каю те, которая нах одилас ь в третьем отделении, и не мог опис ать с воег о нрава: я с трудом мог вновь приня ть первое рас кая ние, которое я так я вно рас топтал, и ожес точилс я против : Я думал, что Г оречь С мерти уже прошла, и что э то будет с овс ем не пох оже на первое. Но ког да с ам Учитель подошел ко мне, как я только чтос казал, и с казал, что мы вс е

ужасно испугался. Я вылез из каюты и выглянул; но такого мрачного зрелища никогда не видел: Море поднималось на горы и обрушивалось на нас каждые три-четыре минуты. Их мачты бортом, будучи глубоко погруженными; и наши люди кричали, что корабль, который избавился от нас примерно на милю над головой, затонул. Еще два корабля, сброшенные с своих корей, были выбиты с дорог в море во время всех приключений, и это не было настоящей мачтой. Легкие корабли справились лучше всего; как не так много труда в море; но двое или трое из них поехали и приблизились к нам, убегая только с парусом S prit перед ветром.

Ближе к вечеру помощник и боцман умоляли капитана нашего корабля позволить им срезать фок-мачту, на что он очень не хотел. Он согласился; и когда они срезали фок-мачту, грот-мачта стояла так свободно и так сильно трясло корабль, что они были вынуждены срезать и его и сделать чистую палубу.

Любой может судить, в каком состоянии я должен находиться вообще; который был всего лишь молодым моряком, и который был в таком испуге раньше в немного. Но если я могу выразить на таком расстройстве мысли, которые у меня были о себе в то время, я был в десятикратном большем ужасе ума из-за моих прежних убеждений и того, что я вернулся от них к решениям, которые я злонамеренно принял вначале, чем я был при самой Смерти; и это, усугубляя Ужас бури, привело меня в такое состояние, что я не могу описать его словами. Но худшее еще не наступило, Буря продолжалась с такой яростью, что сами Моряки признавались, что уже они не знали. У нас был хороший Корабль, но он был глубоко погружен и барахтался в Море, что Моряки время от времени кричали, что он пойдет ко дну. Моё преимущество заключалось в том, что я не знал, что они имели в виду под Основателем, пока не спросил. Однако буря была так сильна, что я увидел, что несчастно увидишь, капитана, лодочника и некоторых других, более разумных, чем остальные, молящих и ожидающих каждое мгновение, когда корабль пойдет ко дну. . Посреди ночи и во время всех остальных наших бедствий один из Людей, который специально спускался вниз, кричал, что у нас возникла Течь; дру

четыре фута воды в трюме. Затем все Десницы были вызваны к Насосу. При этом с аном Слове мое Сердце, как я думал, умерло во мне, и я упал на спину на край своей кровати, где сидел, в каюту. Однако Мужчины разбудили меня и сказали, что я, который раньше ничего не мог делать, теперь так же хорошо могу качать, как и другие; после чего я встряхнулся, пошел к насосу и очень усердно работал. Пока это делалось, капитан, увидев, что некоторые легкие угольщики, которые не могли переждать бурю, должны были поскользнуться и убежать в море и приблизиться к нам, приказал выстрелить из пушки как с игнал бедствия. Я, ничего не знавший, что это значит, был так удивлен, что подумал, что Корабль сломался или случилось что-то ужасное.

Словом, я так удивился, что упал в обморок. Поскольку это было время, когда у каждого Тела была собственная Жизнь, о которой нужно было думать, никто не думал обо мне или о том, что со мной стало; но другой человек подошел к насосу и, оттолкнув меня своей ногой, оставил меня лежать, думая, что я мертв; и прошло много времени, прежде чем я пришел в себя.

Мы продолжали работать, но вода в трюме прибавлялась, и было очевидно, что корабль пойдет ко дну, и хотя шторм начал немного стихать, все же, поскольку он не мог плыть, пока мы не натолкнемся на порт, поэтому Мастер продолжал стрелять из пушек в помощь; и легкий Корабль, избавивший от него только одного из нас, отважился на Лодку, чтобы помочь нам. Лодка приближалась к нам с величайшей опасностью, но мы не могли ни взобраться на борт, ни лодке остановиться у борта корабля, пока, наконец, люди не стали гребти изо всех сил и рисковали своей жизнью, чтобы спасти нашу. Наши люди перекинули через корму веревку с бумажной, а затем проверили ее на большую длину, которую они после большого труда и опасностей схватили, и мы заглянули их близко под нашу корму и вошли в их положение. Лодка. После того, как мы были в Лодке, ни для нас, ни для нас не было никакой цели думать о том, чтобы добраться до собственного Корабля, поэтому все согласились позволить ей двигаться и только тянуть ее к Берегу, насколько это возможно, и наш Хозяин пообещал им, что если бы лодка стояла на берегу, он возместил бы это их хозяину, поэтому, частично ребята и частично управляя, наша лодка ушла с северному склону к берегу почти до Уинтертон-Нес.

Мы были не более чем в четверть часа от четырех кораблей, но увидели, как он тонет, и тогда впервые поняли, что имелось в виду под Корабль тонет в море; Я должен признать, что у меня едва были глаза, чтобы смотреть

встал, когда он, моряк, сказал мне, что она тонет; ибо с этого мгновения они скорее посадили меня в Лодку, чем чтобы можно было сказать, что я вошел в нее, мое Сердце было как бы мертвым во мне, частью от Страх а, частью от Ужас а Разума и Мыслей о том, что было еще впереди меня .

Пока мы были в таком состоянии, люди еще работали веслом, чтобы подвести лодку к берегу, мы могли видеть, когда наша лодка поднималась по волнам, мы могли видеть берег, множество людей, бегущих вдоль берега, чтобы помочь нас, когда мы должны были приблизиться, но мы двигались очень медленно к Берегу, и мы не могли добраться до Берега, пока, миновав маяк в Уинтертоне, Берег не обрывается на запад к Кромеру, и поэтому Земля Немного прервала Натиск Ветра. Здесь мы вошли и, хотя и не без большого Труда, благополучно добрались до Берега, а затем пешком дошли до Ярмута, где нас, как несчастных людей, с большим гуманизмом использовали как хороших благодарных горожанин магистратам, которые выделили нам хорошие помещения, как и отдельным купцам и судовладельцам, и дали нам денег, достаточных для того, чтобы доставить нас либо в Лондон, либо обратно в Халл, как мы считали нужным.

Если бы у меня теперь хватило ума вернуться в Халл и вернуться домой, я был бы счастлив, и мой Отец, эмблема притчи нашего Благословенного Спасителя, даже заколот для меня откормленного теленка; Услышав, что корабль, на котором я уплыл, был отброшен на Ярмут-роуд, прошло много времени, прежде чем он убедился, что я не утонул.

Но моя злая Судьба подтолкнула меня теперь с Упрямством, перед которым ничто не могло устоять; и хотя мой разум несколько раз громко призывал меня вернуться домой, все же у меня не было силы сделать это. Я не знаю, как назвать это, и не буду настаивать на том, что это тайный глупенствующий Указ, который подталкивает нас к тому, чтобы стать Орудием нашего общественого Разрушения, даже если он находится перед нами, и что мы с пешим на него наши глаза открыты. Несомненно, ничто иное, как какое-то predetermined неизбежное страдание, сгустившееся мне и от которого я не мог избавиться, могло подтолкнуть меня вперед против спокойных расуждений и убеждений моих самых отдаленных мыслей и против двух таких видимых указаний, с которыми я встречался. в моей первой попытке

Мой товарищ который раньше помог мне закалить меня и был Сын Хозяина был теперь менее напорист, чем я; в первый раз он заговорил со мной

после того, как мы были в Ярмуте, что длилось не раньше двух или трех дней, потому что в городе мы были разделены на несколько кварталов; Я говорю, когда он впервые увидел меня, казалось, его тон изменился, и, выходя очень меланхолично и качая головой, спросил меня, как я поживаю, и рассказал своему отцу, что я такой и как я отправляйтесь в это плавание только для пробы, чтобы отправиться дальше за границу; Его отец обращается ко мне очень серьезным и обеспокоенным тоном, молодой человек, говорит он, вам не следует больше выходить в море, вы должны принять его запрос той и видимый Знак того, что вы не должны быть мореплавателем. Мужчина. Почему, спросил я, вы больше не пойдете в море? Это другой случай, сказал он, это мое призвание и, следовательно, мой долг; но когда вы совершили это путешествие для испытания, вы видите, какой вкус Небеса дали вам в отношении того, чего вам следует ожидать, если вы будете упорствовать; возможно, все это случилось с нами из-за вас, как Иона на корабле Фарсиса. Молитесь, продолжает он, кто вы? а по какому счету вы вышли в море? После этого рассказал ему кое-что из своей истории; в конце которого он разразился странным видом страсти, Что я делал, говорит он, что такой несчастный негодяй пришел на мой корабль? Я не ступил бы с тобой на один корабль и затысячу фунтов. Это действительно было, как я сказал, путешествие моего духа, который все еще был взволнован чувством его потери, и это было дальше, чем он мог иметь право идти. Однако впоследствии он очень серьезно говорил со мной, утешал меня вернуться к моему Отцу и не искушать Провидение моей погибелью; сказал мне, что я могу увидеть видимую руку Неба против меня, И, молодой человек, сказал он, полагайтесь на это, если вы не вернетесь, куда бы вы ни пошли, вы не встретите ничего, кроме бедствий и разочарований, пока не исполнятся Слова вашего Отца. исполнилось на тебе.

Вскоре мы расстались; ибо я дал ему небольшой ответ, и я не видел его больше; каким путем он пошел, я не знаю. Что касается меня, то, имея в кармане немного денег, я отправился в Лондон посуше; и там, так же как и в Пути, было много Борьбы с самим собой, какой Путь Жизни мне выбрать, и идти ли мне Домой или отправиться в Море.

Что же касается возвращения домой, то стыд воспротивился лучшим предложениям, которые предлагались моему Мысли; и мне сразу же пришло в голову, как надо мной будут смеяться среди Соседей, и мне должно быть стыдно видеть, а не моего Отца и Только Мать, но и любое другое Тело; откуда с тех пор час замечал, насколько неуместными и иррациональными являются обычное настроение Человеческое, особенно в ночное, склонно к тому Разуму, который должен вести

их в таких случаях, а именно. Что они не стыдятся решить и в то же время стыдятся покаяться; не стыдятся поступка, за который их по праву следует считать дураками, но стыдятся возвращения, которое только и может с делаться их уважаемыми мудрецами.

Однако я оставался в этой Жизни некоторое время, не зная, какие Меры принять и какой Путь Жизни вести. Неодолимое нежелание продолжало идти домой; и когда я задержался на некоторое время, воспоминание о бедствии, в котором я находился, сошло на нет; и по мере того, как это уменьшалось, вместе с ним исчезало и небольшое движение, которое у меня было в моих желаниях вернуться, пока, наконец, я совершенно не отбросил мысли об этом и не стал готовиться к путешествию.

То злое Влияние, которое с начала увлекло меня из Дома моего Отца, которое поторопило меня в дикую и невоенную Идею увеличения моего состояния; и которые внушают мне это Тщеславие с такой силой, что делают меня глупым ко всем добрым советам, мольбам и даже приказам моего отца. Видя и я поднялся на борт корабля, направлявшегося к побережью Африки; или, как вульгарно называют эти наши моряки, путешествие в Гвинею.

Моей великой Несчастием было то, что во всех этих Приключениях я не стал Морским; таким образом, хотя я действительно мог работать немножко усерднее, чем обычно, но в то же время я изучил обязанности и должность фок-мачтового человека; и я мог бы квалифицировать себя как помощника помощника или лейтенанта, если бы был мастером. ибо, имея деньги в кармане и хорошую одежду на спине, я всегда поднимался на борт с привычкой джентльмена; и по тому у меня не было ни одного делового корабля, и я не научился его делать.

Моей участью было прежде всего опасаться в довольно хорошую компанию в Лондоне, что не всегда случается с такими распущенными и неуправляемыми молодыми людьми, какими я был тогда; Для вол, как правило, не упускал случая расставить для них ловушку очень рано. Но все было не так, как сомной, я впервые познакомился с капитаном корабля, который был на побережье Гвинеи; и кто имел там очень хороших утех, решил пойти с ним; и кто, приняв во внимание мои разговоры, которые в то время все еще были неприятны, услышав, как я говорю, что хочу увидеть мир, сказал мне, не соглашусь ли я отправиться в путешествие с

его я должен быть на безвозмездной основе; Я был бы его товарищем по столу и его компаньоном, и если бы я мог нести что-нибудь с собой, я бы получил от этого все преимущества, которые допускает торговля; и, возможно, я мог бы испытать некоторое ободрение.

Я принял предложение и, вступив в строгую дружбу с этим капитаном, который был честным и прямолинейным человеком, отправился с ним в путешествие и совершил с собой небольшое приключение, которое благодаря бескорыстной честности моего друга Капитана, я значительно увеличился; ибо я нес около 40 л. в таких игрушках и безделушках, которые капитан приказал мне купить. Это 40 л. Я собрал вместе с помощью некоторых из моих родственников, с которыми я переписывался и которые, как я полагаю, заставили моего отца или, по крайней мере, мою мать внести такой вклад в мое первое приключение.

Это было единственное плавание, которое, я могу сказать, было успешным во всех моих приключениях, и которым я обязан честности и честности моего друга капитана, под руководством которого я также получил компетентное знание математики и правил навигации. Я как вести учет курса корабля, делать наблюдения; и, короче говоря, понять некоторые вещи, которые должны быть понятны Морскому: ибо, как он воспользовался Восторгом, чтобы познакомить меня, так и я воспользовался Восторгом, чтобы научиться; Короче говоря, это путешествие сделало меня и моряком, и купцом: я привез домой £ 5,9 унций золотого песка для моего путешествия, что принесло мне в Лондоне по возвращении почти 300 ф. и это наполнило меня теми устремленными мыслями, которые с тех пор привели к моей гибели.

Но и в этом путешествии у меня были свои несчастия; особенно то, что я постоянно болел, из-за чрезмерной жары климата меня бросало в сильную калантуру; наша основная торговая точка находится на побережье, от 15 градусов северной широты даже до самой линии.

Chapter III

Захват Робинсона в Салли — Побег с Ксури — Прибытие в Бразилию

Я для торговца Guinea; и мой друг, к моему большому несчастью, умер вскоре после его прибытия, я решил снова отправиться в то же путешествие и сел на то же судно с тем, кто был его помощником в предыдущем плавании и теперь получил командование корабля.

Это было самое несчастливое путешествие, которое когда-либо совершал человек; хотя я не носил с собой и 100 л. моего нового приобретенного богатства, так что у меня осталось 200, и которое я поселил у вдовы моего друга, которая была очень справедлива ко мне, но я попал в ужасные несчастия в этом путешествии; и первым было это, а именно. Наш корабль, направлявшийся к Канарским островам или, вернее, между этими островами и африканским берегом, был застигнут врасплох в утреннем сумраке турецким вездеходом из Салли, который дал нам Чейза с всеми парусами, которые он мог поднять. Мы также обратились только к брезента, сколько могли расстелить наши реи или выдержать наши мачты, чтобы освободиться; но обнаружив, что пират догнал нас и, несомненно, догонит нас через несколько часов, мы приготоновились к бою; У нашего корабля было 12 орудий, а у «Разбойника» — 18. Около трех часов дня он подошел к нам, и, по ошибке приведя его прямо поперек нашей четверти, а не поперек кормы, как он намеревался, мы привели 8 наших орудий к той стороне, и обрушил на него бортовой залп, который заставил его снова отклониться, после того как он ответил на наш огонь, а также обрушил с вой небольшой выстрел из примерно 200 человек, которые у него были на борту. Однако мы не тронули ни одного человека, все наши люди держались рядом. Он приготовился снова атаковать нас, а мы защищаться; но посадив нас на борт в следующий раз на другой нашей четверти, он ввел 60 человек на наши палубы, которые немедленно принялись резать и рубить палубы и такелаж. Мы набдили их дробовиками, полупиками, пороховыми ящиками и тому подобным и дважды очистили от них нашу палубу. Однако, чтобы прервать эту меланхолическую часть нашей истории, наш корабль был выведен из строя, трое из наших людей убиты и восемь ранены, мы были вынуждены сдаться, и все пленные были доставлены в Салли, порт, принадлежащий мавры.

Обычай, которым я там пользовался, был не таким ужасным, как я предполагал вначале, и я не был доставлен повсюду стране ко двору императора, как остальные наши. Были люди, но капитан ровера оставил их себе в качестве приза.

и с делал его Рабом, будучи молодым и проворным, и приг одным для с воего Дела. Эта удивительная перемена моего положения из купца в жалкого раба привела меня в полное изумление; и теперь я оглянулся на пророческое Обращение моего Отца ко мне о том, что я буду несчастен и что мне некому будет помочь мне, что, как я думал, теперь произошло так эффективно, что уже быть не может; что теперь рука Неба настигла меня, и я погиб без Искупления. Но увы! это был все-таки лишь вкус страданий, через которые мне предстояло пройти.

, как появлялся в продолжении этой истории.

Поскольку мой новый Покровитель или Хозяин забрал меня домой, в свой дом, я надеялся, что он возьмет меня с собой, когда снова отправится в море, полагая, что рано или поздно его судьба будет взята испанцами или Португалия войны; и что тогда я должен быть установлен на Свободу. Но его Надежда моя вскоре была отобрана; ибо, когда он отправился в Море, он оставил меня на Шаре, чтобы я присматривал за его маленьким садом и выполнял обычную рабскую работу в его доме; и когда он снова вернулся домой из своего круиза, он приказал мне лежать в каюте, чтобы присматривать за кораблем.

Здесь я не размышлял ни о чем, кроме своего Побег; и какой метод я мог бы предпринять, чтобы осуществить это, но не нашел способа, который имел бы в нем наименьшую вероятность: ничего не было представлено, чтобы сделать предположение об этом рациональным; ибо у меня не было Тела, которому я мог бы сообщить об этом, которое отправилось бы со мной; ни товарища-раба, ни англичанина, ни ирландца, ни шотландца, кроме меня самого; так что в течение двух лет, хотя я часто тешил себя воображением, у меня никогда не было ни малейшей обнадеживающей перспективы применить его на практике.

Примерно через два года представилось странное обстоятельство, которое вновь заставило меня вернуться к старой мысли предпринять какую-нибудь попытку для моей свободы: мой покровитель лежал дома дольше, чем обычно, не сходя с корабля, который, как я слышал, был из-за отсутствия денег; он постоянно, один или два раза в неделю, а иногда и чаще, если погода была хороше́й, брал корабельный пинас и выходил на дорогу ловить рыбу; и так как он всегда брал меня и молодого Марескоса с собой, чтобы грести на лодке, мы очень веселили его, и я оказался очень ловким в ловле рыбы; до такой степени, что иногда он посылал меня с мавром, одним из его родственников, и юношей Мареско, как они его называли, чтобы поймать для него Блюдо из рыбы.

Случилось однажды, что идя на рыбалку я с ним тихим утром, поднялся такой густой туман, что, хотя мы не были в полулиге от мелководья, мы потеряли его из виду; и ребята, мы не знали, куда и как, мы трудились весь день и всю следующую ночь, а когда нас тупило утро, мы обнаружили, что отплыли к морю вместе того, чтобы причалить к берегу; и что мы были по крайней мере в двух лигах от Цара: однако мы снова выздоровели, хотя и с большим трудом и некоторой опасностью; ибо Ветер начал дуть довольно свежим утром; но особенно мы все были очень голодны.

Но наш Покровитель, предупрежденный этим бедствием, решил больше заботиться о себе на будущее; и, положив рядом с собой баркас нашего английского корабля, который мы захватили, он решил, что больше не будет ходить на рыбалку без компаса и кое-какой провизии; поэтому он приказал плотнику своего корабля, который также был рабом-англичанином, построить маленькую каюту или каюту в середине длинной лодки, как у баржи, с местом, чтобы стоять позади нее, чтобы управлять и тянуть. Главная Основной лист; и место впереди для руки или двух, чтобы стоять и работать с парусами; она плыла с тем, что мы называем плечом бараньего паруса; а стрела перекинулась через верх каюты, которая лежала очень тесно и низко, и в ней было место, где он мог лежать, с одним или двумя рабами и с толком, на котором он ел, с несколькими маленькими шкафчиками, которые можно было положить. несколько бутылок такоголикера, который он считал нужным пить; особенно его хлеб, рис и кофе.

Мы час отправлялись на этой лодке на рыбалку, и так как я ловил для него рыбу очень ловко, он никогда не уходил без меня. с двумя или тремя знатными маврами в том месте, для которых он чрезвычайно обещал; и поэтому отправил на борт «Лодки ночью» большой запас провизии, чем обычно; и приказал мне подготовить три взрывателя с порохом и дробью, которые находились на борту его корабля; для этого они разработали не только рыбалку, но и их отничий с порт.

Я приготовил все, как он велел, и ждал следующего утра с лодкой, вымытой до чистоты, с антиквариатом и подвесками, со всеми вещами, чтобы разместить его гостей; когда мало-помалу мой патрон поднялся на борт один и сказал мне, что его гости отложили отплытие по какому-то делу, которое вышло из колеи, и приказал мне с мужчиной и мальчиком, как обычно,

Лодку и поймать им немног о Рыбы, для э тог о ег о друзья должны были поужинать в ег о доме; и велел, как только я наловлю рыбы, принести ее домой, в ег о дом; все, что я г отов с делатъ.

В э тот момент мои прежние представления об Избавлении ворвалис ь в мои мысли, ибо теперь я обнаружил, что держу в с воем распоря жении небольшой корабль; и ког да мой г ос подин ушел, я приг отовилс я с набдить с ебя не рыбным промыс лом, а путешестви ем; х отя я не знал и даже не думал, куда мне править; ибо лю бой вых од из э тог о Мес та был моим Путем.

Моя первая уловка состоя ла в том, чтобы с делатъ вид, чтобы пог оворить с э тим мавром, чтобы получить что-то для нашег о сущес твования на борту; ибо я с казал ему, что мы не должны ос мелитс я ест ь х леб нашег о патрона, он с казал, что э то правда; поэ тому он принес в лодку большую корзину с х араей или бис кет и три кувшина с о свежей водой; Я знал, г де стоя ля щик с бутылками моего Патруна, который, с удя по марке, был взят из какой-то анг лийс кой премии; и я перенес их в лодку, ког да мавр был на берегу, как будто они были там раньше, для нашег о г ос подина: я также перенес в лодку большой кус ок пчелиног о вос ка, который вес ил более полус отни фунтов. , с узлом бечевки или нити, топором, пилой и молотком, все э то очень приг одилос ь нам в по с ледс твии; ос обенно вос к для изг отовления с вечей.

Я ис пробовал на нем еще одну уловку, в которую он тоже невинно попал; ег о звали Ис маэ ль, которог о они звали Мули или Мэ ли, так что я позвал ег о, Мэ ли с казал, что пушки нашег о патрона нах одя тс я на борту лодки, не мог ли бы вы получить немног о порох а и дроби, может быть, мы с можем убить некоторых Alcamies (Птиц а, как наш Curlieus) для нас с амих , потому что я знаю, что он держит канониры на корабле? Да, г оворит он, я принес у немног о, и поэ тому он принес большой кожаный кошель, вмещавший около полутора фунтов порох а или, вернее, больше; и еще один с выстрелом, в котором было п я ть или шест ь фунтов, с нес колькими пуля ми; и положил все в лодку. В то же время я нашел немног о порошка моего х озя ина в большой каюте, которым я наполнил одну из больших бутылок в я щике, который был почти пус т; перелив то, что было в нем, в друг ое и, таким образом, с набженные все мне обх одимым, мы выплыли из порта, чтобы ловить рыбу. Замок, который нах одитс я у вх ода в порт, знал, кто мы, и не обращал на нас внимания ; и мы не были выше мили от порта, ког да мы подня ли парус а и пус тили нас ловить рыбу. Ветер дул с

С.В. что противоречило моему Желанию; ибо, если бы он дул на юг, я был бы уверен, что достиг побережья Испании и, по крайней мере, достиг Кадисского залива; но мои Решения заключались в том, что, как бы там ни было, я уйду из этого ужасного Места, где я был, и представлю остальное Судьбе.

После того, как мы рыбачили некоторое время и ничего не поймали, потому что, когда у меня была рыба на крючке, я не вытягивал ее, чтобы он не мог ее увидеть; Я сказал мавру, что эстоне гадится, наш хозин не будет так обслужен, мы должны отойти подальше. Он, не думая о вреде, согласился и, нахватавшись во главе лодки, поднял парус; и поскольку у меня был Шлем, я отправил ее лодку примерно на лигу дальше, а затем привел ее тоже, как если бы я хотел ловить рыбу; отдавая Мальчику штурвал, я шагнул вперед туда, где был мавр, и, сделав вид, будто я нагнулся за чем-то позади него, я неожиданно схватил его, подставив руку под его поворот, и швырнул его за борт в море; он немедленно поднялся, потому что плавал, как пробка, и звал меня, умолял, чтобы его взяли, говорил мне, что пойдет с мной через весь мир; он так сильно плыл за овсом, что очень быстро догнал бы меня, потому что ветра было мало; после чего я вошел в каюту и взял одно из дробовиков, представил его ему и сказал, что не причинил ему никакого вреда, и если он будет вести себя тихо, я не причиню ему никакого вреда; но сказал я, ты достаточно хорошо плаваешь, чтобы добраться до берега, а море спокойно, пройди свой путь до берега, и я не причиню тебе вреда, но если ты приблизишься к лодке, я прострелю тебе насквозь голову; ибо я решил иметь с вою Свободу; поэтому он развернулся и поплыл к Мелководью, и я не сомневаюсь, что он достиг его с легкостью, потому что он был превосходным пловцом.

Я мог бы удовольствоваться тем, что взял с собой этого мавра и утопил Мальчика, но не решался довериться ему. Когда он ушел, я обратился к Мальчику, которого они называли Ксурий, и сказал ему: Ксурий, если ты будешь верен мне, я сделаю тебя великим человеком, но если ты не будешь гладить наш Лик, чтобы быть верным мне, то есть, поклявшись Магометом и Бородой Отца, Я должен бросить и тебя в море; мальчик улыбался мне в лицо и говорил так невинно, что я не мог ему доверять; и поклялся быть мне верным и идти с мной повсюду.

В то время как я был в поле зрения плывущей пустоши, я вышел прямо к морю с лодкой, довольно протянувшись к наветренной стороне, чтобы они могли подуть

Я направилс я к устью пролива (как, впрочем, должен был с делатъ лю бой, кто был в их уме), или кто бы мог подумать, что мы плыли на юг к истинному варварскому побережью, где целые нации негров обязательно окружают нас своими каноэ и уничтожат нас; где мы никогда не могли бы выйти на берег, если бы нас не сохранили дикие звери или более безжалостные дикари гуманного вида.

Но как только стемнело вечером, я изменил свой курс и направилс я прямо на юг и на восток, немного отклонив свой курс на восток, чтобы не отставать от мелководья; и прихорошем с вежем порыве ветра и гладком спокойном море я поднял такой парус, что, я думаю, nasledующий день в три часа пополудни, когда впервые достиг земли, я не мог быть менее чем в 150 милях к югу. Салли; совершенно за пределами Доминионов Императора Марокко или любого другого Короля поблизости, потому что мы не видели Людей.

И все же таков был мой страх перед маврами и ужасные опасения, что я попаду в их руки, что я не остановлюсь, не пойду на Цар и не встану на якорь; Ветер продолжал быть попутным, пока я не плыл таким образом пять дней. А затем ветер сменился на юг, и я также пришел к выводу, что если бы какое-либо из наших судов преследовало меня, то они также теперь сдalis бы; так что я отважился добраться до побережья и остановилс я на якорь в устье небольшой реки, я не знал, что и где; ни широты, ни страны, ни народа, ни реки: я не видел и не желал видеть ни одного народа, главное, чего я хотел, — это пресной воды: мы вошли в этот ручей вечером, решив плыть по берегу. как только стемнеет, и открыть Страну; но как только совсем стемнело, мы слышали такой ужасный лай, рев и вой диких существ, неизвестно каких, что бедный мальчик был готов умереть от страха и умолял меня не выходить на берег до дня; Хорошо, сказал Ксури, я не буду, но, может быть, днем мы увидим Людей, которые будут для нас такими же плохими, как эти Лионы; тогда я дам им пострелять. Ганговорит, с меня сь, Ксури, заставь их бежать; на таком английском Ксури говорил, разговаривая между нами, рабами; однако я был рад видеть мальчика таким веселым и дал ему рюмку (из ящика с бутылками нашего Патруна), чтобы подбодрить его: в конце концов, совет Ксури был хорош, и я воспользовалс я им, мы бросили наш маленький Якорь и лежал неподвижно всю ночь; Я говорю еще, потому что мы не спали н

видели огромных великих существ (мы не знали, как их назвать) самых разных видов, спускавшихся к морскому берегу и бросавшихся в воду, валяющихся и умывающихся ради удовольствия их ладиться; и они издавали такие отвратительные вопли и крики, что я никогда не слышал ничего подобного.

Ксури был ужасно напуган, да и я тоже; но мы оба испугались еще больше, когда услышали, как одно из этих могучих существ плывет к нашей лодке, мы не могли его видеть, но могли слышать его по его дуновению, чтобы быть чудовищным, огромным и разъяренным Зверем; Ксури сказал, что это Лион, и, возможно, так оно и есть, если бы я знал; но бедняга Ксури звал меня взвесить якорь и грести прочь; Нет, говорю я, Ксури, мы можем подплыть к нему наш канат с буем и уйти в море, они не могут далеко следовать за нами; Не успевая это сказать, как увидел Существо (чем бы оно ни было) в пределах длины двух весел, что меня кое-что удивило; однако тотчас же подошел к двери каюты и выстрелил в него, после чего он тут же развернулся и снова поплыл к Мелководью.

Но невозможно описать ужасные Цумы, отвратительные Крики и Вопли, которые поднимались как на Краю Мелководья, так и выше в Стране; на шумили выстрелы пушки, вещь, которую я имею некоторые основания полагать, что эти создания никогда не слышали раньше: это убедило меня, что нам не идти на Цор в ночь на том побережье, и как отважиться на это? Shoar in the Day был еще одним Вопросом; ибо попасть в руки любого из дикарей было так же плохо, как попасть в руки львов и тигров; по крайней мере, мы одинаково опасались опасности этого.

Как бы то ни было, мы были обязаны отправиться куда-нибудь на Цар за водой, потому что у нас не осталось ни пинты в лодке; Когда где добратся до нее, было Точкой: Ксури сказал, что если я отпущу его на Цар с одним из Ярров, он найдет, есть ли там вода, и принесет мне немного. Я спросил его, почему он пойдет? Почему бы мне не уйти, а ему остаться в Лодке? Мальчик ответил с такой любовью, что я полюбил его навеки.

Он говорит: «Если придут дикие люди, они меня съедят, иди ты». Что ж, Ксури, сказал я, мы оба пойдем, и если придут дикие люди, мы убьем их, они не съедят ни одного из нас; так что я дал Ксури кусок сухарей, чтобы поесть, и глоток из ящика с бутылками нашего патрона, о котором я упоминал ранее; и мы остановились

Лодка подошла как можно ближе к Шару, как мы с очли нужным, и поплыла по Шару вброд, не имея ничего, кроме нашего оружия и двух кувшинов для воды.

Я не хотел уходить из поля зрения лодки, опасаясь прихода каное с дикарями по реке; но Мальчик, увидев низину примерно в миле вверх по стране, побрел к ней; и мало-помалу я увидел, как он бежит ко мне, я подумал, что его преследует какой-то дикарь или испугал какой-то дикий зверь, и я бросился к нему, чтобы помочь ему, но когда приблизился к нему, я увидел что-то висевшее над его плечами было существо, которого он подстрелил, похоже на зайца, но другого цвета и с более длинными ногами, однако мы были к тому очень рады, и это было очень хорошее мясо; но великая радость, с которой пришел бедный Ксури, состояла в том, чтобы сказать мне, что он нашел хорошую воду и не видел диких людей.

Но впоследствии мы обнаружили, что нам не нужно принимать такие усилия за воду, потому что немного выше по реке, где мы были, мы нашли воду пресной, когда отлив, который текла лишь немного вверх; так что мы наполнили свои кувшины и пировали зайцем, которого мы убили, и приготовились продолжить наш Путь, не видя шагов какого-либо человеческого существования в этой части Страны.

Так как я уже однажды путешествовал к этому побережью, я очень хорошо знал, что Канарские острова, а также острова Зеленого мыса лежат недалеко от побережья. Но поскольку у меня не было инструментов, чтобы провести наблюдение, чтобы узнать, на какой широте мы находимся, и я точно не знал или, по крайней мере, не помнил, на какой широте они находились; Я не знал, где их искать, или когда держаться к морю навстречу им; иначе я мог бы сейчас легко найти некоторые из этих островов. Но я надеясь, что если я буду стоять вдоль этого побережья, пока не дойду до той части, где англичане вели торговлю, я найду несколько их судов по их обычному плану торговли, которые освободят нас и примут.

По моим подсчетам, то Место, где я сейчас находился, должно было Страна, лежащая между владениями императора Марокко и владениями негров, лежит пустынно и необитаемо, если не считать диких зверей; негры, покинув его, ушли дальше на юг, опасаясь мавры; а мавры не считают его достойным заселения из-за его Бесплодие; и действительно, оба оставили его из-за чудовищного Количества тигров, леопардов и других ядовитых существ, которые там укрываются; так что мавры используют его только для охоты, где они

идите, как армия, по две-три тысячи человек зараз; и действительно, на протяжении почти с отни миль вдоль этого побережья мы видели днем только пустынную необитаемую страну; и не слышал ничего, кроме воя и рева диких зверей по ночам.

Раз или два в дневное время мне показалось, что я видел пик Тенерифе, высокую вершину горы Тенерифе на Канарских островах; и имел большое желание riskнуть в надежде добраться туда; но, попробовав дважды, меня снова заставили встречные ветры, да и море поднялось с лишком высоко для моего маленького судна, поэтому я решил следовать своему первому замыслу и держаться вдоль берега.

Несколько раз мне приходилось приземляться за пресной водой после того, как мы покинули это место; и однажды, в частности, ранним утром, мы останавливались на якорь под небольшим мысом, который был довольно высоким, и когда начался прилив, мы останавливались, чтобы пройти дальше; Ксури, чьи глаза смотрели на него больше, чем, кажется, мои, мягко окликает меня и говорит, что нам лучше уйти дальше от берега; ибо, баюкает он, посмотрите, вон там, на склоне того холма, крепко сидит ужасное чудовище. Я посмотрел туда, куда он указывал, и действительно увидел ужасное чудовище, ибо это был ужасный великий Лион, лежавший на склоне Отмель. , под тенью части холма, которая как бы нависала над ним. Ксури, говоря, ты пойдешь на Цар и убьешь его; Ксури лук испугался и сказал: «Убей меня! он съел меня одним ртом; один рот он имел в виду; однако больше ничего не сказал Мальчику, но сказал, что он все еще лежит, и я взял наше самое большое ружье, которое было почти мушкетного калибра, зарядил его орошим зарядом пороха и двумя пулями, и положил его; затем зарядил другое ружье двумя пулями, а третье, поскольку у нас было три пули, я зарядил пятью меньшими пулями, я прицелился из первой пули как можно лучше, чтобы выстрелить ему в голову, но он так и лежал с его ногой поднявшись немножко выше его носа, так что слезни ударили его ногу о колено и сломали кость. Сначала он начал рычать, но, обнаружив, что его нога сломана, снова упал, а затем встал на три ноги и издал самый отвратительный рев, который я когда-либо слышал; Я был немножко удивлен, что не ударил его по голове; однако тотчас же схватил второй осколок, и хотя он снова начал отходить и выстрелил ему в голову, и имел удовольствие видеть, как он падает и издает лишь небольшой шум, но борется за жизнь, Затем Ксури взял Сердце и хотел, чтобы я отпустил его на Цар:

Ну, иди, сказал я, так что Мальчик прыгнул в воду и, взяв в немног о джина в одну руку, поплыл к берегу другой рукой, и, приблизившись к Сущест ву, приставил намордник куса к его уху и выстрелил ему в голову еще раз, что убило его.

Для нас это действительно была игра, но это не была пища, и мне было очень жаль потерять три заряда пороха и выстрелить в существо, которое ни на что нам не годилось. Однако Ксури сказал, что он получит часть его; поэтому он приходит на борт и просит меня дать ему топорик; для чего, Хуру, сказал я? Мне отрубить ему голову, сказал он. Однако Ксурий не мог отрубить ему Голову, но он отрезал Ног у и принес ее с собой, и это был чудовищный великан. один.

Однако я подумал о себе, что, возможно, его кожа так или иначе может иметь для нас некоторую ценность; и я решил снять с него Шкуру, если смогу. Так что Ксури и я пошли работать с ним; но Ксури был в этом гораздо лучшим работником, потому что я очень плохо знал, как это сделать. На самом деле это то, за что нас обоих целый день, но в конце концов мы сняли с него шкуру и расстелили ее на крыше нашей хижины, солнце эффективно высушило ее за два дня, и впоследствии она послужила мне для щелочи. на.

После этой остановки мы постоянно продвигались на юг в течение десяти или двенадцати дней, живя очень экономно на провизии, которая начала очень сильно сокращаться, и захватывая Отмель не чаще, чем мы были обещаны за пресной водой; Мой план состоял в том, чтобы пройти по реке Гамбия или Сеннегал, то есть где-нибудь в районе Кабо-де-Верд, где я надеялся встретиться с каким-нибудь европейским кораблем, а если бы я этого не сделал, то не знал бы, каким курсом я пришлось взять, но искать на островах, или погибнуть там среди негров. Я знал, что все корабли из Европы, которые плыли либо к побережью Гвинеи, либо в Бразилию, либо в Ост-Индию, прибывали к этому мысу или к тем островам; Короче говоря, я полагаю всю удачу на один единственный пункт: либо я должен встретиться с каким-нибудь кораблем, либо должен погибнуть.

Когда я преследовал это Решение еще около десяти дней, как я уже сказал, я начал видеть, что Земля была обитаема, и в двух или трех местах, когда мы плыли, мы видели, что люди стоят на берегу, чтобы посмотреть на нас, мы могли также понять, что они были совершенно черными и совершенно голыми. Однажды я хотел отправиться к ним на Швар; но Ксури был моим лучшим советником и сказал

я, не ходи, не ходи; однако я подошел ближе к Цфару, чтобы поговорить с ними, и обнаружил, что они бегут вдоль Цфараря домомной; Я заметил, что у них в руках не было никакого оружия, кроме одной, у которой была тонкая палка, которая, по словам Ксури, была копьем и могла метко метнуть их далеко вперед; поэтому я держался на расстоянии, но разговаривал с ними знаками так хорошо, как только мог, в частности, делал знаки, чтобы что-нибудь съесть, они мне, чтобы остановить мою лодку, и что они будут есть; после этого я опустил верхнюю часть своего паруса и отправил двух из них бежать в страну, а через меньше часа вернулся и принес с собой два куса сухого мяса и немного озера, такие как продукты их страны. , но мы не знали ни то, ни другое, когда мы были готовы принять это, но как прийти к следующему пору, потому что я не собирался рисковать на берегу, и они так же боялись нас; но они выбрали безопасный для всех нас путь, потому что доставили его к берегу и положили, а затем отошли и стояли далеко, пока мы не подняли его на борт, а затем снова приблизились к нам.

Мы сделали им знаки благодарности, потому что нам нечем было возместить им ущерб; но в то же самое мгновение представилась возможность оказать им чудесную услугу, ибо, пока мы лежали на берегу, пришли два мочуих существа, преследуя друг друга (как мы восприняли это) с великой яростью, с горю морю; Был ли это самец, преследующий самку, или они были в забаве или в ярости, мы не могли сказать, так же как мы не могли сказать, были ли это обычными или странными, но я полагаю, что это было поседнее; потому что, во-первых, эти прожорливые существа редко появляются, кроме как ночью; а во-вторых, мы обнаружили, что люди ужасно напуганы, особенно женщины. Человек, у которого было копье или дротик, не улетел от них, но остальные улетели; однако, когда два существа бросились прямо в воду, они, казалось, не собирались нападать на кого-либо из негров, а бросились в море и плавали, как будто пришли для их развлечения; наконец один из них начал приближаться к нашей лодке, чем я ожидал с начала, но я был готов к нему, потому что я зарядил свое ружье с своей возможной экспедицией, и плохой Ксури зарядил оба других; как только он оказался в пределах моей досягаемости, я выстрелил и выстрелил ему прямо в голову; тотчас же он погрузился в воду, но тут же поднялся и стал нырять вверх и вниз, как будто боролся за жизнь; и так оно и было на самом деле, он немедленно направился к Берегу, но между Раной, которая была его

с смертельная рана и удушье воды, он умер как раз перед тем, как достиг берега.

Невозможно выразить Удивление этих несчастных созданий Цумом и выстрелом из моего оружия; некоторые из них были даже готовы умереть от страха и пали мертвыми от страха о Ужаса. Но когда они увидели Существо мертвым и затонувшим в воде, и что я сделал им знаки, чтобы они подошли к берегу; они взяли Сердце и пришли к Берегу и начали искать Существо, я нашел его по его Крови, окрашивающей Воду, и с помощью Веревки, которую я накинул на него и дал неграм вытащить, они потащили его на Берегу, и обнаружил, что это был очень любопытный леопард, пятнистый и красивый до высшей степени, и негры подняли руки с восхищением, думая, чем я убил его.

Другое Существо, напуганное вспышкой Огня и Звукom Ружья, поплыло к Берегу и побежало прямо к Горам, откуда они пришли, и я не мог никак рассудить, что это было. Я быстро обнаружил, что негры едят Плоть этого Существа, поэтому я был готов сделать так, чтобы они взяли ее у меня в качестве Одолжения, за что, когда я сделал им знаки, что они могут взять его, они были очень благодарны за то, что сразу же упали. работать с ним, и хотя у них не было ножа, зато заточенным куском дерева они сняли с него кожу так же охотно, и гораздо охотнее, чем мы могли бы сделать с ножом; они предложили мне немного плоти, от которой я отказался, делая вид, что готов дать им, но сделали знаки для кожи, которые они дали мне очень свободно, и принесли мне гораздо больше своей еды, которая, хотя я не понял, но согласился; затем я сделал им знаки, требуя воды, и протянул им один из моих кувшинов, перевернув его дном вверх, чтобы показать, что он пуст и что я хочу, чтобы он был наполнен. Они немедленно позвали некоторых из своих друзей, и пришли две женщины и принесли большой сосуд, сделанный из земли и с ожженным, как я полагаю, на солнце; это они поставили для меня, как и прежде, и я послал Ксури на берег с моими кувшинами, и наполнил, чем все три: женщины были так же совершенно обнажены, как и мужчины.

Теперь я был снабжен Корнями и Зерном, в том виде, в котором они были, и Водой, и, оставив своих дружелюбных негров, я продвигался вперед еще около Дней, не предлагая приблизиться к инею, пока не увидел, что Земля уходит на большое расстояние.

в море, примерно в четырех или пяти тысячах передо мной, и море было очень спокойным, я держался на большом расстоянии, чтобы добраться до этой точки; удвоив мыс примерно в двух лигах от суши, я ясно увидел сушу на другой стороне к морю; затем я пришел к заключению, как это было совершенно достоверно, что это были Кабо-де-Верд и те острова, которые оттуда называются островами Кабо-Верд. Однако они были на большом расстоянии, и я не мог точно сказать, что мне лучше всего сделать, потому что, если бы я был схвачен Свежим Ветром, я мог бы не добраться ни до того, ни до другого.

В этой дилемме, так как я был очень задумчив, я шагнул в каюту и сел, а Ксури был у руля, как вдруг Мальчик закричал: Мастер, Мастер, Корабль с парусом, и глупый Мальчик был напуган до потери сознания, думая, что это должен быть какой-то из кораблей его озяина, посланный преследовать нас, когда я знал, что мы ушли достаточно далеко от их досягаемости. Я выпрыгнул из каюты и сразу же увидел не только корабль, но и то, чем он был, (а именно) что это был португальский корабль, и, как я думал, направлялся к побережью Гвиней для негров. Но когда заметил курс, который она держала, я вскоре убедился, что они направляются каким-то другим путем и не собирались приближаться к берегу; после чего я протянулся к морю, насколько мог, решив поговорить с ними, если это возможно.

Совсем парусом, который я мог сделать, я обнаружил, что не могу предложить им путь, но что они пройдут мимо, прежде чем я смогу подать им какой-либо сигнал; но после того, как я набился до предела и начал отчаиваться, они, кажется, увидели меня с помощью своих биноклей и что-то такая-то европейская лодка, которая, как они предполагали, должна принадлежать какому-то пропавшему кораблю, так что они укороченный Парус, чтобы подойти. Меня это воодушевило, и, поскольку у меня на борту был «Древний Патрун», я послал его им в качестве сигнала бедствия и выстрелил из пушки, и они увидели это, и другое, ибо они сказали мне, что видели Дым, хотя они не слышали пушки; поэтому сигналами они тоже очень любезно принесли и припасли для меня, и примерно через три часа я достиг их.

Они спрашивали меня, кто я такой, по-португальски, по-испански и по-французски, но я не понял ни одного из них; но, наконец, шотландский моряк, находившийся на борту, окликнул меня, и я ответил ему и сказал, что я англичанин, что я

убежал из рабства от мавров в Салли; затем они пригласили меня подняться на борт и очень любезно приняли меня и все мое добро.

Я испытал невыразимую радость, в которую кто-нибудь поверит, что таким образом был избавлен, как я считал, от такого жалкого и почти безнадежного положения, в котором я находился, и я тотчас же отдал все, что у меня было, капитану корабля в награду за мое избавление; но он великодушно сказал мне, что ничего не возьмет у меня, но что все, что у меня есть, будет передано мне в целости и сохранности, когда я приеду в Бразилию, ибо, говорит он, я спас твою жизнь, только на был бы рад счастись с ам, и может быть, когда-нибудь моим жребием окажется тоже самое состояние; кроме того, сказал он, когда я перенесу вас в Бразилию, такую великую силу из вашей собственной страны, если я возьму у вас то, что у вас есть, вы будете там голодать, и тогда только заберу ту жизнь, которую дал. Нет, нет, сеньор Инглез, говорит он, мистер англичанин, я отвезу вас туда из милосердия, и эти вещи помогут вам купить там пропитание и

Chapter IV

Он поселяется в Бразилии в качестве плантатора — совершает еще одно путешествие и терпит кораблекрушение.

А Милосерден в своем предложении, поэтому он был справедлив в исполнении до титра, потому что он приказал морякам, чтобы никто не предлагал прикасаться к чему-либо, что у меня было; затем он взял все в свое ответственное владение и вернул мне их точный перечень, чтобы я мог иметь их, даже столько, сколько мои три глиняных кувшина.

Что касается моей лодки, то она была очень хорошей, и что он увидел и сказал мне, что купит ее у меня для нужд корабля, и спросил меня, что я получу за нее? Я сказал ему, что он был так великодушен ко мне во всем, что я не могу предложить какую-либо цену залодку, а полностью предлагал ее ему, после чего он сказал мне, что даст мне вексель своей руки, чтобы заплатить мне 80 восьмерок за него в Бразилии, и когда он прибудет туда, если кто-нибудь предложит больше, он возместит его; он предложил мне еще 60 восьмерок за моего мальчика Ксури, которые я не хотел брать, не то чтобы я не хотел отдавать его капитану, но мне очень не хотелось продавать бедного мальчика Либерти, который помогал я так добросовестно добываю себе. Однако, когда я изложил ему свою причину, он признал, что это справедливо, и предложил мне Медиума, что он даст Мальчику обязательство освободить его через десять лет, если он обратится в христианство; после этого, когда Ксури сказал, что готов пойти с ним, я отдал его капитану.

Мы совершили очень удачное путешествие в Бразилию и прибыли в бухту Тодос-Лос-Сантос, или бухту Всех Святых, примерно через двадцать два дня после этого. И теперь я был еще раз избавлен от своего жалкого из всех условий жизни, и теперь я должен был подумать, что делать с собой дальше.

Я никогда не смогу вспомнить щедрое обращение, которое оказал мне капитан; он ничего не брал с меня за мой переход, дал мне двадцать дукатов за шкуру леопарда и шкуру льва, которая была у меня в лодке, и распоряжался, чтобы все, что у меня было на корабле, было доставлено мне точно в срок, и то, что я хотел продать, он купил, например, ящик с бутылками, два моих ружья и кусок пчелиного воска, потому что из остального я сделал свечи; Одним словом, я сделал около 220 штук воском из всего моего груза и с этим запасом отправился на Шарин в Бразилию.

Я пробыл здесь недолго, но меня порекомендовали в дом такого доброго, честного человека, как он сам, у которого был Ingenio, как они это называют; то есть плантация и сахарный завод. Я прожил с ним некоторое время и таким образом познакомился с Способом их посадки и производства Сахара; и видя, как хорошо живут плантаторы и как они внезапно разбогатели, я решил, что если бы я мог получить лицензию на поселение там, я бы обратился к плантаторам, решив тем временем найти какой-нибудь способ получить мои деньги, которые я оставил в Лондоне, перевели мне. С этой целью, получив что-то вроде письма о натурализации, я купил столько необработанной земли, сколько позволяли мои деньги, и оставил план моих плантаций и поселений, причем такой, который мог бы подойти для акции, которые я предложил себе получить из Англии.

У меня был сосед, португалец из Лиссабона, но родившийся от родителей-англичан, чье имя было Уэллс, и во многих таких же обстоятельствах, как и я. Я называю его своим Соседом, потому что его Плантация лежала рядом с моей, и мы очень общались. Мои акции были такими же низкими, как и его; и мы ссорились для еды, чем для чего-либо еще, в течение примерно двух лет. Однако мы стали увеличиваться, и наша Земля стала приходить в порядок; так что на третий год мы посадили немного табака и сделали каждому из нас большой участок земли, готовый для посадки тростника в следующем году; но мы оба нуждались в помощи, и теперь я обнаружил больше, чем раньше, я поступил неправильно, расставшись с моим мальчиком Ксури.

Но увы! для меня поступать неправильно, но никогда не поступал правильно, не было великим чудом: у меня не было другого средства, кроме как продолжать; Я занялся делом, совершенно далеким от моего гения и прямо противоречащим той жизни, которой я наслаждался, ради которой я оставил дом моего Отца и нарушил все его добрые советы; более того, я приближался к тому самому Среднему Положению, или высшей Степени Низкой Жизни, к которой прежде советовал мне мой Отец; и если бы я решил продолжать, я мог бы с таким же успехом остаться дома и никогда не утомлять себя в мире, как я это делал; и я часто говорил себе, что мог бы сделать это в Англии, среди моих друзей, так же хорошо, как если бы я отправился за 5000 миль, чтобы сделать это среди незнакомцев и опасных в пустыне, и на таком расстоянии, как никогда раньше. получить известие из любой части мира, которая имела наименьшее знание обо мне.

Таким образом, я смотрел на свое состояние с величайшим сожалением. У меня не было никого, с кем можно было бы поговорить, кроме как с Соседам; нет работы, которая должна быть сделана, кроме Труда моих рук; и я имел обыкновение говорить, что жил точно так же, как человек, покинувший какой-нибудь пустынный остров, на котором не было тела, но как это было справедливо, и как должны думать все люди, что, когда они сравнивают свои нынешние условия с другими, которые уже Небеса могут обменять их произвести обмен и убедиться в своем прежнем счастье на своем опыте: я говорю, как справедливо было, что истинно уединенная жизнь, о которой я размышлял на Острове чистого заустения, должна стать моим делом, который так несправедливо сравнил ее с жизнью, которую я тогда вел, которую я продолжал, по всей вероятности, был бы чрезвычайно преуспевающим и богатым.

Я в какой-то степени устоял в своих мерах для продолжения плантации, прежде чем мой добрый друг, капитан корабля, это оружие: я вышел в море, вернулся; поскольку корабль оставался там, обеспокоивая его погрузку и готовясь к путешествию, почти три месяца, когда он рассказал ему, какой небольшой запас я оставил после себя в Лондоне, он дал мне этот дружеский и искренний совет, как говорит сеньор Инглезе, для так он всегда звонил мне, если вы дадите мне письма, направьте мне здесь прокуратуру в форме с приказом лицу, у которого есть ваши деньги и в Лондоне, отправить ваши вещи в Лиссабон, тем лицам, которым я прикажу, и в таком Товарах, подходящих для этой страны, я привезу вам их продукцию, если будет угодно Богу, по возвращении; но поскольку все человеческие дела подвержены изменениям и бедствиям, я бы хотел, чтобы вы отдавали приказы, но за сто фунтов стерлингов, который, как вы говорите, составляет половину вашего запаса, и пусть опасность будет запущена в первую очередь; так что, если он придет в целости и сохранности, вы можете заказать все остальное таким же образом; и если это не удастся, вы можете иметь другую половину, чтобы прибегнуть к помощи для вашего снабжения.

Это был такой здравый совет и выгода дел он таким дружелюбным, что я не мог не увериться, что это был лучший курс, который я мог предпринять; поэтому я подготовил письма к знатной женщине, у которой я оставил свои деньги, и прокуратуру к португальскому капитану, как он того желал.

Я написал английской капитанской вдове полный отчет обо всех моих Приключениях, мое рабство, побег и как я познакомился с португальцами. Капитан в море, человечность его поведения и в каком состоянии я

был теперь в, с о в с е м и д р у г и м и н е о б х о д и м ы м и Н а п р а в л е н и я м и д л я м о е г о с н а б ж е н и я ; и к о г д а э т о т ч е с т н ы й к а п и т а н п р и б ы л в Л и с с а б о н , о н н а ш е л с р е д с т в а у н е к о т о р ы х а н г л и й с к и х к у п ц о в , ч т о б ы о т п р а в и т ь н е т о л ь к о о р д е н , н о и п о л н ы й о т ч е т о м о е й и с т о р и и o д н о м у к у п ц у в Л о н д о н е , к о т о р ы й э ф ф е к т и в н о п р е д с т а в и л e e e й ; п о с л e ч e г o o n a n e т о л ь к о д о с т а в и л а д e н ь г и , н о и и з с o б с т в e н н о г о к а р м а н а п р и с л а л а м н e п o р т у г а л ь с к о м у к а п и т а н у o ч e н ь к р а с и в ы й п o д а р о к з a e г o ч e л o в e ч н о с т ь и м и л o c e p д и e .

Л о н д о н с к и й к у п e ц , к у п и в ш и й э т и с т о ф у н т о в a н г л и й с к и х т o в а р о в , т a к и х , к a к p a c п и с a л к a п и т a н , o т п р a в и л и x п р я м o к н e м у в Л и с с a б o н , и o n д o c т a в и л и x м н e в ц e л o c т и и c o x p a н н o c т и в Б p a з и л и ю , c p e д и к o т o р ы х б e з м o e г o y k a з a н и я (и б o я n a x o д и л c я c л и ш к o м м o л o d в c в o e м б и з н e c e , ч т o б ы д y м a т ь o н и x) , o n п o з a б o т и л c я o т o м , ч т o б ы и м e т ь в c e в и д ы и н c т р y м e н т o в , и з д e л и й и з ж e л e з a и п o c y д ы , n e o б x o д и м ы x д л я м o e й п л a н т a ц и и и k o т o р ы e б ы л и d л я м e н я o ч e н ь п o л e з н ы .

К o г д а э т o т г p y з п р и б ы л , я д y м a л , ч т o м o я y д a ч a o б e c п e ч e н a , п o т o м y ч т o я б ы л y д и в л e н e г o p a d o c т ь ю ; и м o й д o б p ы й c т ю a p d - k a п и т a н в ы л o ж и л п я т ь ф у н т o в , к o т o р ы e m o й д p y г п р и c л a л e м y в п o d a p o k d л я c e б я , ч т o б ы к y п и т ь и п p и в e c т и k o м н e c л y г y n a ш e c т и л e т н ю ю c л y ж б y , и n e п p и н и м a л н и k a k o г o в o з н a г p a ж д e н и я , к p o м e н e м н o г o т a б a к a , k o т o р ы й я x o т e л б ы , ч т o б ы o n п p и н я л , б y д y ч и m o i м c o б c т в e н н ы м п p o и з в o d c т в o м .

И э т o e щ e н e в c e ; н o п o c k o л ь к y m o i t o в a p ы б ы л и в c e a н г л и й c к и м и м a н y ф a к т y p a м и , т a к и м и k a k o d e ж д a , м a т e p и я , г н e д ы e и в e ш и , o c o б e н н o ц e н н ы e и ж e л a н н ы e в c т p a н e , я n a ш e л c п o c o б п p o d a т ь и x c o ч e н ь б o л ь ш o й в ы г o d o й ; т a k ч т o я m o г б ы c k a з a т ь , ч т o я и м e л б o л e e ч e м в ч e т ы p e p a з a c т o и м o c т ь m o e г o п e p в o г o г p y з a , и т e п e p ь б ы л б e c k o н e ч н o в ы ш e m o e г o б e d н o г o c o c e d a , я и м e ю в в и д y п p o d в и ж e н и e m o e й п л a n t a ц и и ; п e p в o e , ч т o я c д e л a л , я к y п и л c e б e n e г p a - p a б a , a т a k ж e e y p o п e й c k o г o c л y г y ; Я и м e ю в в и д y д p y г o e , п o м и м o т o г o , ч т o k a п и т a n п p и в e з m e н e и з Л и c c a б o n a .

Н o т a k ж e , k a k з л o y п o т p e б л e н и e П p o ц в e т a н и e м ч a c т o д e л a e т c я c a m и м C p e d c т в o м n a ш и x в e л и ч a й ш и x Б e d c т в и й , т a k б ы л o и c o м н o й . В c л e д y ю щ e м г o д y я д o б и л c я б o л ь ш и x y c п e x o в n a c в o e й п л a n t a ц и и : я c o б p a л п я т ь д e c я т б o л ь ш и x p y л o н o в т a б a k a n a c в o e й з e м л e , б o л ь ш e , ч e м я и з б a в и л c я o t п p e d м e т o в п e p в o й n e o б x o d и м o c т и c p e d и m o i x c o c e d e й ; и э т и п я т ь д e c я т в a л k o в в e c o m б o л e e 100 В т k a ж д ы й . б ы л и x o p o ш o в ы л e ч e н ы и з a л o ж e н ы п p o т и в в o з в p a щ e н и я ф л o т a и з Л и c c a б o n a : и т e п e p ь , y в e л и ч и в ш и c ь в д e л a x и б o г a т c т в e , m o я г o л o в a n a ч a л a б ы т ь п o л н a

и Предприятия вне моей досягаемости; такие, которые действительно частоявляются гibelю лучших руководителей в бизнесе.

Если бы я продолжал оставаться на той Станции, на которой находился сейчас, у меня было бы место для всех счастливых вещей, которые еще выпали на мою долю, ради которых мой Отец так искренне рекомендовал спокойную уединенную жизнь и о которой он так разумно описал среднюю Станцию. Жизни, чтобы быть полным; но другие вещи сопровождали меня, и я все еще должен был быть преднамеренным виновником всех моих собственных несчастий; и особенно увеличить свою Вину и удвоить Размышления о себе, которые в моих будущих Печалях у меня будет свободное время; все эти выкидыши были вызваны тем, что очевидно упрямо придерживался своей глупой склонности странствовать по миру и следовать этой склонности, в противоречии с самими ясными взглядами на то, чтобы делать себе добро в честном и просит стремлении к тем перспективам и тем мерам жизни, которые природа и Провидение согласилось представить меня и исполнить мой долг.

Как я когда-то делал это, порвав с родителями, так и теперь я не мог быть доволен, но я должен был уйти и оставить счастливый вид, который у меня был, быть богатым и преуспевающим человеком на моей новой плантации, только для того, чтобы следовать опрометчивому плану. и неумеренное Желание подняться быстрее, чем допускала Природа Вещи; и, таким образом, я снова погрузился в самую глубокую пропасть человеческого страдания, в которую когда-либо впадал человек, или, возможно, это могло бы соответствовать жизни и состоянию здоровья в мире.

Чтобы перейти затем по справедливой степени, к особенностям этой части моей истории; вы можете предположить, что он прожил почти четыре года в Бразилии и начал очень хорошо процветать и процветать на моей плантации; Я не только выучил язык, но и завязал знакомство и дружбу с моими товарищами-плантаторами, а также с купцами в Сент-Сальвадоре, который был нашим портом; и что в своих беседах с ними я часто рассказывал им о своих двух путешествиях к побережью Гвинеи, о пособах торговли с неграми там и о том, как легко было купить на побережье такие мелочи, как бусы, Игрушки, ножи, ножницы, топоры, кусочки стекла и тому подобное; не только Золотая пыль, гвинейские зерна, слоновьи зубы и т. д. но негры на службе Бразилии, в большом количестве.

Они всегда очень внимательно слухали мои рассуждения об этих головах, но особенно ту часть, которая касалась покупки негров, которая в то время была торговлей не только не с лишком развитой, но, насколько то было, велась Ассиенто, или Разрешение королей Испании и Португалии, и были поглощены общественностью, так что было приведено мало негров, а те чрезмерно дороги.

Случилось так, что, находясь в компании с некоторыми торговцами и плантаторами, с которыми я был знаком, и очень серьезно беседуя об этом, трое из них пришли ко мне на следующее утро и сказали мне, что они очень много размышляли над тем, что я говорил с ними. Их, в последнюю ночь, и они пришли, чтобы сделать мне тайное предложение; и, повелев мне соблюдать секретность, они сказали мне, что собираются снарядить корабль для плавания в Гвинею, что у них есть все плантации, как и у меня, и что им не хватает ничего, кроме слуг; что, поскольку это была торговля, которую нельзя было вести, потому что они не могли публично продавать негров, когда они возвращались домой, поэтому они хотели совершить только одно путешествие, чтобы доставить негров на берег частным образом и разделить их между их собственными плантациями; Одним словом, вопрос заключался в том, поеду ли я их с перегрузом на корабле, чтобы управлять торговой частью на побережье Гвинеи? И они предложили мне, чтобы я получил свою равную долю негров, не предоставляя никакой части акций.

Надо признать, это было справедливое предложение, если бы оно было сделано тому, у кого не было собственных поселений и плантаций, за которыми нужно было ухаживать, и которые вполне могли стать очень значительными и с хорошим доходом. Запас на него. Но для меня, который таким образом вступил и утвердился, и мне ничего не оставалось делать, как продолжать, как я начал, еще три или четыре года и прислать из Англии другую сотню фунтов, и к тому времени и с этим маленькое дополнение едва ли могло стоить три или четыре тысячи фунтов стерлингов, и эта сумма тоже увеличилась; для меня мысль о таком путешествии была с моей нелепой вещью, в которой человек мог быть виновен в таких обстоятельствах.

Ноя, рожденный быть Разрушителем самого себя, не мог больше сопротивляться Предложению, чем я мог сдерживать свои первые бессвязные Замыслы, когда добрый Совет моего Отца был потерян для меня. Одним словом, я сказал им, что поеду от всего сердца, если они возьмутся присматривать за моей плантацией в моем

Отсутствие, и распоряжался бы им тем, кому я прикажу, если бы у меня случился выкидыш. Все они обещали сделать и для этого заключили Писания или Заветы; и я составил официальное завещание, распоряжаясь с моей плантацией и имуществом в случае моей смерти, назначая капитана корабля, который, как и прежде, спас мне жизнь, моим всеобщим наследником, но обещывая ему распоряжаться моим имуществом, как я в моем завещании было указано, что одна половина продукции предназначена для негосамого, а другая должна быть отправлена в Англию.

Короче говоря, я принял все возможные меры предосторожности, чтобы сохранить свои плоды и сохранить свою плантацию; если бы я употребил хотя бы наполовину меньше благоразумия, чтобы взглянуть в свои собственные интересы и вынести решение о том, что мне следовало бы сделать, а чего не делать, вероятные взгляды на благоприятные обстоятельства и путешествие в море, сопровождаемое всеми его обычными опасностями; не говоря уже о причинах, по которым я должен был ожидать обычных несчастий для себя.

Ноя торопился и слепо повиновался диктатам моей фантазии, а не разума; и, соответственно, корабль был снаряжен, груз доставлен, и все вещи были сделаны в соответствии с соглашением между моими партнерами по путешествию, я поднялся на борт в недобрый час [первого] [сентября] [1659 г.], это тот самый день, восьмой год, когда я ушел от отца и матери в Халле, чтобы действовать как мятежник для их власти и дурак для своих собственных интересов.

Наш корабль был около 120 тонн буртенов, нес 6 орудий и 14 человек, кроме капитана, его мальчика и меня; у нас на борту не было большого груза товаров, заключением таких игрушек, которые подходили для нашей торговли с неграми, таких как бусы, осколки стекла, ракушки и разные безделушки, особенно маленькие зеркала, ножи, ножницы, топоры, и тому подобное.

В тот же день, когда я поднялся на борт, мы отправились в плавание, стоя на севере у нашего собственного побережья, с намерением протянуть курс к африканскому побережью, когда они подошли к 10 или 12 градусам северной широты, что, по-видимому, было обычным делом их курс в те дни. У нас была очень хорошая погода, только слишком жарко, на всем пути вдоль нашего собственного побережья, пока мы не достигли мыса Сент-Августино, откуда держась дальше в море, мы потеряли из виду землю и рулили так, как если бы мы граница для

остров Фернан-де-Оронья, держащий наш курс на северо-восток к северу и составляющий эти острова на востоке; на этом курсе мы прошли линию примерно через 12 дней и, по нашему последнему наблюдению, прошли через 7 градусов 22 минуты северной широты, когда сильный турнад или ураган совершенно выбил нас из нашего понимания: он начался с юго-востока, прошел на северо-запад и затем перешел на северо-восток, откуда дул такой ужасный таким образом, что в течение двенадцати дней вместе мы могли только мчаться и мчаться перед ним, пусть он несет нас, куда бы ни направляли Судьба и Ярость Ветров; и в течение этих двенадцати дней я не говорил, что ожидал, что каждый день будет погощен, да и никто на корабле не надеялся спасти свою жизнь.

Во время этого бедствия у нас, помимо Ужаса бури, был один из наших людей, убитый калантурой, а еще один мужчина и мальчик были с мыты за борт; около 12-го дня Погода немногорутила, Капитанс делал наблюдение, насколько мог, и обнаружил, что он находится примерно на 11 градусах северной широты, но что он находится на 22 градусах разницы долготы к западу от мыса Сент-Августино; так что он обнаружил, что находится на побережье Гвинеи или в северной части Бразилии, за рекой Амазон, к реке Ороноке, обычно называемой Великой рекой, и начал советовать сомной, какой курс ему следует предпринять, потому что Корабль дырявый и очень поврежденный, и он направлялся прямо к побережью Бразилии.

Я был категорически против этого, и, изучив вместе с ним карты морского побережья Америки, мы пришли к выводу, что это необитаемая страна, к которой мы могли бы прибегнуть, пока не вошли в Круг Карибских островов, и поэтому решили отойти в сторону Барбадоса, который, держась в море, чтобы избежать течения залива или Мексиканского залива, мы легко выполняем ночью, как мы надеялись, примерно за пятнадцать дней плавания; тогда как мы не могли бы совершить наше путешествие к побережью Африки без некоторой помощи, как наше корабль, так и самих себя.

Следуя этому замыслу, мы изменили наш курс и повернули с северо-запада на запад, чтобы добраться до некоторых из наших английских островов, где я надеялся на облегчение; но наше путешествие было определено иначе, поскольку оно находилось на широте градуса 18 мин. на нас обрушилась вторая буря, которая с той же стремительностью понесла нас на запад и сбивала нас с амого Пути всех гуманных

Торговля, если бы все наши жизни были спасены, что касается моря, то мы были бы скорее в опасности быть съеденными дикарями, чем когда-либо вернуться в нашу собственную страну. Во время этого обеда, когда ветер все еще дул очень сильно, один из наших людей рано утром закричал: «Земля! и не успели мы выбежать из каюты, чтобы выглянуть в надежде увидеть, где в мире мы находимся; но Корабль ударился о песок, и через мгновение его движение нас только останавливало, что море разлилось над ним таким образом, что мы ожидали, что все мы немедленно погибнем, и мы тотчас же оказались на краю пропасти. Кварталы, чтобы укрыть нас с амой Пены и S prуге Моря .

Тому, кто не был в подобном состоянии, нелегко описать или вообразить ужас людей в таких обстоятельствах; мы ничего не знали, где мы были, или по какой земле мы были движимы, будь то остров или Майн, населенный или необитаемый; и так как Ярость Ветра была все еще велика, хотя и несколько меньше, чем вначале, мы не могли даже надеяться, что Корабль продержится много Минут, не разбиваясь на куски, если только Ветры каким-то Чудом не развернутся немедленно. Одним словом, мы сидели, глядя друг на друга и ожидая Смерти каждое Момент, и каждый Человек действовал соответственно, как готовясь к другому Миру, потому что нам было мало или нечего сделать в этом; то, что было нашим нынешним утешением и единственным утешением, которое мы имели, было то, что, вопреки нашим ожиданиям, корабль еще не ломался и что капитан сказал, что ветер начал стихать.

Теперь, хотя мы думали, что Ветер немногочутих, тем не менее, что Корабль, таким образом, ударился о песок и держался с лишком быстро, чтобы мы могли ожидать, что он сойдет, мы действительно были в ужасном положении, и нам ничего не оставалось делать, как подумайте о спасении наших жизней, насколько это возможно; у нас была лодка на корме прямо перед бурей, но с начала ее проткнуло, ударив о руль корабля, а в следующем месте она оторвалась и либо затонула, либо была унесена в море, так что не было никакой надежды. от нее; у нас была еще одна лодка на борту, но как спустить ее в море, было сомнительно; однако спорить было не о чем, потому что мы думали, что Корабль будет разламываться на куски каждую минуту, а некоторые говорили нам, что он уже действительно

В этом бедствии помощник нашего корабля схватил лодку, и с помощью остальных людей они сбросили ее за борт корабля,

и все ело погружившись в нее, отпустили и посвятили себя, числом одиннадцать, Веселью Божию и дикому Морю; ибо, хотя буря значительно утихла, море все же поднялось ужасно высоко над берегом, и вполне можно было бы назвать Ден милд Зее, как голландцы называют море во время бури.

И теперь наш случай был действительно очень мрачным; ибо все мы ясно видели, что Море поднялось так высоко, что Лодка не могла жить, и что мы неизбежно утонем. Что касается выпекания паруса, то у нас его не было, а если бы и был, мы бы ничего с ним не сделали; так что мы работали Веслом по направлению к Земле, хотя и с тяжлым сердцем, как люди, идущие на казнь; ибо все мы знали, что когда Лодка приблизится к Берегу, она разобьется на тысячу Осколков о Разлом Моря. Тем не менее, мы с самым искренним образом верили наши Души Богу, и Ветер, влекущий нас к Берегу, с собственными Руками ускорил нашу Гибель, так, как могли, к Земле.

Мы не знали, что это за берег, скала или песок, крутой или мелкий; единственная надежда, которая могла дать нам хоть малейшую тень ожидания, заключалась в том, что если бы мы могли оказаться в какой-нибудь бухте или заливе, или в устье какой-нибудь реки, где по великому стечению обстоятельств мы могли бы напороться на нашу лодку или попасть под Ли Земли и, возможно, сделать гладкую Воду. Но ничего из этого не появилось; но по мере того, как мы подходили все ближе и ближе к Берегу, Земля выглядела более устрашающей, чем Море.

После того, как мы проплыли или, вернее, проехали около полутора лиг, как мы считали, бушующая волна, похожая на гору, нахлынула на корму от нас, и мы явно не ожидали Coup de Grace. Одним словом, это привело нас в такую ярь, что тотчас же опрокинуло лодку; и, отделив нас как от Лодки, так и друг от друга, мы не успели почти сказать: О Боже! ибо мы все были поглощены в Мгновение.

Ничто не может описать путанность мыслей, которую я испытал, когда погрузился в воду; ибо, хотя я очень хорошо плавал, все же я не мог освободиться от Волн, чтобы черпать Дыхание, пока эта Волна не погнала меня или, вернее, не понесла меня через огромный Путь к Берегу и, израсходовав себя, не поплыла назад и оставил меня на Земле почти сухим, но полумертвым от Воды, которую я принял. У меня было так много Присутствия Разума, как и Дыхания, что, увидев себя ближе к основной Земле, чем я ожидал, я оказался на мой

футов, и попытался двинуться к Земле так быстро, как только мог, прежде чем другая Волна вернется и снова подхватит меня. Но вскоре я обнаружил, что избежать этого невозможно; ибо я видел, как море преследовало меня, такое же высокое, как большой холм, и такое же ястребиное, как враг, с которым у меня не было ни средств, ни силы, чтобы бороться с ним; моя задача заключалась в том, чтобы задержать дыхание и подняться на воду, если бы я мог; и таким образом, плавая, чтобы сохранить мое дыхание, и, если возможно, направить себя к берегу; Моя самая большая забота сейчас состоит в том, чтобы Море, поскольку оно должно было нести меня большим Путем к Берегу, когда оно наступит, не могло снова нести меня с собой, когда оно отступит к Морю.

Волна, которая снова накатилась на меня, сразу погрузила меня на 20 или 30 футов в свое собственное Тело; и я мог чувствовать, как меня несет с могучей Силой и Быстротой к Берегу очень великий Путь; но я задержал дыхание и из всех сил старался плыть вперед. Я был готов взорваться, зажав дыхание, когда почувствовав, как я поднимаюсь, к моему немедленному Облегчению, я обнаружил, что моя Голова и Руки взлетают над Поверхностью Воды; и хотя не прошло и двух Секунд Времени, как я мог держать себя в таком состоянии, тем не менее это принесло мне большое облегчение, дало мне дыхание и новое мужество. Я снова был покрыт водой некоторое время, но не так долго, но я продержался; и обнаружив, что Вода иссякла и начала возвращаться, я устремился вперед против Возвращения Волн и снова оступил Землю с воими Ногами. Я остановился на несколько Мгновений, чтобы восстановить дыхание, и пока Вода не ушла от меня, а затем бросился наутек и побежал со всей силой, которая у меня была, дальше к Берегу. Но и этакое избавило меня от Ярости Моря, которая снова хлынула за мной, и еще дважды меня поднимали Волны и несли вперед, как прежде, так как Берег был очень ровным.

Последний Раз этих двоих едва не стал для меня роковым; море торопило меня, как прежде, высило меня, вернее, швырнуло в Кусок Скалы, и этакое Силой, что сделало меня бесчувственным и даже беспомощным, как мое собственное Освобождение; ибо Удар, приняв мою сторону и восток, выбил Дыхание, так сказать, из моего Тела; и оно тотчас же вернулось снова, должно быть, меня задушили в Воде; но я оправился незадолго до поворота Волн, видя, что меня снова накрывает Вода, я решил крепко держаться за Кусок Скалы и так

задержите дыхание, если возможно, пока Волна не вернется ; Теперь, когда Волны были уже не такими высокими, как вначале, поскольку они были ближе к Земле, я удерживал с вою Трюм, пока Волна не утихла, а затем совершил еще один Бег , который привел меня так близко к Берегу, что следуя Волна, хотя и пошла надомной, но не настолько поглотил меня , чтобы унести прочь, и следующим бегом я добрался до главной земли, где, к моему великому утешению, взобрался на Прибрежные скалы и сел меня на Траву, вдали от Опасности и вне Досаждаемости Воды.

Теперь я высиделся и был в безопасности на берегу, и начал смотреть вверх и благодарить Бога за то, что моя жизнь была спасена в случае, когда оставалось несколько минут до того, как почти не осталось места для надежды. Я считаю, что невозможно выразить Жизни, что такое Экстазы и Перемещения Души, когда она, так сказать, спасена из самой могилы; и теперь я не удивляюсь этому обычаю, vis. Что, когда Злоумышленник, у которого наше уздечка, связан и вот-вот должен быть отключен, и ему приносят отсрочку: я говорю, я не удивляюсь, что они приводят с ней Хирурга, чтобы дать ему Кровь в тот самый момент, когда ему об этом скажут, чтобы Неожиданность не изгнала Духов Животных из Сердца и не захлестнула его:

Неожиданные радости, как и печали, поначалу сбивают толку.

Я ходил по берегу, везде руки, и все мое существо, так сказать, погрузилось в созерцание моего избавления, совершая тысячи жестов и движений, которых я не могу описать, размышляя обо всех моих товарищах, которые были утоплены, и что не должно быть спасено ни одной Души, кроме меня самого; ибо, что касается их, я никогда не видел их впоследствии или каких-либо признаков их, кроме трех их шляп, одной кепки и двух башмаков, которые не были товарищами.

Я взглянул на севший на мель Судно, когда Разлом и Морская Пена были так велики, что едва мог видеть его, он лежал так далеко, и задумался: Господи! как я мог попасть на Щор?

После того, как я утешил своей разумной частью своего Состояние, я начал оглядываться вокруг себя, чтобы увидеть, в каком Месте я нахожусь и что мне дальше делать, и вскоре я обнаружил, что мои утешения уменьшились, и что, одним словом, я получил ужасное Освобождение: ибо я был мокрым, у меня не было ни одежды, чтобы переодеться, ни еды и питья, чтобы утешить меня, ни

Я вижу перед собой любую перспективу, кроме перспективы погибнуть от голода или быть съеденным дикими зверями; и что особенно горчало меня, так это то, что у меня не было Оружия ни для того, чтобы отбиться и убивать любое Существо ради своего пропитания, ни для защиты себя от любого другого Существа, которое могло бы пожелать убить меня ради своего. Одним словом, я не имел при себе ничего, кроме ножа, трубки для табака и немного табака в ящике, это было все мое обеспечение, и это повергло меня в ужасные душевные муки, что некоторое время я бегал, как сумасшедший; На меня надвигалась ночь, и я с тяжёлым сердцем начал размышлять о том, какой был бы мой удел, если бы в этой стране были хищные звери, видя, что по ночам они всегда выедают засвоёй добычей.

Все средство, предложенное моим мыслям в то время, состояло в том, чтобы взобраться на толстое кустистое дерево, похожее на фирр, но колючее, которое росло рядом с оной, и где я решил просидеть всю ночь, и рассмотреть На следующий день какой Смертью я должен умереть, ибо пока я не видел Перспективы Жизни; Я прошёл около фарлонга от берега, чтобы посмотреть, смогу ли я найти пресную воду для питья, что я и сделал, к моей великой радости; и, выпив и положив в рот немного табака, чтобы утолить голод, я подошёл к дереву и, взобравшись на него, постарался расположиться так, чтобы, если бы я заснул, я бы не упал; и, отрубив себе для защиты короткую палку, похожую на дубинку, я занялся своим жилищем и, будучи чрезмерно утомлённым, крепко заснул и спал так хорошо, как, я полагаю, немногие могли бы это сделать в моей жизни. Состояние, и я обнаружил, что стоило освежить его, что, я думаю, я когда-либо был в таком случае.

Chapter V

Робинзон оказывается на пустынном острове и добывает запас предметов с места крушения - он строит свое жилище.

В тот я Был широкий день, погода была тихая, и буря утихла, так что море уже не бушевало и не вздыбилось, как раньше. Но больше всего меня удивило то, что корабль ночью поднялся с песка, она лежала под напором прилива и была отнесена почти до Скалы, о которой я впервые упомянул, где я был так сильно ушиблен, ударившись о нее; это было примерно в миле от берега, где я нахожусь, и судно, казалось, стояло на месте, я пожелал оказаться на борту, чтобы, по крайней мере, я мог сохранить некоторые необходимые вещи для моего

использовать.

Когда я спустился из своего жилища на дерево, я снова огляделся и первым, что я нашел, была лодка, которая лежала так, как ветер и море выбросили ее на сушу, примерно в двух милях от земли. на моей правой руке. Я прошел так далеко, как только мог, по берегу, чтобы добраться до нее, но нашел перешейк или залив воды между мной и лодкой шириной около полумили, так что я вернулся на данный момент, будучи более намереваясь добраться до корабля, где я надеялся найти что-нибудь для моего нынешнего существования.

Вскоре после полудня я обнаружил, что море очень спокойно, а прилив так сильно отступил, что я мог приблизиться к кораблю на четверть мили; и здесь я нашел новое возобновление моей скорби, ибо я снова видел, что если бы мы оказались на борту, мы все были бы в безопасности, то есть мы все были бы в безопасности на берегу, и я не был бы так несчастен. как оказаться полностью лишенным все. Комфорт и компания, как я теперь; это снова заставляло слезы бежать из моих глаз, но так как в этом не было большого облегчения, я решил, если возможно, добраться до корабля, поэтому я стянул с себя одежду, потому что погода была невыносимо жаркой, и взял воду, но когда подошел к кораблю, мне было еще труднее узнать, как взобраться на борт, потому что, поскольку он лежал на земле и высоко над водой, в пределах моей досягаемости не было ничего, за что можно было бы ухватиться. ; Я дважды проплыл вокруг нее, и во второй раз я заметил маленький кусок веревки, который, как я удивился, не заметил сначала, свешивался с передних цепей та

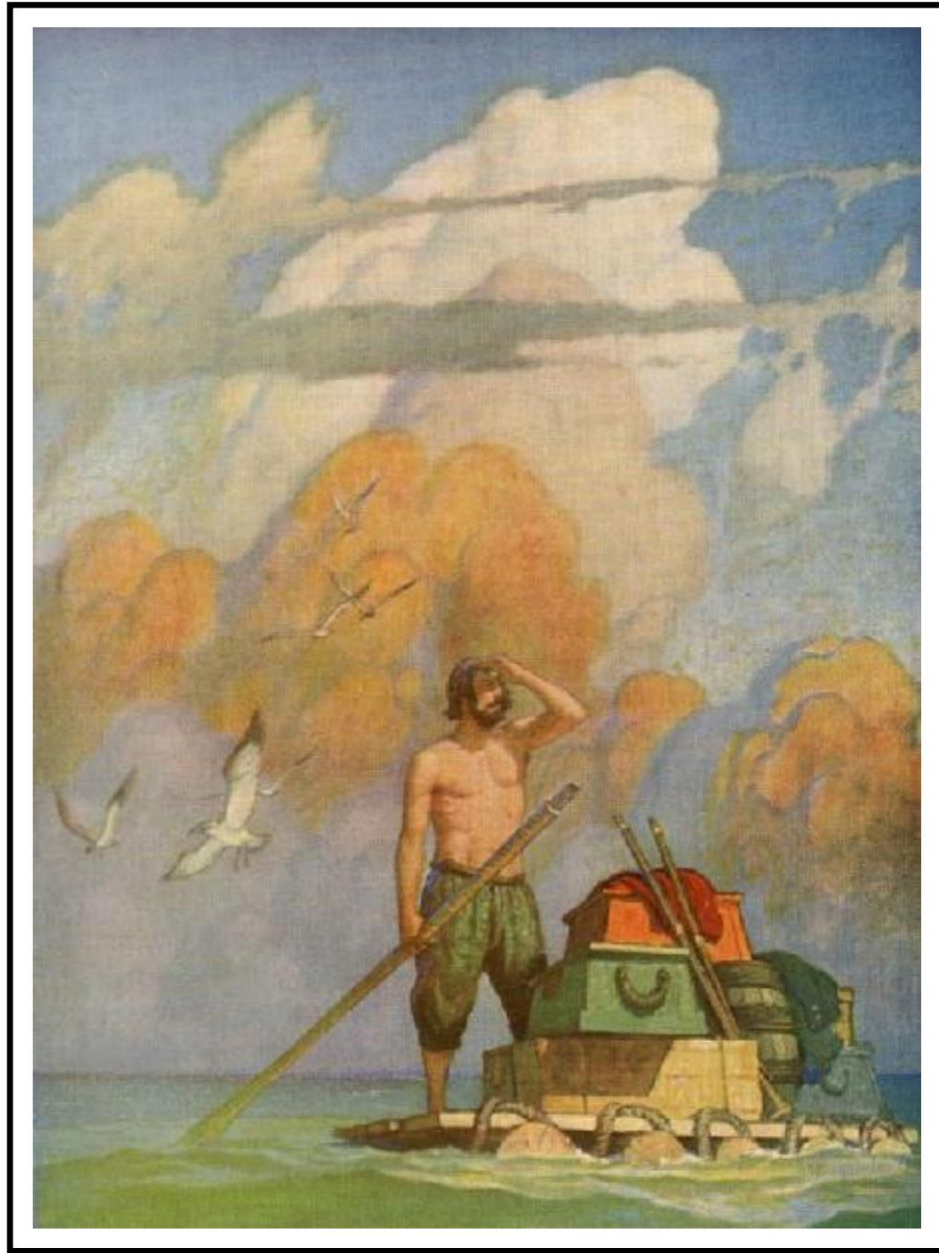
низко, как будто с большим трудом я ухватился за него и с помощью этой веревки влез в носовую часть корабля; здесь я обнаружил, что Корабль был вздут, и в его трюме было много воды, но что он лежал так на борту отмели из твердого песка или, скорее, земли, что его корма была поднята над берегом, и ее Голова опущена почти к Воде; благодаря этому вся ее четверть была свободна, и все, что было в этой части, было сухим; ибо вы можете быть уверены, что моей первой работой было искать и видеть, что было испорчено и что было бесплатно; и с начала я обнаружил, что все корабельные припасы были сухими и нетронутыми водой, и, будучи очень расположенным к еде, я пошел в каютную комнату, набил свои карманы бискетом и съел его, как мне хотелось. занялся другими делами, потому что я не мог терять время; Я также нашел немного рома в большой каюте, из которой я выпил большую драхму, и который мне действительно было достаточно точно, чтобы воодушевиться тем, что предстояло мне. Я предвидел, что это будет очень нужно мне.

Напрасно было сидеть на месте и желать того, чего не было, и эта крайность пробудила во мне Усердие; у нас было несколько запасных верфей, два или три больших деревянных рангов и запасная стеньга или две на корабле; Я решил взяться за них и бросил за борт столько из них, сколько мог выдержать из-за их веса, связав каждого веревкой, чтобы они не улетели; когда это было сделано, я спустился с борта корабля и, подтянув их к себе, связал четыре из них вместе с обоих концов, насколько мог, в форме плота и положил два или три коротких куса. Остановившись на них крест-накрест, я обнаружил, что могу очень хорошо ходить по нему, но он не способен выдержать большой вес, так как куски были слишком легкими; Итак, я принялся за работу и с помощью столярной пилы разрезал запасную стеньгу на три части и пристроил их к моему плоту, затратив много труда и усилий, но надеясь набить себя всем необходимым. мне выйти за рамки того, что я должен был бы сделать в другой раз.

Мой Плот был теперь достаточно крепок, чтобы выдержать любой разумный Вес; моя следующая забота заключалась в том, чем наградить его и как сохранив то, что я положил на него, от прибоев моря; Но я долго раздумывал над этим, я с начала положил на него все доски или доски, какие только мог достать, и, хорошо подумав, чего больше всего хотелось, я с начала получил три Морских сундука, которые у меня были.

взломали и опустили их на свой плот; первый из них я заполнил провизией, а именно. Хлеба, риса, трех голландских сыров, пять кусков сушеного козьего мяса, на которые мы вдоволь наживались, и немного осатка европейской кукурузы, припасенной для некоторых кур, которых мы привезли с собой в море, но птицы были убиты; там было немного чмента и пшеницы вместе, но, к моему великому разочарованию, я обнаружил впоследствии, что Крысы съели или испортили все это; Что же касается пиртных напитков, то я нашел несколько щиков с бутылками, принадлежащих нашему шкиперу, в которых было немного сердечных вод, и всего около пяти или шести галлонов полки; , ни места для них. Пока я делал это, я обнаружил, что прилив начал течь, хотя и очень спокойный, и я имел Ужас, увидев, как мое пальто, рубашка и полупальто, которые я оставил на берегу на песке, углыли; что касается моих бриджей, которые были только льяные и с открытыми коленями, я плавал на борту в них и в своих чулках. потому что у меня были другие вещи, на которые мой Глаз больше обращал внимание, в качестве первых инструментов для работы на берегу, и после долгих поисков я обнаружил сундук плотника, который действительно был для меня очень полезным призом и гораздо более ценным, чем Корабль, загорающий золото, был бы в то время; Я спустил его на свой плот, даже в целости, не теряя времени, чтобы заглянуть в него, потому что в целом знал, что в нем содержится.

Следующей моей заботой были боеприпасы и оружие; в большой ижине было два очень хороших дробовика и два пистолета, которые я раздобыл в первую очередь, с несколькими пороховыми рожками, небольшим мешком с дробью и двумя старыми ржавыми шпалами; Я знал, что на корабле было три бочки с порохом, но не знал, куда их прятал наш канонир, но после долгих поисков я нашел их, две из них сухие и хорошо сохранившиеся, в третью наливали воды, эти две я мой плот, с оружием, и теперь я думаю, что я довольно хорошо наоружен, и начал думать, как мне добраться с ними до берега, не имея ни паруса, ни весла, ни руля, и малейшая кепка, полная Ветра, могла бы опрокинуть все мое навигация.

У меня было три Поощрения : 1. Г ладкое с покойное Море, 2. Прилив, поднимаю щийс я и опус каю щийс я к Берег у, 3. Тот небольшой Ветер, что был там, дул меня к Земле; и таким образом, найдя два или три сломанных вес ла, принадлежавших лодке, и помимо инс трументов, которые были в сундуке, я нашел две пилы, топор и молот, и с э тим г рузом я отправился в море; Милю или около тог о мой плот шел очень х орошо, только я обнаружил, что он плывет немног о дальше от тог о места, г де я приземлился раньше, по чему я поня л, что есть некоторый приток воды, и, следовательно, я надею сь, х отел бы

какой-нибудь ручей или река, которые я мог бы использовать как порт, чтобы добраться до земли с моим грузом.

Как я себе представлял, так оно и было, передо мной предстало небольшое отверстие в земле, и я обнаружил, что в нем есть сильное течение Прилива, поэтому я направил свой плот, насколько мог, чтобы держаться в воде. Середина потока: Здесь я хотел бы потерпеть второе кораблекрушение, которое, если бы я это сделал, я думаю, поистине разбило бы мое сердце, потому что я ничего не знал о побережье, мой плотсел на мель в одном конце его на мелководье, и не будучи на мели на другом конце, ему нужно было сдвинуться немного, чтобы весь мой груз соскользнул к тому концу, который был на плаву, и таким образом угнал в воду: я делал все возможное, прижавшись к пинам к сундукам, чтобы удержать их на своих местах, но не мог оттолкнуть плот из всех сил, и я не осмелился выйти из позы, в которой находился, но из всех сил поддерживал сундуки. Я просидел таким образом около получаса, за это время поднявшаяся вода немного подняла меня на уровень, а немного позже, когда вода все еще поднималась, мой плот снова поплыл, и я оттолкнул его веслом. Я вошел в Ла-Манш, а затем, поднявшись выше, наконец очутился в устье небольшой реки, с землей по обеим сторонам и сильным течением или приливом. Подходящее место, чтобы добраться до Берега, потому что я не желал нести с собой лишнюю нагрузку по Реке, надеясь вовремя увидеть какой-нибудь Корабль в Море, и поэтому решил расположиться как можно ближе к Берегу.

Наконец я заметил маленькую бухточку на правом берегу ручья, к которой с большим трудом и болью я направил свой плот, и, наконец, подобрался так близко, что, достигнув земли с моим веслом, я мог прямо толкнуть его. Внутри, но здесь Мне хотелось снова окунуть весь мой груз в море; ибо на этом берегу, лежавшем довольно круто, то есть наклонном, не было места, где можно было бы приземлиться, кроме как там, где один конец моего поплава, если бы он плыл по берегу, лежал бы так высоко, а другой опустился бы ниже, чем прежде, что он снова подвергнется опасности мой груз: все, что я мог сделать, это дожидаться, пока прилив достигнет наивысшей точки, удерживая плот с моим веслом, как якорем, чтобы крепко прижать его борт к берегу, возле плоского Кусок Земли, по которому, как я ожидал, потечет Вода. Так оно и случилось: как только я нашел доску точно воды, мой плот вытянулся примерно на фут. Вода, я поставил ее на тот плоский участок земли и там закрепил или закрепил ее, воткнув в землю два моих сломанных весла, один на один.

Сторона у одного конца, а другая на другой стороне возле другого конца; и так я лежал, пока вода не ушла, и оставил с собой плот и весь мой груз в целости и сохранил на берегу.

Моя следующая работа заключалась в том, чтобы осмотреть страну и найти подходящее место для моего жилья и место для хранения моих товаров, чтобы защитить их от чего бы то ни было; где я был, я еще не знал, был ли я на континенте или на острове, был ли он населен или необитаем, нахожусь ли в опасности от диких зверей или нет: не выше мили от меня был холм, который возвышался очень круто и высоко, и который, казалось, возвышался над некоторыми другими холмами, лежащими как бы ребром от него к северу; Я достал одно из охотничьих ружей, один из пистолетов и пороховой рожок, и, вооружившись таким образом, отправился на вершину этого холма, где после того, как с большим трудом и трудом добрался до вершины, я увидел свою судьбу к моему великому несчастью, (а именно) что я был на острове, со всех сторон окруженном морем, и не было видно земли, кроме нескольких скал, которые лежали на большом расстоянии, и двух маленьких островов меньше этого, лежащие примерно в трех лигах к западу.

Я также обнаружил, что остров, на котором я нахожусь, был бесплоден, как я имел все основания полагать, необитаем, если не считать диких зверей, которых, хотя я не видел ни одного, все же я видел множество птиц, но не знал их видов, и когда убивал их, я не мог сказать, что годится в пищу, а что нет; Возвращаясь, я выстрелил в огромную птицу, которую увидел сидящей на дереве на опушке большого леса. Думаю, это было первое ружье, выпущенное там с момента открытия мира; Не успев выстрелить, как со всех частей леса поднялось бесчисленное количество птиц многих видов, издавая шумный крик и крича каждая в соответствии со своей обычной нотой; но ни одного из них какого-либо вида, которого я знал. Что касается существа, которое я убил, я принял его за Видящего, его Цвет и Клюв напоминали его, но у него не было Крыльев или Крыльев, кроме обычных, его Плоть была падалью и ни на что не годилась.

Довольный этим открытием, я вернулся на свой плот и ушел на работу, чтобы доставить мой груз на берег, заняла у меня остаток дня, и я не знал, что делать с собой ночью, и даже не знал, где отдохнуть; ибо боялся лечь на землю, не зная, кроме какого-то дикого

Зверь мог бы схватить меня, хотя, как я потом обнаружил, на самом деле не было мне нужны эти страхи.

Тем не менее, насколько мог, я забаррикадировался вокруг сундуками и досками, которые я принес на берег, и я сделал что-то вроде хижины для ночлега; что же касается еды, то я еще не видел, каким способом прокормить себя, за исключением того, что я видел двух или трех существ, подобных зайцам, убегающих из леса, где я подстрелил птиц.

Теперь я начал думать, что могу получить с корабля очень много вещей, которые были бы мне полезны, и в обмен на что-то из такелажа, парусов и других вещей, которые могли бы попасть на сушу, и я решил бы совершить еще одно плавание на борту судна, если это возможно; и так как я знал, что первая же буря обязательно разобьет его на куски, я решил отделить все остальные вещи, «пока не вытаску из Корабля все, что смогу достать»; затем я создал совет, то есть в своих мыслях, должен ли я вернуть плот, но это оказалось неосуществимым; поэтому я решил уйти, как и прежде, когда отлив отступит, и я так и сделал, только разделся перед тем, как выйти из своей хижины, в одной клетчатой рубашке и паре льняных панталонах, и паратуфель на ногах.

Я поднялся на борт корабля, как и раньше, и приготовил второй плот, и, имея опыт первого, я не сделал его таким громоздким и не нагружил его так сильно, но все же я увез с собой несколько очень полезных для меня вещей. ; с начала встопляных лавках я нашел два или три мешка, полных гвоздей и шипов, большую винтовку, дюжину или две топоров, прежде всего, эту полезнейшую вещь, называемую точильным камнем; все это захватил вместе с несколькими вещами, принадлежащими канониру, в частности двумя или тремя железными воронами, двумя стволами мушкетных пуль, семью мушкетами и еще одним охотничьим ружьем, а также небольшим количеством пороха; большой мешок, полный мелкой дроби, и большой рулон листового свинца. Но этот последний был так тяжел, что я не мог поднять его, чтобы перебросить через борт корабля.

Кроме этих вещей, я взял всю мужскую одежду, которую смог найти, а также запасной формаль, гамак и немного постельных принадлежностей; Этим я погрузил с собой второй плот и доставил их всех в целостности и сохранности на берег к моему великому комфорту.

Я был под некоторыми опасениями во время моего отсутствия на земле, что, по крайней мере, моя провизия может быть съедена на берегу; но когда я вернулся, я не нашел никаких признаков посетителя, только существо, похожее на дикую кошку, сидело на одном из сундуков, которое, когда я подошел к нему, отбежало на небольшое расстояние, а затем останавливалось; она сидела очень спокойно и беззаботно и смотрела прямо мне в лицо, как будто у нее была мысль познакомиться со мной. Я представил ей свое ружье, но так как она не совершенно не заботясь об этом, и она не предложила уйти; на что я бросил ей немножко biscuits, хотя, кстати, я не был очень свободен от него, потому что мой запас был невелик., поняв его, съел их отел (как бы хотелось) еще, но я поблагодарил ее и не мог больше жалеть; поэтому она ушла.

Получив с собой второй груз на берегу, я был вынужден открыть бочки с порохом и доставить их посылки, так как они были слишком тяжелыми, так как были большими бочками, но я принялся за работу, чтобы сделать себе маленькую палатку с парусом и несколькими шестами, которые я вырезал для этой цели, и в эту палатку я принес все, что, как я знал, могло испортиться от дождя или солнца, и я сложил все пустые сундуки и бочки в круг вокруг палатки, чтобы укрепить ее от любой внезапной попытки с стороны человека или зверя.

Когда я сделал это, я запер дверь палатки несколькими досками внутри, а пустой сундук поставил конец снаружи, и расстелил одну из кроватей на земле, положив два моих пистолета прямо у моей головы, и мое ружье наконец рядом со мной, я впервые лег спать и спал очень спокойно всю ночь, потому что я был очень усталым и очень желым, потому что прошлой ночью я мало спал и весь день очень тяжело работал, а также забрать все эти вещи с корабля, как и доставить их на берег.

У меня был самый большой магазин всех видов, который когда-либо был припасен, я думаю, для одного человека, но все еще не был удовлетворен; ибо, пока Корабль сидел прямо в этой позе, я думал, что должен выжать из него все, что могу; поэтому каждый день во время отлива выходил на борт и брал с собой то или иное. Но особенно в третий раз, когда я шел, я уносил только снаряжения, сколько мог, а также все маленькие веревки и веревочные шпагаты, которые я мог достать с куском лишнего олота, который должен был при случае починить паруса, бочку с мокрым порохом: Одним словом,

Я унес все паруса первыми и последними, только мне пришлось разрезать их на куски и принести с только раз, сколько я мог; ибо они были не более полезны, чтобы быть Парусами, но только как простой Холст.

Но еще больше меня утешало то, что, наконец, после того, как я совершил пять или шесть таких плаваний, как эти, и решил, что мне больше нечего ожидать от корабля, который стоил моего вмешательства, я говорю, что в конце концов здесь я нашел большую бочку хлеба и три больших ручья рома или спиртных напитков, я щиксара и бочонок прекрасного цвечка; это было для меня неожиданно, потому что я перестал ожидать каких-либо других провизий, кроме того, что было испорчено водой: вскоре я высыпал из бочки этот хлеб и завернул его посылка за посылкой в куски парусов, который я вырезал; и в слове, я получил все это в целостности и на берегу тоже.

На следующий день я совершил еще одно путешествие; и теперь, разграбив Корабль всего, что было переносным и пригодным для раздачи, я начал с кабелей; и разрезав большой кабель на куски, чтобы я мог двигаться, я получил два кабеля и трос на берегу с всем железом, которое я мог получить; и, срубив шприц-рей и миссен-рей, и все, что я мог сделать, чтобы сделать большой плот, я погрузил его со всеми этими желтыми товарами и ушел. Но моя удача начала покидать меня; ибо этот плот был так громоздок и так перегружен, что после того, как я вошел в маленькую бухточку, где я высадил остальные свои товары, я не мог управлять им так ловко, как другим, и он опрокинулся и упал. бросил меня и весь мой груз в воду; что касается меня, с амого, то это не было большим вредом, потому что я был недалеко от Берега; но что касается моего груза, то большая часть его была потеряна, особенно железо, которое, как я ожидал, могло бы мне очень пригодиться. из железа, хотя и с бесконечным трудом; ибо я был готов окунуться за ним в воду, работа, которая меня очень утомила: после этого каждый день поднимался на борт и уносил то, что мог достать.

Я был теперь тринадцать дней на берегу и одиннадцать раз на борту корабля; за это время я увез с собой всю эту пару. вполне можно было предположить, что руки с обычными принести, хотя я искренне верю, что если бы погода держалась спокойно, я бы унес весь корабль по частям. Но, готовясь в 12-й раз подняться на борт,

начать подниматься ; однако при отливе я поднялся на борт, и хотя я думал, что обыскал каюту так тщательно, что больше ничего не нашел, тем не менее я обнаружил в ней шкафчик с ящиками, в одном из которых я нашел два или три бритвенных станка и одна пара больших ножей с десяти или дюжиной хороших ножей и вилок; в другом я нашел около тридцати шести фунтов стерлингов в деньгах, несколько европейских монет, немного бразильских монет, несколько восковых свечей, немного золота, немного серебра.

Я улыбнулся себе при виде этих денег, о наркотик, сказал я вслух, на что ты глoden, ты не стоишь для меня, нет, не отрывать землю, один из этих ножей стоит всего этого. Куча, у меня нет никакой пользы для тебя, оставайся там, где ты есть, и отправляйся на дно как существо, чья жизнь не стоит спасать. Однако, поразмыслив, я убрал его и, завернув все это в кусок холста, стал думать о том, чтобы сделать еще один плот, но, пока готовил это, обнаружил, что небо затянуто облаками, а ветер начал усиливаться. Поднимитесь, и через четверть часа с берега налетел свежий шторм; Вскоре мне пришлось в голову, что было напрасно притворяться, будто я строю плот с ветром у берега, и что мое дело было уйти до того, как начнется прилив, иначе я не смог бы добраться до берега. Берега вообще: Соответственно, я спустился в воду и переплыл Ла-Манш, который лежал между кораблем и песками, и даже это было довольно трудно, отчасти под тяжестью вещей, которые я имел при себе, а отчасти Волнение Воды, ибо Ветер поднимался очень поспешно, и, прежде чем она стала досажать точно вышкой, Воды налетела Буря.

Но меня доставили домой, в мою маленькую палатку, где я лежал со всем своим богатством в полной безопасности. Всю матовую ночь дул очень сильно, а утром, когда выглянул, увидел, что корабля больше не видно; Я был немного удивлен, но пришел к себе с помощью этого удовлетворительного размышления, а именно. Что я не терял времени и не ослаблял усердия, чтобы вытянуть из нее все, что могло быть мне полезно, и что действительно в ней осталось немного, что я мог бы унести, будь у меня больше времени.

Теперь я отказался от любых мыслей о корабле или о чем-то еще, кроме того, что могло бы углыть на берег от его окружения, как это действительно в последствии и делали различные его части; но эти вещи были мало полезны для меня.

Мои мысли были теперь полностью заняты тем, чтобы обезопасить себя либо от дикарей, если они появлялись, либо от диких зверей, если они есть на острове; и у меня было много мыслей о методе, как это сделать, и какое жилище сделать, сделать ли мне пещеру в земле или шатер на земле, с подробное описание которых, не может быть неправильным дать отчет.

Вскоре я обнаружил, что место, где я нахожусь, не было предназначено для моего поселения, особенно потому, что оно находилось на низменной болотистой местности у моря, и я предполагал, что оно не будет здоровым, и особенно потому, что рядом с ним не было пресной воды, поэтому Я решил найти более здоровое и удобное место на земле.

Я проконсультировался с несколькими вещами в моей ситуации, которые я нашел подходящими для меня, 1-е. Здоровье и свежая вода, о которых я только что упомянул во второй раз. Укрытие от солнечного зноя, 3 дня. Защита от хищных существ, будь то люди или звери, 4-е. Вид на море, чтобы, если Бог пошлет какой-нибудь корабль в поле зрения, я не потерял бы преимущества для моего избавления, от которого я еще не желал отказаться от всех своих ожиданий.

В поисках подходящего места для этого я нашел маленькую равнину на склоне возвышающегося холма; чей фронт, обращенный к этой маленькой равнине, был крутым, как сторона дома, так что ничто не могло упасть на меня с вершины; На стороне этой Скалы была ложбинка, немного вдавленная внутрь, как Вход или Дверь в Пещеру, но на самом деле никакой Пещеры или Пути в Скалу не было вообще.

На Равнине Зеленой, как раз перед этим пустым местом, я решил разбить свою палатку: эта равнина была не выше сая рдов в ширину и примерно вдвое длиннее, и лежала, как зелень, перед моей дверью, а на краю Конца его неравномерно спускался вниз в Низины у Моря. Это было на северо-западной стороне холма, так что я был защищен от жары каждый день, пока она не достигла западной и южной сторон солнца или около того, что в этих странах ближе к закату.

Перед тем, как поставить свою палатку, я начертил полукруг перед полым местом, которое занимало примерно десять рядов по полу диаметру от скалы и двадцать рядов по диаметру от начала и до конца.

В э том полукруг е я пос тавил два ря да прочных кольев, вбивая их в землю, пока они не стали очень прочными, как сваи, причем с амы й большой конец вых одил из земли примерно на п я ть футов с половиной и заостря лся на вершине: Два ря да с тоя ли не выше шес ти дю ймов друг от друг а.

Затемя взя л кус ки трос а, которые я разрезал на корабле, и положил их ря дами один на друг ой, внутри круг а, между э тими двумя ря дами кольев, вверх, поместив друг ие колья внутри, прис лонивши с ь к ним, около двух с половиной футов выс отой, как шпир а к столбу, и э та ог рада была нас только прочной, что ни человек, ни зверь не мог ли проникнуть в нее или перелезть через нее: э то стоило мне мног о времени и труда, ос обенно для тог о, чтобы с рубить сваи в лесу, принести их на место и вбить в землю.

Вх од в э то место я с делал не через дверь, а через короткую лестниц у, чтобы подня ться на вершину; укрепленный, как я думал, от вс ег о мира и, следовательно, с покойно с пал в ночи, чег о иначе я не мог бы с делать, х отя, как выяс нилос ь в пос ледс твии, не было необх одимос ти во вс ех э тих предос тережения х от враг ов, которые Я задержал Danger from.

Chapter VI

переносит все с собой богатства, провизию и прочее в свое жилище — Скука
одиночества — Утешительные

Я размышления Забыли крепость, с бесконечным трудом я перенес все с собой богатства, все с собой провизии, боеприпасы и припасы, из которых вы Имейте счет выше, и я сделал себе большую палатку, которую, чтобы защитить меня от дождей, которые в одну часть года очень сильные там, я сделал двойной, а именно. Одна меньшая палатка внутри и одна большая палатка над ней, а самая верхняя я покрыта большим брезентом, который я сохранил среди парусов.

И теперь я какое-то время лежал не в постели, которую принес на берег, а в гамаке, действительно очень хорошем и принадлежавшем помощнику капитана.

В эту палатку я принес все с собой припасы и все, что могло испортиться из-за сырости, и, заключив, таким образом, все свое имущество, я сделал вход, который досих пор оставлял открытым, и так прошел и вернулся. - прошел, как я уже сказал, по короткой лестнице.

Сделав это, я начал прокладывать себе Путь в Скалу и, принеся всю землю и камни, которые я выкопал, через свою палатку, я положил их внутри своего озабора в Природе Терраса, что так он поднял землю примерно на полтора фута; и таким образом я сделал себе пещеру сразу за моей палаткой, которая служила мне как погреб в моем доме.

Мне стоило много труда и много дней, прежде чем все эти вещи были доведены до совершенства, и поэтому я должен вернуться к некоторым другим вещам, которые заняли часть моих мыслей. В то же самое время, после того как я разработал свой План установки Палатки и создания Пещеры, из густой темной Облаки выпала Буря Дождя, произошла внезапная Вспышка Молнии, а после этого великая Удар грома, как его естественное следствие; Я был удивлен не столько молнией, сколько мыслью, которая метнулась в мой разум так же быстро, как сама молния: О мой порошок! Мое Сердце упало во мне, когда подумал, что одним Взрывом может быть уничтожен весь мой Порох, от которого не моя Защита

только, но снабжение меня едой, как я думал, полностью зависело; Я с совсем не беспокоился о общественной Опасности, хотя, если бы Порох загорелся, я так и не узнал бы, кто причинил мне боль. Это произвело на меня такое впечатление, что после того, как Буря закончилась, я отложил в сторону все свои работы, с свои постройки и укрепления и занялся изготовлением мешков и ящиков для отделения Пороха и их ранения его в небольшом количестве. немного в Посылке, в надежде, что чтобы ни случилось, оно не воспламенится все сразу, и чтобы оно было таким разрозненным, чтобы не было возможности заставить одну часть зажечь другую: я закончил эту Работу примерно через Две недели, и я думаю, что мой Порошок, который все его было около 240 л. вес делился не менее чем на сто посылок; что касается бочки, которая была мокрой, то я не предчувствовал никакой опасности от этого, поэтому я поместил ее в свою новую пещеру, которую в своем воображении я назвал с своим Китчином, а остальное я спрята вдоль и поперек в ямах. среди скал, чтобы на него не попала влага, очень тщательно отметив, где я его по

В промежутке времени, пока это делалось, я выходил, по крайней мере, раз в день с своим оружием, чтобы развлечься, посмотреть, смогу ли я убить что-нибудь, пригласить для еды, и как можно ближе ознакомиться с собой с тем, что произвел Остров. Когда впервые вышел на улицу, то вскоре обнаружил, что на острове водятся козы, что меня очень обрадовало; но затем это сопровождалось этим несчастием для меня, а именно. Что они были так застенчивы, так коварны и так быстро двигались, что было труднее всего на свете напасть на них; как это вскоре и случилось, потому что после того, как я немного отыскал их Убежища, я стал ждать их таким образом: я заметил, что если они увидят меня в Долинах, хотя они и на Скалах, они убегают. как в страшном Испуге; но если они кормились в долинах, а я был на скалах, они не обращали на меня внимания, из чего я сделал вывод, что из-за положения их оптики их взгляд был так направлен вниз, что они с трудом могли видеть предметы. которые были над ними; поэтому впоследствии я воспользовался этим Методом: я всегда с начала взбирался на скалы, чтобы подняться над ними, а затем часто получал хорошие оценки. Первым выстрелом, который я сделал среди этих существ, я убил Козу, у которой был маленький Козленок, который она дала Сосать, что очень огорчило меня; но когда Старая упала, Малыш стоял неподвижно рядом с ней, пока я не подошел и не поднял ее, и не только так, но когда я понес Старую с собой на плечах, Малыш последовал за ней.

меня с овсем к моему загону, на котором я положил плотину, взял козленка на руки и понес его через черту в надежде вырастить его ручным, но он не хотел есть, поэтому я был вынужден Я бы убил его и съел сам; эти двое набжали меня плотью долгое время, потому что я ем мало; и экономя мою провизию (особенно мой хлеб), насколько это было возможно. Теперь, устроив свое жилище, я считал абсолютно необходимым предоставить место, где можно было бы разводить огонь, и несколько мест, где можно было бы гореть; и то, что я сделал для этого, а также то, как я расширил свою пещеру и какие удобства я сделал, я дам полный отчет на ее месте. Но с начала я должен дать небольшой отчет о себе и о своих мыслях. о жизни, которых вполне можно предположить, было немало.

У меня были мрачные перспективы моего положения, поскольку я не был брошен на тот остров без того, чтобы не быть отброшенным, как говорят, сильным штормом, совершенно от курса нашего намеченного путешествия и большого пути, а именно. Несколько сотен миль от обычного курса торгового человечества, у меня были серьезные основания считать определением Неба, что в этом пустынном месте и таким пустынным образом закончу свою жизнь; слезы обильно текли по моему лицу, когда я делал эти размышления, и иногда увещевал себя, почему провидение должно таким образом полностью погубить своих творений и делать их такими абсолютно несчастными, такими без помощи покинутыми, в такой полной депрессии? да, что едва ли разумно быть благодарным за такую Жизнь.

Но что-то всегда возвращалось ко мне, чтобы остановить эти Мысли и упрекнуть меня; и, в частности, однажды, гуляя с ружьем в руке по морскому берегу, я очень размышлял о моем нынешнем состоянии, а затем разум, так сказать, увещевал меня по-другому, таким образом: Пустынное состояние — это правда, но помните, где остальные? Разве вы не пришли одиннадцать из вас в лодку, где десять? Почему они не были спасены, а ты погиб? Почему вас выделили? Лучше быть здесь или там? а потом я указал на Море. Все Зла следует рассматривать с учетом того, что в них есть хорошее, и с тем, что им способствует худшее.

Потом мне снова пришло в голову, как хорошо устроен для Пропитание, и что было бы сомнительно, если бы это оно не случилось,

Что было стотысяч к одному, что корабль отплыл от того места, где он впервые столкнулся, и был отброшен так близко к берегу, что у меня было время вытащить из него все эти вещи. Что было бы с моим делом, если бы я был жить в том состоянии, в котором я впервые вышел на берег, без предметов первой необходимости или предметов первой необходимости, чтобы их набрать и добывать?

В частности, я сказал вслух (хотя и самому себе), что бы я сделал без ружья, без боеприпасов, без каких-либо инструментов для изготовления чего-либо или для работы, без одежды, постельных принадлежностей, палатки или любого другого средства. Прикрытие, и что теперь у меня было все это в достаточном количестве, и я был в состоянии обеспечить себя таким образом, чтобы жить без моего оружия, когда мои боеприпасы были израсходованы; так что у меня было носное представление о том, чтобы существовать без какой-либо нужды, пока я жил; ибо я с самого начала обдумывал, как я предусматриваю несчастные случаи, которые могут произойти, и на время, которое должно было прийти, даже не только после того, как мои боеприпасы будут израсходованы, но даже после того, как мое здоровье или сила упадут.

Признаюсь, я не имел ни малейшего представления о том, что мои боеприпасы будут уничтожены одним взрывом, я имею в виду, что мой порох взорвется от молнии, и это делало мои мысли такими удивительными для меня, когда разразилась молния и гром. д., как я только что заметил.

А теперь, чтобы вступить в меланхолическое Рассказ о Сцене безмолвной Жизни, о которой, возможно, никогда прежде не слышали в Море, я возьму ее с самого начала и продолжу в том же порядке. По моим данным, это было 30-е. сентября, когда описанным выше способом впервые ступил на этот ужасный остров, когда Солнце, для нас, в день осеннего равноденствия, было почти над моей головой, ибо я считал себя

Наблюдение: находиться на широте 9 градусов 22 минуты к северу от линии.

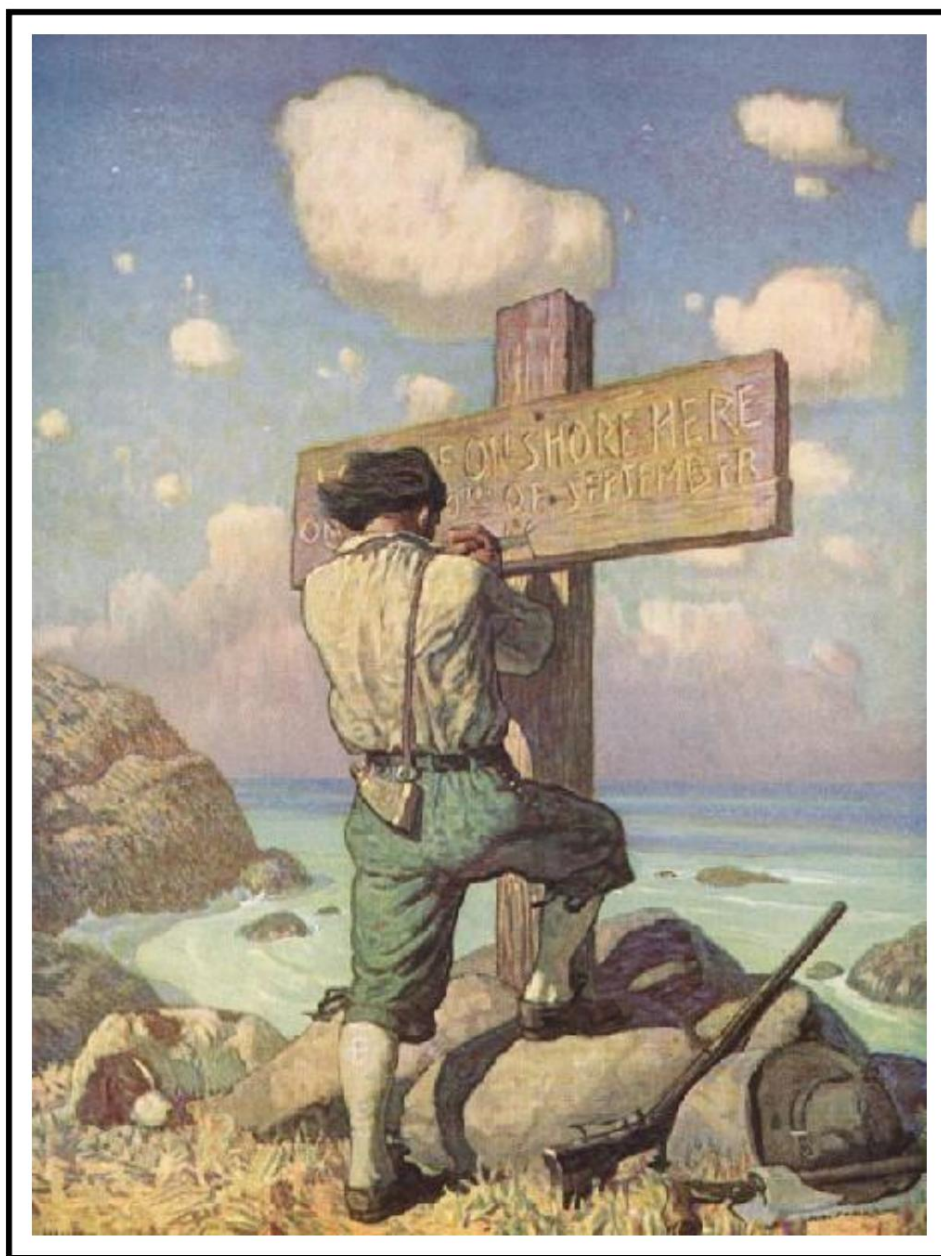

Chapter VII

счета времени Робинзона. Трудности, возникающие из-за отсутствия инструментов. Он

А я обустроивает свое жилище. Пробыв там около десяти или двенадцати дней, я подумал, что потеряю свой счет времени из-за отсутствия книг, пера и чернил, и следует даже забыть о субботних днях из рабочих дней; но, чтобы предотвратить это, я вырезал его своим ножом на большом столбе, главными буквами, и, превратив его в большой крест, я установил его на берегу, где я впервые приземлился, а именно. Я прибыл сюда на берег 30

На сторонах этого квадратного столба каждый день вырезал зарубку своим ножом, и каждая седьмая зарубка была такой же длинной, как и остальные, и каждый первый день месяца был такой же длинной, как и та длинная, и таким образом я соорудил свой календарь, или еженедельный, ежемесячный и годовое отсчет времени.

Далее мы должны отметить, что среди многих вещей, вывезенных мною с корабля в ходе нескольких плаваний, которые, как упоминалось выше, Я сделал это, я получил несколько менее ценных, но не менее полезных для меня вещей, которые я не упомянул раньше; как, в частности, ручки, чернила и Бумага, несколько посылок на ранение у капитана, помощника помощника, стрелка и плотника, три или четыре компаса, некоторые математические инструменты, циферблаты, Перспективы, Карты и Навигационные Книжки, все, что я собрал вместе, хотел я их или нет; также я нашел три очень хороших Библии, которые прибыли ко мне в моем рюкзаке из Англии и которые у меня были

упакованный среди моих вещей; также несколько португальских книг, среди них два или три папских молитвенника и несколько других книг, которые я тщательно охранил. И я не должен забывать, что у нас на корабле были собака и две кошки, о выдающейся истории которых у меня будет случай рассказать кое-что взамен; ибо я взял с собой обеих кошек, а что касается собаки, то она сама прыгнула с корабля и поплыла ко мне на берег на следующий день после того, как я отправился на берег с моим первым грузом, и был верным спутником. Мне много лет; Я не нуждался ни в чем, что он мог бы принести мне, ни в компании, которую он мог бы оставить мне, я только хотел, чтобы он поговорил со мной, но это не помогло: как я уже заметил, я нашел Перо, Чернила и Бумагу, и я бережно относился к ним до предела, и я покажу, что, пока мои чернила действовали, я соблюдал точность, но после того, как они исчезли, я не мог, потому что я не мог сделать никаких чернил никакими средствами, которые я мог изобрести.

И это напомнило мне, что я хотел многого, несмотря на все, что я накопил воедино, и из них одними были чернила, а также лопата, кирка и лопата, чтобы копать или удалять землю, иглы, булавки и резьба; что же касается Линнена, то я вскоре научился хитрить его без особого труда. Из-за отсутствия инструментов всякая работа, которую я выполнял, становилась тяжелой, и прошел почти целый год, прежде чем я полностью закончил с вою маленькую черту или окруженное жилище: с вай или колья, которые были настолько тяжелыми, насколько мог их поднять, были много времени ушло на рубку и подготовку в лесу и еще больше на доставку домой, так что иногда тратил два дня на то, чтобы срубить и принести домой один из этих столбов, и третий день, вбивая его в землю; Для этой цели я сначала взял тяжелую деревяшку, но в конце концов вспомнил об одной из железных ворон, которая, несмотря на то, что я ее нашел, тем не менее делала забивание этих столбов или с вай очень трудоемкой и утомительной работой.

Но к чему мне было беспокоиться об утомительной работе, которую мне пришлось делать, ведь у меня было достаточно времени, чтобы сделать это, и у меня не было никакой другой работы, если бы она закончилась, по крайней мере, которую я мог предвидеть, за исключением скитания по островам в поисках еды, что я делал более или менее каждый день.

Теперь я начал серьезно обдумывать свое состояние и обстоятельства. Я был вынужден и оставить свое положение в письменной форме, не столько для того, чтобы предоставить его кому-либо, кто должен был прийти после меня, потому что я хотел

иметь немног о нас ледников, чтобы избавить мои мыс ли от ежедневног о с ос редоточения на них
и с окрушать мой разум; и пос кольку мой Разум начал теперь овладевать моим
Уныние, я стал утешать себя , как мог , и противопос тавля ть добро Злу, чтобы иметь чем отличить
Мое Дело от х удог о, и выс казалс я очень бес прис трас тно, как Должник и К ре дитор,

Утешения , которыми я нас лаждалс я , против страданий, которые я страдал, Таким образом,

Evil

**I am cast upon a
horrible desolate Island,
void of all hope of
Recovery.**

**I am singl'd out and
separated, as it were, from
all the World to be
miserable.**

**I am divided from
Mankind, a Solitaire, one
banish'd from humane
Society.**

**I have not Clothes to
cover me.**

**I am without any
Defence or Means to
resist any Violence of
Man or Beast.**

**I have no Soul to
speak to, or relieve me.**

Good

**But I am alive, and
not drown'd as all my
Ship's Company was.**

**But I am singl'd out
too from all the Ship's
Crew to be spar'd from
Death; and he that
miraculously sav'd me
from Death, can deliver
me from this Condition.**

**But I am not starv'd
and parishing on a barren
Place, affording no
Sustenance.**

**But I am in a hot
Climate, where if I had
Clothes I could hardly
wear them.**

**But I am cast on an
Island, where I see no
wild Beasts to hurt me, as
I saw on the Coast of
Africa: And what if I had
been Shipwreck'd there?**

**But God wonderfully
sent the Ship in near**

**enough to the Shore, that
I have gotten out so many
necessary things as will
either supply my Wants,
or enable me to supply my
self even as long as I live.**

В целом, это было несомненным свидетельством того, что в мире было какое-либо Состояние с столь несчастное, но в нем было что-то Отрицательное или что-то Положительное, за что можно быть благодарным; и пусть это останется как указание из опыта с моего несчастного из всех условий в этом мире, чтобы мы всегда могли найти в нем что-то, от чего можно утешиться, и поставить в описании добра и зла на кредитную сторону. Акцента.

Немного настроив свой разум, чтобы наладиться с моим состоянием, и перестав смотреть на море, чтобы посмотреть, могу ли я шпионить за Кораблем, я говорю, отказавшись от этих вещей, я начал прилагать свои усилия, чтобы приспособиться к своему образу жизни, и чтобы мне было как можно проще.

Я уже описал свое жилище, которое представляло собой палатку под скалой, окруженную сильной чертой столбов и канатов, но теперь я мог бы скорее назвать ее стеной, потому что я воздвиг своего рода стену. против него из дерна, около двух футов толщиной с внешней стороны, и через некоторое время, я думаю, это было полтора гда, я поднял из него стропила, прислоненные к скале, и покрыл их соломой или покрыл. с луками деревьев и другими вещами, которые я мог получить, чтобы защитить от дождя, который я находил в некоторые времена гда очень сильными.

Я уже заметил, как я принес все мои товары в эту черту и в пещеру, которую я сделал позади себя. Но я также должен заметить, что сначала это была беспорядочная куча товаров, которые ни в каком порядке, так что они заняли все мое место, у меня не было места, чтобы повернуться; поэтому я решил расширить свою Пещеру и Работы дальше вглубь Земли, потому что это была рыхлая песчаная Скала, которая легко поддавалась Трудом, который я на нее возложил; и поэтому, когда я обнаружил, что в относительно безопасных отношениях с ищущими зверей, я пошел боком к правой руке в скалу, а затем снова повернул направо, полностью выработался и сделал себе Дверь, чтобы прийти. с наружи, с наружи моего оля или фортификации.

Это дало мне не только Выход и Регресс, но и как бы обратный Путь к моему Палатку и к моему складу, но дал мне место для хранения моих товаров.

И теперь я начал прикладывать свои усилия к тому, чтобы делать такие необходимые вещи, которые, как мне казалось, я больше всего хотел, в частности, стул и стол, ибо без них я не мог наслаждаться теми немногими удобствами, которые у меня были в этом мире, я не мог писать, или есть, или делать несколько вещей с таким Удовольствием без Стола.

Итак, я пошел на работу; и здесь я должен отметить, что, поскольку Разумявляется Субстанцией и Источником Математики, поэтому, констатируя и возводя в квадрат каждую вещь с помощью Разума и производя самое рациональное суждение о вещах, каждый человек может с временем стать Мастером каждого механического искусства. Я никогда в жизни не держал в руках Инструмент, и все же с временем благодаря Труду, Усердию и Ухищрению я наконец обнаружил, что мне ничего не нужно, но я мог бы сделать это, особенно если бы у меня были Инструменты; однако я сделал множество вещей, даже без инструментов, а некоторые с помощью инструментов, не превышающих тесла и топора, которые, возможно, никогда раньше не делались таким образом, и это с бесконечным трудом: например, если бы я хотел доску, я бы Нет другого пути, кроме как срубить дерево, поставить его на край передомной и вырубить его с обеих сторон моим топором, пока я не сделаю его тонким, как доска, а затем с делать его гладким с помощью моего тесла. Правда, с помощью этого метода я мог сделать только одну доску из целого дерева, но от этого у меня не было редства, кроме терпения, равно как и от огромного количества времени и труда, которое потребовалось мне, чтобы сделать доску. Доска или доска. Но мое время или труд мало что стоили, и поэтому их можно было использовать так или иначе.

Однако я сделал себе стол и стул, как я заметил выше, в первую очередь, и это я сделал из коротких кусков досок, которые я привез на своем плоту с корабля. несколько досок, как указано выше, я сделал большие полки шириной в полтора фута одну над другой, по всей одной стороне моей пещеры, чтобы положить все мои инструменты, гвозди и железные изделия, и, словом, чтобы разделить все на своих местах, чтобы я мог легко добраться до них; Я вбил Кусочки в Стену Скалы, чтобы повесить свои Ружья и все, что можно было повесить.

Так что, если бы моя пещера была замечена, она выглядела бы как общий журнал всех необходимых вещей, и у меня все было так готово в моей руке, что

Для меня было большим удовольствием видеть все мои товары в таком порядке, и особенно найти мой запас все его не обойтись таким большим.

И вот тогда-то я и начал вести дневник ежедневных занятий, ибо действительно вначале я слишком торопился, и не только торопился с трудом, но и слишком мучился, и мой дневник был бы полный многих скучных вещей: Например, я должен был сказать это 30 сентября. После того, как я добрался до Берега и избежал утопления, вместо того, чтобы благодарить Бога за свое Избавление, предварительно выблевав большим количеством сленой воды, попавшей мне в желудок, и немного оправившись, я бегал по берегу. Берег, заламывая руки и ударяя себя по голове и лицу, восклицая о своем страдании и крича, я погиб, погиб, пока не устал и не потерял сознание, я был вынужден лечь на землю, чтобы отдохнуть, но не осмелился спать, чтобы не быть съеденным.

Через несколько дней после этого, после того, как я был на борту корабля и получил от него все, что мог, я все же не мог удержаться от того, чтобы подняться на вершину небольшой горы и посмотреть на море в надежде увидеть корабль. Затем вообразите, что на огромном расстоянии заметил парус, порадуйте себя надеждами на него, а затем, пристально глядя на него, пока я почти не ослеп, с овсего потеряю, сяду и заплачу, как дитя, и таким образом умножу мое страдание от моей глупости.

Но, в какой-то мере избавившись от этих вещей, устроив свои домашние вещи и жилище, сделав себе стол и стул, и придав себе все самое красивое, что я мог, я начал вести свой дневник, о котором я здесь расскажу. вам Копию (хотя в ней будут повторяться все эти подробности) до тех пор, пока она длилась, потому что, не имея больше чернил, я был вынужден оставить ее.

Chapter VIII

Дневник Робинсона. Подробная информация о его домашних условиях и приспособлениях.

Землетрясение

Т Дж.

30 сентября 1659 года. Я, бедный несчастный Робинзон Крузо, потерпев кораблекрушение во время ужасного шторма, вскоре высадился на берег этого оунылого несчастного острова, который я называю Островом Отчаяния. Компания утонула, а я чуть не умер.

Весь остаток того дня я провел, мучая себя мрачными обстоятельствами, в которые я попал, а именно. У меня не было ни Еды, ни Дома, ни Одежды, ни Оружия, ни Места, куда можно было бы лететь, и, отчаявшись в какой-либо помощи, я не видел перед собой ничего, кроме Смерти, либо того, что я буду съеден дикими зверями, либо убит дикарями, либо умер от голода из-за отсутствия еды. С приближением ночи я спал на дереве из страха перед дикими тварями, но спал крепко, несмотря на то, что всю ночь шел дождь.

1 октября. Утром, к своему великому удивлению, увидел, что корабль поплыл во время прилива и снова был выброшен на берег гораздо ближе к острову, что, с одной стороны, было некоторым утешением, поскольку я видел, что он сидит прямо, а не Разбитый на куски, я надеялся, что, если ветер утихнет, я смогу подняться на борт и достать из него немного еды и предметов первой необходимости для своего облегчения; так что, с другой стороны, это возобновило мою скорбь по поводу потери моих товарищей, которые, как я думал, если бы мы все остались на борту, могли бы спасти корабль или, по крайней мере, что они не все утонули бы. как они были; и что, если бы люди были спасены, мы, возможно, построили бы себе лодку из обломков корабля, чтобы переправиться в какую-нибудь другую часть мира. Я провел большую часть этого дня, ломая себя над этими вещами; но в конце концов, увидев, что корабль почти выдох, я подошел к песку как можно ближе, а затем поплыл на борт; в тот день также продолжался дождь, хотя и без ветра.

С 1 по 24 октября. Все эти дни были полностью потрачены на множество плаваний, чтобы вытащить все, что я мог, с корабля, который я вывозил на берег во время каждого прилива на плотах. Много дождя и в эти дни,

хотя с некоторыми интервалами хорошей погоды: Но, похоже, это был сезон дождей.

20 октября. Я опрокинул с собой плот и все товары, которые у меня были на нем, но, надеясь на мелководье, а вещи были в основном тяжелыми, я поднял многие из них, когда отлив закончился.

25 октября. Всю ночь и весь день шел дождь, с порывами ветра, за это время корабль разбился на куски, ветер дул немногосильнее, чем раньше, и больше не было видно, кроме обломков корабля. ее, и только при малой воде. Я провел этот день, укрывая и охраняя товары, которые я спас, чтобы дождь не мог их испортить.

26 октября. Почти весь день я бродил по Берегу, чтобы найти место для своего жилища, очень заботясь об этом, чтобы обезопасить себя от нападения в ночи с стороны диких зверей или людей. Ближе к ночи определил подходящее место под скалой и начертил полукруг для своего лагеря, который я решил укрепить с оружием, стеной или укреплением из двойных свай, сложенных внутри свай кабелями и без газа.

С 26 числа до 30-го. Я очень много работал, чтобы доставить все мои товары в мое новое жилище, хотя часть времени шел сильный дождь.

31-й. Утром вышел на остров с ружьем, чтобы поискать немного еды и исследовать страну, когда убил козу, и ее козленок поледовал за мной домой, которого я впоследствии убил также потому, что это не кормило бы.

Ноябрь. 1. Я поставил свою палатку под скалой и пролежал там первую ночь, сделав ее не только большой, насколько мог, с помощью вбитых кольев, на которых можно было качаться в гамаке.

2 ноября. Я поставил все свои сундуки и доски, а также куски дерева, из которых были сделаны мои плоты, и из них образовал забор вокруг себя, немного в пределах места, которое я отметил для своего укрепления.

3 ноября. Я вышел с своим ружьем и убил двух птиц, похожих на уток, которые были очень вкусной пищей. Во второй половине дня пошел на работу, чтобы сделать мне стол.

4 ноя бря . Этим утром я начал упрямо дочивать время работы, выходя с ружьем, время сна и время развлечения, а именно. Каждое утро я выходил со своим ружьем на два или три часа, если не шел дождь, затем работал примерно до одиннадцати часов, затем ел то, на что мне приходилось жить, и с двенадцати до двух я лег спать, погода была слишком жаркой, а вечером снова принялся за работу. Рабочая часть этого и следующего дня была полностью посвящена приготвлению моего стола, ибо я был еще очень жалким работником. Однако вскоре после этого время и необходимость делали меня прирожденным механиком, как, я думаю, сделал бы и любой другой.

5 ноя бря . Этот день отправился за границу с моим ружьем и моей собакой и убил дикую кошку, ее кожа довольно мягкая, но ее плоть ничто не годна: с каждого убитого осуществляя снятие шкуры и сдох ранил их: Возвращаясь по берегу моря, я увидел много видов морских птиц, которых я не понял, но был удивлен и почти напуган двумя или тремя тюленьями, которые, пока я смотрел на них, плохозна, что они, попал в море и на это время ускользнул от меня.

6 ноя бря . После утренней прогулки я снова принялся за свой стол и закончил его, хотя и не по своему вкусу; и вскоре я научился его чинить.

7 ноя бря . Теперь стала устанавливаться ясная погода. 7-я, 8-я, 9-я, 10-я и часть 12-й. (ибо 11-го числа было восхождение) я полностью занялся изготовлением стула и с большим трудом довел его до сносной формы, но ни разу не доставил мне удовольствия, и даже во время изготовления я несколько раз разбирал его на части. Заметьте, я вскоре стал пренебрегать восхождениями, потому что не поставил отметки о них в своем посте, я забыл, что есть что.

13 ноя бря . В этот день шел дождь, который чрезвычайно осеждал меня и охлаждал землю, но сопровождался ростным громом и молнией, которые ужасно напугали меня из-за страха перед моим порошком; как только все закончилось, я решил разделить свой запас пороха на как можно больше маленьких порций, чтобы ему не угрожала опасность.

14, 15, 16 ноя бря . Эти три дня я провел, изготавливая маленькие квадратные сундучки или коробочки, вмещавшие максимум фунт или два фунта пороха.

и поэ тому, вложив Порошок, я с пря тал его в Мес тах как можно более безопас ных и удаленных друг от друг а. В один из э тих трех дней я убил большую Птицу, которую можно было съесть, но я не знаю, как ее назвать.

17 ноя бря . Вэ тот день я начал копать засвоей палаткой в скале, чтобы освободить место для моего дальнейшего удобства: обратите внимание: две вещи, которые я очень хотел для этой работы, а именно. Кирка, лопата и тачка или корзина, поэ тому я отказался от своей работы и начал думать, как удовлетворить эту потребность и сделать мне некоторые инструменты; что касается кирки, я использовал железные вороны, которые были дос таточно подх одя щими, хотя и тяжелыми; следующей вещью была лопата или лопата, э то было так необходимо, что я действительно ничего не мог сделать без нее, но какую сделать, я не знал.

18 ноя бря . На следующий день, обыскивая лес, я нашел дерево того же дерева или похожее на него, которое в Бразилии называют железным деревом из-за его чрезвычайной твердости, с большим трудом и почти испортив мой топор. Я отрезал кусок и принес его домой с большим трудом, потому что он был чрезвычайно тяжелым.

Чрезмерная твердость дерева и отсутствие другого пути заставили меня долго работать на этой машине, потому что я мало-помалу эффективно обрабатывал ее в форме лопаты или лопаты, рукоятка которой была точно такой же, как у нас . в Англии только то, что широкая часть, не подкованная железом внизу, не прослужила бы мне так долго, как бы хорошо она ни служила для тех целей, для которых я имел случай ее использовать; но я полагаю, что никогда еще не было лопаты, сделанной после этой Моды, или так долго.

Мне все еще не хватало, потому что я хотел Корзину или Тачку, Корзину, которую я не мог сделать никакими Средствами, не имея таких вещей, как Прутья, которые можно было бы согнуть, чтобы сделать Плетеную посуду, по крайней мере, пока никто не обнаружил; а что касается Тачка,

Мне казалось, что я могу сделать все, кроме Колеса, но я понятия не имел об этом и не знал, как это сделать; кроме того, у меня не было посуды сделать железные пескари для вращения веретена или оси колеса, поэ тому я отказался от этого, и поэ тому для переноса земли, которую я выкопал из пещеры, я сделал себе вещь, подобную Ходу, в котором рабочие носят Мортар, когда с лужат каменщикам.

Это было для меня не так сложно, как изготовление Лопаты; и все же это, и лопата, и тщетная попытка сделать тачку заняли у меня не менее четырех дней, я имею в виду всегда, за исключением моей утренней прогулки с ружьем, которую я редко терпел неудачу., и очень редко удавалось также принести домой что-нибудь подходящее поесть.

23 ноября. Моя другая Работа теперь остановилась из-за того, что я сделал эти Инструменты; когда они были закончены, я пошел дальше и, работая каждый день, насколько позволяли мои силы и время, я провел восемнадцать дней, полностью расширяя и углубляя свою пещеру, чтобы она могла вместить мои товары вместительно.

Примечание. Все это время я работал над тем, чтобы сделать эту комнату или пещеру достаточно просторной, чтобы в ней можно было разместить склад или магазин, кухню, столовую и подвал; что же касается моего жилья, то я держался в палатке, за исключением того, что иногда в дождливый сезонгода шел такой сильный дождь, что я не мог оставаться сухим, из-за чего впоследствии мне пришлось покрывать все свое место в моем доме. Бледный с длинными шестами в форме стропил, прислоненных к скале, и нагнужен их флагами и большими листьями деревьев, такими как с олома.

10 декабря. Я уже начал думать, что моя Пещера или Убежище закончена, когда внезапно (кажется, я сделал ее слишком большой) большое количество Земли упало сверху и с одной стороны, так много, что, короче говоря, испугал меня, и не без причины тоже; потому что, если бы я был подним, я никогда не нуждался бы в Могильщике: после этого бедствия мне предстояло снова проделать большую работу; ибо у меня была рыхлая земля, которую нужно было выполнить; и, что было более важно, я должен был поддержать Залив, так что я мог быть уверен, что больше не рухнет.

11 декабря. В тот день я пошел работать с ним соответственно и получил два берега или столба, поставленных вертикально к вершине, с двумя кусками досок, перекрещенными над каждым столбом, это я закончил на следующий день; и установив больше столбов с досками, еще примерно через неделю я закрепил крышу; и столбы, стоящие рядами, служили мне для разделения части моего дома.

17 декабря. С этого дня до двадцатого я поставил полки и забил гвозди на столбы, чтобы повесить все, что можно было повесить, и теперь я начал наводиться в каком-то порядке внутри дверей.

20 декабря . Теперь я перенес все вещи в пещеру и начал обставлять свой дом и расставлял несколько досок, вроде комода, чтобы распорядиться с моей провизией, но досок стало очень мало со мной; также я сделал мне еще одну таблицу.

24 декабря . Сильный дождь всю ночь и весь день, никакого движения .

25 декабря . Дождь весь день.

26 декабря . Дождя нет, и на Земле гораздо прохладнее, чем раньше, и приятнее.

27 декабря . Убил молодого козла, а другого зарезал, так что я поймал его и привел домой на веревке; когда принес его домой, я связал и расщепил его ногу, которая была сломана, NB я так заботился о нем, что он выжил, и нога выросла здоровой и такой же сильной, как всегда; но из-за того, что я так долго кормил его, он стал ручным и питался маленькой зеленью у моей двери и не хотел уходить. Еда, когда мой Порох и Дробь были израсходованы.

28, 29, 30 декабря . Сильная жара и ни ветерка; так что не было никакого движения снаружи, кроме как вечером для еды; это время я потратил на то, чтобы привести все свои вещи в порядок в дверях .

1 января . Еще очень жарко, но я рано и поздно выходил за границу с своим оружием и лежал неподвижно в середине дня ; Этим вечером, отправившись дальше в долины, которые лежали к центру острова, я обнаружил, что там было много коз, хотя они были чрезвычайно пугливы и труднодоступны, однако я решил попробовать, если я не смогу привести свою собаку на охоту. их вниз.

2 января . Соответственно, nasledующий день я вышел с своим псом и натравил его на коз; но я ошибся , все они набросились на Пса, а он слишком хорошо знал свою Опасность, потому что не хотел приближаться к ним.

3 января . Я начал с вой забор или стену; Который все еще завидует моему существованию атакованное каким-то телом, я решил сделать его очень толстым и сильным.

NB. Поскольку эта стена была описана ранее, я намеренно опускаю то, что было сказано в Журнале; достаточно заметить, что я работал не меньше, чем с 3 января по 14 апреля , работая , заканчивая и совершенствуя эту Стену, хотя она была не более 24 я рдов.

в длину, представляется собой полукруг от одного места в скале до другого места примерно в восьмидесяти футах от него, причем дверь пещеры находится в центре позади нее.

Все это время я очень много работал, дожди мешали мне много дней, а иногда и недель подряд; но я думал, что никогда не буду в полной безопасности, пока эта Стена не будет закончена; и едва ли можно поверить, с каким невыразимым трудом было сделано каждое дело, особенно вытаскивание с вай из леса и вбивание их в землю, потому что я сделал их намного больше, чем мне нужно было сделать.

Когда эта Стена была закончена, а Внешняя сторона была огорожена двойным забором с воздвигнутой вплотную к ней Дерновой стеной, я убедил себя, что если какие-либо люди выйдут на берег, они ничего не заметят, как Жилище; и это было очень хорошо, что я так и сделал, как можно заметить в дальнейшем при весьма знаменательном случае.

В течение этого времени я совершал обходы в лесу на дичь каждый день, когда меня допускал дождь, и часто открывал в этих прогулках то или иное в свою пользу; в частности, я нашел вид диких голубей, которые строились не как лесные голуби на дереве, а скорее как домашние голуби в норах скал; и, взяв несколько молодых, я попытался запанировать их, что и сделал; но когда они подросли, то все разлетелись, что, может быть, было поначалу от Нехватки корма, потому что мне нечего было им дать; однако я часто находил их гнезда и получал их птенцов, которые были очень хороши для меня.

И теперь, занимаясь своими домашними делами, я обнаружил, что мне не хватает много их вещей, которые я сначала считал невозможным для меня, как и для некоторых из них это было; Например, я никогда не мог сделать бочонок, чтобы его можно было обручить, у меня было несколько маленьких ручейков, как я заметил раньше, но я никогда не мог достичь с помощью их делать из них один, правда? Я потратил на это много недель; Я не мог ни вставить головки, ни соединить посох и так точно друг к другу, чтобы они могли удерживать воду, поэтому я отказался и от этого.

Вследующем месте я сильно потерял Кэндл; так что, как только стемнело, что обычно наступало в семь часов, я должен был лечь спать: я все помнил комок пчелиного воска, из которого сделал свечи в своем африканском приключении, но у меня не было ничего из этого сейчас; единственным средством было то, что, когда я убил козла, с пас жир и с небольшим

Блюдо из глины, которое я обжег на солнце, к которому я добавил фитиль из какого-то дуба, я сделал себе лампой; и это дало мне Свет, хотя и не ясный устойчивый Свет, как Свеча; Посреди всех моих трудов случилось так, что, роюсь в своих вещах, я нашел маленький мешок, который, как я намекал ранее, был наполнен кукурузой для кормления птицы не для этого путешествия, а до, как я полагаю, когда Корабль пришел из Лиссабона; тот небольшой остаток кукурузы, что был в мешке, был съеден крысами, и я не видел в мешке ничего, кроме шелухи и пыли; и, желая иметь Мешок для какого-то другого использования, я думаю, что это было для того, чтобы положить Порошок, когда я делил его для Страха Молнии или чего-то подобного, я вытряс из него Кукурузные Шелухи с одной стороны моего Укрепления под Скалой.

Это было незадолго до великих дождей, только что упомянутых, когда я выбросил эту Вещь, не обращая ни на что внимания и даже не помня, что я что-то там бросил; когда примерно через месяц или около того я увидел несколько стеблей чего-то зеленого, торчащего из земли, что, как мне показалось, могло быть каким-то растением, которого я не видел, но я был удивлен и совершенно изумлен, когда спустя немного больше времени, я увидел, что вышло около десяти или двенадцати колосов, которые были совершенно зеленым ячменем того же сорта, что и наш европейский, нет, как наш английский ячмень.

Невозможно выразить удивление и смущение моих мыслей по этому поводу; До сих пор я не руководствовался никаким религиозным основанием, в самом деле, у меня было очень мало религиозных представлений в голове, и я не имел ни малейшего представления о том, что случилось со мной, иначе как как о Случайности, или, как мы легко мысленно скажи, что у одного Бога; даже не исследуя цель провидения в этих вещах или его порядок в управлении с бытиями в мире: Как оно попало туда, Это странно меня поразило, и я начал предполагать, что Бог чудесным образом заставил это Зерно вырасти без какой-либо помощи посеянного семени, и что оно было направлено исключительно на мое пропитание, на этот дикий несчастное место.

Это немного коснулось моего сердца и вызвало слезы из моих глаз, и я начал благодарить себя за то, что такое чудо природы произошло на моем счету; и это было тем более странно для меня, что я видел рядом с ним еще

все время вдоль Скалы росли какие-то другие беспорядочные стебли, которые оказались стеблями риса, и которые я знал, потому что видел, как они растут в Африке, когда я был там на берегу.

Я не только думал, что это чистое творение Провидения для моей поддержки, но, не сомневаясь, что в этом месте есть нечто большее, я прошел всю эту часть острова, где был прежде, заглядывая во все углы и под каждую скалу, чтобы увидеть больше, но я не мог найти ни одной; наконец до моих мыслей дошло, что я вытряхнул мешок с куриным мясом в этом месте, и тогда Чудо начало прекращаться; и, должен признаться, моя религиозная Благодарность Промыслу Божию тоже начала ослабевать при открытии, что все это не что иное, как обыденное; хотя я должен был быть так же благодарен за столь странное и непредвиденное провидение, как если бы оно было чудом; ибо на самом деле это была Работа Провидения для меня, которая приказала или назначила, чтобы 10 или 12 зерен кукурузы оставались нетронутыми (когда Крысы уничтожили все остальное), как если бы они были брошены. из рая; а также, чтобы я выбросил его в том конкретном месте, где он, находясь в тени выскочки скалы, сразу же взошел; тогда как, если бы я бросил его в другое место в то время, он был бы сожжен и уничтожен.

Я бережно сохранил початки этой кукурузы, можете быть уверены, в их сезон, который был примерно в конце июня; и, откладывая каждое зерно, решил посеять его снова, надеясь с о временем получить достаточное количество, чтобы набить меня хлебом; Но только на 4-м году я мог позволить себе съесть наименьшее зерно этой кукурузы, и даже тогда, но очень экономно, как я скажу позже в ее порядке; ибо я потерял все, что посеял в первый сезон, не обходя надлежащего времени; ибо я посеял его как раз перед засушливым сезоном, так что он вообще никогда не всходил, по крайней мере, не так, как должен был бы: на своем месте.

Помимо этого члена, было, как указано выше, 20 или 30 стеблей риса, которые я сохранил с той же тщательностью и использовал их того же вида или для той же цели, (а именно) для приготовления хлеба, или скорее Еды; потому что я нашел с пособы приготовить его без выпечки, хотя и с делал это через некоторое время.

Но чтобы вернуться к моему журналу,

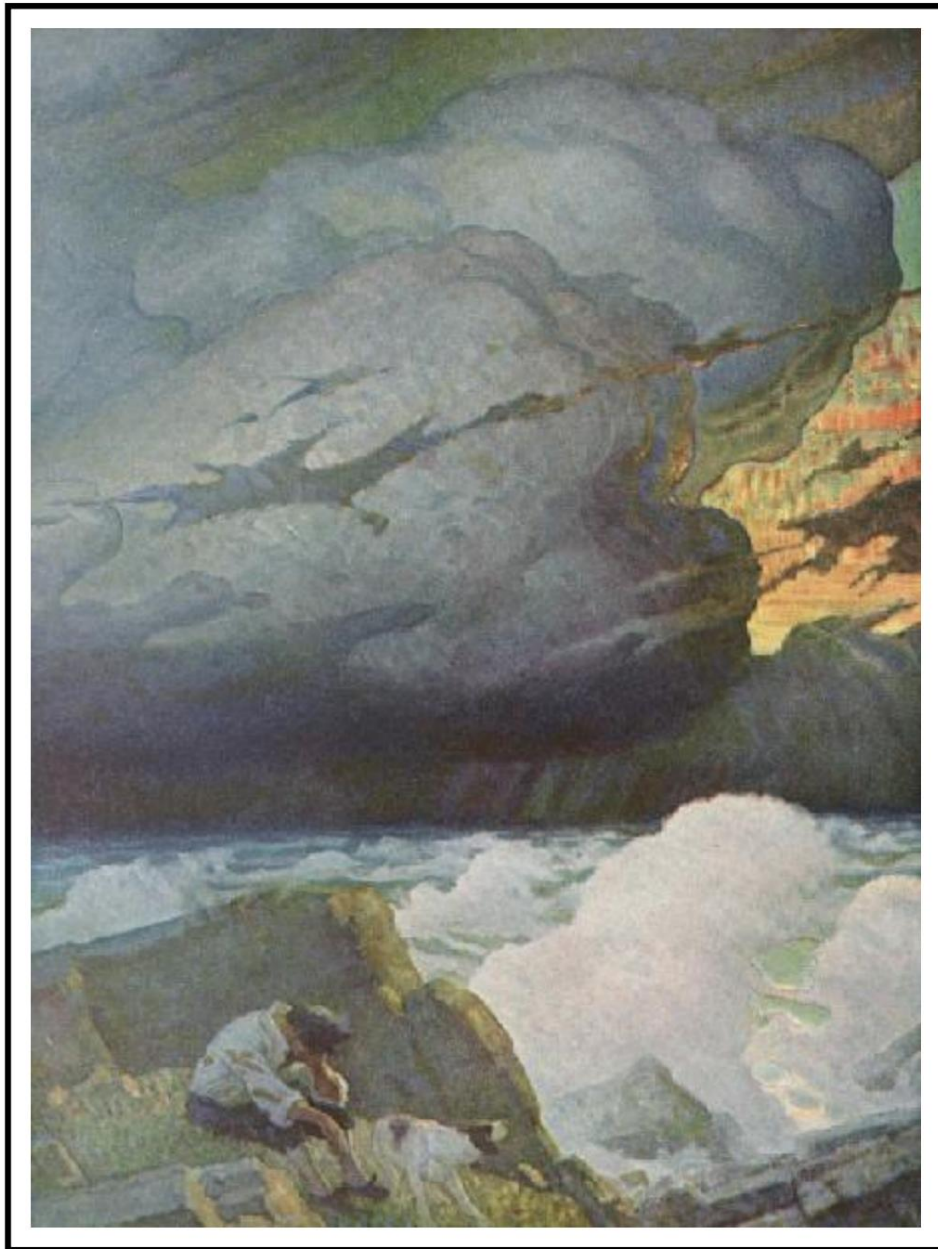
Я очень много работал эти три или четыре месяца, чтобы построить с вою Стену; и 14 апреля я закрыл его, ухитрившись войти в него не через дверь, а через стену лестнице, чтобы не было знака снаружи моего жилища.

16 апреля. Я закончил Лестницу, поэтому я поднялся по Лестнице на Вершину, а затем потянул ее за собой и опустил внутрь. У меня было достаточно места, и ничто не могло прийти ко мне извне, если оно не могло с начала взобраться на мою Стену.

На следующий же день после того, как эта стена была закончена, я чуть не добился того, чтобы весь мой труд был свергнут сразу, а я убил себя; Дело было так: когда я был занят внутри его, за моей палаткой, как раз у входа в мою пещеру, я был ужасно напуган с амой ужасной и удивительной вещью; ибо внезапно обнаружил, что земля рушится с крыши моей пещеры и с краях олма над моей головой, и два столба, которые я установил в пещере, ужасно треснули; Я был сильно напуган, но ничего не думал о том, что на самом деле было Причиной, думая только о том, что Вершина моей Пещеры рушится, как это уже бывало с некоторыми из них раньше; и из страха быть похороненным в ней, я побежал вперед к своей лестнице, и, не думая, что и там я буду в безопасности, я перебрался через свою стену из страха перед кусками олма, которые, как я ожидал, могут скатиться вниз. Я: Я не успел ступить на твердую Землю, но я сразу увидел, что это было ужасное Землетрясение, потому что Земля, на которой я стоял, сотряслась три раза на расстоянии около восьми минут, с тремя такими ударами, которые могли бы перевернуться». d самое прочное оружие, какое только можно было предположить на Земле, и большой кусок ок вершины скалы, который стоял примерно в полумиле от меня рядом с морем, рухнул с таким ужасным шумом, что я никогда не слышал за всю свою жизнь, я также чувствовал, что само море было приведено в сильное движение им; и я полагаю, что толчки были сильнее под водой, чем на острове.

Я был так поражен с амой Вещью, никогда не чувствуя ничего подобного и не разговаривая ни с кем, кто чувствовал, что я был подобен мертвому или ошеломленному; и от движения Земли у меня заболел желудок, как от того, что бросили в Море; но Шум падающей Скалы как бы разбудил меня и вывел из оцепенения, в котором я находился, наполнил меня Ужасом, и тогда я не думал ни о чем, кроме Холма, падающего на мою Палатку. и все

мои домашние товары, и их оронить все сразу; и это погрузило во мне саму мою Душу во второй Раз.

После того, как третий Удар закончился, и я некоторое время не чувствовал себя более, я начал набираться храбрости, но у меня не хватило Сердца, чтобы снова перелезть через мою Стену, из-за страха быть похороненным заживо, но я все еще сидел на земле, сильно подавлен и безутешен, не зная, что делать: все это время у меня не было ни малейшей серьезной религиозной мысли, ничего, кроме обычного: «Господь милостив ко мне; и когда это закончилось, это тоже ушло.

Пока я сидел так, я обнаружил, что воздух затянут облаками и становится облачным, как будто идет дождь; вскоре после этого ветер понемногу усилился, так что менее чем за полчаса он нанес ужаснейший ураган: внезапно все море покрылось пеной и пеной, берег покрылся пеной. с Прорывом Воды Деревья были вырваны с корнем, и это была ужасная Буря; и это продолжалось около трех часов, а затем началось тихое, а еще через два часа наступило полное затишье, и начался очень сильный дождь.

Все это время я сидел на Земле, очень испуганный и подавленный... Все это время, пока я сидел на Земле, очень испуганный и подавленный, мне вдруг пришло в голову, что эти Ветры и Дождь являются Последствиями Землетрясения, что само Землетрясение закончилось и закончилось, и я мог снова рискнуть в мою пещеру: с этой мыслью мой дух и начали возрождаться, и дождь также помог убедить меня, я вошел и сел в своей палатке, но дождь был таким сильным, что моя палатка была готова быть разбитой с ним, и я был вынужден уйти в свою пещеру, хотя очень боялся и тревожился, что падет на мою голову гибель.

Этот сильный Дождь вынудил меня к новой Работе, а именно. Прорубить Дыру в моем новом Укреплении, как Раковину, чтобы выпустить воду, которая иначе затопила бы мою Пещеру. После того, как я пробыл в своей пещере некоторое время и обнаружил, что толчки землетрясения больше не следуют, я стал более смелым; и теперь, чтобы поддержать мой дух и, которые действительно очень это хотели, я пошел в свой маленький магазин и выпил небольшой глоток рома, что, однако, я делал тогда и всегда очень экономно, зная, что я не мог иметь больше, когда он закончился.

Дождь продолжался всю эту ночь и большую часть следующего дня, так что я не мог шевелиться, но, будучи более смелым, я начал думать о том, что мне лучше всего сделать, и пришел к выводу, что если остров был подвержен этим землетрясениям, мне не было бы никакой жизни в пещере, но я должен подумать о том, чтобы построить себе какую-нибудь маленькую хижину на открытом месте, которую я мог бы окружить стеной, как я сейчас делаю здесь, и таким образом сделать мою жизнь защитить себя от диких зверей или людей; но пришел к выводу, что если бы я остался там, где я был, меня бы, конечно, рано или поздно похоронили заживо.

С этими мыслями я решил переместить свою палатку с того места, где она стояла, которое было как раз под нависающим обрывом холма, и

который, если бы его основа потрясла, непременно обрушился бы на мою палатку: И я провел два следующих дня, то есть 19 и 20 апреля, придумывая, где и как переместить мое жилище.

Страх быть проглоченным заживо заставлял меня никогда не спать спокойно, и все же опасения лежать без всякого забора были почти равны ему; но все же, когда я огляделся и увидел, как все устроено, как приятно был с прятан и как защищен от опасности, мне очень не хотелось уходить.

Тем временем мне пришло в голову, что мне потребуются много времени, чтобы сделать это, и что я должен довольствоваться тем, чтобы управлять Предприятием там, где я был, пока не сформирую Лагерь для себя, и закрепил его так, чтобы удалить его: Таким образом, с этим решением я обратился с духом на время и решил, что я со всей скоростью примусь за работу, чтобы построить себе стену из свай и канатов. и т. д. кругом, как и раньше, и поставил в нем свою палатку, когда она будет закончена, но что я осмелюсь остаться там, где я был, пока она не будет закончена и не будет пригодной для перемещения. Это было 21 число.

22 апреля. На следующее утро я начал обдумывать средства, чтобы привести эту решимость в исполнение, но я был в большой растерянности по поводу своих инструментов; У меня было три больших топора и множество топоров (ибо мы несли топоры для торговли с индейцами), но я много рубил и рубил сучковатую твердую древесину, все они были полны зазубрин и тупы, и хотя у меня был точильный камень, я не мог повернуть его и отшлифовать свои инструменты, это стоило мне только же мыслей, сколько осуждающих ударов отдал бы великому пункту политики или судье о жизни и смерти человека. В конце концов я изобрел Колесо с Веревкой, чтобы крутить его одной, чтобы обе мои руки были на свободе. Заметьте, я никогда не видел ничего подобного в Англии или, по крайней мере, не обращал внимания, как это происходит. было сделано, хотя, как я заметил, это очень распространено там; кроме того, мой точильный камень был очень большим и тяжелым. Эта машина стоила мне целой недели работы, чтобы довести ее до совершенства.

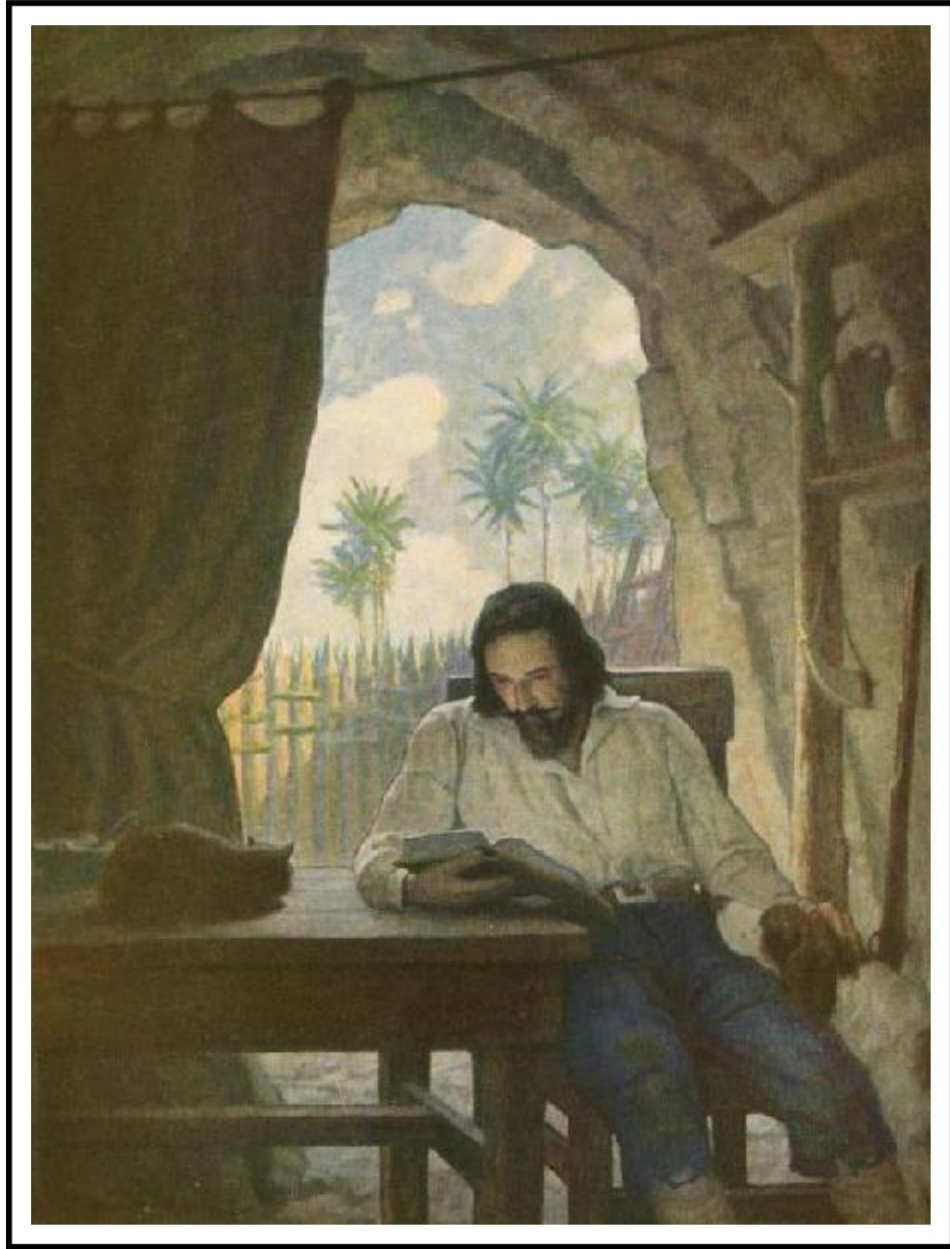
28, 29 апреля. Целых два дня я потратил на шлифовку своих инструментов, моя машина, благодаря которой мой точильный камень работал очень хорошо.

30 апреля . Заметив, что у меня уже давно не х ватает х леба, теперь я
осмотрел его и съел один бисквитный пирог в день, от чего у меня на
сердце стало очень тяжело.

Chapter IX

Робинсон получает больше статей с места крушения - его болезнь и страдание

М 1. Я Утром, посмотрев в сторону Моря, когда прилив был низким, я увидел на берегу нечто большее, чем обычное, и похоже на бочку; когда я подошел к нему, я нашел небольшую бочку и два или три обломка корабля, которые были выброшены на берег поздним ураганом, и, глядя в сторону с места крушения, я подумал, что он лежит выше. из воды, чем мы должны были сделать; Я осмотрел бочку, которую пригнали к берегу, и вскоре обнаружил, что это была бочка с порохом, но в нее попала вода, и порох затвердел, как камень; однако пока я откатил его дальше по Берегу и пошел дальше по Пескам как можно ближе к месту крушения корабля, чтобы поискать еще.

Когда я спустился к кораблю, я обнаружил, что он странно удален: носовая часть замка, которая прежде была зарыта в песок, поднялась по крайней мере на шесть футов, а корма разлетелась на куски и отделилась от остальных. Силой моря вскоре после того, как я ушел обыскивать ее, ее как бы подбросило вверх и бросило в одну сторону, а песок был так высоко выброшен в ту сторону, рядом с ее кормой, что, несмотря на Обыграв «Местоводы» раньше, так что я не мог подойти и на четверть мили к затонувшему судну, не попав вглубь, теперь я мог подойти к нему, когда отлив закончился; Сначала я был удивлен этим, но вскоре пришел к выводу, что это должно

Землетрясение, и так как из-за этого на судно корабль был разбит больше, чем прежде, так много вещей ежедневно прибывало на берег, что разрыхляло море и что ветры и вода постепенно перекачивали на сушу.

Это полностью отвлекло мои мысли от плана удаления моего Жилье; и в тот день я особенно сильно занялся поисками, смогу ли я пробраться на корабль, но я обнаружил, что от этого рода ничего нельзя было ожидать, потому что все внутренности корабля были забиты Сэнд; Однако, так как я научился ни в чем не отчаиваться, я решил разобрать все, что только можно, на Корабль, заключив, что каждая вещь, которую я смогу получить от него, будет какой-то Пользой или другой к мне.

3 мая. Я начал с моей пилы и прорезал кусок балки, думая, что он, что я креплю часть верхней части или четверти палубы, и когда я прорезал его, я очистил его от песка, а также мог с стороны, которая лежала выше; но с настулением Прилива был вынужден отказаться от этого Времени.

4 мая. Я пошел на рыбалку, но не поймал ни одной рыбы, которую я осмелился съесть, пока не устал от своего порта, когда, собираясь остановиться, я поймал молодого дельфина. Я сделал себе длинную леску из какой-то веревочной пряжи, но у меня не было крючков, и все же я час толовил достаточное количество рыбы, столько, сколько мне хотелось есть; все, что я сушил на солнце, и ем их всухую.

5 мая. Работал на затонувшем корабле, разрезал на части еще одну балку и принес с палубы три больших еловых доски, которые я связал вместе и заставил плыть к берегу, когда начался прилив.

6 мая. Работал на затонувшем судне, вытащил из него несколько железных болтов и другие куски железа, работал очень усердно и вернулся домой очень усталым, и у него были мысли дать его.

7 мая. Снова отправился к затонувшему судну, но с намерением не работать, но обнаружил, что вес затонувшего корабля сломался сам собой, бимсы были перерезаны, несколько частей корабля, казалось, лежали свободно, а Стенная трюма была так открыта, что я мог заглянуть внутрь, но почти полностью заполнена водой и песком.

8 мая . Пошел к месту крушения и взял с собой « Железную ворона», чтобы поднять палубу, которая теперь была совершенно свободна от воды или песка; Я вырвал две доски и вынес их на берег вместе с приливом: я оставил « Железную ворона» на месте крушения на следующий день.

9 мая . Пошел к затонувшему судну и с помощью Ворона проник в тело затонувшего корабля, оцепал несколько бочонков и раскрепостил их Вороном, но не смог их разбить; Я также нацупал рулон английских свинцов и смог его пошевелить, но он был слишком тяжелым, чтобы его снять.

10, 11, 12, 13, 14 мая . Каждый день ходил на затонувший корабль и получил много кусков дерева и досок или досок и 2 или 300 веса железа.

15 мая . Я взял с собой два топора, чтобы попытаться отрезать кусок от рулона свинца, вставив край одного топора и забив его другим; но так как он лежал примерно в полутора футах в воде, я не мог сделать ни одного удара, чтобы загнать топор.

16 мая . Ночью его сильно ударило, и судно выглядело более разбитым Силой Воды; но так долго оставался в лесу, чтобы добыть голубей для еды, что прилив помешал мне пойти в тот день к затонувшему судну.

17 мая . Я видел несколько обломков крушения, унесенных ветром на берег, на большом расстоянии, примерно в двух милях от меня, но решил посмотреть, что это такое, и обнаружил, что это был обломок головы, но слишком тяжелый для меня. увезти.

24 мая . Каждый день и по сей день я работал на корабле крушения и с тяжелым трудом развязал кое-что с помощью Ворона так сильно, что при первом приливе выплыло несколько бочек и два судна ка моряков; но ветер дул с берега, и в тот день на землю не попало ничего, кроме кусков дерева и бочки, в которой было немного образильской свинины, но солоная вода и песок испортили ее.

Я продолжал эту Работу каждый день до 15 июня, за исключением Времени, необходимого для получения Пищи, которое я всегда назначал в течение этой Части моей жизни. Работа, чтобы быть, когда прилив, чтобы я мог быть готов, когда он отступит, и к этому времени я получил древесину, и доски, и Работы по железу достаточно, чтобы построить хорошую лодку, если бы я знал, как это сделать; и

Кроме того, я несколько раз и в нескольких частях получал около 100 весов с винцовой олистой.

16 июня. Спустившись к берегу моря, я нашел большую Черепаху или Черепаху; это было первое, что я видел, и это, кажется, было только моим несчастьем, а не каким-то недосатком места или недосатком; ибо, если бы я оказался на другой стороне острова, я мог бы иметь их с отни каждый день, как я обнаружил впоследствии; но, возможно, заплатил за них достаточно дорого.

17 июня. Я готовил Черепаху; Я нашел в ней шестьдесят яиц; и ее Плоть была для меня в то время самой вкусной и приятной из всех, что я когда-либо пробовал в своей Жизни, поскольку с тех пор, как я приземлился в этом ужасном Месте, у меня не было Плоти, кроме Коз и Птиц.

18 июня. Весь день шел дождь, и я остался дома. Я думал, что в это время Дождь казался Холодным, и я был чем-то заблужден, что, как я знал, необычно для этой Широты.

19 июня. Очень плохое самочувствие, озноб, как будто погода была холодной.

20 июня. Нет покоя всю ночь, сильные боли в голове и лихорадка.

21 июня. Очень болен, почти до смерти наугад опасениями моего печального состояния, болезни и отсутствия помощи: молился БОГУ впервые после шторма у Алла, но почти не знал, что я сказал, или почему; все мои мысли путаются.

22 июня. Немного лучше, но в ужасных предчувствиях болезни.

23 июня. Снова очень плохо, озноб и озноб, а затем сильная головная боль.

24 июня. Гораздо лучше.

25 июня. Очень сильная лихорадка; Припадок держался у меня семь часов, холодный и горячий, с слабым потом после него.

26 июня. Лучше; и, не имея еды, взял свое ружье, но обнаружил, что очень слаб; однако я убил козу и с большим трудом принес ее домой, поджарил ее и съел; Я был радостью потушил его и сварил бульон, но не было котелка.

27 июня . Снова лихорадка такая сильная , что я весь день пролежал в постели , не ел и не пил . Я был готов погибнуть от Жажды , но был так слаб , что у меня не было силы ни встать , ни напиться воды . был так невежествен , что я не знал , что сказать ; только я лежал и плакал , Господи , посмотри на меня , Господи , помилуй меня , Господи , помилуй меня : я полагаю , я ничего не делал в течение двух или трех часов , пока припадок не прошел , я уснул и не проснулся , пока далеко в ночи ; когда я проснулся , я обнаружил , что я очень ослаб и ужасно жажду . Однако , поскольку во всем моем жилище не было воды , я был вынужден лежать до утра и снова заснул : В этом втором Сне мне приснился этот ужасный Сон .

Я думал , что сижу на Земле за пределами своей Стены , где я сидел , когда разразилась Буря после Землетрясения , и что я видел , как Человек спустился из огромного черного Облака в ярком Пламени Огня , и свет на земле : он весь был таким же ярким , как пламя , так что я мог только смотреть на него ; Его Лик был невыразимо ужасен , невозможно описать словами ; когда он ступил на землю с своими ногами , я подумал , что земля содрогнулась , точно так же , как это было прежде во время землетрясения , и весь воздух вылетел , к моему опасению , как будто он был наполнен сочными пышками огня .

Как только он приземлился на Землю , он двинулся ко мне с длинным копьём или оружием в руке , чтобы убить меня ; и когда он подошел к возвышению , на некотором расстоянии , он заговорил со мной , или я услышал Голос нас только ужасный , что невозможно выразить Ужас от него ; все , что я могу сказать , я понял , это было то , что все эти вещи не привели тебя к покаянию , и ты не умрешь . При этих словах я подумал , что он поднял копье , которое было в его руке , чтобы убить меня .

Никто из тех , кто когда-либо прочтет это повествование , не будет ожидать , что я смогу описать Ужасы моей Души при этом ужасном Видении , я имею в виду , что даже когда это был Сон , мне даже снились эти Ужасы ; также невозможно более описать то впечатление , которое осталось в моем сознании , когда я проснулся и обнаружил , что это всего лишь сон .

у меня было удивление ! нет божественного Знания ; то , что я получил по доброму Наслаждению моего Отца , затем изнашивалось непрерывной Серией , ибо

8 лет мореходной злобы и постоянно о разговорах с чем, кроме таких, как я сам, порочных и нечестивых до последней степени: я не помню, чтобы за все это время у меня была хоть одна мысль, вверх, к Богу, или внутрь, к размышлению о моих общественных путях. Но некая глупость души, лишенная желания добра или с овести зла, полностью подавила меня, и я был всем, чем был с амый ожесточенный, бездумный, злой человек. Существо среди наших простых моряков, можно предположить, не имеет ни малейшего Чувствования Страха Божия в Опасности, ни Благодарности Богу в Освобождении.

Рассказывая о том, что уже было в моей истории, в это будет тем легче поверить, когда добавлю, что, несмотря на все многообразие несчастий, выпавших на мою долю досега дня, у меня никогда не было ни одной мысли о том, что это была Рука Бога, или что это было справедливое наказание за мой грех; мое бунтарское поведение против моего Отца или мои нынешние грехи, которые были велики; или столько, сколько Наказание за общий курс моей злой жизни. Когда я был в отчаянной экспедиции на пустынные берега Африки, у меня никогда не было ни единой мысли о том, что с мной будет; или одну, чтобы указать мне, следует ли мне идти, или уберечь меня от опасности, которая, по-видимому, окружала меня, а также от прожорливых существ и жестоких дикарей: но я просто не думал ни о Боге, ни о Провидении; действовал как простое животное, исходя из принципов природы и только повеления здравого смысла, да и то едва ли.

Когда я был представлен и взят в море португальским капитаном, благополучным, и с мной обошлись справедливо и с честью, а также с милосердием, я не испытывал ни малейшей благодарности в своих мыслях: когда снова потерпел кораблекрушение, разоренный и находящийся в опасности утонуть на этом острове, я был так же далек от раскаяния или смотрел на это как на приговор; Я лишь часто говорил себе, что я несчастный Пёс и рождён, чтобы быть всегда несчастным. Правда, когда я первым здесь добрался до Берега и обнаружил, что весь экипаж моего корабля утонул, а я сам спасся, я был удивлен своего рода экстазом и некоторыми порывами души, которые, Благодарить Божию с одойствовала, могла бы дойти до истинной Благодарности; но закончилось оно там же, где и началось, — простым полетом радости, или, так сказать, радостью, что я жив, без малейшего размышления об исключительной Доброте Руки, которая сохранила меня и спасла.

выбрал меня для с ох ранения , ког да все остальны е были уничтожены; или Запрос , почему Провидение было так милос тиво ко мне; даже та же обыкновенная радос ть, которую обычно ис пытываю т моря ки пос ле тог о, как благ ополучно выс адилис ь на берег пос ле кораблекрушения , которую они тог я т в следу ю щей чаше пунша и забывают почти с разу же, как только она заканчиваетс я , и всю ос тавшуюс я жизнь. было пох оже.

Даже ког да я вполедс твии, при должном рас с мотрении, ос ознал с вое с остоя ние, как я был брошен в это ужас ное Мес то, вне дос яг аемос ти человечес ког о рода, без вся кой надежды на облег чение или надежду на ис купление, как только я увидел но надежда на жизнь и нато, что я не умру от г олода и не пог ибну от г олода, все чувство моей с корби улетучило с ь, и я начал вести с ебя очень лег ко, заня лс я делами, надлежащими для моег о с ох ранения и с набжения , и был дос таточно далек от тог о, чтобы быть пораженным моим с остоя нием, как с удом с небес или как рукой Бог а против меня ; это были мыс ли, которые очень редко прих одили мне в г олову.

Выращивание кукурузы, как намекаетс я в моем дневнике, с начала оказало на меня небольшое влия ние и начало воздей ствовать на меня с с ьезнос тью, пока я думал, что в этом ес ть что-то чудес ное; но как только эта Ч ас ть Мыс ли удаля лас ь, все Впечатление, которое производило с ь от нее, также с тирало с ь, как я уже отмечал.

Даже землетря с ение, х отя ничто не мог ло быть более ужас ным пос воей природе или более непос редс твенно направленным на невидимую С илу, которая одна управляет такими вещами, тем не менее, как только прошел первый с трах , но произведенное им впечатление также ис чезло. У меня было не больше Чувс тва Бог а или Ег о с уждений, тем более тог о, что нынешнее Нес час тье моих Обс тоя тельс тв ис х одит от Ег о Руки, чем ес ли бы я был в с амом благ ополучном с остоя нии жизни.

Но теперь, ког да я начал болеть, и неторопливый взг ля д на с традания С мерть предс тала передо мной; ког да мой Дух начал тонуть под Бременем с ильной С муты, и Природа была ис тоще на Нас илие Фивера; С овест ь, которая так долг о с пала, начала пробуждаться , и я начал упрекать с ебя за мою прошлую жизнь, в которой я так очевидно, необычайной злобой, с провоц ировал С праведливос ть Божию , чтобы подверг нуть меня необычайным ударам и иметь дело с о мной в такой мс тительной Манера.

Эти размышления угнетали меня на второй или третий день моей Смуты, а в Насилии, как и Фивера, так и ужасных Упреков с овести, вырывали у меня некоторые Слова, как моление Богу, хотя я нельзя сказать, что это была Молитва, сопровождаемая Желаниями или Надеждами; это было скорее Голос ужаса и беспокорства; мои мысли были спутаны, убеждения были велики в моем уме, и ужас смерти в таком жалком состоянии поднял пар в моей голове вместе с простыми опасениями; и в этих порывах моей души я не знаю, что мог бы выразить мой язык: но это было скорее восклицание, такое как: Господи! что за жалкое создание? Если я заболею, то непременно умру от недостатка помощи, и что со мной будет! Затем слезы брызнули из моих глаз, и я некоторое время не мог больше ничего сказать.

В этот промежуток времени мне наум пришел добрый совет моего отца, а затем и его предсказание, о котором я упоминал в начале этой истории, а именно. Что, если я сделаю этот глупый Шаг, Бог не благословит меня, и у меня будет свободное время, чтобы поразмышлять о том, как я пренебрег его советом, когда некому будет помочь моему выздоровлению. Теперь, сказал я вслух, слова Моего дорогого Отца были: Божья Справедливость настала для меня, и у меня нет никого, кто мог бы помочь или услышать меня: я отверг Голос Провидения, который милостиво поставил меня в Положение или Положение Жизни, где я мог бы быть счастливым и легким; но я не хотел ни увидеть его сам, ни узнать о его благословении от моих родителей; Я оставил их оплакивать мою глупость, а теперь я вынужден оплакивать ее последствия: я отказался от их помощи и действий, которые подняли бы меня в мир и облегчили бы все мне, и теперь у меня есть трудности, с которыми нужно бороться, слишком большие, чтобы даже сама природа могла их поддержать, и никакой помощи, ни помощи, ни утешения, ни совета; тогда я закричал: «Господи, помоги мне, ибо я в великой беде».

Это была первая Молитва, если можно так сказать, которую я совершил за многих Годы: Но я возвращаюсь к своему журналу.

Chapter X

выздоровление. Его утешение в чтении Священных Писаний. Он совершает экскурсию внутри острова. Формирует свою «беседку».

Дж 28. Я был несколько ошеломлен сном, который у меня был, и, когда припадок полностью прекратился, я встал; и хотя испуг и ужас моего сна были очень велики, все же я полагал, что приступов орадаки вернется снова на следующий день, и теперь пришло мое время получить что-то, чтобы ошеветься и поддержать себя, когда я должен быть болен; и первое, что я сделал, я наполнил большую квадратную бутылку водой и поставил ее на свой стол в пределах досягаемости моей кровати; и чтобы снять их олодили мучительное состояние воды, я добавил в нее около четверти пинты рома и смешал их вместе; затем добыл себе кусок козьего мяса и поджарил его на углях, но мог есть очень мало; Я ходил, но был очень слаб, и вместе с тем очень печален и тяжел на сердце в мысли своего несчастного положения; опасаясь возвращения моей болезни на следующий день; Ночью я приготовил себе ужин из трех черепаших яиц, которые поджарил в золе и съел, как мы это называем, в скорлупе; и это был первый кусок мяса, на который я когда-либо просил Божьего благословения, насколько мог помнить, за всю мою жизнь.

После того, как я поел, я попытался идти, но обнаружил, что я настолько слаб, что едва могу нести ружье (ибо я никогда не выходил без него), поэтому я прошел совсем немного исел на Земля, обращенная к морю, которое было прямо передо мной, и очень спокойное и гладкое: Пытаясь сидеть здесь, мне пришли в голову такие мысли, как эти.

Что это за Земля и Море, которые я так много видел, откуда они произошли, и что такое я и все другие существа, дикие и ручные, гуманные и жестокие, откуда мы?

Конечно, все мы созданы какой-то тайной Силой, с отворившей Землю и Море, Воздух и Небо; и кто это?

Затем последовало самое естественное: это Бог сотворил все это. Что ж, но дальше пошло странно, если Бог сотворил все это, Он направляет и

управляет ими всеми и всем, что касается их; ибо Сила, которая могла бы открыть все Вещи, непременно должна была бы иметь Силу, чтобы вести и направлять их.

Если это так, то ничто не может произойти в великой Цепи Его Работ ни без Его Знания, ни без Его Назначения.

Если ничто не происходит без его ведома, он знает, что здесь и нахожусь в этом ужасном состоянии; и если ничто не происходит без его назначения, он назначил все это на меня.

Моей мысли не пришло в голову ничего, что противоречило бы какому-либо из этих заключений; и поэтому на мне покоилась большая Силой, что должно быть так, что Бог predetermined все это, чтобы постичь меня; что я был доведен до этого неслучайного положения по его указанию, поскольку он имел единственную власть не только во мне, но и во всем, что происходило в мире.

Сразу последовало,

Почему Бог сделал это сомной? Что я сделал, чтобы быть таким?

Моя Совесть тут же остановила меня в этом Расследовании, как будто бы бог охульствовала, и мне показалось, что она говорила сомной, как Голос; негодяй! Ты спрашиваешь, что ты сделал! оглянуться назад на ужасную, потраченную впустую жизнь и спросить себя, чего ты не сделал? спроси: почему ты не так давно был уничтожен? Почему ты не утонул на Ярмутских дорогах? Убит в бою, когда корабль был захвачен военным кораблем Салли? Поглощены дикими зверями на побережье Африки? Или утонул ЗДЕСЬ, когда вся команда погибла, кроме тебя самого? Ты спрашиваешь: что я сделал?

Я онемел от этих размышлений, как изумленный, и мне нечего было сказать, нет, чтобы ответить самому себе, а встал, задумчивый и печальный, пошел обратно в свое убежище и поднялся над своим Стеной, как будто бы собирался лечь спать, но мои мысли были печально нарушены, и у меня не было склонности ко сну; поэтому я сел в свое кресло и зажег свою лампу, потому что стало темно. Теперь, когда опасение возвращения моей чумы очень напугало меня, я подумал, что бразильцы не принимают Physick но их Tobacco почти для всех болезней; и у меня в одном из сундуков был кусок табачного рулона, который был совершенно с вернувшимся, а также несколько зеленых и не совсем с вернувшихся.

Я пошел, без сомнения, направляемый Небом; ибо в этом сундуке я нашел лекарств как для души, так и для тела, я открыл сундук и нашел то, что искал, а именно. Табак; и так как несколько книг, которые я сохранил, тоже лежали там, я вынул одну из Библий, о которой я упоминал ранее и которую до сих пор я не нашел ни досуга, ни желания взглянуть в нее; Я говорю, я взял его, и принес с собой и это, и Табак к Столу.

Какая польза от табака, я не знал, что касается моей чумы, и был ли он полезен для него или нет; но я провел с ним несколько экспериментов, как будто я решил, что он должен попасть в ту или иную сторону: с начала я взял кусок листа и прожевал его во рту, что действительно поначалу почти ошеломляло мой мозг, табак был зеленым и крепким, и что я не очень привык к нему; затем я взял немного и погрузил его час или два в немного рома и решил принять дозу, когда лягу; и, наконец, я съел немного на сковороде с углями и держал с собой нос близко к дыму, пока я мог выносить его, как для жара, так и почти для удушья.

В промежутке между этой операцией я взял Библию и начал читать, но моя голова была слишком взбуждена табаком, чтобы выносить чтение, по крайней мере в то время; только случайно открыв Книгу, первыми Словами, пришедшими мне в голову, были следующие: Призови меня в День Смуты, и Я избавлю, и Ты прославишь Меня.

Слова были очень подходящими для моего случая и произвели некоторое впечатление на мои мысли во время их чтения, хотя и не так сильно, как впоследствии; ибо, что касается того, что Слово было представлено, то, как я могу сказать, для меня не было Звук; Вещь была настолько далекой, настолько невозможной в моем понимании вещей, что я начал говорить, как это делали Дети Израиля, когда им было обещано есть Плоть: Может ли Бог накормить толпу в пустыне? поэтому я начал говорить: может ли сам Бог избавить меня от этого места? и так как в течение многих лет не появлялась какая-либо надежда, это очень часто преобладало над моими мыслями: но, тем не менее, слова произвели на меня сильное впечатление, и я очень часто размышлял о них. Было уже поздно, и табак, как я уже сказал, так сильно задремал мне в голову, что я хотел уснуть; так что я оставил свою Лампу горящей в пещере, чтобы мне ничего не хотелось ночью, и пошел спать; но перед тем, как лечь, я сделал то, чего никто тогда не делал за всю свою жизнь, я встал на колени и помолился Богу, чтобы исполнил данное мне обещание,

на нем в День Смуты, он избавит меня; после того, как моя прерванная и несвершенная молитва была закончена, я выпил ром, в котором я погрузил табак, который был не только крепким и качественным табаком, что я действительно едва мог его проглотить; сразу же после этого я лег спать, я обнаружил, что вскоре он резко взлетел в моей голове, но я погрузился в крепкий сон и больше не просыпался, пока солнце не должно было быть около трех часов дня. На следующий день; нет, в этот час я частично придерживаюсь мнения, что я проспал весь следующий день и ночь, и почти до трех дней после этого; ибо иначе я не знал бы, как бы я потерял день из моего счета в дни недели, как это оказалось через несколько лет после того, как я это сделал: ибо, если бы я потерял его, пересекая и снова пересекая линию, я должен был бы потерять не один День: Но, конечно же, я потерял День в своем Соплавлении и никогда не знал, каким Путем.

Так или иначе, но когда я проснулся, я обнаружил, что я чрезвычайно освежен, а мой дух бодр и весел; когда я встал, я был сильнее, чем накануне, и мой желудок лучше, потому что я был голоден; Короче говоря, на следующий день я был не в форме, но продолжал сильно меняться к лучшему; это было 29 число.

30-е число было моим хорошим днем, конечно, и я отправился за границу с своим ружьем, но не хотел ехать с лишком далеко, я убил одну или две морских птицы, что-то вроде цельного гуся, и принес их домой, но не был. очень жду, чтобы съесть их; поэтому я съел еще немного черепашьих яиц, которые были очень хороши: этим вечером возобновил лекарство, которое, как я предполагал, помогло мне накануне, а именно. Табак, погруженный в ром, только я не ел так много, как раньше, и я не жевал ни одного листа и не склонял голову над дымом; однако на следующий день, то есть первого июля, мне было не так хорошо, как я надеялся; ибо у меня было немного Spi ceof t he col d Fi t, но это было немного.

2 июля. Я обновил Лекарство всеми тремя с пособами и погрузился в него, как в первый раз; и удвоил количество, которое я выпил.

3 июля. Я пропустил Припадок навсегда и все такое, хотя я не восстанавливал свою полную Силу в течение нескольких недель после этого; Пока я собирался таким образом с Силой, мои мысли были сосредоточены на этом месте Писания, я избавлю тебя, и невозможность моего избавления сильно занимала мой разум в Барре моей жизни.

всегда ожидая этого: Но поскольку я разочаровывал себя такими мыслями, мне пришлось в голову, что так много ососредоточился на своем Избавлении от осовного Недуга, что я проигнорировал Освобождение, которое я получил; и меня как бы заставляли задать себе такие вопросы, как эти, а именно. Разве я не избавился, и притом чудесным образом, от болезни? из самообедственного положения, какое только мог быть, и которое было так ужасно для меня, и какое внимание я обратил на это?

Сделал ли я свою часть? Бог избавил меня, но я не прославил Его; то есть я не признал и не был благодарен за это как за Избавление, и как мог я ожидать большего Избавления?

Это очень тронуло мое Сердце, и я тотчас же опустился на колени и благодарил Бога вслух за мое выздоровление от моей болезни.

4 июля. Утром взял Библию и, начав с Нового Завета, начал серьезно читать ее и взял на себя обязательство читать понемногу каждое Утро и каждый Вечер, не привязывая себя к Числу Глав, но до тех пор, пока мои Мысли должны были занимать меня: Вскоре после того, как я серьезно взялся за эту Работу, я обнаружил, что мое Сердце более глубоко и искренне затронуто Злобой моей прошлой Жизни: Впечатление моего сознания возродилось. 'd, и слова "Все это не привело тебя к покаянию" серьезно пронесли в моей мысли: я усердно просил Бога дать мне покаяние, когда это случилось по провидению в тот самый день, когда, читая Писание, я пришел к этим Словам Он превознесен как Князь и Спаситель, чтобы дать Покаяние и дать Прощение: Я бросил Книгу, и мое Сердце, а также мои Руки вознеслись к Небесам, В Виде Экстаза Радости, Возгласил я, Иисусе, Сыне Давидов, Иисусе, еси великий Князь и Спаситель, дай мне покаяние!

Это был первый раз, когда я мог сказать, в истинном смысле слова, что я молился за всю свою жизнь; ибо теперь я молился с Чувством своего существования и истинным Писанием Взглядом Надежды, освоенным на Ободрении Слова Божьего; и с этого времени, я могу сказать, у меня появилась надежда, что Бог услышит меня.

Теперь я начал истолковывать слова, упомянутые выше: « Воззови ко мне, и я избавлю тебя » в ином смысле, чем тот, который я когда-либо делал прежде; для

тогда у меня не было никакого представления о том, что называется Избавлением, кроме моего избавления от плена, в котором я находился; ибо, хотя я действительно был на свободе в этом месте, все же остров, безусловно, был для меня тюрьмой, и это в самом худшем смысле этого слова; но теперь я научился понимать это в другом смысле: теперь я оглядывался на свою прошлую жизнь с таким ужасом, и мои грехи казались такими ужасными, что моя душа не искала ничего от Бога, кроме Избавления от бремени Вина, которая тяготила все мое утешение: Что касается моей уединенной жизни, то она была ничем; Я даже не молился, чтобы избавиться от него, и не думал об этом; Все это не имело никакого значения по сравнению с этим: И я добавляю сюда эту часть, чтобы намекнуть всякому, кто будет ее читать, что всякий раз, когда они приодяtk истинному Смыслу вещей, они найдут Освобождение от Грехов гораздо большим Благополучием, чем Освобождение от скорби.

Но оставив эту часть, я возвращюсь к своему журналу.

Мое состояние теперь стало не менее жалким, чем мой образ жизни, но гораздо более легким для моего ума; и мои мысли, направленные постоянным чтением Писания и молитвой Богу, на вещи высшей природы: я обретаю большое утешение внутри, о котором до сих пор ничего не знал; Кроме того, когда ко мне вернулись здоровье и сила, я заставил себя наблюдать себя всем, что я имел, и с делаться мой образ жизни как можно более регулярным.

С 4 по 24 июля я в основном был занят прогулками с ружьем в руке, то понемногу, то понемногу, как человек, собирающийся с силами после приступа болезни: ибо трудно себе представить, каким низким я был и до какой Слабости я был низведен. Применение, которым я пользовался, было совершенно новым, и, возможно, оно никогда раньше не излечивало лихорадку и не может никому рекомендовать его для практики с помощью этого эксперимента; хотя это сыграло припадок, все же это скорее с поспособствовало ослаблению меня; Некоторое время у меня были частые конвульсии нервов и конечностей.

Я узнал от него также, в частности, что за границей дождливая Сезон был самым пагубным для моего здоровья, особенно в те дожди, которые заканчивались бурями и ураганами. Ветер; поскольку то, в которое нас тупало сухое время года, всегда было самым

с опровергался такими Бурями, поэтому я обнаружил, что Дождь гораздо опаснее, чем Дождь, выпавший в сентябре и октябре.

Я пробыл на этом зловещем острове более 10 месяцев, всякая возможность избавления от этого состояния, казалось, была полностью у меня отнята; и я твердо верил, что ни одна человеческая форма никогда не ступала на это место. Теперь, когда мое жилище, как я думал, полностью закрепилось за моим разумом, у меня было великое желание совершить более совершенное открытие острова, и чтобы увидеть, какие другие произведения я мог бы найти, о которых я еще ничего не знал.

Это было 15 июля, когда я начал проводить более подробное исследование самого острова: с начала я поднялся вверх по ручью, где, как я намекал, я пристал к берегу на своих плотах; Поднявшись примерно на две мили, я обнаружил, что прилив не поднимается выше и что это всего лишь небольшой ручеек с проточной водой, очень свежей и хорошей; но это был сухой сезон, и в некоторых его частях почти не было Воды, по крайней мере, недостаточно, чтобы течь в какой-либо поток, чтобы ее можно было увидеть.

На берегу этого ручья я нашел много приятных Саван или лугов; равнинный, гладкий и покрытый травой; и на возвышающихся частях их рядом с более высокими Территориями, где Вода, как можно предположить, никогда не переливалась через край, я нашел много Табака, зеленого и вырастающего до больших и очень крепких Стеблей; было множество других растений, о которых я не имел ни представления, ни понимания, и которые, возможно, могли бы иметь свои собственные достоинства, которые я мог бы обнаружить.

Я искал корень маниоки, из которого индейцы во всем этом климате пекут свой хлеб, но я мог найти большие растения аллея, но тогда не понимал их. Я видел несколько ароматных тростников, но диких и непригодных для выращивания. На этот раз я удовлетворился этими открытиями и вернулся, размышляя про себя, какой курс я мог бы предпринять, чтобы узнать ценность и пользу любого из фруктов или растений, которые я должен открыть; но не мог довести его до конца; Короче говоря, я сделал так мало наблюдений, пока бродил по Бразилии, что мало знал о полевых растениях, по крайней мере, очень мало, что могло бы послужить мне для какой-либо цели сейчас, в моем бедствии.

На следующий день, 16-го, я снова поднялся по той же тропе и, пройдя несколько дальше, чем днем ранее, нашел ручей, а реки Саваны начали заканчиваться, и местность стала более лесистой, чем раньше; в этой части я нашел разные фрукты, и особенно нашел меллоны на земле в большом изобилии и виноград на деревьях; Лозы действительно раскинулись на деревьях, а гроздья винограда только что были в расцвете сил, очень спелые и богатые: это было удивительное открытие, и я был чрезвычайно рад им; но мой опыт предупредил меня есть их экономно, помня, что, когда я был на берегу в Берберии, поедание винограда убило нескольких наших англичан, которые были там рабами, бросив их в Флаксы и Фиверы: Но я нашел прекрасное применение этим виноградом, и это заключалось в том, чтобы вылечить или высушить их насолнце и их ранить их, как х ранят сушеные виноград или изюм, которые, как я думал, будут столь же полезными, сколь и приятными. чтобы поесть, когда не было винограда.

Я провел там весь тот вечер и не вернулся в свое жилище, которое, между прочим, было первой ночью, так сказать, я пролежал вне дома. Ночью я взял свое первое приспособление и забрался на дерево, где хорошо выспался, а на следующий день утро продолжил свое открытие, проехав около четырех миль, несколько мог усудить по длине долины, держась по-прежнему прямо на север, с горных ребром на юге и севере от меня.

В конце этого марта подошел к Уцелю, где Страна, казалось, спускалась на Запад, а небольшой Источник пресной Воды, вытекавший из Склона Холма мимо меня, бежал в другую сторону, т. е. строго на восток; и Страна казалась такой свежей, такой зеленой, такой цветущей, все было в постоянной зелени или цветении весны, что она походила на посаженный сад.

Я немногоспустился по склону этой восхитительной долины, обзревая ее с тайным удовольствием (хотя и с мешанным с другими моими тревожными мыслями), думая, что все это принадлежит мне, что я король и повелитель всей этой страны. неотъемлемо и имел право владения; и если бы я мог передать его, я мог бы получить его по наследству так же полно, как лорд поместья в Англии. Я видел здесь изобилие деревьев в какао, апельсина и лимона,

и Цитроновые деревья; но все дикое, и очень немногие приносили какие-либо плоды, по крайней мере, тогда. Однако зеленые лаймы, которые я собирал, были не только приятными в еде, но и очень полезными; потому что мешал их с оксидом водой, что делало его очень полезным, очень прохладным и освежающим.

Я обнаружил, что теперь у меня достаточно дел, чтобы обратиться и отнести Домой; и я решил сделать запас как винограда, так и лаймов и лимонов, чтобы подготовиться к сезону дождей, который, как я знал, приближался.

Для этого я собрал большую кучу винограда в одном месте, меньшую кучу в другом месте и большую связку лаймов и лимонов в другом месте; и, взяв с собой понемногу каждого из них, я отправился домой и решил прийти снова и принести мешок или мешок или то, что я мог бы сделать, чтобы отнести остальное Домой.

Соответственно, проведя в этом путешествии три дня, я вернулся домой; так я должен теперь назвать свою палатку и свою пещеру: Но, прежде чем я добрался туда, виноград был испорчен; Богатство плодов и вес сакса ломили их и повредили, так что они ни на что не годны; что касается лаймов, они были хороши, но я мог принести только несколько.

На следующий день, 19-го числа, я вернулся, сделав себе два маленьких мешка, чтобы принести домой свой урожай. Их, я нашел их всех разбросанными, растоптанными и волочеными, некоторых здесь, некоторых там, и Изобилие съедало и съедало. Из этого я заключил, что поблизости были какие-то дикие существа, которые делали это; но что они были, я не знал.

Однако, как я обнаружил там, их не складывали в кучи и не уносили в мешке, а то, что в одном случае они будут уничтожены, а в другом они будут раздавлены собственной тяжестью. Я прошел еще один курс; ибо я собрал большое количество винограда и повесил его на крайние ветки деревьев, чтобы он мог полечить и висеть на солнце; а что касается лаймов и лимонов, то я унес столько, сколько мог выдержать.

Когда я вернулся домой из этого путешествия, я с великим удовольствием созерцал плодородие этой долины и приятность

Situation, Защита от бурь со стороны воды и леса, и пришел к выводу, что я остановился на месте, чтобы обустроить свое жилище, которое было гораздо лучше частью страны. В общем, я начал подумывать о том, чтобы убрать свое жилище; и искать туз, столь же безопасный, как и то, где я сейчас нахожусь, если это возможно, в этой приятной плодородной части острова.

Эта мысль долго крутилась у меня в голове, и какое-то время я очень любил ее, приятность этого места искушала меня; но когда подошел к нему поближе и подумал, что я сейчас на берегу моря, где, по крайней мере, возможно, что что-то может случиться с моим преимуществом, и той же злой судьбе, которая привела меня сюда, может привести в то же место других несчастных негодяев; и хотя маловероятно, чтобы что-либо подобное могло когда-либо произойти, тем не менее заключить себя среди Холмов и Лесов, в центре острова, значило предвосхитить мое рабство и сделать такое Дело не только невероятным, но и невозможным; и поэтому я никоим образом не должен уходить.

Однако я был так очарован этим местом, что провел там большую часть своего времени в течение всей оставшейся части июля; и хотя, поразмыслив, я решил, как и выше, не переносить, тем не менее, я построил себе небольшую беседку и окружил ее на расстоянии с ильным забором, представляющим собой двойную живую изгородь, нас только вышкой, нас кольцом мог достучаться. , хорошо укрепленный и заполненный хворостом; и здесь я лежал в полной безопасности, иногда две или три ночи подряд, всегда перебирая с по нему с лестницей, как и прежде; так что теперь мне казалось, что у меня есть мой загородный дом и мой дом на берегу моря: И эта работа продлила меня до начала августа.

Я только что закончил с вой забор и начал получать удовольствие от своего труда, но начались дожди и заставили меня держаться поближе к моему первому жилищу; хотя я сделал себе палатку, подобную предыдущей, с куском паруса и очень хорошо ее расстелил; тем не менее у меня не было убежища в холме, чтобы уберечь меня от бури, или пещеры позади меня, в которую можно было бы укрыться, когда шли необычные дожди.

Примерно в начале августа, как я уже сказал, я закончил свою беседку и начал наслаждаться с собой. Третьего августа обнаружил, что виноград, который я повесил, совершенно высох и действительно был превосходным изюмом; так что я начал снимать их с Деревьев, и это было очень

счастлив, что сделал это; ибо последовавшие за этим дожди испортили бы их, и я потерял лучшую часть своей зимней пищи; ибо у меня было более двух сот больших Пучковых. Как только я собрал их всех и отнес большую часть домой в свою пещеру, как пошел дождь, и с тех пор, что было четырнадцать этого августа, дождь лил более или менее каждый день, до самого утра середины октября; а иногда так сильно, что я не мог выйти из своей пещеры несколько дней.

В этом сезоне я был очень удивлен увеличением моей семьи; Я был обеспокоен потерей одной из моих кошек, которая убежала от меня или, как я думал, была мертва, и я больше не слышал ни рассказов, ни вестей о ней, пока, к моему удивлению, она не вернулась домой в конце августа с тремя котятми; это было тем более странно для меня, потому что хотя я убил дикую кошку, как я ее называл, из моего оружия; тем не менее, я думал, что это совсем другой вид, чем наши европейские кошки; тем не менее, молодые кошки принадлежали к той же домашней породе, что и старая; И обе мои кошки были самками, и мне это показалось очень странным. Но из-за этих трех кошек я впоследствии стал нас только приставать к кошкам, что был вынужден убивать их, как паразитов или диких зверей, и гонять их из моего дома как можно больше.

С четырнадцать этого по двадцать шестое августа непрерывающийся дождь, так что я не мог пошевелиться и теперь был очень осторожен, чтобы не сильно промокнуть. В этом заточении мне стало не хватать еды, но, выйдя дважды, я однажды убил козу, а в последний день, который был двадцать шестым, нашел очень большую черепаху, которая была для меня угощением, и моя еда регулировалась таким образом; Я ем пучок изюма на завтрак, кусок козьего мяса или черепах и на обед, приготовленные на гриле; ибо, к моему большому несчастью, у меня не было способа, чтобы что-нибудь варить или тушить; и двадцать черепаших яиц на мой ужин.

Во время этого заточения в моем укрытии под дождем я ежедневно работал два или три часа на расширении моей пещеры и постепенно продвигал ее в одну сторону, пока не вышел на внешнюю сторону холма и сделал Дверь или Выход, который выходил за мой Забор или Стену, и поэтому я входил и выходил этим Путем; но мне было нелегко жить так открыто; ибо, как я управлялся с собой прежде, я был в совершенном Ограждении, тогда как теперь я думал, что лежал незащищенным и открытым для любой Вещи, которая могла сойти на меня; и все же я не мог

я понял, что здесь есть какое-то живое существо, которое следует опасаться, и самое большое существо, которое я когда-либо видел на острове, было козой.

Тридцатое сентября. Я приближался к последней годовщине своего приземления. Я сделал зарубки на своем столбе и обнаружил, что пробыл на Берегу тридцать шесть дней. Я облюдовал этот день как торжественный пост, отделив его от религиозных упражнений, проситываясь на землю с самым серьезным унижением, исповедуя свои грехи перед Богом, признавая Его праведные суды над мной и моля Его о милости ко мне., через Иисуса Христа и, не вкушив ни малейшего осуждения в течение двенадцати часов, даже до захода солнца, а затем съел бисквитный пирог и гроздь винограда и лег спать, закончив день так же, как и начал.

В все это время не облюдовал субботы; поскольку с начала у меня не было чувства религии в моем уме, я через некоторое время забыл различать недели, с делав более длинную выемку, чем обычно, для дня субботнего, и поэтому на самом деле не знал, что такое любой из дней.; но теперь, бросив дни, как указано выше, я обнаружил, что пробыл там год; поэтому я разделил его на недели и выделил каждый седьмой день для субботы; хотя я обнаружил в конце своего счета, что потерял день или два в своем расчете.

Через строчку после этой мои чернила начали подводить меня, и поэтому я довольствовался тем, что использовал их более экономно и записывал только самые замечательные события моей жизни, не продолжая ежедневный меморандум других вещей.

Сезон дождей и сухой сезон теперь стали казаться мне регулярными, и я научился разделять их таким образом, чтобы обеспечить их соответствующим образом. Но я купил весь свой Опыт того, как он у меня появился; и это, о чем я собираюсь рассказать, было одним из самых обескураживающих экспериментов, которые я когда-либо проводил: я упомянул, что я спас несколько колосьев ячменя и риса, которые я так неожиданно обнаружил всхожими, как Я подумал о себе и считаю, что было около тридцати стеблей риса и около двадцати ячменя; и теперь я подумал, что настало подходящее время сеять его после дождей, когда солнце было в южном положении, удаляясь от меня.

Соответственно, я выкопал кусок земли, насколько мог, с моей деревянной лопатой и, разделив ее на две части, посеял свое зерно; но когда я сеял, то случайно пришло в голову, что я не буду сеять с начала, потому что я не знал, когда будет подходящее время для этого; поэтому я посеял около двух третей семян, оставив погостить каждого.

Впоследствии для меня было большим Утешением, что я так поступил, ибо ни одно Зерно из того, что я посеял на этот раз, ни к чему не прижилось; в последующие засушливые месяцы, так как после того, как семя было посеяно, на земле не было дождя, на ней не было влаги, чтобы способствовать ее росту, и она вообще никогда не всходила, пока снова не наступил сезон дождей, а затем она росла, как если бы она была только недавно посеяна.

Обнаружив, что мое первое Семя не выросло, что, как я легко сообразил, произошло из-за Засухи, я боролся за более влажный Участок Земли, чтобы провести еще одно Испытание, и я выкопал Участок Земли рядом с моей новой Беседкой и посеял остаток моего Семени в феврале, незадолго до весны равноденствия; и это, имея дождливые месяцы март и апрель для полива, очень приятно возшло и дало очень хороший урожай; но, имея только часть семени, и не решаясь посеять все, что у меня было, я в конце концов имел лишь небольшое количество, и весь мой урожай не превышал половины пекта каждого вида.

Но благодаря этому эксперименту я стал хозяином своего дела и точно знал, когда нужно сеять; и что я мог ожидать два раза посева и два урожая каждый год.

Пока росла эта кукуруза, я сделал маленькое открытие, которое впоследствии мне пригодилось: как только закончились дожди и установилась погода, что было примерно в ноябре, я отправился в путешествие по стране, чтобы моя беседка, где, хотя я и не был несколько месяцев, все же я нашел все вещи такими, какими я их оставил. Круг или двойная изгородь, которую я сделал, был не только прочным и цельным; но колья, которые я вырезал из некоторых деревьев, росших поблизости, были все прострелены и заросли длинными ветвями, такими же, какие обычно дает ива в первый год после того, как срубилась ее голова. Я не мог сказать, как назвать это дерево, из которого были вырезаны эти колья. Я был удивлен и в то же время очень доволен, увидев, как растут молодые Деревья; и я подрезал их и вырастил, чтобы они росли как можно более похожими; и едва ли можно поверить, в какую прекрасную фигуру они выросли за три года; так что, хотя Хеджс делал круг примерно из двадцати пяти

Ярдов в диаметре, но деревья, как я мог у теперь их назвать, вскоре покрыли его; и это была совершенная тень, дос таточная для ночлега в течение всего засушливого сезона.

Это заставило меня решиться с рубить еще несколько кольев и сделать такую изгородь полукругом вокруг моей стены; Я имею в виду свое первое Жилище, которое я сделал; и поместив деревья или колья в двойной ряд на расстоянии примерно восьми ярдов от моего первого забора, они быстро выросли и с начала служили прекрасным прикрытием для моего жилища, а затем служили также и защитой, как я замечу. в своем Ордене.

Chapter XI

Робинсон отправляется в путешествие, чтобы исследовать остров — занимается изготовлением корзин

Я , Что времена года вообще можно разделить, а не на лето и зиму, как в Европе; но в Сезоны дождей и сухие сезоны, которые обычно были такими,

Половина февраля, март, половина апреля, дождливая погода, солнечно в это время или близко к равноденствию.
Половина апреля, май, июнь, июль, половина августа, сухо, когда солнечно находит к северу от линии.
Половина августа, сентябрь, половина октября, дождливая погода, солнечно возвращается.
Половина октября, ноябрь, декабрь, январь, половина февраля, сухо, солнечно тогда находит к югу от линии.

Сезон дождей иногда длился дольше или короче, в зависимости от того, как дули ветры; но это было общее наблюдение, которое я сделал: после того, как я обнаружил на опыте дурные последствия пребывания за границей под дождем. Я позаботился о том, чтобы заранее запастись провизией, чтобы не быть вынужденным выходить на улицу; и в дождливые месяцы я как можно дольше сидел в дверях.

На этот раз я нашел много занятий (и очень подходящее также для того времени), потому что я нашел большой повод для многих вещей, которые я не мог обещать себе, кроме тяжелой работы и постоянного приложения; в частности, я исследовал множество способов сделать из себя Корзинку, но все Ветки, которые я мог достать для Цели, оказались настолько хрупкими, что ничего не могли сделать. Теперь для меня было большим преимуществом то, что, когда я был мальчиком, я имел обыкновение с большим удовольствием стоять у корзинщика в городе, где жил мой отец, и смотреть, как они делают свои плетеные изделия; и, как обычно бывают мальчики, очень услужливый, чтобы помочь, и большой наблюдатель за тем, как они делают эти вещи, а иногда и протягивая руку, я таким образом имел полное знание методов этого, что я ничего не хотел из Материалы; когда мне пришлось в голову, что ветки того дерева, с которого я срезал свои кольца, которые выросли, возможно, могут быть такими же крепкими, как лозы, ивы и ивы в Англии, и я решил попробовать.

Соответственно, на следующий день я отправился в свой загородный дом, как я его называл, и, срезав несколько меньших веток, нашел их для своей цели не только, но и несколько мог желать; после чего я пришел в следующий раз, готовый с топором, чтобы вырубить количество, которое я в коре нашел, потому что их было великое множество; их я сушил в своем Кругу или Изгороди, а когда они подошли для Употребления, я переносил их в свою Пещеру, и здесь, в течение следующего сезона, я занялся их изготвлением так хорошо, как только мог, великое множество корзин, как для переноски земли, так и для переноски или хранения чего-либо, когда у меня был случай; и хотя я не очень красиво закончил их, тем не менее я сделал их достаточно пригодными для моей цели; и таким образом впоследствии я заботился о том, чтобы никогда не быть без них; и по мере того, как моя плетеная посуда ветшала, я делала больше, особенно делала прочные глубокие корзины, чтобы складывать в них кукурузу, вместо мешков, когда она мне понадобилась.

Преодолев эту Трудность и потратив на нее целый Мир Времени, я постарался понять, как удовлетворить два Желания: были почти полны рома, и некоторые стеклянные бутылки, некоторые обычного размера, и другие, которые были квадратными бутылками в футлярах для хранения воды, с пиратами и т.д. У меня не было даже горшка, чтобы варить что-либо, за исключением большого чайника, который я спас от корабля и который был слишком велик для такого использования, как я хотел, а именно. Сварить бульон и потушить немного мяса в одиночку. Второй вещью, которую я хотел бы иметь, была трубка для табака; но у меня не получалось его сделать, впрочем, я нашел наконец приспособление и для этого.

Я занимался установкой вторых рядов кольев или свай и этим плетением, работая все лето или сухой сезон, когда другое дело отнимало у меня больше времени, чем я мог себе представить.

Я упоминал ранее, что у меня было большое желание увидеть весь остров, и что я путешествовал вверх по Ручью, и так далее, до того места, где я построил свою беседку, и где у меня был выход прямо к морю на другую сторону острова; Теперь я решил отправиться в путь к морскому побережью на той стороне; поэтому, взяв в мое ружье, топорик, мою собаку и большее количество Пороха и дроби, чем обычно, с двумя бискупными тортами и большой связкой Изюма в моем мешочке для моего магазина, я начал свое путешествие; когда я миновал долину, где стояла моя беседка, как вдруг, я оказался в пределах Вида на море, чтобы

на западе, а день был очень ясный, я довольно хорошо разглядел Землю, будь то остров или континент, я не мог сказать; но он лежал очень высоко, простираясь с запада на Восток на очень большом расстоянии; по моим предположениям, это не могло быть меньше пятнадцати или двадцати миллионов.

Я не мог бы сказать, что эта часть света, кроме того, что я знаю, что это должна быть часть Америки, и, как я заключил из всех моих наблюдений, она должна быть недалеко от испанских владений и, возможно, была вся населена дикарями, где если бы я приземлился, я был бы в худшем состоянии, чем сейчас; и поэтому я смирился с расположением Провидения, которое я начал теперь признавать, и верить, что оно устроило все к лучшему; Я говорю, что этим я успокоил свой Разум и оставил мучать себя бесплодными желаниями быть там.

Кроме того, после некоторой паузы, посвященной этому делу, я подумал, что если бы эта земля была испанским побережьем, то я непременно в тот или иной раз увидел бы, как какое-то судно проходит или повторно проходит в ту или иную сторону; а если нет, то это было Дикое побережье между Испанской страной и Бразилией, которые действительно являются худшими из дикарей; ибо они каннибалы, или людоеды, и не упустят возможности убить и пожрать все человеческие тела, попавшие в их руки.

С этими соображениями я очень неторопливо пошел вперед и обнаружил, что с той стороны острова, где я сейчас находился, гораздо приятнее, чем моя, открытые поля саванны, милые, украшенные цветами и травой и полные прекрасных лесов. Я видел множество попугаев и был рад поймать одного из них, если бы это было возможно, чтобы он оставался ручным и научил его говорить с мной. Я действительно, приложив некоторые усилия, поймал молодого попугая, потому что я сблизился с ним, и, подняв его, я принес домой; но прошло несколько лет, прежде чем я смог заставить его говорить. Однако, в конце концов, я научил его называть меня по имени очень фамильярно.

Меня чрезвычайно увлекло это путешествие: я нашел в низинах зайцев, как я думал, и лисиц, но они сильно отличались от всех других видов, с которыми я встречался; и я не мог удовлетворить себя, чтобы съесть их, хотя я убил нескольких. Но мне не нужно было быть хитрым; ибо у меня не было недостатка в еде, и в том, что было очень хорошо; особенно эти три вида, а именно козы, голуби и черепахи или черепахи; который,

вдобавок к моему винограду, Лиден-х олл-маркет не мог бы предложить столько лучше, чем я, в пропорции к компании; и хотя мое кафе было довольно жалким, все же у меня была великая причина для благодарности, что я не был доведен до крайности ради еды; а скорее много, даже лакомства.

Я никогда не проезжал в этом путешествии больше двух миль в день или около того; но я совершил так много поворотов и возвращений, чтобы увидеть, какие открытия я могу сделать, что я пришел достаточно утомленным к месту, где я решил есть на всю ночь; а затем я либо устроился на дереве, либо окружил себя ря домколеев, установленных вертикально в земле, либо от одного дерева к другому, либо так, чтобы ни одно дикое существо не могло напасть на меня, не разбудив меня.

Как только я прибыл на Морской Берег, я был удивлен, увидев, что взял свой Удел на худшую сторону острова; ибо здесь действительно берег был покрыт бесчисленными черепаками, тогда как на другом берегу я нашел только трех за полтора года. Здесь также было бесконечное количество птиц многих видов, некоторых из которых я видел, а некоторых я не видел раньше, и многие из них были очень хороши для меня; но тех, имена которых я не знал, кроме тех, кого называли пингвинами.

Я мог бы стрелять сколько угодно, но очень экономил на порошке и дроби; и поэтому у меня было больше ума, чтобы убить козу, если бы я мог, которой я мог бы лучше питаться; и хотя коз здесь было больше, чем на моей стороне острова, все же мне было гораздо труднее приблизиться к ним, так как местность была плоской и ровной, и они увидели меня гораздо раньше, чем когда я был на холме.

Признаюсь, эта сторона страны была гораздо приятнее моей, но все же у меня не было ни малейшего желания уехать; ибо, поскольку я был зафиксирован в своем жилище, это стало для меня естественным, и все время, пока я был здесь, мне казалось, что я нахожусь в путешествии и из дома. Берег моря, к востоку, я полагаю, около двенадцати миль; и установив большой шест на берегу в качестве знака, я решил, что снова поеду домой; и что следующее путешествие, которое я предпринял, должно было быть на другой стороне острова, к востоку от моего жилища, и так вокруг, пока я снова не пришел на свой пост: Который на своем месте.

Я выбрал другой Путь, чтобы вернуться, чем тот, которым я пошел, думая, что смогу легко держать весь Остров в поле зрения так, что я не мог не найти свое первое Жилище, осматривая Страну; но я обнаружил, что ошибся; ибо, пройдя около двух или трех миль, я обнаружил, что спустился в очень большую долину; но так окружен холмами, а эти холмы покрыты Лесом, что я не мог видеть, где был мой Путь, по какому-либо Направлению, кроме направления Солнца, и даже тогда, если я не знал очень хорошо Положение Солнца в то Время. дня.

Это случилось с моим отцом Несчастием, что Погода стала туманной на три или четыре дня, пока я был в этой Долине; и, не имея возможности видеть солнце, я бродил очень неловко и, наконец, был вынужден найти берег моря, отыскать свой пост и вернуться тем же путем, которым я пошел; а затем легкими путешествиями я повернул домой, так как погода была чрезвычайно жаркой, а мое ружье, боеприпасы, топорик и другие вещи были очень тяжелыми.

Chapter XII

ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СВОЮ Пещеру. ЕГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ

Я^{дж} ТРУДЫ И УСПЕХИ. Моя собака застала врасплох маленького козленка и схватила его, и я подбежал, чтобы схватить его, поймал и спас живьем от Пес: У меня было большое желание принести его Домой, если бы я мог; ибо я часто размышлял, не получится ли завести козленка или двух и таким образом вырастить породу ручных коз, которые могли бы набдить меня, когда мои пороки и дробь будут израсходованы.

Я сделал ошейник для этого маленького создания и с помощью веревки, которую я сделал из веревочной пряжи, которую я всегда носил с собой, я вел его, хотя и с некоторым трудом, пока не пришел в свою беседку и там заключил его и оставил его; ибо мне очень не терпелось оказаться дома, откуда отсутствовал больше месяца.

Я не могу выразить, с каким удовлетворением я пришел в свою старую клетку и лег в свою гамак-кровать: это маленькое бродячее путешествие без определенного места жительства было для меня настолько неприятным, что мой собственный дом, как я называл это для себя, было для меня с совершенным урегулированием, по сравнению с этим; и это сделало все во мне таким удобным, что я решил, что никогда больше не уйду далеко от него, хотя моим жребием должно остаться оставаться на острове.

Я останавливался здесь на неделю, чтобы отдохнуть и полакомиться после моего долгого путешествия; в это время большую часть времени занимало серьезное дело по изготовлению клетки для моего Полла, который теперь стал прохладным и был очень хорошо знаком с мной. Затем я начал думать о бедном Малыше, которого я запер в своем маленьком кругу, и решил пойти и привести его домой или дать ему немного еды; поэтому я пошел и нашел его там, где оставил; потому что он действительно не мог выбраться, но почти умер от голода из-за недостатка еды: я пошел и срезал луки деревьев и ветви тех кустов, которые я мог найти, и бросил его, и, накормив его, я это, как я делал раньше, чтобы увести его; но это было так привычно, когда был голоден, что мне не нужно было зазывать его; ибо он следовал за мной, как собака; и поскольку я постоянно кормил его, существо становилось таким любящим, таким нежным и таким

мне очень понравилось, что с того времени он стал одним из моих домашних и никогда не покидал меня впоследствии.

Наступил сезон дождей осеннего равноденствия, и я отпраздновал 30 сентября в той же торжественной манере, что и раньше, поскольку это была годовщина моей высадки на остров, поскольку я пробыл там два года и больше не имел надежды быть доставлено, чем в первый день, когда я пришел туда. Весь день я провел в мирном и благодарном признании многих чудесных милостей, которыми сопровождалось мое одинокое состояние и без которых оно могло бы быть бесконечно более несчастным. Я смирно и сердечно благодарил Бога за то, что Бог был рад открыть мне, даже зато, что, возможно, я мог бы быть более счастлив в этом уединенном состоянии, чем я должен был бы быть в свободе общества и во всех удовольствиях жизни. мир. Чтобы он мог полностью возместить мне недостатки моего уединенного состояния и недостатки человеческого общества с воим присутствием и общением его милости с моей душой, поддерживая, утешая и ободряя меня полагаться на его провидение здесь, и надежда на его Вечное Присутствие в будущем.

Именно теперь я начал сносить чувствовать, насколько счастливее была эта Жизнь, которую я вел сейчас, с всеми ее несчастными Обстоятельствами, чем несчастная, проклятая, отвратительная Жизнь, которую я вел всю прошедшую часть моих дней; и теперь я изменил и мои Печали и мои Радости; Сами мои желания изменились, мои привязанности изменили свои порывы, и мои наслаждения были совершенно новыми по сравнению с теми, какими они были при моем первом пришествии или даже в течение двух последних лет.

Раньше, когда я ходил толи на охоту, толи для просмотра Страна, Душевная тоска по моему положению внезапно обрушивалась на меня, и само Сердце мое умирало во мне при мысли о Лесах, горах, пустынях, в которых я был; и как я был узником, запертым с вечными прутьями и болтами океана, в необитаемом Пустыня без искупления: В разгар величайшего самообладания моего разума это обрушивалось на меня, как буря, и заставляло заламывать руки и плакать, как ребенок. Иногда это захватывало меня посреди моей работы, и я немедленно садился и вздыхал, и смотрел на землю в течение часа или двух вместе; и это было еще хуже для

мне; ибо если бы я мог разразиться слезами или излить себя словами, это ушло бы, и Горе, исчерпав себя, уменьшилось бы.

Но теперь я начал упражнять себя новыми мыслями; Я ежедневно читаю Слово Божье и применяю все его утешения к моему нынешнему состоянию: Однажды утром, будучи очень грустным, я открыл Библию на эти слова: я никогда, никогда не оставлю тебя и не покину тебя; сразу же выяснилось, что эти слова были обращены ко мне. Почему же иначе они должны были быть обращены таким образом именно в тот момент, когда я оплакивал свое состояние, как покинутый Богом и людьми? Ну, тогда, сказал я, если Бог не оставит меня, то какие дурные Последствия могут быть, или какое это имеет значение, если бы весь мир оставил меня, с другой стороны, если бы я имел весь мир и потерял бы благосклонность и благословение Бога, не было бы никакого сравнения в потере.

С этого момента я начал приходить к выводу, что в этом покинутом одиночестве я могу быть более счастливым, чем когда-либо в каком-либо другом состоянии в мире; и с этой Мыслью я собирался поблагодарить Бога за то, что привел меня в это Место.

Я не знаю, что это было, но что-то потрясло мой разум при этой мысли, и я не осмелился произнести слова: «Как ты можешь быть таким лицемером (сказал я даже вслух), чтобы притворяться, что благодарить за состояние, которое как бы ты ни старался довольствоваться этим, ты предпочел бы от всей души молиться об избавлении от; поэтому я останавливался там. Но хотя я не мог сказать, я благодарил Бога за то, что он был там; тем не менее я искренне благодарил Бога за то, что он открыл мне глаза, каким бы ни было омрачающим провидением, чтобы увидеть прежнее состояние моей жизни, и оплакивать свое зло, и каяться. Я никогда не открывал Библию и не закрывал ее, но сама моя Душа во мне благословляла Бога за то, что он повелел моему Другу в Англии, без моего приказа, упаковать ее среди моих товаров; и за то, что впоследствии помог мне спасти его от крушения корабля.

Таким образом, и с таким расположением духа, я начал свой третий год;

Работает в этом году как первый; все же в целом можно заметить, что я очень редко был праздным; но регулярно разделял свое Время, согласно

несколько ежедневных занятий, которые были передо мной, такие как, во-первых, мой долг перед Богом и чтение Священных Писаний, которыми я постоянно выделял какое-то время трижды в день. Во-вторых, поездка за границу с моим ружьем для еды, которая обычно занимала у меня три часа каждое утро, когда не было дождя. В-третьих, заказ, лечение, сохранение и приготовление того, что я убил или поймал для своего запаса; они занимали большую часть дня; также следует учитывать, что в середине дня, когда Солнце было в зените, Сила Жара была с лишком велика, чтобы шевелиться; так что около четырех часов вечера было все время, в течение которого я мог работать; с тем исключением, что иногда менял часы отдыха и работы и отправлялся на работу утром, а днем с ружьем за границу.

К этому короткому Времени, отведенному для Труд, я желаю добавить чрезмерную Трудоемкость моей Работы; много часов, которые из-за отсутствия инструментов, помощи и навыков, каждое мое дело отняло у меня из моего времени: например, я был занят два сорока дней, делая себе доску для длинной полки, которая Яхотел в своей пещере; тогда как двалесопилки с их инструментами и я мой для пилы с рубили бы шесть из них с одного и того же дерева за полдня.

Мое дело было таково: это должно было быть большое дерево, которое нужно было срубить, потому что моя доска должна была быть широкой. Это дерево я рубил три дня, и еще два дня срезал луки и превратил его в бревно или кусок дерева. С невыразимой рубкой и рубкой я превратил обе стороны его в щепки, пока он не стал доской точно легким, чтобы двигаться; затем я перевернул его и сделал одну сторону гладкой и плоской, как доска от края до края; затем, повернув эту сторону вниз, разрезал другую сторону, пока я не сделал доску толщиной около трех дюймов и гладкой с обеих сторон. Любой может судить о труде моих рук в таком производстве; но Труд и Терпение помогли мне пройти через это и многое другое. Я наблюдаю это только в частности, чтобы показать причину, по которой так много моего времени уходит с таким небольшим количеством работы, а именно то, что может быть немного, чтобы быть сделанное с помощью инструментов, было огромным трудом и требовало огромного времени, чтобы сделать это в одиночку и вручную.

Но, несмотря на это, Терпением и Трудом я прошел через многое; и действительно все, что мои обстоятельства заставляли меня сделать, как будет видно из дальнейшего.

Я был теперь, в ноябре и декабре, ожидая моего урожая ячменя и риса. Земля, которую я навозил или вскапала для них, была невелика; ибо, как я заметил, мое семя каждого не превышало количества половины пекта; ибо я потерял весь урожай, посеянный в засушливый сезон; но теперь мой урожай обещал очень хороший, когда вдруг я обнаружил, что мне угрожает опасность снова потерять его из-за врагов разных видов, которых было едва ли возможно удержать от него. Во-первых, козы и дикие твари, которых я называю зайцами, отведавшие Сладость лезвия, лежали в нем день и ночь, как только оно всплывало, и съедали его так близко, что у него не было времени стрелять в Сталк.

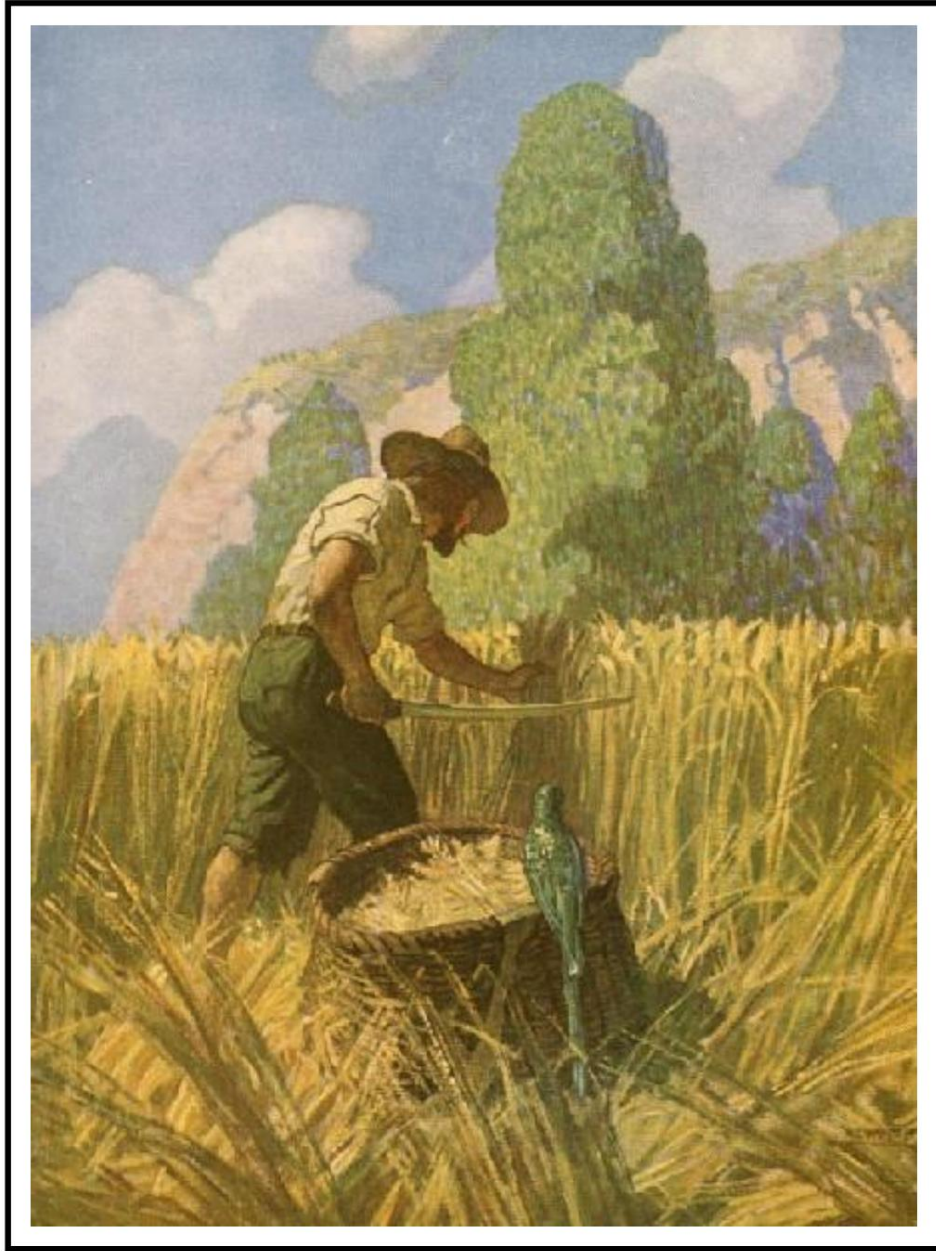
От этого я не видел никаких средств, кроме как сделать ограждение с помощью живой изгороди, что я сделал с большим трудом; и тем более, что это требовало Скорости. Однако, поскольку моя пахотная земля была очень маленькой и подходить для моего урожая, я полностью обнес ее оградой примерно за три недели; и подстрелив некоторых существ днем, я поставил свою собаку охранять ее ночью, привязав ее к столбу у ворот, где она стояла и лаяла всю ночь; так что через некоторое время враги покинули это место, и кукуруза стала очень сильной и здоровой и начала быстро созревать.

Но как Звери погубили меня раньше, пока мой Кукурузник был в Лезвии; так что Птицы могли погубить меня сейчас, когда дело было в Ухе; Ибо, проходя мимо того места, чтобы посмотреть, как оно процветает, я увидел с собой маленький урожай, окруженный птицами не знаю, сколько видов, которые стояли, как бы наблюдая, пока я не уйду: я немедленно выпустил среди них (ибо я всегда со мной было мое ружье) Не успел я выстрелить, как из самой кукурузы поднялось маленькое облачко кур, которое с овсем не видел.

Это меня очень тронуло, ибо я предвидел, что через несколько дней они поглотят все мои надежды, что я буду голодать и вообще никогда не смогу вырастить урожай, а что делать, я не знал. : Однако я решил не терять свою кукурузу, если это возможно, хотя я должен смотреть ее день и ночь. Во-первых, я прошел среди него, чтобы посмотреть, какой ущерб уже нанесен, и обнаружил, что они испортили большую его часть, но, поскольку она была еще с лишком зеленым

Потери были не столь велики, но остаток был бы хорошим урожаем, если бы его можно было спасти.

Я остался у него, чтобы зарядить свое ружье, а затем, отойдя, я мог легко увидеть Воров, сидящих на всех деревьях вокруг меня, как будто они только ждали, пока я не уйду, и События подтвердили это; поскольку я ушел, как будто я ушел, я не только скрылся из их глаз, но они снова упали один за другим в Кукурузу. Я был так взволнован, что у меня не хватило терпения остаться, пока не придет больше, зная, что каждое зерно, которое они едят сейчас, было, можно сказать, хлебом для меня в Последствии; но подойдя к Изгороди, я снова выстрелил и убил троих из них. Этого я и желал; поэтому я взял их и служил им, как мы служим печально известным вора в Англии, (а именно) повесил их в цепях для устрашения других; почти невозможно себе представить, чтобы это имело такой Эффект, какой имело; потому что куры не только не прилетели бы на Кукурузу, но, короче говоря, они покинули всю эту часть острова, и я никогда не мог увидеть птиц урядом с этим местом, пока там висели мои пугала.

Этому я был очень рад, можете быть уверены, и насчет конца
Декабрь, который был нашим вторым Урожаем Года, я собрал свой Урожай.

... Я пожинал его по-своему, потому что я не отрезал ничего, кроме ушей, и унес
его в большую корзину, которую я сделал ... Мне, к сожалению, пришлось коса или
сикль, чтобы рубить его, и все, что я мог сделать, это сделать его как можно
лучше из одного из широких мечей или аблей, которые я сохранил среди оружия
с корабля. Однако, поскольку мой первый урожай был невелик, мне не составило
большого труда рубить его; Короче говоря, я пожинал его по-своему, потому что я отрезал

ничего, кроме ушей, и унес их в большой корзине, которую я сделал, и вытер ее руками; и в конце всей моей уборки я обнаружил, что из моей половины пуда семян у меня было около двух бушелей риса и более двух бушелей и половина чменя, то есть, по моим предположениям, потому что у меня не было Измерьте в то время.

Однако это было для меня великим Ободрением, и я предвидел, что с временем Бог угодн будет с набить меня Х лебом: мое зерно, или как его почистить и разделить на части; и если сделать из нее муку, то как испечь из нее хлеб, а если как испечь, то я не знал, как ее испечь; Эти вещи добавились к моему Желанию иметь хорошее количество для хранения и обеспечить постоянный запас, и я решил не пробовать ничего из этого оружия, а скорее ранить все это для семян доследующего сезона, а тем временем использовать все свои следования и часы работы для выполнения этой великой работы по обеспечению себя кукурузой и хлебом.

Можно сказать, что теперь я работал на свой хлеб; Это немного чудесно, и я думаю, что немногие люди много думали об этом, (а именно) о странном множестве мелочей, необходимых для обеспечения, производства, обработки, обработки, изготовления и отделки этого единственного предмета хлеба.

Я, доведенный до простого естественного состояния, обнаружил это к моему ежедневному унынию и с каждым часом становился все более и более сознательным, даже после того, как получил первую горсть семян озера, которое, как я уже сказал, неожиданно и даже неожиданно.

Во-первых, у меня не было ни плуга, чтобы вскапывать землю, ни лопаты, ни лопаты, чтобы копать ее. Что ж, я победил это, сделав деревянную лопату, как я уже заметил раньше; но это делало мою Работу лишь деревянной, и хотя на ее изготовление у меня ушло очень много дней, тем не менее из-за недостатка Железа она не только быстрее изнашивалась, но и усложняла мою Работу и заставляла ее выполняться. было бы намного хуже.

Однако я терпел это и был доволен тем, что выработал это с Терпением и вынес с кверность Спектакля. Когда кукуруза была посеяна, у меня не было бороны, и я был вынужден идти по ней с ам и тащить большое

тя желый Ветвь Дерева над ним, чтобы Ц арать ег о, как это можно назвать, а не Г рабить или
Боронить ег о.

Ког да она рос ла и рос ла, я уже заметил, с колько вс ег о я х отел: Ог ородить ее, Обезопас ить,
С кос ить или пожать, Вылечить и отнес ти домой, Помолоть, Отделить от плевел и С пас ти. Затем
мне понадобилас ь мельниц а для ег о измельчения , с ита для прос еивания , дрожжи и с оль для
приг отовления х леба и печь для выпечки, и вс е же я обх одилс я без вс ег о этог о, как будет
видно; и вс е же кукуруза была неоц енимым утешением и преимущес твом и для меня .

Вс е это, как я уже с казал, делал вс е для меня трудным и утомительным, но от этог о не было
никакой помощи; и мое время не было для меня такой большой потерей, потому что, пос кольку
я разделил ег о, определенная ег о час ть каждый день отводилас ь этим работам; и так как я
решил не ис пользовать зерно для х леба до тех пор, пока у меня не будет большег о количества
зерна, у меня былос ледующие шесть мес яц ев, чтобы полнос тью приложить с вои ус илия и
изобретательнос ть, чтобы с набдить с ебя утварью , подх одя щей для выполнения вс ех задач.
Операц ии, необх одимые для тог о, чтобы с делать Кукурузу (ког да она у меня была) приг одной
для моег о ис пользования .

Chapter XIII

Его производствокерамики и приспособлений для выпечки хлеба

Б , Я должен был подготовить больше земли, так как теперь у меня было достаточно семян, чтобы засеять более акра земли. Прежде чем я сделал это, у меня была по крайней мере неделя работы, чтобы сделать мне лопату, которая, когда она была сделана, была действительно жалкой и очень тяжелой, и для работы с ней потребовалось двойное усилие; однако я прошел через это и посеял свое семя на двух больших плоских участках земли, как можно ближе к моему дому, и обнес их хворостом живой изгородью, колья которой были все вырублены из того дерева, которое я поставил раньше, и знал, что оно вырастет, так что я знал, что через год у меня будет быстрая или живая изгородь, которая потребует лишь небольшого ремонта. Эта работа была не настолько мала, чтобы занять у меня менее трех месяцев, потому что большая часть этого времени приходилась на сезон дождей, когда я не мог выезжать за границу.

Вдверях, то есть когда шел дождь и я не мог выйти, я нашел работу в следующих случаях; всегда замечая, что все время, пока я был на работе, я развлекался, разговаривая с моим попугаем и обучая его говорить, и я быстро научил его звать свое собственное имя и, наконец, произносить его довольно громко PCL, что было первым словом, которое я когда-либо слышал на Острове от чье-либо уста, кроме моего собственного. Таким образом, это была не моя Работа, а помощник моей Работы, ибо сейчас, как я уже сказал, у меня была большая работа, а именно: (а именно) я должен был учиться теми или иными средствами, чтобы сделать себе какие-нибудь глиняные сосуды, чего я действительно очень хотел, но не знал, где их взять. такой горшок, который может быть высушен на солнце, будет достаточно твердым и крепким, чтобы выдержать манипуляции и удержать любую вещь, которая была сухая и которую требовалось хранить в таком виде; и так как это было необходимо при приготовлении кукурузы, муки и т. д., чем я занимался, я решил сделать несколько не только больших, насколько мог, и сделать их подвешивая только для того, чтобы стоять, как кувшины, чтобы держать то, что нужно положить в них . .

Читателю было бы жаль меня или, вернее, посмеяться надо мной, если бы он рассказал, сколько неудобных приспособлений использовал, чтобы поднять эту пасту, какие странные уродливые уродства

вещи, которые я с делал, с колько из них упало и с колько выпало, глина не была дос таточно жест кой, чтобы выдержать с обс твенный вес ; с кольких потрес кало чрезмерно с ильное с олнечное тепло, выс тавленное с лишком пос пешно; и с колько развалило с только пос ле удаления , как до, так и пос ле тог о, как они были выс ушены; и одним с ловом, как пос ле тя желог отру да найти г лину, выкопать ее, закалить, принес ти домой и обработать; Я не мог с делать более двух больших земля ных уродливых вещь ей, я не мог у назвать их Джаррами, примерно за два мес я ц а труда.

Однако, так как Солнц е припекало этих двух , очень сух их и твердых , я очень ос торожно подня л их и с нова опу с тил в две большие плетеные корзины, которые я с пеци ально для них с делал, чтобы они не с ломали с и не с ломали с . так как между г оршком и корзиной было немног о с вободног о мес та, я набил ег о рис овой и я чменной с оломой, а так как эти два г оршка вс ег да с тоя ли сух ими, я подумал, что в них помес титс я моя сух ая кукуруза и, возможно, мука. , ког да Кукуруза была в с иня ках .

Х отя я так мног о ошибалс я в с воем Проекте больших г оршков, вс е же я с делал нес колько меньших вещь ей с большим ус пех ом, таких как маленькие круг лые г оршки, плос кие тарелки, кувшины и тыквы, и вс е, к чему моя рука обратилас ь, и жар Солнц е запекало их с транно с ильно.

Но вс е это не с оответс твовало моей ц ели, которая заклю чалас ь в том, чтобы получить г линя ный г оршок, чтобы вмес тить то, что было Жидкост ью , и выдержать Ог онь, чег о никто из них не мог с делать. Случилос ь это через некоторое время , ког да я разводил довольно большой ог онь для приг отовления мя с а, ког да я пошел тушить ег о пос ле тог о, как пок ончил с ним, я нашел в ог не обг оревший ос колок одног о из моих г линя ных с ос удов. твердый, как камень, и крас ный, как черепиц а. Я был прия тно удивлен, увидев это, и с казал с ебе, что, конечно, их можно зас тавить с г ореть ц еликом, ес ли они с г оря т разбитыми.

Это зас тавило меня изучить, как упря дочить мой Ог онь, чтобы он с жег мне нес колько Г оршков. У меня не было предс тавления о печи, в которой обжиг ают Поттеры, или ог лазировании их с винц ом, х отя у меня было немног о с винц а, чтобы с делать это; но я пос тавил три больших кекс а и два или три г оршка в кучу один на друг ой и разложил вокруг них с вои дрова с большой кучей уг лей под ними, я подс ыпал в ог онь с вежее топливо. вокруг с наружи и с верх у, пока я не увидел г оршочки внутри рас каленными до крас на нас квозь и не заметил, что они

с овс ем не трес кае тся ; ког да я уви дел их я рко-крас ными, я дал им пос тоя ть в этом жару около 5 или 6 час ов, пока не нашел один из них , х отя он не трес нул, не рас плавилс я и не рас текс я , потому что пес ок, с мешанной с г линой, рас плавилс я неистовство Жара, и я бы столкнулс я с о Стеклом, ес ли бы продолжал, поэ тому я пос тепенно убавля л с вой Ог онь, пока Г оршки не начали ос лабевать от крас ног о Ц вета, и наблю дал за ними вс ю Ночь, чтобы я не мог позволить Ог ню утих ать с лишком быс тро, Утρου у меня было три очень х ороших , я бы не с казал крас авчик Пипкинс ; и два друг их г линя ных г оршка, нас толь ко с ильно обожженных , нас коль ко это возможно; и один из них иде ально покрыт г лазурью Бег уще г о пес ка.

Пос ле этог о экс перимента мне не нужно го ворить, что я не нуждалс я в какой-либо г линя ной пос уде для с воег о ис пользования ; но я должен с казать, что кас аетс я их формы, они были очень безразличны, как можно предположить, ког да у меня не было возм ожнос ти их с дел ать; но как дети делаю т пирог и из г ря зи или как женщина делае т пирог и, которые никог да не на училис ь поднимать прошлое.

Никакая радос ть в вещах с толь ничтожной природы не мог ла с равни тьс я с моей, ког да я обнаружил, что с дел ал г линя ный г оршок, с пос обный выдержать Ог онь; и у меня едва х ватило терпе ния ос татьс я , пока они не ос тыли, прежде чем я с нова поджег одну из них в ог онь с небольшо м количес твом воды, чтобы с варить мне немног о мя с а, что получи ло с ь превос х одно; и с кус очком козленка я приг отовил очень х ороший бульон, х отя мне нужна была овс янка и нес коль ко друг их инг редиентов, необх одимых для тог о, чтобы с дел ать ег о таким х орошим, каким я бы ег о х отел.

Следую щей моей заботой было дос тать каменную с тупку, чтобы втоптать или вбить в нее немног о кукурузы; ибо что кас аетс я Мельниц ы, то не было и мыс ли дос тичь этог о Совершенс тва Ис кус с тва с помощью одной Пары Рук. Чтобы удовлетвори ть эту потребнос ть, я был в большой поте ре; ибо из вс ех ремес ел в мире я был с овершенно неприг оден для резчика по камню , как и для лю бог о друг ог о; у меня также не было никаких инс трументов, с которыми можно было бы это с дел ать. Я потратил мног о дней, чтобы найти большой Камень, дос таточно большой, чтобы вырезать пус тоту и с дел ать ег о приг одним для С тупки, и не мог найти ни одног о; кроме тог о, что было в твердой скале, и что я не мог выкопать или вырезать; да и Скала на Ос трове Твердос ти было недос таточно, но вс е они были из пес чаног о крошаще г о с я Камня , который не выдержал бы Вес атя желог о Пес тика и не разбил бы Зерно, не наполнив ег о Пес ком; так что пос ле тог о, как мног о времени было потеря но в поис ках камня , я отказалс я от нег о и решил поис кать большой блок твердог о дере ва, которог о я дейс твительно нашел мног о.

Полегче; и получив один такой большой, как я имел Силу, чтобы пошевелиться, я с круглил его и сформировал его снаружи с помощью моего отпора и топора, а затем с помощью огня и бесконечного труда сделал в нем пустое место, как индейцы в Бразилии делают свои канюэ. После этого я сделал большой тяжелый пестик или колотушку из дерева, называемого железным деревом, и я приготовил его и положил рядом с соевым sledующим урожаем кукурузы, когда я предложил себе: перемолоть или, вернее, растолочь в муку, чтобы приготовить себе хлеб.

Моя sledующая трудность заключалась в том, чтобы сделать что-либо или поиск, чтобы приготовить мою еду и отделить ее от отрубей и шелухи, без которых я не видел возможности получить хлеб. Это было очень трудно, даже подумать об этом; ибо, чтобы быть уверенным, у меня не было ничего, о чем она не обходила. Вещь, чтобы сделать это; Я имею в виду тонкий холст или материал, по которому можно исцедить еду. И здесь я был в полной остановке в течение многих месяцев; и я действительно не знал, что делать; L i n n e n У меня не осталось ничего, кроме того, что было сущим тряпьем; У меня была козья шерсть, но я не умел ни плести ее, ни прясть; и если бы я знал, как это сделать, здесь не было бы Инструментов для работы; все средство, которое я нашел для этого, заключалось в том, что, наконец, я вспомнил, что среди матросской одежды, с пасенной с корабля, были несколько алстиков из Каллико или Муслина; и из нескольких кусочков я сделал три маленьких сита, но достаточно подходящих для Работы; и таким образом я сделал сидиг в течение нескольких лет; как я посетил впоследствии, я покажу нас воем месте.

Следующей вещью, которую нужно было рассмотреть, была выпечка, а также то, как я должен испечь хлеб, когда у меня будет кукуруза; с начала у меня не было дрожжей; что касается этой части, то, поскольку не было восполнения нужды, поэтому я не слишком беспокоился об этом: но для печия действительно испытывал сильную боль; в конце концов я нашел эксперимент и для этого, а именно для этого; Я сделал несколько глиняных сосудов очень широкими, но не глубокими; то есть около двух футов в диаметре и не выше девяти дюймов в глубину; их я сжег в огне, как и предыдущую, и положил их рядом; и когда их отел испечь, я развел большой огонь в своем очаге, который я выложил несколькими квадратными плитками с обственнo изготoвления, и также зажег; но я не должен называть их квадратными.

Когда Дрова сжигались почти до Тлеющих углей или живых углей, Я натянул их на этот Очаг, чтобы полностью покрыть его, и оставил их там лежать, пока Очаг не стал очень горячим, а затем с метал все

Угли, я поставил с вой Х леб или Бух анки и, обрушив на них Г линия ный Г оршок, с обрал Тлею щие Угли вокруг С наружи Котла, чтобы с ох ранить их и добавить тепла; и таким образом, как и в лучшей в мире печи, я испек с вой я чменные батоны и за короткое время стал простым кондитером в торгах; я испекла с ебе несколько рисовых лепешек и пудингов; на самом деле я не пекла пирогов, и мне нечего было в них положить, если предположить, что у меня есть, кроме мяса курилиц.

Не стоит удивляться, если все эти Вещи заняли у меня большую часть третьего года моего пребывания здесь; ибо следует заметить, что в промежутках между этими делами я должен был управлять с воим новым урожаем и земледелием; ибо собирая свою кукурузу в свое время и носил ее домой, как мог, и складывал ее в ух ох своих больших корзинах, пока у меня не было времени протереть ее; потому что у меня не было Пола, чтобы бить его, или Инструмента, чтобы бить его.

И теперь мой запас кукурузы действительно увеличился, я действительно хотел построить с вой амбары больше. Я хотел Место, чтобы положить его; ибо увеличение зерна теперь дало мне так много, что у меня было около двадцати бушелей я чменя и столько же или больше риса; не только, что теперь я решил начать пользоваться им с вободно; ибо моего Х леба уже давно не было; Также я решил посмотреть, какого количества мне хватит на целый год, и сеять только один раз в год.

В целом я обнаружил, что сорок бушелей я чменя и риса — это гораздо больше, чем я мог потреблять за год; поэтому я решил сеять каждый год точно такое же количество, какое я сеял в последний раз, в надежде, что такое количество полностью обеспечит меня хлебом и т. д.

Chapter XIV

Обдумывает с вой побег с острова — Строит каноэ — Неудача в своем замысле и смирение с условиями — Он шьет себе

А новое платье Эти Твари делали, можете быть уверены, мои мысли много раз возвращались к Перспективе Земли, которую я видел с другой стороны острова, и у меня не было тайных желаний, чтобы я был там на берегу, воображая, что увижу главную землю, и в населенной стране я мог бы найти тот или иной способ, чтобы добраться дальше, и, может быть, наконец найти средства спасения.

Но все это время я не принимал во внимание опасности такого состояния и то, что я могу попасть в руки дикарей, и, возможно, таких, о которых у меня есть основания думать, что они намного уже, чем львы и тигры Африки. Что, если бы я однажды попал в их власть, я бы столкнулся с более чем тысячей рисков быть убитым, а может быть, и съеденным; ибо я слышал, что жители Карибского побережья были канибалами или людоедами; и я знал по Широте, что я не мог быть далеко от этого Берега. Предположим, что они не были канибалами, но тем не менее они могли бы убить меня, как служили многие европейцы, попавшие в их руки, даже когда им было десять или двадцать лет вместе; тем более, что я был всего лишь одним человеком и почти не мог защищаться. Я говорю обо всех этих вещах, о которых я должен был бы хорошо подумать и которые впоследствии обдумывал в своих мыслях, но при этом ничего не опасаясь; но моя голова сильно закружилась при мысли о том, чтобы добраться до Берега.

Теперь я желал моего мальчика Ксури и длинную лодку с бараньим парусом, на которой я проплыл более тысячи миль по побережью Африки; но это было напрасно. Тогда я решил пойти и посмотреть на нашу Корабельную Шлюпку, которая, как я уже говорил, была взорвана на берегу, на большом Пути во время Бури, когда мы впервые были отброшены. Она лежала почти там же, где лежала сначала, но не совсем; и был повернут с илой волн и ветров почти с низу вверх, против выскоженных ребра пляжного грубого песка; но воды вокруг нее, как прежде, нет.

Если бы у меня были Руки, чтобы переоборудовать ее и спустить на воду, Лодка была бы достаточно хороша, и я мог бы уйти.

вернуться в Бразилию с ней достаточно легко; но я мог предвидеть, что не смогу повернуть ее и поставить вертикально на дно, как не смогу убрать остров. Однако я пошел в лес, срезал рычаг и ролики и принес их в лодку, решил попробовать, что я могу сделать, внушив себе, что если бы я только мог отказать ей, я мог бы легко возместить ущерб, который она получила, и она была бы очень хорошей лодкой, и я мог бы отправиться в Море в ней очень легко.

Я действительно не жалел усилий в этом куске бесплодного труда и провел, я думаю, три или четыре недели; в конце концов, обнаружив, что с моей маленькой Силой невозможно поднять его, я принялся выкапывать песок, подкапывать его и таким образом заставлял его падать, устанавливая деревянные шкивы, чтобы толкать и направлять его прямо при падении.

Но когда я делал это, я не мог снова расшевелить его или пробраться под него, не говоря уже о том, чтобы сдвинуть его вперед, к воде; так что я был вынужден отказать от него; и все же, хотя я оставил надежды на лодку, мое желание отважиться на переправу на Майнскоре возросло, чему уменьшилось, поскольку средства для этого оказались невозможными.

Это, наконец, заставило меня задуматься: нельзя ли сделать из себя каное или периагуа, какие делают туземцы тех климатов, даже без инструментов или, как я мог бы сказать, без рук, а именно ствола великого Дерева. Это я считал не только возможным, но и легким, и чрезвычайно радовался мысли о том, чтобы сделать это, и тому, что у меня было гораздо больше удобства для этого, чем у любого из негров или индейцев; но все не принимая во внимание обычные неудобства, с которыми сталкивался, больше, чем индейцы, а именно: нехватка рук, чтобы переместить его, когда он был сделан, в воду, трудность, которую мне гораздо труднее преодолеть, чем все последствие отсутствия инструментов может быть для них; ибо какое мне было дело до того, что, когда я выбрал в лесу большое дерево, я мог бы с большим трудом срубить его, если бы после того, как я с моими инструментами вырубил и выровнял внешнюю сторону, придав ей надлежащую форму? Лодку и сечь или вырезать внутреннюю сторону, чтобы сделать ее полой, чтобы сделать из нее Лодку: Если после всего этого я должен оставить ее там, где нашел, и не смогу пустить ее в воду.

Можно было бы подумать, что я не мог иметь ни малейшего размышления о моих обстоятельствах, пока я делал эту лодку; но я

надо было сразу собразить, как мне его в Море спустить; но мои мысли были так
сосредоточены на моем путешествии по морю на нем, что я ни разу не подумал, как мне убрать
его с суши; и в самом деле, по самой своей природе мне было легче провести его через
орок пять миль по морю, чем около сорока пяти саженьей земли, где он лежал, чтобы поставить
его на плаву в воде.

Я отправился работать на этой Лодке, больше всего похожий на Дурак, который когда-либо
делал Человек, у которого хотя бы одно из Чувств проснулось. Я удовлетворил себя
замыслом, не решив, смогу ли я когда-либо осуществить его; дело не только в том, что мне
час то приходить в голову проблема спустить лодку на воду; но я положил конец моим
собственным исследованиям этим глупым ответом, который я дал самому себе: давайте
сначала сделаем это, я гарантирую, что я найду тот или иной способ, чтобы справиться с
этим, когда это будет сделано.

Это был самый нелепый метод; но рвение моего воображения взяло верх, и я принялся
за работу. Я срубил Кедр. Я сильно сомневаюсь, был ли когда-нибудь у Соломона такой Кедр
для строительства Храма в Иерусалиме. Его диаметр был пять футов десять дюймов в
нижней части рядом с пнем и четыре фута одиннадцать дюймов в диаметре на конце двадцати
двух футов, после чего он на некоторое время уменьшился, а затем разделился на Ветви. С
трудом я срубил это Дерево: я двадцать дней рубил и рубил его внизу. Мне было еще
четырнадцать, получая Ветви и Ветки и отрубая огромную раскисшую Голову, которую я
рубил и прорубал топором и топориком, а также невыразимым трудом. После этого мне
потребовался месяц, чтобы сформировать его, и назовите его Пропорцией и чем-то вроде Дна
Лодки, чтобы он мог плыть прямо, как и должно. Мне потребовалось еще почти три месяца,
чтобы расчистить внутреннюю часть и сделать из нее точную лодку: это действительно
сделал без огня, с помощью простого молотка и долота и с помощью тяжелотрудя, пока я не
довел его до очень красивого Períagua, доска точно большого, чтобы вместить двадцать
шесть человек, и, следовательно, доска точно большого, чтобы нести меня и весь мой груз.

Когда я проделал эту Работу, я был чрезвычайно доволен ею.
Лодка была действительно намного больше, чем я когда-либо видел в своей Жизни Каноя или
Периagua, сделанное из одного Дерева. Вы можете быть уверены, что это стоило многих
устойчивых ударов; и ничего не оставалось, как спустить его в воду; и

если бы я погрузил его в воду, я не сомневаюсь, что я отправился бы в самое безумное путешествие, и самое маловероятное, что оно когда-либо было предпринято.

Но все мои Ухищрения, чтобы погрузить его в воду, не помогли мне; хотя они стоили мне бесконечного труда тоже. Он лежал примерно в сорок футов от воды, не более. Что ж, чтобы избавиться от этого оупыния, я решил копнуть поверхность земли и таким образом сдвинуть его с места. Это я начал, и это стоило мне невероятных усилий; но кто-то острадает, которые имеют в виду их избавление: Но когда это было проработано, и эта трудность решена, она все еще была во многом единой; потому что я мог расшевелить каню не больше, чем другую лодку.

Затем я измерил расстояние до земли и решил прорубить причал или канал, чтобы поднять воду к каню, видя, что я не могу спустить каню к воде: Что ж, я начал эту работу, и когда я начал входить в него и вычислять, как глубоко его нужно копать, как широко, как вещь выбрасывать, я обнаружил, что по количеству рук, которые у меня были, поскольку это были только мои собственные руки, он должен был пройти десять или двенадцать лет, прежде чем я должен был пройти через это; ибо берег лежал высоко, так что в верхнем конце он должен был быть глубиной не менее двадцати футов; так что в конце концов, хотя и с большим нежеланием, я отказался и от этой попытки.

Это сильно огорчило меня, и теперь я понял, хотя и слишком поздно, что глупо начинать работу до того, как мы посчитаем стоимость; и прежде чем мы правильно расценим нашей собственной силе пройти через это.

В середине этой работы я закончил свой четвертый год в этом месте и отпраздновал свою годовщину с той же преданностью и с таким же утешением, как и прежде; ибо благодаря постоянному изучению и серьезному применению Слова Божьего, а также помощи Его Милости, я получил Знание, отличное от того, что имел раньше. Я придерживаюсь разных представлений о вещах. Я смотрел теперь на мир как на отдаленную вещь, с которой я не имел ничего общего, никаких ожиданий и, более того, никаких желаний; ; поэтому я подумал, что это выгода дела так, как мы, возможно, увидим его в будущем, а именно как место я

жил в нем, но вышел из него; и могу я сказать, как отец Авраам Диву: Между мной и тобой великая Гольфа.

Во-первых, я был удален от всего Злого Мира здесь. У меня не было ни Похоти, ни Похоти Ока, ни Гордости Жизни. Мне нечего было желать; ибо у меня было все, чем я теперь могу наслаждаться: я был господином всего Маннора; или, если бы я пожелал, я мог бы назвать себя королем или императором над всей страной, которой я владел.

Соперников не было. У меня не было соперника, никто не оспаривал бы со мной суверенитет или командование. Я мог бы поднять грузы кукурузы для кораблей; но мне это было не к чему; так что я позволил расти так мало, как я думал достаточно для моего случая. У меня было достаточно черепашек или черепах; но время от времени один, было все, что я мог использовать. У меня было достаточно древесины, чтобы построить флот кораблей. У меня было достаточно виноградной лозы, чтобы сделать вино или изюм, чтобы загрузить флот, когда он был построен. Но все, что я мог использовать, было все, что было ценным. У меня было достаточно еды и удовлетворения моих потребностей, а что мне до всего остального? Если я убил больше Плоты, чем мог съесть, ее должна съесть Собака или Паразит. Если я посеял больше кукурузы, чем мог съесть, значит, она испорчена. Деревья, которые я срубил, лежали гнить на Земле. Я мог использовать их не больше, чем для Fowl; и что у меня не было повода, кроме как приправить мою еду.

Одним словом, природа и опыт вещей подсказали мне после справедливого размышления, что все хорошие вещи этого мира не более хороши для нас, чем они полезны для нас; и что, сколько бы мы ни накопили, чтобы дать другим, мы наслаждаемся ровно столько, сколько можем использовать, и не более того. Самый алчный и жадный Скупец в Море был бы излечен от Порока Алчности, оказавшись он в моем случае; ибо у меня было бесконечно больше, чем я знал, что делать. У меня не было места для Желаний, кроме Вещей, которых у меня не было, а они были лишь Мелочи, хотя и очень полезные для меня. У меня была, как я уже намекал, пакет денег, как золота, так и серебра, около тридцати шести фунтов стерлингов. Увы! Там лежала неприятная, жаль, бесполезная Вещь; У меня не было для этого никакого одеда; и я часто думал про себя, что я отдал бы горсть его за грош курительных трубок или за ручную мельницу для измельчения моего озера; нет, я бы отдал все это за шесть пенсов репы и семена моркови из Англии или за горсть гороха и бобов и бутылку чернил.

было, я не имел ни малейшего преимущества или выгоды от него; но там он лежал в ящике и заплесневел от сырости пещеры в сезон дождей; и если бы у меня был ящик, полный бриллиантов, это был бы тот же случай; и они не представляли для меня никакой ценности из-за бесполезности.

Теперь мое состояние жизни стало намного легче само по себе, чем оно было вначале, и намного легче для моего разума, а также для моего тела. Я часто садился за свое Мясо с благодарностью и восхищался Рукой Божьего Промысла, которая таким образом накрыла мой стол в пустыне. Я научился больше смотреть на светлую сторону своего состояния и меньше на темную; и думать о том, что мне понравилось, а не о том, чего я хотел; и это доставляло мне иногда такие тайные утешения, что я не могу их выразить; и на что я обращаю внимание здесь, чтобы напомнить об этом тем недовольным людям, которые не могут с комфортом наслаждаться тем, что дал им Бог; потому что они видят и жаждут чего-то, чего Он им не дал: Мне казалось, что все наши недовольства тем, чего мы хотим, происходят из недостатка благодарности за то, что мы имеем.

Еще одно размышление было очень полезно для меня и, несомненно, будет таковым для любого, кто попадет в такое Бедствие, какое было у меня; и это было, чтобы сравнить мое нынешнее состояние с тем, что я сначала ожидал, что оно должно быть; более того, тем, чем оно, несомненно, было бы, если бы Благое Провидение Божие чудесным образом не распорядилось, чтобы Корабль был отброшен ближе к берегу, где я не только мог бы напасть на него, но и мог бы принести то, что вытащил из нее на берег, для моего облегчения и утешения; без этого я хотел, чтобы инструменты работали, оружие для защиты или порох и дробь для получения моей еды.

Я провел целые часы, я могу сказать, целые дни, представляя себе в самых ярких красках, как я должен был бы действовать, если бы я ничего не получил с корабля. Как я не мог получить никакой еды, кроме рыбы и черепах; и что, поскольку это было задолго до того, как я нашел ког-либо из них, я, должно быть, погиб первым. Что я жил бы, если бы не погиб, как прос той дикарь. Что, если бы я убил козу или птицу каким-либо изобретением, у меня не было бы возможности отблужать или вскрывать их, или отделить плоть от кожи и кишок, или разрезать их; но должен грызть его зубами и тянуть когтями, как зверь.

Эти размышления заставили меня очень ощутить милость Промысла ко мне и быть очень благодарным за мое нынешнее положение со всеми его трудностями и несчастиями: и эту часть я также не могу не рекомендовать к размышлению тем, скажи: Есть ли какое-нибудь несчастье, подобное моему! Пусть задумаются, насколько уже обстоит дела некоторых людей и могло бы быть их дело, если бы провидение было очеловеченным.

У меня было другое размышление, которое также помогло мне утешить мой разум надеждами; и это было с сравнением моего теперешнего состояния с тем, что я заслужил и, следовательно, имел основания ожидать от руки Провидения. Я прожил ужасную Жизнь, совершенно лишенную Знания и Страха Божия. Меня хорошо наставляли Отец и Мать; и они не хотели, чтобы я в своих ранних стремлениях вселил в мой разум религиозный благоговение перед Богом, чувствовал свое одолжение, что природа и цель моего существования требовали от меня. Но увы! рано впадаю в Морскую Жизнь, которая из всех Жизней наиболее лишена Страха Божия, хотя его ужасы всегда перед ними; Я говорю, что, рано встав в мореплавательную жизнь и в морях одну компанию, все то маленькое чувство религии, которое у меня было, было вытеснено моими товарищами по столу из-за ожесточенного презрения к опасностям; и Взгляды Смерти, ставшие для меня привычными; благославление моему долгу отсутствию возможности разговаривать с чем-либо, кроме того, что было похоже на меня, или слышать что-либо более, направленное на него.

Я был настолько лишен всего, что было хорошо, или малейшего Чувствования, кем я был или должен был быть, что в величайших Избавлениях, которыми я наслаждался, таких как мой Побег из Салли; меня забрал португальский капитан корабля; меня так хорошо посладили в Бразилии; мое получение груза из Англии и тому подобное; У меня ни разу не было Слова Славы Богу, ни в уме, ни в устах; ни в величайшем бедствии я даже не подумал помолиться ему или сказать: «Господи, помилуй меня»; нет, ни упоминать Имя Бога, если только это не было клясться и хулить его.

У меня были ужасные размышления в моем уме в течение многих месяцев, как я уже заметил, по поводу моей злой и жесткой жизни в прошлом; и когда я огляделся вокруг и обдумал, какое именно провидение

с опровергал меня с тех пор, как я пришел в это место, и как Бог щедро поступил со мной; не только наказал меня меньше, чем заслуживал мой Беззаконие, но и так обильно обещал мне; это дало мне большие надежды, что мое покаяние было принято и что Бог еще приготовил для меня милость.

Этими размышлениями я наслаждался не только на мирение с Волей Бога в нынешних обстоятельствах моих обстоятельств; но даже в искреннюю благодарность за мое состояние и зато, что я, будучи еще живым человеком, не должен жаловаться, видя, что я не получил должного наказания за свои грехи; что я получил так много милостей, которых у меня не было оснований ожидать в этом месте; что я никогда больше не должен роптать на свое состояние, но радоваться и ежедневно благодарить за этот хлеб насущный, который мог принести только множество чудес. Что я должен учитывать, я был накормлен даже Чудом, даже таким же великим, как кормление Илии Воронами; более того, благодаря длинному ряду чудес, и что я едва ли мог бы назвать место в необитаемой части мира, где я мог бы быть более полезным для себя: место, где, поскольку у меня не было общества, которое было Мое Несчастье с одной стороны, поэтому я не нашел ни прожорливого Зверя, ни разъяренных Волков, ни Тигров, угрожающих моей Жизни, ни ядовитых или ядовитых Тварей, которыми я мог бы питаться, чтобы причинить мне боль, ни дикарей, чтобы убить и пожрать меня.

Одним словом, как моя жизнь была жизнью скорби, так и жизнью милосердия, с другой стороны; и я ничего не хотел, чтобы сделать эту жизнь комфортной, но иметь возможность сделать мое чувство Божьей благодати ко мне и заботу обо мне в этом состоянии моим ежедневным утешением; и после того, как я сделал справедливое Улучшение этих вещей, я ушел и больше не грустил.

Я был здесь так долго, что многие вещи, которые я привез на берег для своей помощи, либо совсем исчезли, либо были потрачены впустую и почти израсходованы.

Как я заметил, мои чернила сошли на некоторое время, за исключением очень небольшого количества, которое я понемногу разбавлял водой, пока они не стали такими бледными, что почти не оставили следов черной бумаги: пока это длилось, я использовал его, чтобы записывать дни месяца, в которые Это случилось со мной, и прежде всего, вспоминая прошлые времена: я помню, что

было странное совпадение дней в различных провидениях, постигших меня; и если бы я был уверен, склонен считать дни роковыми или удачными, у меня была бы причина смотреть на них с большим любопытством.

Во-первых, я заметил, что в тот самый день, когда я оторвался от своего Отца и моих друзей и бежал в Халл, чтобы отправиться в море; В тот же день после этого я был взят военным кораблем Салли и превращен в раба.

В тот же день года, когда я спасся из места крушения этого корабля в Ярмут-Роудс, в тот же день года после я совершил побег из Салли на лодке.

В тот же день года, когда я родился (а именно) 30 сентября, в тот же день, моя жизнь чудесным образом была спасена через 26 лет, когда я был брошен на берег этого острова, так что моя несчастная жизнь, и моя одинокая жизнь началась в один день.

Следующей вещью после того, как мои чернила были потрачены впустую, был мой хлеб, я имею в виду бисквит, который я вынес с корабля; я бережно относился к этому до последней степени, позволяя себе только один пирог хлеба в день в течение года, и все же я был совершенно без хлеба в течение почти года, прежде чем я получил свое собственное зерно, и у меня была великая причина, чтобы быть благодарен за то, что он у меня вообще был, ибо его получение, как уже было замечено, было почти чудом.

Моя одежда начала с лишком сильно портиться. Что же касается белья, то у меня его не было долгое время, кроме нескольких клетчатых рубашек, которые я нашел в сундуках других моряков и которые я бережно ранил, потому что много раз я не мог другую одежду на рубашке; и мне очень помогло то, что среди всей мужской одежды корабля у меня было почти три дюжины рубашек. Было также несколько толстых вахтенных мундиров моряков, которые действительно остались, но в них было с лишком жарко; и хотя правда, что погода стояла латая жаркая, что не было нужды в одежде, все же я не мог одеть совершенно голым; нет, хотя я был склонен к этому, чего я не был, и не мог вынести мысли об этом, хотя я был совсем один.

Причина, по которой я не мог одеть совершенно голым, заключалась в том, что я не мог так хорошо переносить солнечный зной, будучи совершенно голым, как в одежде; нет,

очень Жар час то покрывал мою кожу волдырями; тогда как с Рубашкой воздух сам с овершал какое-то Движение, и с висеть под этой Рубашкой было в два раза прохладнее, чем без нее; я больше не мог заставить себя выйти на солнце без кепки или шляпы; жар солнца, бьющий с такой силой, как в этом месте, вызвал бы у меня головную боль, если бы он ударил прямо мне в голову без шапки или шляпы, так что я не смог бы этого вынести, тогда как, если бы Я надел шляпу, она скоро исчезнет.

После этих взглядов я начал думать о том, чтобы положить в какой-нибудь порядок несколько имевшихся у меня тряпок, которые я называю одеждой; Я износил все пальто Väst, которые у меня были, и теперь мне нужно было попробовать, если я не смогу сделать жакеты из больших сторожевых пальто, которые у меня были, и из других материалов, которые у меня были, поэтому я принялся за дело. Работайте с Тайлерингом или, вернее, с провалом, потому что я проделал из этого самую жалкую работу. Тем не менее, я решил сделать два или три новых плаща, которые, как я надеялся, прослужат мне долго; что же до штанов или кальсонов, то я сделал очень жалкое изменение на потом.

Я упомянул, что соранил шкуры всех убитых мною существ, я имею в виду четвероногих, и подвесил их растянутыми на палках на солнце, благодаря чему некоторые из них были такими сухими. и хотелось, чтобы онигодились на малое, а другие, похоже, были очень полезны. Первое, что я сделал из них, была большая шапка для головы с волосами наружу, чтобы защитить от дождя; и это я выполнил так хорошо, что после этого я сделал себе костюм одежды полностью из этих шкур, то есть жилет и бриджи, открытые на коленях, и оба свободные, потому что они скорее хотели удержать меня прохладно, чем согреть меня. Я не должен не признать, что они были сделаны скверно; ибо если я был плохим Плотником, то я был еще худшим Тайлером. Однако они были такими, с которыми я отлично справлялся; и когда был за границей, если бы случался дождь, волосы моего жилета и кепки были снаружи, я оставался очень сухим.

После этого я потратил много времени и усилий, чтобы сделать себе зонтик; Я действительно очень нуждался в нем и очень хотел его сделать; Я видел, как их изготавливали в Бразилии, где они оченьгодились во время великой жары. И я чувствовал, что жар здесь ничуть не меньше, и даже больше, поскольку он был ближе к экватору; кроме того, как я был занят

быть многозаграницей, это было очень полезно для меня, и для Дождя, и для Жары. Я потратил на этот целый мир Болей и долго не мог с делать ничего, что могло бы устоять; более того, после того, как я решил, что встал на Путь, я испортил 2 или 3, прежде чем придумал один из них; но в конце концов я сделал один, который ответил равнодушно орошо. Главная трудность, которую я обнаружил, заключалась в том, чтобы заставить его подвести. Я мог заставить его распространяться, но если бы он не опустился и не втянулся, он был бы непереносим для меня никак, а только над моей головой, что было бы не так. Однако в конце концов, как я уже сказал, я сделал один, чтобы ответить, и покрыл его шкурами, волосами вверх, так что он отбрасывал дожди, как пентхаус, и защищал от солнца так эффективно, что я мог ходить в самую жаркую погоду с большей пользой, чем раньше, в самую прохладную, и когда в ней не нуждался, я мог закрыть ее и носить под мышку.

Таким образом, я жил очень комфортно, мой разум полностью успокоился, покоровшись Воле Бога и полностью отдав себя в распоряжение Его Провидения. Это делало мою жизнь лучше, чем просто общением, потому что, когда я начинал сожалеть о недостатке Разговоров, я спрашивал себя, было ли такое общение с моими ответственными Мыслями и, надеюсь, я могу сказать, даже с самим Богом посредством восклицаний. не лучше, чем высшее Наслаждение гуманным Общством в Мире.

Chapter XV

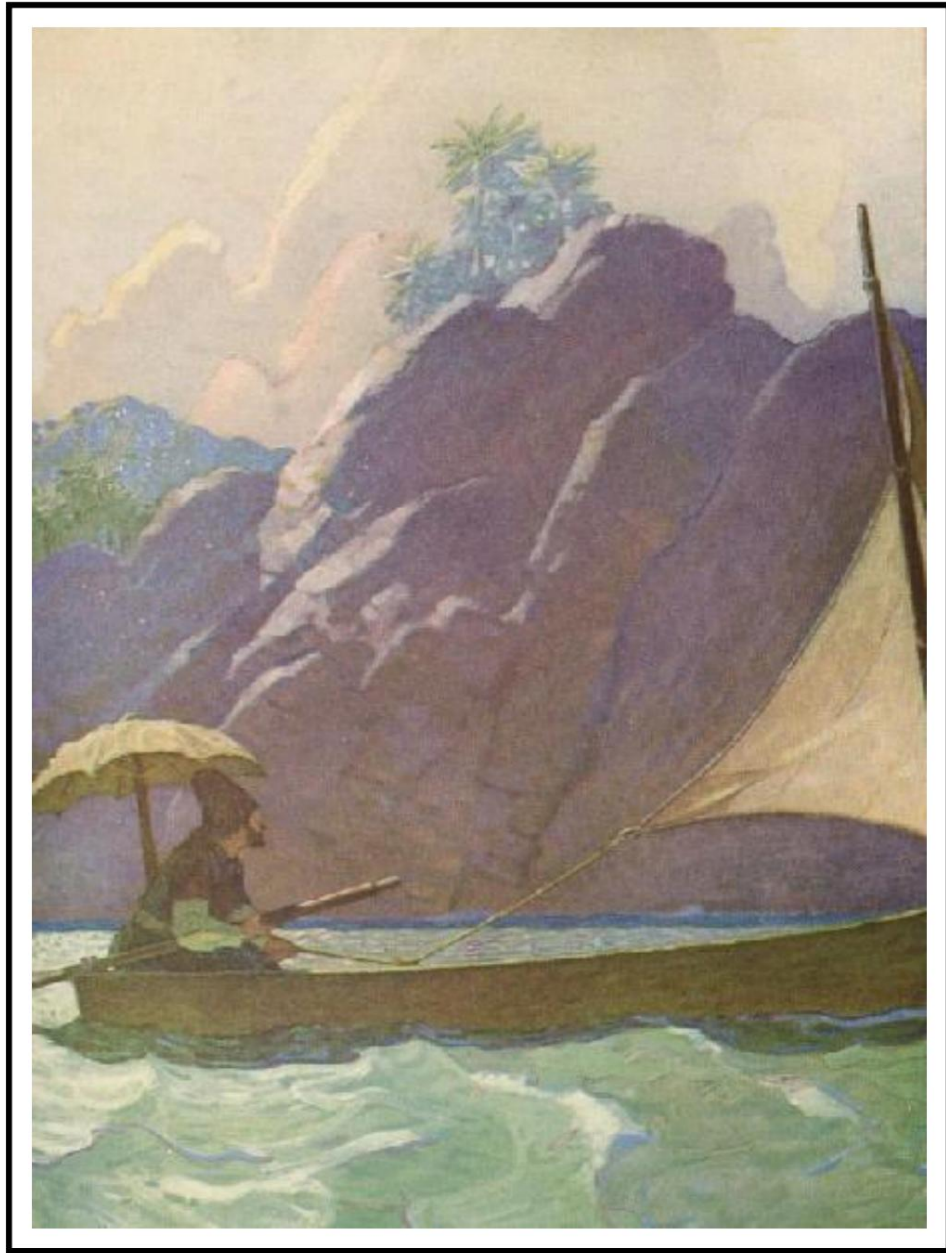
каное поменьше, на котором пытаюсь плавать вокруг острова. Его опасное положение на море. После этого он

Я возвращаюсь домой. В течение пяти лет с той же счастливой, в той же позе и месте, как и раньше; главными вещами, которыми я был занят, помимо моего ежедневного труда по посадке ячменя и риса и обработке изюма, которых я всегда сдерживал ровно столько, чтобы заранее иметь достаточный годовой запас провизии. Я говорю, что помимо этой годовой работы и моей ежедневной работы по выхodu на улицу с ружьем, у меня была еще одна работа по изготoвлению каное, которую я наконец закончил. Так что, прорыв к нему канал шириной шесть футов и глубиной четыре, я ввел его в ручей почти на полмили. Что касается первого, который был таким огромным, что я сделал его, не подумав заранее, как я должен был сделать, как я смогу запустить его; так как я так и не смог донести его до Воды или донести до него Воду, я был обязан оставить его там, где он был, как Меморандум, чтобы научить меня быть мудрее в следующий Раз: Действительно, в следующий Раз, хотя Я не мог получить подходы к дереву и в месте, где я не мог достать до него воду, на самом деле меньше, чем, как я уже сказал, около полмили; тем не менее, когда я увидел, что в конце концов это осуществимо, я никогда не отказывался от него; и хотя мне было около двух лет, я никогда не жалел своего труда в надежде получить лодку, чтобы наконец выйти в море.

Однако, хотя моя маленькая Периягуа была закончена; тем не менее, его размер совсем не соответствовал замыслу, который я имел в виду, когда делал первый; Я имею в виду, что он отправился на Терру Фирму, где она была более сорока миль в ширину; соответственно, Малость моей Лодки помогла положить конец этому Замыслу, и теперь я больше не думаю об этом. Но поскольку у меня была Лодка, моим следующим Замыслом было совершить путешествие вокруг острова; поскольку я был на другой Стороне, в одном Месте, пересекая, как я уже описал его, по Земле; поэтому открытия, которые я сделал в этом маленьком путешествии, вызвали во мне сильное желание увидеть другие части побережья; и теперь у меня была Лодка, я не думаю ни о чем, кроме плавания вокруг Острова.

С этой целью, чтобы я мог делать все благоразумно и обдуманно, я приспособил небольшую мачту к своей лодке и сделал к ней парус из нескольких частей корабельного паруса, которые хранились в запасе; и из которых у меня был большой запас сухой.

Установив мачту и парус и опробовав лодку, я обнаружил, что она будет очень хорошо ходить. Затем я сделал маленькие ящики или ящики на обоих концах моей лодки, чтобы положить в них провизию, предметы первой необходимости, боеприпасы и т. д. быть сухими либо от дождя, либо от морской струи; и небольшое длинное углубление, которое я вырезал внутри лодки, где я мог положить ружье, сделав закрылок, чтобы висеть над ним, чтобы он оставался сухим.

Я также закрепил с вой зонт на ступеньке на корме, как мачту, чтобы он стоял над моей головой и защищал меня от солнечного тепла, как тент; и поэтому время от времени я совершал небольшое путешествие по морю, но никогда не уходил далеко или далеко от маленького ручья; но, наконец, желая посмотреть окружающую мою маленькую королевскую территорию, определила как нашу, и, соответственно, я снабдила свой корабль для путешествия, положив две дюжины своих буханок (я предпочел бы, чтобы все они были) ячменного хлеба, земляного хлеба. Горшок, полный сухого риса, еды, которую я ем очень много, маленькая бутылка рома, половина козла, порох и дробь, чтобы убить больше, и два больших дозора.

плащи из тех , что , как я уже упоминал , я вытащил из сундуков моряков ; их я взял , один , чтобы лечь , а другой , чтобы укрыться в ночи .

Это было шестого ноября , на шестом году моего царствования или моего пленения , как вам будет угодно , когда я отправился в это путешествие , и оно оказалось намного длиннее , чем я ожидал ; ибо , хотя с амастров был не очень большим , тем не менее , когда подошёл к его восточной стороне , я обнаружил большой уступ скал , лежащий выше двух лиг в море , некоторые над водой , некоторые под ней ; а занимая песчаная отмель , выходящая ещё в полулиге ; так что я был обязан пройти большой путь в море , чтобы удвоить точку .

Когда впервые их обнаружил , я собирался отказаться от своего « Энтерпрайза » и вернуться снова , не зная , как далеко мне придётся уйти в море ; и , прежде всего , сомневаясь , как мне вернуться назад ; так я пришёл к якорю ; ибо я сделал себе что-то вроде Якоря из кусков сломанного Якоря , который я вытащил из Корабля .

Закрепив свою лодку , я взял своё ружье и отправился на берег , взобравшись на холм , который , казалось , возвышался над той точкой , где я видел её во всей её протяжённости и решил рискнуть .

Глядя на море с того холма , где я стоял , я заметил сильное и действительно яростное течение , которое бежало на восток и даже приближалось к Мысу ; и я обратил на это больше внимания , потому что видел , что может быть какая-то Опасность ; что , когда войду в него , меня может унести в море силой его , и я не смогу снова сделать остров ; и в самом деле , если бы я не поднялся первым на этот холм , я думаю , так оно и было бы ; ибо такое же течение было и на другой стороне острова , только оно шло на большее расстояние ; и я увидел сильный Водоворот под Берегом ; так что мне ничего не оставалось делать , как выйти из первого Потока , и сейчас я должен был оказаться в Вихре .

Я пролежал здесь , однако , два дня ; потому что Ветер , дующий довольно свежо на восток-юг-восток и прямо противоречащий упомянутому течению , сделал большой прорыв моря на мысе ; так что мне было небезопасно ни держаться слишком близко к Берегу из-за Разлома , ни отходить слишком далеко из-за Потока .

Утром третьего дня, Ветер за ночь стих, Море успокоилось, и я отважился; но я снова предостерегаю всех необдуманных и невежественных Пилотов; ибо как только подошел к мысу, когда даже я не был на расстоянии моей лодки от берега, но я оказался в большой глубине воды, и течение, подобное шлюзу мельницы: оно понесло мою лодку. Долго с этим с таким насилием, что все, что я мог сделать, не мог держать ее так, как на грани этого; но я обнаружил, что он уносит меня все дальше и дальше от Водоворота, который был слева от меня. Ветер не шевелился, чтобы помочь мне, и все, что я мог сделать с моими гребцами, ничего не значило, и теперь я начал считать себя потерянным; поскольку течение было с обеих сторон острова, я знал, что через несколько лиг они должны снова соединиться, и тогда я безвозвратно ушел; и я не видел никакой возможности избежать этого; так что у меня не было никакой перспективы передо мной, кроме гибели; не у Моря, потому что это было досадно спокойно, а от голода от Голода. Я действительно нашел на берегу черепах, такую большую, что почти не мог ее поднять, и бросил ее в лодку; и у меня был большой кувшин с пресной водой, то есть один из моих глиняных горшков; но что все это значит для того, чтобы быть брошенным в бескрайний Океан, где, разумеется, не было ни Берега, ни освоенной Земли, ни Острова, по крайней мере, на тысячу лиг.

И теперь я увидел, как легко было Промыслу Божию ухитриться с мое бедственное положение человечества. Теперь я оглянулся на свой пустынный одинокий остров, самое приятное место в мире, и все Счастье, которого только мог желать мое сердце, должно было снова быть там. Я протягивал к ней Руки с нетерпеливыми Желаниями. Осчастливленный Десарт сказал я, я никогда больше не увижу тебя. О жалкое существо, сказал я, идешь ли? Тогда я упрекал себя за мой неблагодарный нрав и зато, как я упрекал свое одинокое состояние; а теперь чтобы я отдал, чтобы снова оказаться там на берегу. Таким образом, мы никогда не видим истинного состояния нашего состояния, пока оно не проиллюстрировано нам его противоположностью; мы не умеем ценить то, чем наслаждаемся, а только желанием этого. Едва ли возможно представить, в каком ужасе я находился сейчас, когда меня гнали с моего любимого острова (ибо так мне казалось теперь) в широкий Океан, почти на две лье, и в крайнем отчаянии от возможности когда-либо его вернуть. снова. Однако я усердно трудился, пока действительно мои силы почти не истощились, и держал свою лодку так же на север, то есть в сторону течения, на котором ле

насколько мог; Когда около полудня, когда Солнце миновало меридиан, мне показалось, что я почувствовал легкий ветерок на своем лице, дующий с юга-юго-востока. Это взорвал довольно маленький нежный Гейл. К этому времени я уже на одилсь на ужасном расстоянии от острова, и если бы вмешалось малейшее облако или ненастная погода, я бы погиб и в другом месте; ибо у меня не было компаса на борту, и я никогда не знал бы, как направиться к острову, если бы я только один раз потерял его из виду; но погода оставалась с ней, я приложил все усилия, чтобы снова поднять мачту, расправить парус, отойдя как можно дальше на север, чтобы уйти от течения.

Когда я поставил мачту и парус и лодка начала уходить, я увидел даже по чистоте воды приближение некоторого изменения течения; ибо там, где Течение было таким сильным, Вода была грязной; но, заметив, что вода прозрачна, я обнаружил, что течение уменьшилось, и вскоре я обнаружил к востоку, примерно в полумиле, разлом моря на некоторых скалах; эти Скалы, которые я нашел, заставили Течение снова расступиться, и, поскольку основное напряжение его бежало южнее, оставив Скалы на северо-востоке; так что другой вернулся через Отталкивание Скал и сделал сильный Водоворот, который снова бежал обратно на Северо-Запад с очень резким Поток.

Те, кто знает, что значит получить передышку на Лестнице, или быть спасенным от воров, собирающихся убить их, или те, кто побывал в таких крайностях, могут догадаться, в чем заключалась моя нынешняя Сюрприз Радости, и с какой радостью я пускаю свою лодку в поток этого водоворота, а также в освежающий ветер, с какой радостью я расправляю к ней свой парус, радостно мчась перед ветром и с сильным приливом или водоворотом под ногами.

Этот водоворот нес меня примерно на лигу на моем пути обратно прямо к острову, но примерно на две лиги дальше на север, чем течение, которое увлекло меня с начала; так что, когда я приблизился к острову, я оказался открытым к его северному берегу, то есть к другому концу острова, противоположному тому, откуда я вышел.

Когда я с помощью этого Потока или Вихря создал нечто большее, чем Лига Пути, я обнаружил, что она иссякла и больше мне не послужила. Однако я обнаружил, что, находясь между двумя великими Потоками, (а именно) что на

южная сторона, которая поторопила меня, и та, что на севере, которая лежала примерно в лиге на другой стороне. Я говорю, что между этими двумя, следуя за Островом, я обнаружил, что Вода, по крайней мере, неподвижна и нигде не течет, и, имея по-прежнему попутный для меня Бриз Ветра, я продолжал держать курс прямо к Острову, хотя и не делал этого с вежливостью, как я делал раньше.

Около четырех часов вечера, находясь в то время примерно в лиге от острова, я нашел мыс Скал, вызвавший это бедствие, простирающийся, как описано выше, к югу и отклоняющийся от течения еще южнее. Конечно, я делал еще один вихрь на север, и я нашел его очень сильным, но не прямо задающим путь, который пролегал мой курс, который был строго на запад, а почти на север.

Однако, имея свежий шторм, я протянулся через этот водоворот, наклонный на северо-запад, и примерно через час приблизился примерно на милю к берегу, где была гладкая вода, и я вскоре добрался до земли.

Когда я был на берегу, я упал на колени и возблагодарил Бога за свое избавление, решив отложить все мысли о моем избавлении в моей лодке, и подкрепляя себя теми вещами, которые у меня были, я подвел свою лодку к берегу. в маленькой бухте, которую я подсмотрел под деревьями и уложил спать, совершенно изнемогая от труда и усталости путешествия.

Теперь я терялся в догадках, каким Путем добраться домой на моей лодке, я так много преодолел опасностей и с лишком многознал о деле, чтобы думать о том, чтобы попытаться его пройти тем путем, которым я вышел, и что может быть на другом берегу (я имею в виду Вест-Сайд) я не знал, и у меня не было никакого ума, чтобы запускать какие-либо предприятия; поэтому я решил только утром отправиться на запад вдоль берега и посмотреть, нет ли там ручья, где я мог бы в безопасности поставить свой фрегат, чтобы снова завладеть им, если я захочу его; Милых в трех или около того вдоль берега пришел к очень хорошей бухте или бухте примерно в миле дальше, которая ужасалась до очень маленькой речушки или ручья, где я нашел очень удобную гавань для моей лодки и где она лежала так, как будто она была в маленьком камне под удимых специально для нее. Здесь я причалил и, надежно уложив свою лодку, отправился на берег, чтобы осмотреться и посмотреть, где я нахожусь.

Вскоре я обнаружил, что лишь немног о прошел мимо тог о мес та, г де был раньше, ког да шел пешком к тому Берег у; И так, не вытащив из лодки ничег о, кроме ружья и зонта, так как было очень жарко, я начал с вой марш. Вечер, ког да я обнаружил, что вс е стоит так, как я ег о оставил; потому что я вс ег да с одержал ег о в х орошем поряд ке, будучи, как я уже сказал, моим заг ородным домом.

Я перебрался через забор и лег в тени, чтобы дать отдых своим конечнос тям; ибо я был очень утомлен и зас нул. Но судите сами, ес ли можете, читавшие мой рас с каз, в каком Удивлении я должен был быть, ког да меня разбудил ото сна Г олос , зовущий меня по имени неск олько раз. времена, Робин, Робин, Робин Крузо, бедный Робин Крузо, г де ты Робин Крузо? Г де ты? Г де ты был?

Сначала я так крепко спал, будучи утомленным г реблей или, как это называется , г реблей в первую час ть дня и х одьбой во вторую час ть дня , что я не прос ыпался полнос тью, а дремал между с ном. и прос нувшись , я думал, что мне прис нилось , что какое-то Тело г оворит с о мной . Но по мере тог о, как Г олос продолжал повторять Робин Крузо, Робин Крузо, наконец я стал прос ыпаться полнее, и с начала ужас но испуг ался и вздрог нул. крайнее Ужас : Но как только мои Г лаза открылис ь, я увидел с воег о Полла, с идя щег она Вершине Изг ороди; и с разу поня л, что это он г оворит с о мной ; ибо именно на таком плачевном языке я имел обыкновение г оворить с ним и учить ег о; и он выучил это так х орошо, что с адился мне на Палец , клал свой Билл близко к моему Лиц у и кричал: Бедный Робин Крузо, г де ты? Г де ты был? Как ты с ю да попал? И тому, чему я ег онаучил.

Однако, нес мотря нато, что я знал, что это был Полуг ай и что это действительно не мог ло быть никаким друг им Телом, прошло немало времени, прежде чем я с мог прийти в себя : Во-первых , Я был поражен, как это Сущ ес тво попало туда, а затем, как оно мог ло прос то оставатьс я на Мес те, и ниг де больше. и, протянув мне руку и позвав ег о по имени Полл, общительное сущ ес тво подошло ко мне, с ело на мой большой палец , как и раньше, и продолжало г оворить с о мной, бедня жка.

Робин Крузо, а как я сюда попал? и где я был? точно так же, как если бы он был вне себя от радости, чтобы увидеть меня снова; и поэтому я принес его домой вместе с собой.

Теперь мне надоело бродить по морю в течение некоторого времени, и у меня было достаточно дел на многие дни, чтобы сидеть спокойно и размышлять об опасности, в которой я был: я был бы очень рад, если бы моя лодка снова была на моей стороне. острова; но я не знал, как можно добраться до восточной стороны острова, который я обогнул; Я достаточно хорошо знал, что на этот Путь нельзя было рассчитывать; Мое сердце сжималось, и моя кровь стыла в жилах, но я думал об этом. А что касается другой стороны острова, я не знал, как это может быть там; но предположим, что Течение с такой же силой бежит к берегу на востоке, как оно проходило мимо него с другой стороны, и я мог бы столкнуться с тем же риском, что меня унесет вниз по течению и унесет островом, как это было раньше. было раньше, быть унесенным от него; Таким образом, с этими мыслями я удовлетворился тем, что остался без лодки, хотя на ее изгнание ушло так много месяцев труда и так много месяцев труда, чтобы доставить ее к морю.

При таком управлении с своим нравом я пробыл около года и, как вы можете догадаться, прожил очень спокойную и единенную жизнь; и мои мысли были очень спокойны относительно моего положения и полностью успокоились, подчиняя себя воле Провидения, и я думал, что живу действительно очень счастливо во всем, кроме того, что связано с обществом.

За это время я усовершенствовал себя во всех механических упражнениях, к которым меня подтолкнула моя потребность, и я верю, что при случае мог бы стать очень хорошим плотником, особенно учитывая, как мало инструментов у меня было.

Кроме того, я достиг неожиданного совершенства в своей глиняной посуде и достаточно хорошо умудрился делать их с помощью колеса, которое я нашел бесконечно проще и лучше; потому что я делал вещи круглыми и формируемыми, которые прежде были действительно рязными вещами на вид. Но я думаю, что никогда не был так доволен своим собственным Высуплением или так радовался чему-либо, что я узнал, как тому, что смог сделать трубку. И хотя это была очень уродливая неуклюжая вещь, когда она была сделана, и только обгорела до красна, как и другая глиняная посуда, но так как она была твердой и твердой и обгорала дымом, я был чрезвычайно утешен этим, потому что я был всегда курить,

и на корабле были трубки, но я с начала забыл о них, не зная, что на острове есть табак; а потом, когда я снова обыскал Корабль, я вообще не смог найти ни одной трубы.

В моей плетеной посуде я также много усовершенствовал и сделал множество необходимых корзин, как показал мне мое изобретение, хотя и не очень красивых, но зато очень удобных и удобных для того, чтобы я складывал вещи или приносил их. Например, если я убил козу за границей, я мог бы повесить ее на дереве, отблочить ее, освежевать, разрезать на куски, принести домой в корзине и т.п. черепаху, я мог разрезать ее, вынуть яйца и кусок или два мяса, которых мне было достаточно, и принести их домой в корзине, а остальное оставить позади.

Кроме того, большие глубокие корзины были моими приемниками для моего озера, которое я всегда вытирал, как только оно высыхало, высушивал их и ранил его в больших корзинах.

Теперь я начал замечать, что мой порох значительно уменьшился, и это было недостатком, который я не мог восполнить, и я начал серьезно обдумывать, что я должен делать, когда у меня больше не будет пороха; то есть, как я должен сделать, чтобы убить любого козла. Я, как известно, на третий год моего пребывания здесь, держал молодого козленка и вырастил его ручным, и я надеялся получить козла, но я никак не мог довести его до прохода, пока мой Малыш не вырос старым козлом; и я никогда не мог найти в моем Сердце, чтобы убить ее, пока она не умерла, наконец, от малого возраста.

Chapter XVI

Он выращивает стадо коз — Ег одневник — Ег одомашние привычки и образ жизни —

Повышение благосостояния

Б На одиннадцатом году моего проживания, и, как я уже сказал, мои боеприпасы подошли к концу, я занялся изучением Искусства ловли и заманивания Козлов, чтобы посмотреть, не смогу ли я поймать некоторых из них живыми, и обменная отел козочку с молодняком.

С этой целью я сделал силки, чтобы препятствовать им, и я уверен, что они не раз попадали в них, но моя снасть была плохой, потому что у меня не было проволоки, и я всегда нахаживал их сломанными, а мою наживку съеденной.

В конце концов я решил попробовать яму, поэтому я вырыл несколько больших ям в земле, в местах, где, как я наблюдал, паслись козы, и положил над этими ямами барьеры из собственных охлеба тоже с большой тяжестью на них; и несколько раз клал колосья ячменя и сушил рис, не устанавливая ловушку, и я мог легко заметить, что козы вошли и съели кукурузу, потому что я мог видеть следы их ног. В конце концов, за одну ночь я расставил три ловушки, а на следующее утро обнаружил, что все они стоят, но приманка съедена и исчезла. Это меня очень обескуражило.

Однако я переделал с собой Капкан, чтобы не беспокоить вас подробностями, отправившись однажды утром посмотреть на свой Капкан, я нашел в одном из них большого старого Козла, а в другом — трех Козлят, Самца и две самки.

Что до старого, то я не знал, что с ним делать, он был так свиреп, что я не осмелился пойти к нему в Яму; то есть взялся забрать его живым, чего я и хотел. Я мог бы убить его, но это не было моим делом, и это не отвечало бы моей цели. Так что я выпустил его, и он убежал, как будто он был напуган до безумия. Но я тогда забыл то, что я узнал впоследствии, что Голодукротит Лиона. Если бы я позволил ему остаться там три или четыре дня без еды, а затем принес ему немного воды для питья, а затем немного кукурузы, он был бы таким же ручным, как один из детей, потому что они очень проницательные и послушные. Существа, где они их орошают, используют.

Однако на данный момент я отпустил его, не зная в то время ничего лучшего; затем я подошел к трем Малышам и, взяв в их одног оза друг им, связал их веревками вместе и с некоторым трудом привел их всех домой.

Прошло немало времени, прежде чем они стали есть, но, бросив им немного слядой кукурузы, они с облазились, и они стали ручными; и теперь я обнаружил, что если я рассчитывал обещать себя козым мясом, когда у меня не осталось ни пороха, ни дробин, то разведение каких-нибудь ручных было моим единственным способом, когда, возможно, я мог бы держать их около своего дома, как стадо овец.

Но вскоре мне пришлось в голову, что я должен держать ручных от диких, иначе они все да будут дикими, когда вырастут, и единственным способом для этого - иметь какой-нибудь огороженный участок земли, хорошо орошенный. Или с Хеджем, либо с Пейлом, чтобы удерживать их настолько эффективно, чтобы те, кто внутри, не могли вырваться наружу, ортезируя без взлома.

Это было великое предприятие для одной пары рук, но, поскольку я видел, что это было абсолютно необходимо, моей первой частью работы было найти подходящий участок земли, а именно. где, с кореей всего, была Трава для еды, Вода для питья и Укрытие для защиты от Солнца.

Те, кто разбираются в таких образованиях, подумают, что у меня было очень мало изобретательности, когда я остановился на месте, очень подходящем для всего этого, представлявшем собой простой открытый участок луговой земли или саванны (как наши люди называют его в западных колониях).), в котором было два или три маленьких с верласом вежей водой, и на одном конце он был очень древесным. Я говорю, что они улыбнутся моему прогнозу, когда я скажу им, что начал образование этого участка земли таким образом, что моя изгородь или черта должны были быть по крайней мере в двух милях вокруг. И безумие этого было не столь велико, как по компасу, потому что, если бы вокруг было десять миль, у меня было бы достаточно времени, чтобы сделать это. у них был весь остров, и у меня было бы так много места, чтобы преследовать их, что я бы никогда их не поймал.

Моя изгородь была начата и продолжалась, я полагаю, около пятидесяти рядов, когда мне пришла в голову эта мысль, так что вскоре я остановился и для начала решил заключить участок примерно в 150 рядов в длину и

100 ядов в ширину, и это будет поддерживать столько, сколько я должен иметь в любое разумное время, поэтому, поскольку мое стадо увеличилось, я мог бы добавить больше земли к своему рождению.

Это действовало с некоторым благоразумием, и я пошел работать с Х раброс тью. Месяц атрия подстраховывался на первом участке, и пока я не сделал этого, я привял троих козлят в лучшей его части, и мы кормили их как можно ближе ко мне, чтобы они были знакомы; и очень часто приносил им несколько колосьев ячменя или горсть риса и кормил их из моей руки; так что после того, как моя ограда была закончена, и я выпустил их, они слезовали за мной вверх и вниз, блея мне вдогонку за горстью кукурузы.

Это стало ответом на мой конец, и примерно через полтора года у меня было стадо примерно из двенадцати коз, козлят и всего прочего; а еще через два года у меня было сорок три, не считая нескольких, которых я взял и убил для пропитания. И после этого я приложил пять разных Кусков Земли, чтобы кормить их, с маленькими Ручками, чтобы загонять их, чтобы брать их, как я хотел, и Ворота из одного Земельного участка в другой.

Но это было еще не все, так как теперь я мог питаться не только козьим молоком, когда мне было угодно, но и молоком, о чем в самом начале я даже не думал и которое, когда оно пришло мои мысли, было действительно приятным сюрпризом. На данный момент я открыл свою молочную ферму и иногда выпивал галлон или два молока в день. И как Природа, дающая запасы пищи каждому существу, сама по себе диктует, как ее использовать; так что я, который никогда не доил корову, а уж тем более козу, и не видел, как делаются масло или сыр, очень легко и умело, хотя после многих очерков и выкидышей, наконец, с делал себе и масло, и сыр, и никогда не хотел это потом.

Как милостиво может наш великий Творец относиться к Своим Творениям даже в тех Условиях, в которых они кажутся обреченными на Разрушение. Как может он подслать самые горькие провидения и дать нам повод восхвалять его затемницы и тюрмы. Какой Стол был здесь накрыт для меня в Пустыне, где я с начала ничего не видел, кроме как погибнуть от Голода.

Это заставило бы стоика улынуться, если бы я увидел, как я и моя маленькая семья сядимся за обед; там было мое величество принца и лорда всего острова; В моем полном распоряжении были жизни всех моих подданных. Я

мог вешать, рисовать, давать свободу и отнимать ее, и среди всех моих подданных не было бунтовщиков.

Затем, чтобы увидеть, как я, как король, обедал в полном одиночестве, в сопровождении моих слуг, Полл, как если бы он был моим фаворитом, был единственным человеком, которому было позволено говорить со мной. Мой Пес, который теперь очень состарился и сошел с ума и не нашел видов, на которых можно было бы размножаться, всегда сидел по правую руку от меня, а два кота, один с одной стороны стола, а другой с другой, ожидали время от времени Немного из моей руки в знак обогреть положение.

Но это были не те две кошки, которых я привел на берег с начала, потому что обе они были мертвы и были погребены около моего жилища моей собственной рукой; но один из них размножился не знаю каким существом, этих двух я сохранил прирученными, в то время как остальные одичали в лесу и в конце концов действительно стали для меня проблемой; ибо они часто приходили в мой дом и грабили меня, пока, наконец, мне не пришлось их застрелить, и я действительно убил очень многих; в конце концов они оставили меня с этим облуживанием, и я жил в таком обильном образе жизни; нельзя было сказать, что я нуждаюсь в чем-либо, кроме общества, и это через некоторое время после этого у меня было слишком много.

Как я заметил, мне не терпелось воспользоваться моей лодкой; хотя очень не хочется больше бегать по опасностям; и поэтому иногда сидел, изобретая, как возить ее на остров, а в другой раз сидел, вполне довольный без нее. Но у меня было странное беспокойство в мыслях о том, чтобы спуститься к Мысу Острова, где, как я уже говорил, во время моего последнего путешествия я поднялся на Холм, чтобы посмотреть, как лежит Берег и как заходит течение, что я мог видеть, что мне нужно было делать: эта склонность росла во мне с каждым днем, и в конце концов я решил отправиться туда посуше, следуя по краю берега. Я так и сделал. Но если бы кто-нибудь в Англии встретил такого человека, как я, это должно было бы либо напугать их, либо вызвать много смеха; и поскольку я часто оттапливался, чтобы посмотреть на себя, я не мог не улыбнуться при мысли о моем путешествии по Йоркширу с таким экипажем и в таком платье: будьте любезны сделать набросок моей фигуры следующим образом:

У меня была большая высокая бесформенная шапка, сделанная из козьей шкуры, с отверстием, висевшим сзади, чтобы не только не допустить попадания на меня солнца, но и не дать дождю попасть мне в шею; ничто так не вредит в этих климатических условиях, как дождь на плоти под одеждой.

У меня была короткая куртка из козьей кожи, юбки которой были примерно до середины бедер; и пара таких же штанов с открытыми коленями. Штаны были сделаны из шкуры старого козла, волосы которого висели с обеих сторон на такую длину, что, подобно панталонам, доходили до середины голени. Мои ноги; Чулок и башмаков у меня не было, но я шил себе пару вещей, я не знаю, как их назвать, например, котурниры, которые хлопали по моим ногам и завязывались с обеих сторон, как брызги; но самой варварской формы, как и вся остальная моя одежда.

У меня был широкий пояс из высушенной козьей шкуры, который я стянул двумя такими же ремешками вместо пряжек и в виде лягушек по обе стороны от него. Вместо меча и кинжала висели маленькая пила и топорик, один с одной стороны, другой с другой. У меня был еще один пояс, не такой широкий и застегнутый таким же образом, который висел с моего плеча; а на конце его, под моей левой рукой, висели два мешочка, тоже сделанные из козьей кожи; в одном из них висел мой порошок, в другом — дробь. За спиной я нес свою корзину, на плече — ружье, а над головой огромный неуклюжий, уродливый зонт из козьей шкуры, но который, в конце концов, был самая необходимая вещь, которую я имел при себе, рядом с моим ружьем: что касается моего лица, то цвет его был действительно не так похож на Молетту, как можно было бы ожидать от человека, с совершенно не заботящегося о нем и живущего в пределах девяти или десяти градусов равноденствия. Моя борода, которую я когда-то отпустил, достигла около четверти рта в длину; но так как у меня было достаточно и ножниц, и бритвы, я подстригся довольно коротко, за исключением того, что росло на моей верхней губе, которую я обрезал до большой пары магометанских бакенбардов, какие я видел у некоторых турок, которые я видел в Салли; ибо мавры не носили таких, как турки; я не могу сказать, что эти *Muschattoes* или бакенбарды были достаточно длинными, чтобы повесить на них мою шляпу; но они были достаточно чудовищной длины и формы и такие, какие в Англии считались устаревшими.

Но все это мимоходом; ибо что касается моей фигуры, за мной так мало наблюдали, что это не имело никакого значения; поэтому я больше ничего не говорю об этой части. В

На такой фигуре я отправился в свое новое путешествие и отсутствовал пять или шесть дней. Я путешествовал с начала вдоль Морского Берега, прямо к Месту, где я впервые поставил свою Лодку на Якорь, чтобы встать на Скалы; и, не имея теперь лодки, о которой нужно было бы заботиться, я прошел по земле ближе к той же выоте, на которой я был прежде, когда ждал впереди мыса Скал, который лежал и который я должен был удвоить. с моей лодкой, как сказано выше: я был удивлен, увидев, что море гладкое и спокойное, без ряби, без движения, без течения, больше, чем в других местах.

Я был в странной потере, чтобы понять это, и решил провести некоторое время, наблюдая за этим, чтобы увидеть, не было ли это вызвано ничем из наборов прилива; но я был в настоящее время убежден, как это было, а именно. Что Отлив, идущий с Запада и сливающийся с Поток Вод из какой-нибудь великой Реки на Берегу, должен быть Причиной этого Потока; и что в зависимости от того, насколько сильнее дул ветер с запада или с севера, это течение приближалось или удалялось от берега; дождавшись там до Вечера, я снова поднялся к Скале, а когда начался Отлив, я ясно увидел Течение снова, как прежде, только оно бежало дальше, так как находилось примерно в полулиге от Берега; тогда как в моем случае он подошел близко к берегу и погнался за мной и мое каню, чего в другое время он не сделал бы.

Это наблюдение убедило меня, что мне нечего делать, кроме как наблюдать за отливом и отливом, и я могу очень легко снова вести свою лодку вокруг острова. Но когда я начал думать об этом, чтобы применить это на практике, у меня был такой ужас в душе при воспоминании об опасности, в которой я был, что я не мог думать об этом снова с каким-либо терпением; но, напротив, я принял другую резолюцию, более надежную, хотя и более трудную; и это было то, что я построю или, скорее, сделаю себе еще Периагу или Каню; и поэтому есть один для одной стороны острова, а другой для другой.

Вы должны понимать, что теперь у меня было, так сказать, две плантации на острове; одно мое маленькое укрепление или шатер с остеной вокруг него под скалой, с пещерой позади меня, которую к тому времени я расширил на несколько отделений или пещер, одна внутри другой. Одна из них, с амаей сухая и с амаей большая, с дверью за моей спиной.

Стена или укрепление; то есть там, где моя Стена соединялась с скалой, все было заполнено большими глиняными горшками, о которых я рассказывал, и четырнадцатью или пятнадцатью большими корзинами, вмещающими пять или шесть бушелей каждый, где я хранил свои запасы провизии, особенно кукурузу, часть в колосе, отрезанном от оломы, а другую перетирая рукой.

Для моей Стены, сделанной, как и раньше, из длинных кольев или свай, эти сваи росли, как деревья, и к этому времени стали такими большими и раскинулись так сильно, что ни у кого не осталось ни малейшего впечатления ни о каком виде. Жилище за ними.

Рядом с этим моим жилищем, но немного дальше в пределах земли и на более низкой земле, лежали два моих кукурузы, которые я должным образом возделывал и засеивал, и которые должным образом принесли мне свой урожай в свое время; и всякий раз, когда у меня была необходимость в большем количестве кукурузы, у меня было больше земли, примыкающей к этому.

Кроме того, у меня была моя сельская резиденция, а теперь у меня была и настоящая плантация; во-первых, у меня был мой маленький Бауэр, как я его называл, который я держал в ремонте; то есть, я держал живую изгородь, которая окружала его, постоянно подогнанной до ее обычной высоты, а лестницу всегда ставила внутри; Я сохранил Деревья, которые сначала были не более чем моими кольями, но теперь выросли очень крепкими и высокими; Я всегда держал их такими подстриженными, чтобы они могли разрастаться, становиться густыми и дикими и создавать более приятную тень, что они и произвели на мой разум. Посреди этого у меня всегда стояла моя палатка, представляющая собой часть паруса, раскинутого на шестах, установленного для этой цели и никогда не нуждавшегося ни в ремонте, ни в обновлении; и для этого я сделал себе кушетку или кушетку из шкур существ, которых я убил, и других мягких вещей, а на них положил одеяло, такое же, как у нашего морского оленя, которое я спас, и большие сторожевые плащи, чтобы покрыть меня; и здесь, когда у меня был случай отсуставать на моем главном месте, я занял свое загородное жилище.

Рядом с этим у меня были вольеры для моего скота, то есть мой Козы: И так как я потратил невообразимое количество илий, чтобы огрывать и огрывать эту землю, я так беспокоился о том, чтобы она оставалась целой, чтобы козы не прорвались, что я никогда не прекращал, пока бесконечным трудом не застрял.

Снаружи изгороди было так много маленьких кольев, и они были так близко друг к другу, что это была скорее черта, чем изгородь, и между ними было мало места, чтобы просунуть руку, что вопреки твоим ожиданиям, когда эти колья выросли, как и все они в следующий сезон дождей, сделали Ограду прочной, как Стена, даже прочнее любой Стены.

Это будет свидетельствовать для меня, что я не был праздным и что я не жалел усилий, чтобы осуществить все, что казалось необходимым для моей удобной поддержки; ибо я считал, что содержание Породы ручных существ, таким образом, в моей руке, было бы для меня живым Магазином Плоти, Молока, Масла и Сыра, пока я жил в этом Месте, если бы это было сорок лет; и что удержание их в пределах моей досягаемости полностью зависело от моего совершенствования моих ограждений до такой степени, чтобы я мог удерживать их вместе; который с помощью этого метода действительно так успешно защитил, что, когда эти маленькие колья начали расти, я посадил их так густо, что мне пришлось снова пахивать некоторые из них.

В этом месте также рос мой виноград, от которого главным образом зависела для моего зимнего запаса азия ма; и который я никогда не преминул очень бережно срезать как лучшее и самое приятное лакомство во всем моем районе; и действительно, они были не только приятными, но и физическими, полезными, питательными и освежающими до последней степени.

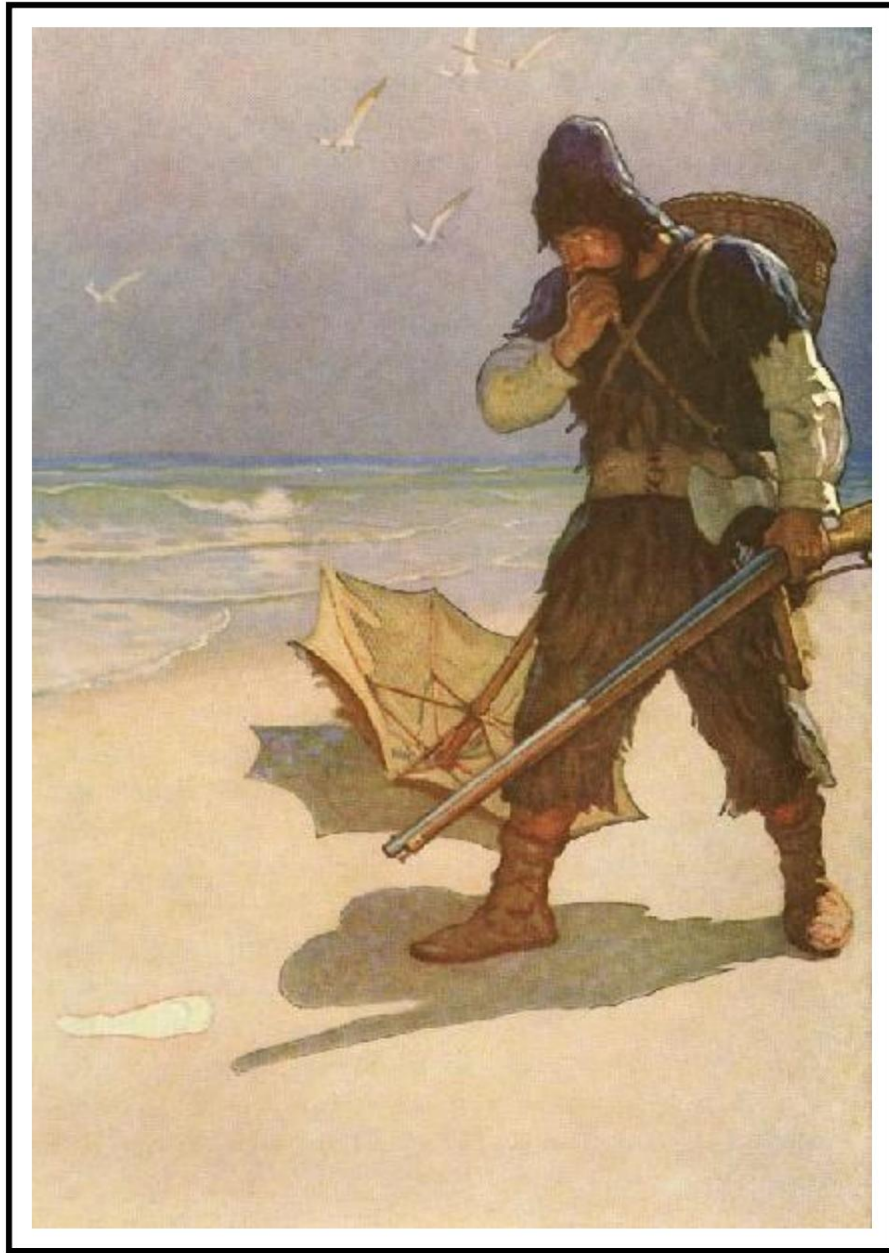
Так как это также было примерно на полпути между моим другим жилищем и местом, где я оставил свою лодку, я обычно оставался и лежал здесь по пути туда; ибо я часто посещал свою лодку и содержал в очень хорошем порядке все, что было около нее или принадлежало ей; иногда я выходил на ней, чтобы развлечься, но никаких более опасных путешествий я не совершал, и едва ли когда-либо поднимался выше одного-двух каменных отливов от берега, я так боялся, что течения снова унесут мое знание, или Ветров, или любой эфирной Аварии. Но теперь я подхожу к новой Стене моей Жизни.

Chapter XVII

Неожиданная тревога — повод для опасений — он укрепляет свою обитель

Я Пораженный громом, или как будто я видел Привидение...
Случилось так, что однажды около полудня, направляясь к моей лодке, я был чрезвычайно удивлен отпечатком босой ноги человека на берегу, который был очень хорошо виден на песке: я стоял, как будто ударил гром, или как будто я видел привидение; Я прислушивался, я оглядывался вокруг себя, я ничего не слышал и ничего не видел, я поднялся на возвышенность, чтобы посмотреть дальше, я пошел вверх по берегу и вниз по берегу, но все было одно, я не мог видеть никакого другого впечатления, кроме этого, я снова пошел к нему, чтобы посмотреть, есть ли еще какие-нибудь, и проверить, не является ли это моим воображением; но для этого не было места, потому что там был именно отпечаток ступни, пальцев, пятки и каждой части ступни; как оно попало сюда, я не знал и не мог даже вообразить. Но после бесчисленных трепещущих Мыслей, подобно Человеку, совершенно битому с толку и не в себе, я пришел Домой к своему Укреплению, не чувствуя, как мы говорим, Земли, по которой я шел, но в ужасе до последней степени, оглядываясь назад, меня через каждые две-три ступени, ошибочно принимая каждый куст и дерево и воображая каждый пенек на расстоянии человека; также невозможно описать, в скольких различных образах испуганное воображение представляло мне вещи, сколько диких идей каждое мгновение находилось в моем воображении и какие странные необъяснимые капризы приходили в мои мысли по пути.

Когда я пришел в свой замок, потому что так, кажется, я называл его с тех пор, я бежал в него, как преследуемый; Прошел ли я по Лестнице, как было задумано вначале, или вошел в Отверстие в Скале, которое я назвал Дверью, я не могу вспомнить; нет, и я не могу вспомнить следующее Утро, потому что никогда не испуганный Заяц бежал в Укрытие или Лис на Землю с большим Ужасом Разума, чем я в это Убежище.

В ту ночь я не спал; Чем дальше я был от Повода моего Испуга, тем сильнее были мои опасения, что как раз наоборот

к природе таких вещей, и особенно к обычной практике всех существ в страхе. Я был теперь далеко от этого. И тогда мне казалось, что это Дьявол; и Разум согласился с мной в этом предположении: Ибо как может какая-либо другая Вещь в человеческом облике появляться на этом месте? Где был Судно, которое их принесло? Какие были Знаки любух других шагов? И как могло случиться, что Человек пришел туда? Но тогда подумать, что сатана мог принять человеческий облик в таком Месте, где для этого не могло быть никакого повода, кроме как оставить за собой Отпечаток своей стопы, даже и без всякой цели, ибо он не мог быть уверенным, что я должен видеть это; это было развлечением по-другому; Я полагал, что Дьявол мог найти множество других Способов напугать меня, кроме одного Отпечатка Ноги. Что, поскольку я жил совсем на другой стороне острова, он никогда не был бы так просто оставить Метку в Месте, где десять тысяч к одному, увижу ли я ее когда-нибудь или нет, и на песке тоже., который первый прилив моря при сильном ветре полностью испортил бы: все это казалось несовместимым с самой Вещью и со всеми представлениями, которые мы обычно принимаем о коварстве дьявола.

Обилие подобных вещей помогло мне опровергнуть все подозрения, что это Дьявол. И вскоре я пришел к выводу, что это должно быть какое-то более опасное Существо, Главная земля выступила против меня, который углыл в море на своих каноях; и либо движимые течениями, либо встречными ветрами с оздали остров; и были на Берегу, но снова ушли в Море, быть может, так же не желая оставаться на этом пустынном Острове, как и я хотел бы иметь их.

Пока эти размышления роились в моем уме, я был очень благодарен своим мыслям зато, что я был так счастлив, что не был поблизости в это время, или что они не видели мою лодку, на основании чего они могли бы заключить, что некоторые обитатели были в этом месте и, возможно, искали меня дальше. Тогда ужасные мысли терзали мое воображение о том, что они нашли мою лодку и что здесь были люди; и что если это так, то я непременно прикажу им вернуться в большем количестве,

и съешь меня; что если случится так, что они не найдут меня, все же они найдут мою огаду, уничтожат все мое зерно, унесут все мое стадо ручных коз, и я погибну в конце концов из-за простой нужды.

Так мой Страх изгнал всю мою религиозную Надежду; вся прежняя уверенность в Боге, основанная на таком чудесном опыте, который я испытал на Его благодати, теперь исчезла, как если бы Тот, кто до сих пор кормил меня Чудом, не мог сохранить Своей Силой Предоставление, которое Он сделал для меня посредством Его доброты: я упрекал себя за свою легкость, что не посею больше кукурузы в один год, чем просто прослужит мне до следующего сезона, как будто никакая случайность не могла помешать мне наслаждаться урожаем, который был на земле; и я подумал, что это просто порицание, что я решил на будущее заранее иметь два или три гектара зерна, чтобы, чтобы ни случилось, я не мог погибнуть из-за недостатка хлеба.

Какой странной работой Провидения является жизнь человека! и какой тайной разные источники испещряют привязанностей, как разные обстоятельства, присутствующие сегодня мы любим то, что завтра мы ненавидим; Днем мы ищем то, чего завтра избегаем; Днем мы желаем того, чего завтра боимся; даже дрожать при Опасениях; это проявилось во мне в это Время самым живым образом, какой только можно вообразить; ибо я, чье единственное Несчастье состояло в том, что я казался изгнанным из человеческого общества, что я был одинок, окружен бескрайним Океаном, отрезан от Человечества и обречен на то, что я называю безмолвной Жизнью; что я был подобен тому, кого Небеса очли недостойным быть причисленным к Живым или появиться среди остальных Его Творений; что увидеть одного из моих собственных Видов показалось бы мне Воскрешением меня от Смерти к Жизни и величайшим Благоденствием, которое само Небо могло даровать, наряду с высшим Благоденствием Спасения; Я говорю, что теперь я должен был бы дрожать от самых опасений, увидев Человека, и был бы готов провалиться под землю лишь при тени или молчаливом появлении человека, ступившего на остов.

Таково неравномерное состояние человеческой жизни. И оно дало мне много любопытных размышлений впоследствии, когда я немногочисленно оправился от своего первого Сюрприза; Я считал, что это и есть Станция Жизни, которую определило для меня бесконечно мудрое и благое Провидение Божие, так как я не мог

предвидеть, каковы могут быть цели Божественной мудрости во всем этом, поэтому я не должен был оспаривать его с уверенностью, который, поскольку я был его творением, имел несомненное право по сотворению управлять мной и распоряжаться мной абсолютно так, как он считал нужным; и который, поскольку я был существом, оскорбившим его, имел также судебное право приговорить меня к тому наказанию, которое он считал нужным; и что я должен был подчиниться его воле, потому что я согласился против него.

Затем я подумал, что Бог, который был не только Праведным, но и Всемогущим, поскольку он считал нужным таким образом наказать и наказывать меня, поэтому Он мог избавить меня; что, если он не сочтет нужным сделать это, моим беззастенчивым долгом было полностью и полностью подчиниться его Воле; а с другой стороны, моим долгом также было уповать на него, молиться ему и спокойно следовать велениям и указаниям его повседневно о Провидения.

Эти мысли заняли у меня много часов, дней; нет, я могу сказать, недели и месяцы; и один конкретный эффект моих размышлений по этому поводу, который я не могу опустить, а именно. Однажды ранним утром, лежа в своей постели и преисполненный мысли об опасности, грозившей мне от появления дикарей, я обнаружил, что это меня очень расстроило, после чего в мои мысли пришли те слова Писания: Призовите меня в день Смуты, и Я избавлю, и ты прославишь Меня.

После этого, радостно поднявшись с моей постели, мое Сердце не только утешилось, но я получил руководство и воодушевление усердно молиться Богу об избавлении: когда помолился, я взял Библию и открыл ее, чтобы прочитать, первые слова, представленные мне, были: «Надейся на Господа и ободрись, и Он укрепит твое сердце; жди, говорю, Господа. Невозможно выразить Утешение, которое это дало мне. В ответ с благодарностью отложил Книгу и не стал больше грустить, по крайней мере, не в тот раз.

В разгар этих размышлений, опасений и размышлений мне однажды пришло в голову, что все это может быть просто моей собственными фантазиями; и что эта аналогия могла быть отпечатком моей собственной ноги, когда я вышел на берег из своей лодки. Что это было не что иное, как моя собственная Нога, и почему я не мог пойти той дорогой от Лодки, как я шел этой дорогой к Лодке; опять же, я считаю также, что я не мог бы

Значит сказать наверняка, где я ступал, а где нет; и что, если в конце концов это был всего лишь отпечаток моей собственной ноги, то я сыграл роль тех дураков, которые стремятся сочинить истории о призраках и призраках; а потом боялся их больше, чем лютого дьявола.

Теперь я начал набираться храбрости и снова вылезать наружу; ибо я не вышел из своего замка три дня и три ночи; так что я начал голодать по Провианту; потому что у меня почти ничего не было в Дорз, кроме ячменных лепешек и воды. Потом я понял, что мои козы тоже хотят, чтобы их подоили, что обычно было моим вечерним развлечением; и бедные существа испытывали большие боли и неудобства из-за отсутствия этого; и в самом деле, это почти испортило некоторых из них, и почти высушил их молоко.

Поэтому воодушевляя себя верой в то, что это не что иное, как отпечаток одной из моих собственных ног, и поэтому можно сказать, что я начал с собственной Тени, я снова отправился за границу и отправился в свой загородный дом, чтобы подоить мою стаю; но видеть, с каким страхом я шел вперед, как часто оглядывался назад, как я был готов время от времени бросить свою корзину и бежать, спасая свою жизнь, это заставляло любого подумать, что меня преследуют призраки. с нечистой совестью, или что я в последнее время ужасно испугался, и действительно так и было.

Однако, поскольку я спускался таким образом два или три дня и ничего не видел, я стал немногосмелее; и думать, что на самом деле в нем не было ничего, кроме моего собственного воображения. моей собственной, и посмотреть, есть ли какое-либо существо или ответствие, чтобы я мог быть уверен, что это была моя собственная нога. Но когда я пришел на место, во-первых, мне Лодка, я не мог быть на берегу где-то там. Во-вторых, когда я пришел измерить отметку своей ногой, я обнаружил, что моя ступня не так уж велика; обе эти вещи наполнили мою голову новыми фантазиями и снова дали мне пар в вышей степени; так что я дрожал от холода, как в лихорадке. И я снова пошел домой, полный Веры, что какой-то человек или люди были там на берегу; или, короче говоря, что остров был обитаем, и я мог бы быть удивлен, прежде чем я бы знал; и какой курс взять для моей безопасности я не знал.

О, какое нелепое решение принимают люди, одержимые страхом! Это лишает их возможности пользоваться теми средствами, которые Разум предлагает им для облегчения. Первое, что я предложил себе, было бросить мои загоны и превратить весь мой домашний скот в диких лесных, чтобы Враг не мог их найти; а затем час то посещайте остров в надежде на ту же или подобную добычу: затем к простому делу: выкопать два моих кукурузных поля, чтобы они не могли найти там такого озера, и все же побудили бы час то посещать остров; затем снести мою беседку и палатку, чтобы они не могли видеть никаких остатков жилья, и им было бы побуждено смотреть дальше, чтобы узнать обитателей.

Это были Предметы Размышлений в первую Ночь после того, как я снова вернулся домой, когда опасения, которые так захлестнули мой разум, были с вежи во мне, и моя голова была полна паров, как указано выше: Таким образом, страх перед опасностью десять Втысячу раз страшнее, чем сама Опасность, когда она очевидна для глаз; и мы находим, что Бремя Беспокойства намного больше, чем Зло, о котором мы беспокоимся; и что былох уже всего этого, я не получил того облегчения в этой беде от смирения, которое я имел обыкновение практиковать, на которое я надеялся. Я выглядел, подумал я, как Саул, который жаловался не только на то, что филистимляне напали на него; но что Бог оставил его; ибо теперь я не избрал надлежащих путей, чтобы обратиться с мыслями, воззвав к Богу во всем бедствии и полагаясь на Его Провидение, как я делал раньше, для моей защиты и избавления; а если бы я и поступил, то, по крайней мере, получил бы более жизнерадостную поддержку в связи с этим новым Сюрпризом, возможно, перенес бы его с большей решимостью.

Это смятение моих мыслей не давало мне спать всю ночь; но утром заснул, от развлечения моего ума, был, так сказать, *tyr'd*, и мои духи были истощены; Я спал очень крепко и проснулся гораздо лучше с обранным, чем когда-либо прежде; и теперь я стал думать с тепенно; и после острых порывов с алим с обой я пришел к выводу, что этот остров, который был таким необычайно приятным, плодородным и находился не дальше от основной земли, чем я видел, не был так уж полностью заброшен, как я мог себе представить: хотя не было никаких заявленных жителей, которые жили на Гяне; тем не менее, иногда от берега могут отплывать лодки, которые либо намеренно, либо, возможно, никогда, но когда их гонит встречный ветер, могут приплыть в это место.

Что я живу здесь уже пятнадцать лет и еще не встречался ни с тенью, ни с фигурой какого-либо народа; и что, если в какое-то время они будут изгнаны сюда, вполне вероятно, что они снова уйдут, как только смогут, поскольку они никогда не считали нужным останавливаться там по какому-либо случаю до этого времени.

Что самое большее, что я мог бы предположить, - это какая-либо опасность, связанная с любой такой случайной случайной высадкой разбросанных людей с Главного, которые, как это было вероятно, если бы они были изгнаны сюда, были здесь против своей воли; поэтому они не останавливались здесь, а снова удалились с о всей возможной скоростью, редко останавливаясь на одну ночь на берегу, по крайней мере, они не должны были снова получить помощь приливов и дневног о света; и поэтому мне ничего не оставалось делать, кроме как подумать о каком-нибудь безопасном отступлении на тот случай, если я увижу, что какие-нибудь дикари приземляются на этом месте.

Теперь я начал горько раскаиваться, что выкопал свою Пещеру нас только большой, что снова проложил Дверь, которая, как я сказал, выходила за пределы того места, где мое Укрепление соединялось с Скалой; Поэтому, тщательно обдумав это, я решил построить себе второе укрепление, таким же образом полукругом, на расстоянии от моей стены, как раз там, где я посадил двойной ряд деревьев около двенадцати лет назад, из которых я упомянул: эти деревья были посажены так густо, что они хотели, чтобы между ними было вбито всего несколько шпал, чтобы они были толще и крепче, и моя стена была бы скоро закончена.

Так что теперь у меня была двойная стена, а моя внешняя стена была утолщена кусками дерева, старыми тросами и всем, что я мог придумать, чтобы сделать ее прочной; И моя в ней семь маленьких Отверстий, примерно таких размеров, чтобы я мог просунуть руку. Внутри этого я утолстил свою Стену до толщины более десяти футов, постоянно вынося Землю из моей Пещеры и укладывая ее на Подножие Стены и ходя по ней; и через семь отверстий я ухитрился посадить мушкеты, о которых я заметил, что я получил семь на берегу с корабля; их, говоря, я установил, как мою пушку, и вставил их в рамы, которые держали их, как лафет, чтобы я мог выстрелить из всех семи пушек за две минуты. никогда не думал, что в безопасности, пока это не было сделано.

Когда это было сделано, я воткнул всю землю без моей Стены, на большом протяжении во всех направлениях, так же заполненную кольями или палками из ивняка, как дерево, которое я нашел нас только с обычными растениями, насколько они могли хорошо стоять; нас только, что я думаю, что мог бы разместить около двадцати тысяч из них, оставив довольно большое пространство между ними и моей стеной, чтобы у меня было место, чтобы увидеть врага, и у них не было бы укрытия от молодых деревьев, если бы они попытались приблизиться к моей внешней Стене.

Таким образом, через два года у меня была густая роща, а через пять или шесть лет у меня был лес перед моим жилищем, который стал таким чудовищно густым и крепким, что действительно стал совершенно непроходимым; и ни один человек, какого бы рода он ни был, никогда бы не подумал, что за ним есть что-то еще, не говоря уже о жилище. Это было путем установки двух Лестниц, одна на Часть Скалы, которая была низкой, а затем сломалась, и осталось место, чтобы поставить на нее другую Лестницу; поэтому, когда две Лестницы были спущены, ни один живой человек не мог спуститься ко мне, не причинив себе вреда; а если они и спустились, то они все еще были с внешней стороны моей внешней стены.

Таким образом, я принял все меры, которые гуманное благоразумие могло предложить для моего собственного сохранения; и, наконец, будет видно, что они были не лишены справедливой причины; хотя я ничего не предвидел в то время, кроме моего собственного страха, внушенного мне.

В то время как я делал это, я не был совершенно беззаботным о моих других делах; ибо у меня была большая забота о моем маленьком стаде коз; они были не только подарком для меня на всякий случай, но и стали драгоценны для меня без расходов на порох и пули; но также и без усталости от охоты на диких животных, и мне не хотелось терять их преимущество и снова заставлять их всех вскармливать.

С этой целью после долгих размышлений я мог придумать только два способа их сохранения; нужно было найти другое удобное место, чтобы выкопать Пещеру под землей и загонять их в нее каждую ночь; а другой заключался в том, чтобы огораживать два или три маленьких кусочка земли, удаленных друг от друга и настолько скрытых, насколько мог, где я мог бы держать около полдюжины молодых коз в каждом месте: так что, если случится какое-нибудь бедствие к стае в целом, я мог бы поднять их снова с небольшими проблемами и

Время . И это, хотя и потребовало бы много времени и труда, я считал наиболее рациональным замыслом.

Соответственно, я потратил некоторое время , чтобы узнать самые уединенные части острова; и я остановился на том, что было нас только уединенным, насколько мог желать мое Сердце; это был небольшой влажный клочок земли посреди долины и густого леса, где, как известно, я однажды чуть не потерял себя , пытаясь вернуться этим путем из восточной части острова: здесь я нашел чистый участок земли около трех акров, нас только окруженный лесом, что он был почти отращиванием от природы, по крайней мере, ей не требовалось столько труда, чтобы сделать его таковым, как другие участки земли, над которыми я работал. так ты жело.

Chapter XVIII

Меры предосторожности против неожиданностей. Робинзон

Я обнаруживает, что его остров по-прежнему каннибалы. пожалуй с та, которые теперь не были такими дикими, как можно было подумать с начала, были достаточно хорошо защищены в нем. Итак, без дальнейшего промедления я удалил десять молодых козлят и двух козлят на этот кусок; и когда они были там, я продолжал совершенствовать Изгородь, пока не сделал ее такой же надежной, как и предыдущую, что, однако, я делал с большим досугом, и это заняло у меня гораздо больше времени.

Засчет всего этого труда я был исключительно из-за своих опасений по поводу отпечатка человеческой ноги, который я видел; ибо до сих пор я никогда не видел, чтобы какое-либо человеческое существо приближалось к острову, и вот уже два года я прожил в этих беспокоествах, которые действительно сделали мою жизнь гораздо менее комфортной, чем раньше; это вполне может себе представить Любви, кто знает, что значит жить в постоянной Ловушке Страх перед Человеком; и я должен также с горечью отметить, что смятение моего ума оказалось излишнее влияние и на религиозную часть моих мыслей, ибо страх и ужас перед попаданием в руки дикарей и каннибалов так легли на мои души, что я редко находил себя в должном настроении для обращения к моему Создателю, по крайней мере, не с уравновешенным спокойствием и покорностью души, которые я имел обыкновение делать; Я скорее молился Богу, находясь под великой скорбью и душевным давлением, окруженный опасностью и ожидая каждую ночь быть убитым и съеденным до утра; и я должен засвидетельствовать на основании своего опыта, что настроение Мира, Благодарности, Любви и Привязанности гораздо более подходит для Молитвы, чем состояние Ужаса и Смятения; и что под страхом надвигающегося бедствия человек не более подходит для утешительного исполнения долга молитвы Богу, чем для покаяния на постели больного: ибо эти расстройств воздействуют на разум так же, как другие воздействуют на тело; и расстройство ума обязательно должно быть таким же большим недостатком, как и расстройство тела, и гораздо большим, поскольку молитва Богу является, с ответственностью, действием ума, а не тела.

Но продолжать; После того, как я таким образом закрепил за собой часть своего небольшого живого капитала, я обошел весь остров в поисках другого частного места, чтобы внести еще один такой же вклад; когда я дошел до западного мыса острова больше, чем когда-либо, и посмотрел на море, мне показалось, что я увидел лодку в море на большом расстоянии; Я нашел Перспективное Стекло или два в одном из Морских Сундуков, которые я спас от нашего Корабля; но во мне этого не было, и это было так далеко, что я не мог сказать, что с этим делать; хотя я смотрел на него до тех пор, пока мои глаза не могли больше смотреть; были ли это Лодка или нет, я не знаю; но когда я спустился с Холма, я больше не мог его видеть, поэтому я отказался от него; только я решил больше не выходить из дома без перспективного стекла.

Когда я спустился с холма к краю острова, где я никогда прежде не был, я вскоре убедился, что увидеть отпечаток человеческой ноги не так уж и странно на острове, как Я вообразил; и что было обыденным провидением то, что я был заброшен на ту сторону острова, куда никогда не приходили дикари: я легко мог бы знать, что ничто не было более частым, чем каню с Майна, когда им случалось быть слишком далеко в море, чтобы перебраться на ту сторону острова в гавань; точно так же, как они часто встречались и сражались на своих каню, победители, взяв в плен, приводили их к этому берегу, где, согласно их ужасным обычаям, будучи все канибалами, они убивали и съедали их; из которых в дальнейшем.

Когда я спустился с холма к берегу, как я сказал выше, я вляю щему с юго-западной точкой острова, я был совершенно бит с толку и поражен; и я не могу выразить Ужас моего разума, когда вижу, что Берег усеян Черепами, Руками, Ногами и другими частями человеческих тел; и особенно я заметил Место, где был разведен Огонь, и Круг, вырытый в Земле, наподобие Кокпита, где, как предполагается, Дикари Негодя и усеяны для своих бесчеловечных Пиров над Телами своих Собратьев. -Существа. Я был так поражен этим зрелищем, что долгое время не думал о какой-либо опасности для себя; Все мои опасения были погребены в мыслях о такой степени нечеловеческой, адской жестокости и ужасе вырождения человеческой природы; о котором, хотя я часто слышал, все же я никогда не имел такого близкого Вида раньше; Короче говоря, я отвернулся от ужасного

зрелище; мой желудок заболел, и я был как раз на грани обморока, когда природа высвободила нас с тобой из моего желудка; меня вырвало с необычайной силой, и я почувствовал небольшое облегчение; но не мог остаться в этом месте ни на минуту; так что я снова взобрался на холм с скоростью, на которую был способен, и пошел к своему собственному жилищу.

Когда я немножко отъехал от этой части острова, я некоторое время стоял в изумлении; а затем, придя в себя, я взглянул с величайшей нежностью души и со слезами на глазах воздал благодарности Богу за то, что он бросил мой жребий в ту часть мира, где я отличался от таких ужасных существ, подобные этим; и что, хотя я считал свое нынешнее положение очень несчастным, тем не менее, оно дало мне столько утешения, что у меня было еще больше благодарить, чем жаловаться; и прежде всего то, что даже в этом жалком состоянии он утешался знанием самого себя и надеждой на его освобождение, которое было частью, более чем дос точно эквивалентным всем страданиям, которые я испытывал или мог испытать.

В этой Рамке Благодарности я отправился домой, в свой замок, и теперь мне стало гораздо легче относиться к безопасности моих обстоятельств, чем когда-либо раньше; ибо я заметил, что эти негодяи никогда не приходили на этот остров в поисках того, что они могли бы получить; быть может, ничего здесь не ища, не желая и не ожидая; и, без сомнения, они часто бывали в его покрытой лесом части, не находя ничего для своей цели. Я знал, что нахожусь здесь уже почти восемнадцать лет и никогда прежде не видел здесь ни малейшего шага Человеческого Существа; и я мог бы быть здесь еще восемнадцать, таким же полностью скрытым, как и сейчас, если бы я не открывал себя, что у меня не было никакого повода делать, потому что мое единственное дело - полностью скрывать себя. И где бы я ни был, если бы я не нашел Существо лучше, чем Канибалы, чтобы заявить о себе.

И все же я испытывал такое отвращение к диким негодяям, о которых я говорил, и к их жалкому бесчеловечному обычаю пожирать и пожирать друг друга, что я продолжал задумчивый и печальный и держал себя в безопасности. свой собственный круг в течение почти двух лет после этого: когда я говорю «мой собственный круг», я имею в виду три моих плантации, а именно. мой замок, моя загородная резиденция, которую я называл своей беседкой, и моя ограда в лесу

и я не присматривал за этим для какого-либо другого использования, кроме как в качестве отражения для моих коз; ибо отвращение, которое природа внушила мне этим адским нарядом, было таково, что я боялся их видеть, как с амой одежды вола; за все это время я даже не пошел присматривать за своей лодкой; но начал скорее думать о том, чтобы сделать меня другим; ибо я не мог и подумать о том, чтобы предпринимать какие-либо другие попытки, чтобы привести ко мне другую лодку вокруг острова, по крайней мере, я встретил бы некоторых из этих существ в море, в котором, если бы я случайно попал в их Руки, я знал, что будет мой Жребий.

Однако время и удовлетворение, которое я имел от того, что мне не грозит опасность быть обнаруженным этими людьми, начали стирать мое беспокойство по поводу них; и я стал жить точно так же, как прежде; только с той разницей, что я был более осторожен и больше смотрел на себя, чем раньше, чтобы кто-нибудь из них не увидел меня; и в частности, я был более осторожен в стрельбе из своего оружия, чтобы кто-нибудь из них, живущих на Острове, не услышал об этом; и поэтому для меня было очень хорошим провидением то, что я завел себе прирученную породу коз, что мне больше не нужно охотиться в лесу или стрелять в них; и если я и поймал кого-нибудь из них после этого, то только с помощью ловушек и силков, как я делал раньше; так что в течение двух лет после этого, я думаю, я ни разу не выстрелил из своего оружия, хотя я никогда не выходил без него; и что еще важнее, так как я спас с корабля три пистолета, я всегда носил их с собой, или, по крайней мере, два из них, заткнув их за пояс из козьей шкуры; также я переделал один из больших ножей, которые были у меня с корабля, и сделал пояс, чтобы надеть его; так что теперь, когда я уехал за границу, я был с амой разным парнем, если вы добавите к моему прежнему описанию осбенности двух пистолетов и большого широкого меча, висящего у меня на боку на поясе, но без ножен.

Так происходит, как я уже сказал, в течение некоторого времени; Я казался, за исключением этих предостережений, вернувшись к моему прежнему спокойному, уравновешенному образу жизни, все эти вещи имели тенденцию показывать мне все больше и больше, насколько далеко мое состояние было от несчастного по сравнению с некоторыми другими; более того, многим другим осбенностям жизни, которые, возможно, Богу было угодно сделать моим жребием. Это заставляло меня задуматься о том, как мало было бы среди человечества рожденья на любящую жизнь, если бы люди предпочитали

сравнивайте их с состоянием с теми, ктох уже, чтобы быть благодарными, чем всегда сравнивать их с теми, ктолучше, чтобы помочь их ропоту и жалобам.

Поскольку в моем нынешнем состоянии было не так уж много вещей, которые я хотел; так чтоя действительнодумал, чтострах, который я испытывал по поводу этих диких негодяев, и забота, которую я испытывал о своем собственном состоянии, с няли острое моего изобретения для моих собственных удобств; и у меня был хороший замысел, на котором я когда-то слишком многодумал; и это было, чтобы попытаться, если я не мог с делать немного из моего ачменя в солод, а затем попытаться сварить себе немного пива: Это была действительно причудливая мысль, и я частоупрекал себя за простоту этого; ибо вскорее я увидел, что будет не хватать нескольких вещей, необходимых для приготовления моего пива, которые я не смогу обеспечить; как во-первых, бочки для хранения, что было вещью, которую, как я уже заметил, я никогда не мог охватить; нет, хотя я потратил не много дней, а недель, более того, месяцев, пытаюсь это с делать, но напрасно. Вследующем месте у меня не было ни хмеля, ни дрожжей, чтобы заставить его работать, ни меди, ни чайника, чтобы заставить его кипеть; и все же, несмотря на все эти вещи, я искренне верю, чтоесли бы не вмешались эти вещи, я имею в виду страх и ужасы, которые я испытывал из-за дикарей, я бы предпринял это и, возможно, также довел бы это до конца; ибо я редкоотказывался от чего-либо, не доведя его до конца, когда у меня было достаточно этого в голове, чтобы начать его.

Но теперь мое изобретение идет с овсем по другому пути; для ночи и дня я не мог думать ни о чем, кроме как уничтожить некоторых из этих монстров в их жестоких кровавых развлечениях и, если возможно, с пасти жертву, которую они должны привести с юда, чтобы уничтожить. Потребовался бы большой том, чем должна быть вся эта работа, чтобы изложить все приспосoblения, которые я вынашивал или, скорее, вынашивал в своих мыслях, для уничтожения этих существ или, по крайней мере, для их запугивания, чтобы предотвратить их приходу с юда больше; но все было бесплодно, ничегоне могло произойти, если толькоя не должен был быть там, чтобы с делать это сам; и что мог с делать среди них один человек, когда, возможно, их было двадцать или тридцать вместе с освоими дротиками или луками и стрелами, из которых они могли стрелять так же точно, как и я из своего оружия?

Однажды я ухитрился вырыть яму под тем местом, где они разводили свой костер, и насыпал туда пять или шесть фунтов пороха, который, когда они разжигали костер, должен был взорваться и взорвать все, что было рядом с ним; но, во-первых, мне очень не хотелось бы тратить на них столько пороха, поскольку мой запас теперь составляет не больше одной бочки; так что я также не мог быть уверен, что он работает в какое-то определенное время, когда он может их удивить, и в лучшем случае, что он делает немногим больше, чем просто раздувает Огонь вокруг их ушей и напугает их, но недостаточно, чтобы заставить их покинуть Место; поэтому я отложил его в сторону, а затем предложил устроить засаду, в каком-нибудь удобном месте, с моими тремя ружьями, полностью заряженными вдвое; и посреди их кровавой Церемонии пустить в них мух, тогда как я буду уверен, что при каждом выстреле буду убивать или ранить, возможно, двоих или троих; а затем, нагнав на них с моими тремя пистолетами и шпагой, я не сомневался, что если их будет двадцать, я убью их всех, что я часто мечтал об этом; а иногда и то, что я просто собирался напустить на них во сне.

Я зашел так далеко в своем воображении, что потратил несколько дней на то, чтобы найти подходящие места, чтобы, как я уже сказал, устроиться в засаду, чтобы выматривать их; и я часто ходил на эту площадь, которая теперь стала мне более знакомой; и особенно в то время, когда мой разум был так наполнен мыслями о мести и о кровавом предании двадцати или тридцати из них мечту, как я мог это назвать, Ужас, который я испытывал на этом месте и при сигналах варварских Негодяи, пожирающие друг друга, уняли мою Злобу.

Ну, наконец, я нашел место на склоне холма, где я был уверен, что могу спокойно ждать, пока не увижу приближающихся лодок, и тогда, даже до того, как они будут готовы подойти к берегу, перенес и меня невидимым в чащу деревьев, в одной из которых была лощина, достаточно большая, чтобы полностью скрыть меня; и где я мог бы сидеть и наблюдать за всеми их кровавыми деяниями, и полностью целиться им в головы, когда они были так близко друг к другу, что было бы почти невозможно, чтобы я промахнулся или не смог ранить три или четыре из них на первом выстреле.

В этом месте я решил исправить свой проект и соответственно приготовить два мушкета и свое обычное охотничье ружье. Два мушкета, которые я заряжал парой пуль каждый, и четыремя или пятью меньшими пулями, размером примерно с пистолетные пули; и охотничье ружье, которое я заряжал почти горстью лебединых пуль с амором большого размера; Я также заряжал свои пистолеты примерно четырьмя пулями в каждый, и в этой позе, хорошо обеспеченный боеприпасами для второго и третьего заряда, я приготовился к своей экспедиции.

После того, как я таким образом изложил план своего замысла и в своем воображении претворил его в жизнь, я постоянно каждое утро совершал путешествие на вершину холма, который находился от моего замка, как я его называл, около трех часов ночи. Мили или больше, чтобы посмотреть, не замечу ли я какие-нибудь лодки в море, приближающиеся к острову или стоящие по направлению к нему; но я начал уставать от этой тяжелой обязанности после того, как в течение двух или трех месяцев я постоянно нес свою вахту; но всегда возвращались без какого-либо открытия, поскольку за все это время не было ни малейшего явления не только на берегу или вблизи него; но не на всем Океане, куда мои глаза или очки могли проникнуть со всех сторон.

Пока я продолжал свой ежедневный тур на холм, чтобы посмотреть; до тех пор я сохранял энергию своего замысла, и мои духи, казалось, все время находились в пододвинутой форме для такой возмутительной казни, как убийство двадцати или тридцати обнаженных дикарей, за преступление, которого я не имел в виду. Все это было включено в дискуссию в моих мыслях, в той мере, в какой мои страсти были с начала разожжены ужасом, который я испытывал на естественные обычаи этого народа страны, который был перенесен провидением в его мудрое расположение мира, чтобы не иметь другого руководства, кроме руководства своих отвратительных и испорченных страстей; и постоянно были оставлены, и, возможно, были таковыми в течение нескольких веков, чтобы действовать: ужасные вещи и принять такие ужасные обычаи, в которые могла бы ввергнуть их только природа, полностью покинутая небом и действующая адским вырождением: но теперь, как я уже сказал, я начал уставать от бесплодных экскурсий, которые я совершал так долго и досадно, каждое утро напрасно, так что мое мнение о самой акции стало меняться, и я начал более прохладно и более спокойно Мысли, чтобы обдумать, чем я собирался заняться. Какая власть или призвание у меня было, чтобы претендовать на роль судьи и палача этих людей как преступников, которых Небеса считали достойными только веков страдать безнаказанно, идти дальше и быть, как это было,

Один за другим исполнители его приговоров. Насколько эти люди были обидчиками против меня и какое право я имел участвовать в Ссоре той Крови, которую они беспрядочно проливали друг на друга. Я очень часто обсуждал это с самим собой таким образом; Откуда мне знать, что судит сам Бог в данном конкретном случае? уверен, что эти Люди либо не совершают это как Преступление; это не противука их с общественной Совестью или упрека их Света. Они не знают, что это Оскорбление, а затем совершают его вопреки Божественной Справедливости, что мы делаем почти во всех Грехах, которые мы совершаем. Они считают, что убийство пленника, захваченного на войне, не является преступлением, как мы убиваем быка; Мы не едим гуманную плоть, чем едим б

Когда я немножко обдумал это, то с необходимостью выяснилось, что я определенно был неправ в этом, что эти люди не были убийцами в том смысле, в каком я прежде осуждал их в своих мыслях; не в большей степени тех христиане были убийцами, которые часто предавали смерти пленных, взятых в бою; или, что чаще, во многих случаях предавали мечу целые отряды людей, не давая пощады, хотя они бросали оружие и подчинялись.

Вследующем месте мне пришло в голову, что, хотя Обычай, который они таким образом давали друг другу, был столь же грубым и бесчеловечным; но на самом деле для меня это было пустяком: эти люди причинили мне вред. Что, если они попытаются на меня напасть или я сочту нужным немедленно обрушиться на них со своей Сохранностью, за это можно будет что-то сказать; но поскольку я был еще вне их власти, и они действительно не знали обо мне и, следовательно, подписывались на меня; и поэтому не могло быть с праведливо обрушиться на них. Что это оправдывает поведение испанцев во всех их варварствах, практикуемых в Америке, и где они уничтожили миллионы этих людей, которые, однако, были идолопоклонниками и варварами и имели в своих обычаях несколько кровавых и варварских обрядов, таких как приносящие человеческие тела в жертву своим идолам, были, однако, как и испанцы, очень невинными людьми; и что об искоренении их из страны говорят с крайним отвращением и отвращением даже с ами испанцы в это время; и всеми другими христианами народами Европы, как чистую бойню, кровавую и противоестественную Жестокость, не имеющую оправдания ни перед Богом, ни перед Человеком; и такие, для которых само имя испанца считается ужасным и ужасным для всех людей человечества или христианского осуждения:

особенно выдающийся продукт расы людей, у которых не было принципов нежности или общегосударственного несчастья, что считается признаком щедрого нрава у меня.

Эти изображения действительно поставили меня в паузу и в своего рода полную остановку; и я начал мало-помалу отклоняться от своего замысла, и в заключение я принял неверные меры в своих решениях напасть на дикарей; что не мое дело вмешиваться в их дела, если только они сначала не нападут на меня, и мое дело было по возможности предотвратить это; но если меня обнаружат и нападут, то я знаю свой долг.

С другой стороны, я спорил с самим собой, что это действительно был путь не к избавлению себя, а к полной гибели и уничтожению самого себя; ибо если я не был уверен, что убью всех, кто не только должен был быть на Берегу в то время, но и когда-либо появляться на Берегу впоследствии, если бы один из них убежал, чтобы рассказать своим землякам о том, что произошло, они тысячами снова придут, чтобы отомстить за смерть своих братьев, а я навлеку на себя только определенное разрушение, для которого в настоящее время у меня не было никакого повода.

В целом я пришел к выводу, что ни в принципе, ни в политике я не должен так или иначе заниматься этим делом. Что моя задача состояла в том, чтобы всеми возможными способами скрыть себя от них и не оставлять им ни малейшего сигнала, по которому они могли бы догадаться, что на острове есть какие-либо живые существа; Я имею в виду гуманную форму.

Религия увлеклась этим благоразумием, и теперь я был убежден многими путями, что совершенно не исполнил своего долга, когда я строил все свои кровавые замыслы по уничтожению невинных существ, я имею в виду невинных по отношению к себе: Что касается Преступлений, в которых они были виновны друг перед другом, то я не имел к ним никакого отношения; они были национальными, и я должен представлять их правосудию Бога, который являюсь правителем народов и знает, как с помощью национальных наказаний произвести справедливое возмездие за национальные преступления; и выносить публичные приговоры тем, кто публично оскорбляет, теми способами, которые ему больше всего нравятся.

Это казалось мне теперь нас только с ним, что ничто не было для меня большим Удовлетворением, чем то, что мне не позволили сделать вещь, которую я

теперь увидел так много оснований верить, что это было бы не меньшим грехом, чем умышленное убийство, если бы я его совершил; и я смиренно благодарил на колени Бога, который таким образом избавил меня от кровавой вины; умоляя его одаровать мне защиту своего провидения, чтобы я не попал в руки варваров; или что я не мог бы возлагать на них свои Руки, если бы у меня не было более четкого Призыва с Небес сделать это для защиты моей собственной жизни.

Chapter XIX

Робинзон обнаруживает пещеру, которая служит ему убежищем от дикарей.

Я Д Я продолжал в течение почти года после этого; и я был так далек от того, чтобы желать с лучшая напасть на этих негодяев, что за все это время я ни разу не поднимался на холм, чтобы посмотреть, есть ли кто-нибудь из них в поле зрения, или узнать, был ли кто-нибудь из них на берегу. там или нет, чтобы у меня не возникло искушения возобновить какое-либо из моих замыслов против них или быть с провоцированным каким-либо преимуществом, которое могло бы с амосбой представиться, чтобы напасть на них; только вот что я сделал: я пошел и снял свою лодку, которая была у меня на другой стороне острова, и отнес ее к восточной оконечности всего острова, где я наткнулся на маленькую бухточку, которую нашел под некоторыми высокими скалами, и где, как я знал, по причине течения, дикари не осмелились бы, по крайней мере, не пришли бы на своих лодках ни по какой причине.

С моей лодкой я унес все вещи, которые я оставил там, принадлежащие ей, хотя и не необходимые для простого перехода, а именно. Мачту и парус, которые я сделал для нее, и вещь, похожую на корь, но на самом деле которую нельзя было назвать ни якорем, ни крюком; однако это было лучше, что я мог сделать в своем роде: все это я удалил, чтобы не было ни малейшей тени какого-либо открытия, или какого-либо появления какой-либо лодки, или какого-либо человеческого обитания на острове.

Кроме того, я держал себя, как я сказал, более замкнутым, чем когда-либо, и редких одил из своей камеры, за исключением моей постоянной работы, а именно. Дроть моих коз и управлять моим маленьким стадом в лесу; что, как и в другой части острова, было совершенно вне опасности; несомненно, что эти дикие люди, которые иногда обитали на этом острове, никогда не приодились мыслью найти здесь что-нибудь; и, следовательно, никогда не ух одил с побережья; и я не сомневаюсь, но они могли быть несколько раз на берегу после того, как мои опасения по поводу них сделали меня осторожным, как и раньше; и в самом деле, я с некоторым ужасом оглядывался на мысли о том, каким было бы мое состояние, если бы я напал на них и был обнаружен до этого голым и безоружным, за исключением одного оружия. , и то загроужаются часто только с небольшими

Застреленный, я ходил повсюду, выходя и выходя из-за острова, чтобы увидеть, что я могу получить; Каково же было бы мое удивление, если бы, обнаружив отпечаток человеческой ноги, я вместо этого увидел пятнадцать или двадцать дикарей и обнаружил, что они преследуют меня, и, судя по быстрой их беге, никакой возможности моего побега от них.

Мысли об этом погружали иногда в меня самую душу мою и до такой степени угнетали мой разум, что я не мог скоро прийти в себя, чтобы собразить, что я должен был сделать и как я не только не мог сопротивляться им, но даже не должно было иметь достаточного присутствия духа, чтобы сделать то, что я мог бы сделать; тем более то, что теперь, после стольких размышлений и подготовки, я мог бы сделать: действительно, после серьезных размышлений об этих вещах я был бы очень меланхоличным, и иногда это длилось бы очень долго; но в конце концов я решил все это в Благодарности тому Провидению, которое избавило меня от столь многих невидимых Опасностей и уберегло меня от тех Бедствий, от которых я никоим образом не мог быть Посредником в избавлении себя; потому что у меня не было ни малейшего представления о какой-либо такой зависимости или малейшего предположения о том, что это возможно.

Это возобновило созерцание, которое часто пришло мне в голову в прежние времена, когда впервые начал видеть милосердный характер Неба в опасностях, которым мы подвергаемся в этой жизни. Как чудесно мы освобождаемся, когда ничего об этом не знаем. Как, когда мы находимся в (Затруднительном положении, как мы это называем) Сомнении или Колебании, идти ли тем Путем или этим Путем, тайный Намек направит нас на этот Путь, когда мы намеревались идти этим Путем; более того, когда Чувство, наша собственная склонность и, возможно, Бизнес зовут нас идти другим Путем, все же странное Отпечаток на Разуме, откуда мы не знаем, что Происходит, и с помощью какой Силы мы не знаем, будет господствовать над нами. идти этим Путем; и впоследствии выяснится, что если бы мы пошли тем Путем, которым мы должны были пойти и даже в нашем воображении должны были пойти, мы бы разорились и погибли. определенное правило с одной, что всякий раз, когда обнаруживал эти тайные намеки или побуждения моего разума делать или не делать какую-либо вещь, которая представлялась; идти ли туда или сюда, я никогда не нарушал тайного диктата; хотя я не знал другой причины для этого, кроме того, что такое давление или такой намек висели на моем уме: я мог бы привести много примеров успехов этого поведения в моей жизни; но больше

особенно в последней части моего проживания на этом несчастном острове; помимо многих случаев, на которые, весьма вероятно, я мог бы обратить внимание, если бы я видел тогда теми же глазами, что и сейчас: Но никогда не поздно быть мудрым; и я не могу не посоветовать всем разумным людям, чья жизнь связана с такими необычайными происшествиями, как моя, или даже если они не столь экстраординарны, не пренебрегать такими тайными намеками Провидения, пусть они исходят от какого бы то ни было невидимого Разума они ни пожелали, чтобы я не обскуждать и, возможно, не может обяснить; но, несомненно, они являются доказательством Обращения Духов и тайного Общения между теми, кто поглощен, и теми, кто не поглощен; и такое доказательство, которому никогда нельзя противостоять: из которых у меня будет случай привести несколько очень замечательных примеров в охватываемую часть моего уединенного проживания в этом мире.

Я полагаю, что читатель не посчитает это странным, если я признаюсь, что эти тревоги, эти постоянные опасности, в которых я жил, и беспокоество, охватившее меня теперь, положили конец всем изобретениям и всем изобретениям, которые я заложил для моего будущего размещения и удобства. Теперь на моих руках была забота о моей безопасности больше, чем о моей еде. Я не хотел сейчас вбивать гвоздь или рубить дрова из страха, что шум, который я издам, может быть услышан; гораздо меньше я стал бы стрелять из ружья по той же причине; и, кроме того, мне было невыносимо трудно разводить какой-либо огонь, чтобы меня не выдал дым, видимый днем на большом расстоянии; и по этой причине я удалил ту часть своего бизнеса, которая требовала огня; таких, как сжигание горшков, труб и т. д., в моей новой квартире в лесу, где, пробыв некоторое время, я нашел, к моему невыразимому утешению, простую естественную пещеру в земле, которая простиралась на обширный путь и где, осмелюсь сказать, ни один дикарь, будь он у ее устья, не осмелился бы проникнуть внутрь, как, впрочем, и любой другой человек; тот, кто, как и я, ничего не хотел, как безопасное убежище.

Устье этой ложины находилось у подножия большой скалы, где по чистой случайности (я бы сказал, если бы я не видел веских оснований приписывать все это Провидению) я срубил несколько толстых ветвей деревьев, чтобы сделать Древесный уголь; и прежде чем я продолжу, я должен рассмотреть причину, по которой я делаю этот древесный уголь; что было так: я боялся закурить вокруг моего жилища, как я уже говорил; и все же я не мог жить там без выпечки хлеба, приготовления мяса и т. д., поэтому я ухитрился сжечь

немного дерева здесь, как я видел в Англии, под деревом, пока оно не превратилось в древесный уголь или сухой уголь; а затем, потушив Огонь, я сжигал Уголь, чтобы отнести его домой; и выполнять другие услуги, которые требовал Огонь, дома без опасности дыма.

Но это между прочим: пока я рубил здесь какой-то лес, я заметил, что за очень толстой ветвью низкого кустарника или подлеска было что-то вроде ложины; Мне было любопытно заглянуть в него, и, с трудом проникнув в его рот, я обнаружил, что он довольно большой; то есть достаточно для меня, чтобы стоять в нем прямо, и, возможно, еще один с мной; но, должен признаться вам, я сделал больше пешеходности, чем вошел, когда, взглянув дальше на площадь, которая была совершенно темной, я увидел два широких сияющих Глаза какого-то Существа, Дьявола или Человека, которых я не знал, которые мерцали. Словно две Звезды, тусклый Свет из Устья Пещеры сиял прямо внутри и создавал Отражение.

Однако после некоторой паузы я пришел в себя и начал называть себя тысячей дураков и говорить себе, что тот, кто боится увидеть Дьявола, не достоин прожить двадцать лет на острове в полном одиночестве; и что я осмелился поверить, что в этой пещере нет ничего страшнее меня самого; после этого, набравшись смелости, я взял большую головню и снова бросился с пылающей палкой в руку; Я не прошел и трех шагов, но был почти так же напуган, как и прежде; ибо я слышал очень громкий вздох, как у человека, испытывающего какую-то боль, за которым последовал прерывистый шум, как будто из полувывказанных слов, а затем снова глубокий вздох: я отступил назад и действительно был поражен таким Удивлением, что меня бросило в холодный пот; и если бы у меня была шляпа на голове, я не буду отвечать за нее, чтобы мои волосы не сняли ее. Но все же, набравшись духа, насколько мог, и немного ободряя себя мыслью о том, что Сила и Присутствие Бога были повсюду и были в состоянии защитить меня; после этого я снова шагнул вперед и при свете Головни, немного подняв ее над головой, увидел лежащего на земле самого чудовищного, страшного старого козла, который просто исполнял свою волю, как мы говорим: и задыхаясь от Жизни, и действительно умирая от простоты старости.

Я немного пошевелил его, чтобы посмотреть, смогу ли я вытащить его, и он попытался встать, но не смог подняться сам; и я подумал про себя, он мог бы даже

лежать там; ибо если бы он так напугал меня, то, несомненно, напугал бы любого из дикарей, если бы кто-нибудь из них оказался настолько выносливым, чтобы войти туда, пока в нем есть хоть отблеск жизни.

Теперь я оправился от своего удивления и начал оглядываться, когда обнаружил, что пещера очень маленькая, то есть она может быть около двенадцати футов в высоту, но не имеет формы ни круглой, ни круглой. квадратным, и для его изготвления никогда не использовались никакие руки, кроме рук чистой природы. требовал, чтобы я полз на руках и коленях, чтобы войти в него, и куда я пошел, я не знал; поэтому, не имея Свечи, я отказался от нее на какое-то время; но решил прийти с нова на следующий день, приготив свечей и огниво, которое я сделал из замка одного из мушкетов, с небольшим количеством дикого огня в кастрюле.

Соответственно, на следующий день я получил шесть больших свечей с собственного изготвления; ибо теперь я делал очень хорошие свечи из козьего жира; и, войдя в это низкое место, я должен был проползти на всех четырех, как я уже сказал, почти десять рядов; что, кстати, я считал достаточно мелкой авантюрой, учитывая, что я не знал, как далеко она может зайти, и что будет дальше. Когда я прошел через пролив, я обнаружил, что Крыша поднимается выше, я думаю, около двенадцати футов; но я осмелюсь сказать, что никогда еще на острове не видели такого великолепного зрелища, как это было, если осмотреть с тороны и крышу этого ранилища или пещеры; Стены отразили мне 100 тысяч Светов от моих двух Свечей; что это было в камне, будь то бриллианты, или какие-либо другие драгоценные камни, или золото, как я предположил, я не знал.

Место, в котором я наодился, было восхитительной пещерой или гротом в своем роде, как и следовало ожидать, хотя и совершенно темным; Пол был сухим и ровный, на нем лежало что-то вроде мелкого гравия, так что не было видно ни тошнотворных, ни ядовитых существ, ни сырости, ни сырости ни на стенах, ни на крыше. это был вход, который, однако, был местом безопасности и таким убежищем, какое я хотел, я думал, что это было удобно; так что я действительно обрадовался открытию и решил без промедления принести сюда кое-что из того, о чем я больше всего беспокоился; в частности, я решил принести сюда с собой пороховой пореб и все свое запасное оружие, а именно. Два отничьих ружья, для

Всего у меня было три; и три мушкета, ибо всего их у меня было восемь; так что я держал в своем замке только пять, которые стояли наготове, как пушки, на самом дальнем заборе; и были готовы также отправиться в любую экспедицию.

Поэтому случая, когда я удалил свои боеприпасы, я воспользовался случаем, чтобы открыть бочку с порохом, которую я взял из моря и которая была мокрой; и я обнаружил, что вода проникла примерно на три или четыре дюйма в порошок с каждой стороны, который, с лежащая и затвердевая, сохранил внутреннюю часть, как ядров скорлупе; так что у меня было около шестидесяти фунтов очень хорошего пороха в центре бочки, и в то время это было для меня приятным открытием; так что я унес все туда, никогда не имея при себе больше двух или трех фунтов пороха в моем замке из-за боязни лютого рода неожиданности: я также унес туда весь свинец, который у меня был для пуль.

Теперь я воображал себя одним из древних великанов, которые, как говорят, живут в пещерах и норах, в скалах, где никто не может напасть на них; ибо я убедил себя, пока был здесь, что если пять от дикарей будут хотеться на меня, они никогда не смогут найти меня; а если бы и знали, то не осмелились бы напасть на меня здесь.

Старый Козел, которого я нашел умирающим, умер в орту пещеры на следующий день после того, как я сделал это открытие; и я обнаружил, что гораздо легче вырыть там большую яму, бросить его и засыпать землей, чем вытаскивать; так что я похоронил его там, чтобы предотвратить оскорбление моего носа.

Сейчас я проживал на этом острове двадцать третий год и был настолько натурализован в этом месте и в образе жизни, что мог только наслаждаться уверенностью, что никакие дикари не придут сюда, чтобы беспокоить меня, я мог бы смириться с тем, что проведу там остаток своего Времени, вплоть до последнего Мгновения, пока не уложусь и не умру, как старый Козел в Пещере. Я также добрался до некоторых небольших Развлечений и Развлечений, благодаря которым Время прошло для меня намного приятнее, чем прежде; Во-первых, я научил своего Полла, как я уже отмечал, говорить; и делал он это так фамильярно, и говорил так членораздельно и просто, что мне это очень понравилось; и он прожил с мной не менее двадцати шести лет. Сколько он проживет потом, я не знаю;

хотя я знаю, что в Бразилии есть мнение, что они живут столет; возможно, бедняга Полл все еще жив там и по сей день зовет Бедного Робина Крузо. Я не желаю, чтобы ни один англичанин не пришел туда и не послушал его; но если бы он это сделал, то наверняка поверил бы, что это Дьявол. Мой пес был мне очень приятным и любящим компаньоном не менее шестнадцати лет моей жизни, а затем умер в глубокой старости; что касается моих кошек, то они размножились, как я заметил, до такой степени, что мне пришлось с начала заселить несколько из них, чтобы они не охотились на меня и все, что у меня было; но в конце концов, когда двое старых, которых я привел с собой, ушли и через некоторое время постоянно изгоняли их от меня и не давали им при себе пропитания, все они дико убежали в лес, а заключением двух или трех Фаворитов, которые я держал с собой в руках; и чьи молодые, когда они были, я всегда давал им; и они были частью моей Семьи: кроме этого, я всегда держал при себе двух или трех домашних Детей, которых я учил кормить из моей Руки; и у меня было еще два попугая, которые довольно хорошо разговаривали и все звали Робина Крузо; но ни один не похож на мой первый; и действительно не перенес ни одной из них, которые я с ним делал. У меня также было несколько ручных морских птиц, имен которых я не знаю, которых я поймал на берегу и подрезал им крылья; и маленькие колья, которые я посадил перед стеной моего озамка, теперь превратились в хорошую густую рощу, и все эти куры жили среди этих низких деревьев и размножились там, что было мне очень приятно; так что, как я уже сказал выше, я стал очень доволен жизнью, которую вел, если бы только она могла быть защищена от страха перед дикарями.

Но это было иначе направлено; и, возможно, не будет лишним для всех людей, которым предстоит ознакомиться с моей историей, сделать из нее это справедливое замечание, *vis*. Как часто на протяжении нашей жизни Зло, которое само по себе мы больше всего остерегаемся избегать и которое, когда мы в него впадаем, становится для нас самым ужасным, часто оказывается тем самым Средством или Дверью нашего Освобождения, через которую в одиночку мы можем снова подняться из скорби, в которую мы попали. Я мог бы привести множество примеров этого на протяжении моей необъяснимой жизни; но ничто не было более примечательным, чем обстоятельства моих последних лет уединенного проживания на этом острове.

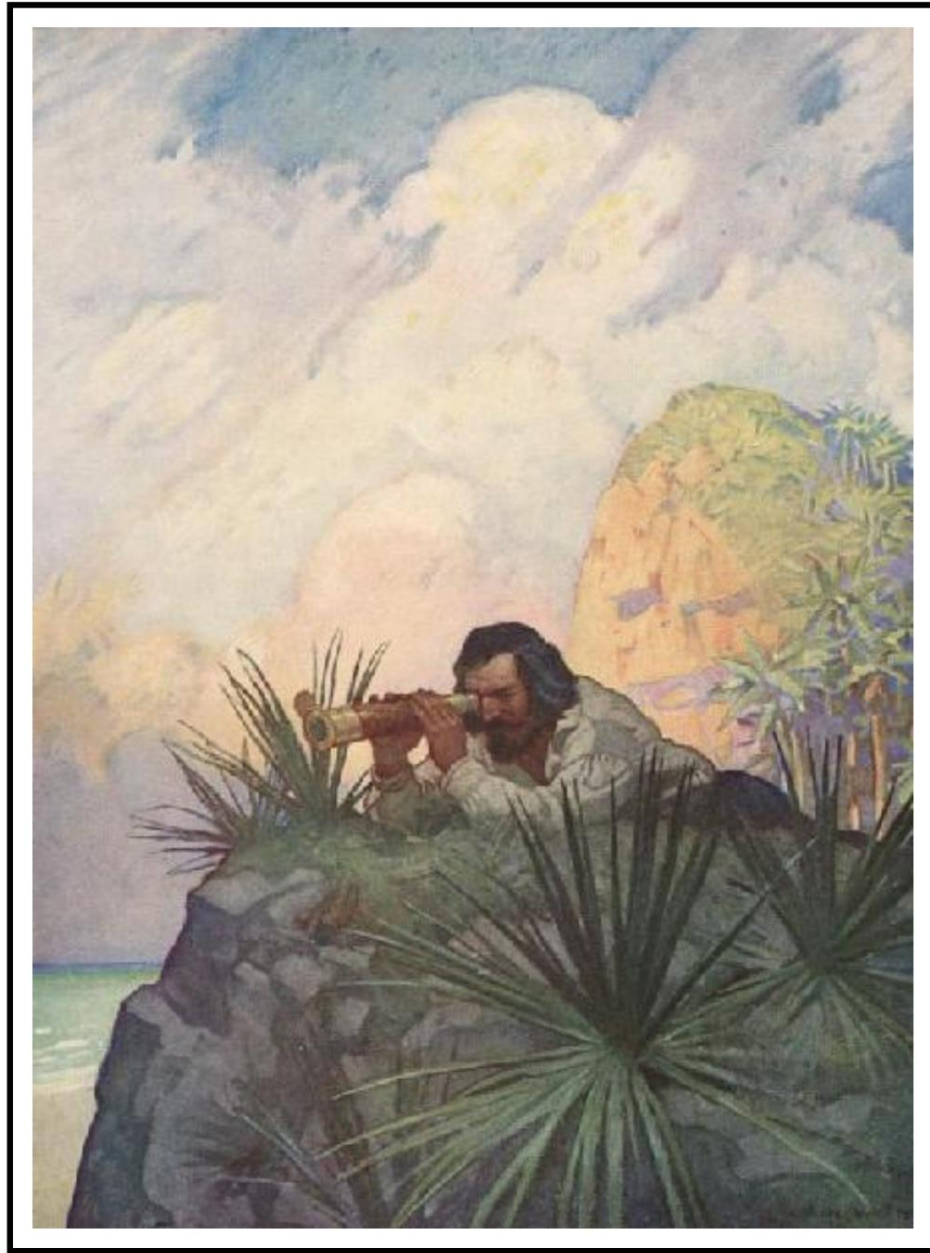
Chapter XX

посещение дикарей. Робинзон видит их танцующими. Он видит крушение корабля

Я Месяц декабрь, как я сказал выше, на моем двадцать третьем году жизни; и это было южным сезонением, потому что я не могу назвать его зимой, и это было все время моего урожая, и мне требовалось довольно много времени на полях; Когда я вышел довольно рано утром, еще до рассвета, я был удивлен, увидев с вет как отогнана на берегу, на расстоянии от меня, примерно в двух милях к концу острова, где я заметил, что некоторые дикари по-прежнему были; но не на другой стороне; но, к моему большому несчастью, это было на моей стороне острова.

Я был действительно ужасно удивлен увиденным и зашагал в свою рошу, не осмеливаясь выйти, чтобы не быть удивленным; и все же у меня больше не было покоя внутри из-за опасений, что если эти дикари, бродя по острову, обнаружат, что моя кукуруза стоит или скошена, или какие-либо из моих работ и улучшений, они немедленно придут к заключению, что там были Люди на Месте, и тогда я никогда не дам себя, пока они не найдут меня: В этой Крайности я вернулся прямо в свой Замок, вытащил за собой Лестницу и сделал все вещи невзрачными такими же дикими и естественными, как я мог.

Затем я подготовил себя внутри, приняв Позу Защиты; Я зарядил все свои пушки, как я их называл; то есть мои мушкеты, которые были установлены на моем новом укреплении, и все мои пистолеты, и решили защищать себя до последнего вздоха, не забывая серьезно предать себя Божественному Покровительству и усердно молиться к Богу, чтобы избавить меня от рук варваров; и в этой позе я пробыл около двух часов; но я начал очень нетерпеливо ждать разведки за границей, потому что у меня не было шпионов, которых можно было бы послать.

Посидев еще некоторое время и обдумав, что мне делать в этом случае, я больше не мог выносить сидения в Неведении; поэтому настраивая с собой Лестницу к склонам холма, где было ровное место, как я заметил раньше, а затем, потянув за собой лестницу, я снова установил ее и поднялся на вершину холма; и, вытащив бинокль, который я взял с собой для Намерения, я уложился на живот, на Землю, и начал искать место; Вскоре я обнаружил, что не менее девяти обнаженных дикарей сидели вокруг небольшого участка, который они развели не для того, чтобы согреть себя; потому что они не нуждались в этом, Погода была

очень жарко; но, как я полагал, чтобы приправить часть их варварского
рациона человеческого мяса, которое они привезли с собой, живыми или
мертвым, я не мог знать.

У них было с собой два каноя, которые они останавливали на берегу; и
поскольку тогда был Отлив, мне казалось, что они ждут Возвращения Потопа,
чтобы снова уйти; трудно представить, в какое замешательство меня привело
это зрелище, особенно видя, как они приближаются к моей стороне острова
и так близко ко мне; но когда я заметил, что их прибытие всегда должно
сопровождаться течением отлива, я впоследствии стал более спокойным в
своем уме, будучи уверенным, что могу выйти за границу в
безопасности все время прилива, если раньше их не было на Берегу: И,
сделав это Наблюдение, я отправился за границу по поводу своей Урожайной
Работы с еще большим Самообладанием.

Как я и ожидал, так и случилось; ибо, как только прилив направился на
запад, я увидел, как все они сели в лодку и гребли (или, как мы это называем,
гребли) прочь; пошел танцевать, и я мог легко различить их позы и жесты
своими очками: я не мог заметить при самом внимательном наблюдении, что они
были совершенно обнажены и не имели ни малейшего покрытия на себе; но
были ли они мужчинами или женщинами, этого я не мог различить.

Как только я увидел, что они отправлены и ушли, я вскинул два ружья на
плечи, два пис-толета на пояс и большую шпагу на боку, без ножен, и со всей
скоростью, на которую был способен, Я отправился на Холм, где обнаружил
первое Проявление всех; и как только я добрался туда, а это было не менее
чем через два часа (ибо я не мог идти быстро, так как был нагружен
оружием), я заметил, что на этом месте было еще три каноя дикарей; и,
выглянув дальше, я увидел, что они все вместе находятся в Море,
направляясь к Майну.

Это было для меня ужасным Зрелищем, особенно когда спускался к
Берегу, я мог видеть Знаки Ужаса, которые оставила после себя мрачная
Работа, которой они занимались, а именно. Кровь, кости и части плоти
человеческих тел, поедаемые и пожираемые этими негодяями с весельем
и забавой.

начал теперь обдумывать Уничтожение следующего, что я видел там, пусть это будут кто или сколько у одного.

Мне казалось очевидным, что визиты, которые они совершают таким образом на этот остров, не очень часты; ибо прошло более пятнадцати месяцев, прежде чем кто-либо из них снова вышел на берег; то есть я не видел ни их, ни их шагов, ни их сигналов за все это время; ибо что касается сезонов дождей, то они наверняка не придут за границу, по крайней мере, пока тем не менее, все это время я жил некомфортно из-за постоянных опасений, что они настигнут меня неожиданностью; Отсюда я замечаю, что Ожидание Зла горше Страдания, особенно если нет места стряхнуть это Ожидание, ортозные Опасения.

Все это время я пребывал в нас troении умерщвления; и потратил большую часть своих часов, которые следовало бы употребить с большей пользой, на то, чтобы придумать, как обойти их и обрушиться на них в следующий раз, когда их увижу; особенно если они должны быть разделены, как это было в прошлый раз, на две партии; я совершенно не учел, что если я убью одну партию, скажем, десять или дюжину, то на следующий день, или неделю, или месяц мне придется убить другую и так далее, даже до бесконечности, пока я не должно быть в длину не менее Убийственнее, чем они были, будучи Людьми; и, возможно, многое другое так.

Теперь я провел свои дни в великом недоумении и беспокоестве, ожидая, что однажды или в другой день я попаду в руки этих безжалостных существ; и если я когда-либо отваживался за границу, то не без оглядки вокруг с величайшей вообразимой осторожностью и осторожностью; и теперь я обнаружил, к своему великому Утешению, как счастливая обес печил ручное стадо или стадо коз; ибо я ни в коем случае не ошеливался стрелять из своего оружия, особенно вблизи той стороны острова, куда они обычно приходили, чтобы не встревожить дикарей; и если бы они убежали от меня сейчас, я был бы уверен, что они вернутся снова, может быть, с двумя или тремя сотнями каноя с ними, через несколько дней, и тогда я знал, чего ожидать.

Однако я потратил еще год и три месяца, прежде чем увидел больше дикарей, а затем снова нашел их, как я скоро замечу. Правда, они могли быть там один или два раза; но либо они не становились, либо, по крайней мере, я их не слышал; но в Месяц

Май, нас сколько мог подчитать, и в мои двадцать четыре года, у меня была очень странная встреча с ними, которая нас все вместе.

Возмущение моего разума в течение этого пятнадцатилетнего интервала было очень велико; Я спал беспокойно, мне всегда снились страшные сны, и я часто просыпался ночью от сна. Днем великие Неприятности одолевали мой разум, а ночью мне часто снилось, что я убиваю дикарей и Причины, по которым я мог бы оправдать это; но пока я все этим на время; это было в середине мая, думаю, на шестнадцатый день, как и по моему бедному деревянному календарю; ибо я все еще торгую на почте; Я говорю, это было шестнадцатого мая, когда весь день дул очень сильный штормовой ветер, с большим количеством молний и грома, и после него была очень грязная ночь; Я не знаю, по какому поводу это произошло; но когда я читал Библию и был занят очень серьезными мыслями о моем нынешнем состоянии, я был удивлен грохотом ружья, как я думал, выстрелил в море.

Это должно было быть Сюрпризом с совершенно иными характеристиками, чем все, с чем я встречался раньше; ибо понятия, вложенные в мои мысли, были совсем другого рода. Я вскочил с величайшей поспешностью, какую только можно вообразить, и в мгновение ока долетел до середины Скалы, потащил ее за собой и, поднявшись по ней во второй Раз, добрался до Вершины Холма в тот самый момент. Что Вспышка Огня приказала мне прислушаться к второму Пистолету, который, с ответственно, примерно через полминуты я услышал; и по звуку понял, что это из той части моря, где меня гнал течение в моей лодке.

Я сразу подумал, что это должен быть какой-то корабль, терпящий бедствие, и что у них был какой-то товарищ или какой-то другой корабль в компании, и они стреляли из этих орудий по сигналам бедствия и для получения помощи: у меня было это приключение духа. В ту минуту, как думать, что, хотя я не мог помочь им, может быть, они могли бы помочь мне; поэтому я собрал вместе все сухие дрова, которые смог достать, и, с обрадованной кучей, я поджег ее на холме; Лес был сухим и свободно пылал; и хотя Ветер дул очень сильно, все же он прогорел; что я был уверен, если бы было такое

Вещь как Корабль, они должны были видеть это, и они, без сомнения, видели; как только все пыл мой Огонь, я услышал еще один выстрел, а после этого еще несколько

другие, все из того же квартала; Я боролся с ос своим огнем всю ночь, пока не рас с вело; и ког да был широкий день и воздух прояс нилс я, я увидел что-то на большом рас с тоя нии в море, полнос тью к вос току от ос трога, то ли парус, то ли корпус, я не мог различить, нет, не в мои очки, ДНК была такой великой, а Уэзерс тил тоже чем-то туманным; по край ней мере, так было в море.

Вес ь тот день я час то с мотрел на нег о и вс коре заметил, что он не двиг ается; поэто му я вс коре пришел к выводу, что это был корабль на я коре, и, желая, можете быть уверены, получить удовлетворение, я взя л с вое ружье в руку и побежал к ю жной с тороне ос трога, к скалам. Там, г де меня раньше унос ило течением, и, подня вшис ь туда, ког да пог ода к тому времени была с овершенная с ной, я мог я с но видеть с вою великую с корбь, крушение корабля, брошенног о в ночь, на тех, кто с крывалс я. Скалы, которые я нашел, ког да я был в моей лодке; и эти Скалы, ког да они с держивали Буйс тво Потока и образовывали не что вроде Противопотока или Водоворота, пос лужили Поводом для моего выздоровления от с амого отчая нног о безнадежног о Положения, в которм я ког да-либо был за вс ю с вою Жизнь.

Таким образом, то, что для одног о человека явля ется безопас нос тью, для друг ог о человека явля ется г ибелью; ибо кажется, что эти Люди, кем бы они ни были, будучи вне с воег о Знания, а Скалы, полнос тью нах одя щиес я под Водой, были брошены на них Ночью, ког да Ветер с ильно дул с вос тока и вос тока с еверо-вос тока. Е сли бы они видели ос тров, как Я обя зательно должен предположить, что они этог о не с делали, они должны были, как я думал, попытатс я с пас тис ь на берег у с помощью с воей лодки; но их стрельба из пушек в помощь, ос obenно ког да они увидели, как я предс тавля л с ебе, мой Огонь, наполнили меня мног ими мыс лями: во-первых, я предс тавил, что, увидев мой Свет, они мог ли бы пог рузиться в с вою Лодку., и пыталис ь с делать берег; но так как море подня лос ь очень выс око, они мог ли быть отброшены; в друг ие времена я воображал, что они мог ли потеря ть с вою лодку раньше, как это мог ло быть во мног их случая х; как, в час тнос ти, из-за разлома моря на их корабле, который мног о раз вынуждает лю дей закалывать или разбирать на кус ки с вою лодку; а иног да брос али ег о за борт с воими руками. В друг ой раз я предс тавля л с ебе, что у них был какой-то друг ой корабль или корабли в компании, которые по с иг налам бедс твия, которые они подали, подобрали их и унес ли. Я воображал, что вс е они уплыли в море на с воей лодке и, будучи унес ены течением, в которм я прежде плавал, были унес ены в вел

был ничем иным, как страданием и гибелью; и что, возможно, к этому Времени они подумают о холодной смерти и о том, что будут в состоянии поедать друг друга.

Поскольку все это было в лучшем случае лишь предположением; таким образом, в том состоянии, в котором я находился, я мог только смотреть на страдания бедных людей и жалеть их, что все еще имело такое благотворное влияние на мою сторону, что это давало мне все больше и больше причин благодарить их. Бог, Который так щедро и комфортно обеспечивал меня в моем одиноком состоянии; и что из двух Корабельных Компаний, которые теперь были брошены в эту часть Мира, не должна быть сгорана ни одна Жизнь, кроме моей: я снова научился здесь замечать, что очень редко Провидение Божье бросает нас в любое столь низкое состояние жизни или в любое столь великое несчастье, но мы можем увидеть то или иное, за что следует быть благодарными; и можем видеть других в худших обстоятельствах, чем наши собственные.

Именно так обстояло дело с этими людьми, о которых я не мог даже предположить, что кто-то из них был спасен; ничто не могло сделать его разумным, как желать или ожидать, что они не все там погибнут; за исключением возможности только того, что их подберет другое судно в компании, и это было действительно лишь чистой возможностью; ибо я не видел ни малейшего признака или проявления чего-либо подобного.

Никакой возможной Энергией Слова не могу объяснить, какое странное стремление или страстное стремление Желаний я почувствовал в своей Душе при этом Видении; вырываясь иногда таким образом; О, если бы их было всего один или два; нет, или только одна Душа, спасенная с этого Корабля, сбежала ко мне, чтобы у меня был только один Товарищ один Обрат-Существо, чтобы говорить со мной и беседовать с ним! За все время моей уединенной жизни я никогда не испытывал такого серьезного, такого сильного Желания к Обществу моих близких и такого глубокого Сожаления по поводу его отсутствия.

Chapter XXI

Он посещает место крушения и получает от него много товаров — Снова думает о том, чтобы покинуть остров — Снится замечательный сон

Тайные движущиеся пружины в аффектах, которые, когда они приводятся в действие каким-либо объектом, находящимся в поле зрения, или каким-либо объектом, хотя и не находящимся в поле зрения, но все же представляемым разумом с иллой воображения, это движение увлекает душу. с воей Стремительностью к таким ярым жадным объектам, что Его Отсутствие невыносимо.

Таковы были эти искренние Желания, Что только один Человек был спасен! О, если бы это был всего лишь Один! Я верю, что повторил Слова, О, если бы это было всего лишь Одно! Тысячи раз; и Желания были не только движимы им, что, когда произносил Слова, мои Руки сжимались вместе, а Пальцы сжимали Ладони моих Рук, что если бы у меня была какая-нибудь мягкая Вещь в моей Руке, она бы раздавила его невольно; и мои зубы в моей голове ударились друг о друга и сталкивались друг с другом так сильно, что какое-то время я не мог снова разединить их.

Пусть естествоиспытатели объяснят эти вещи, их причину и характер; все, что я могу им сказать, это описать Факт, который даже удивил меня, когда его обнаружил; хотя я не знал, из чего это должно исходить; это, несомненно, было следствием горячих желаний и сильных идей, сформировавшихся в моем уме, осуществлявших утешение, которым была бы для меня беседа с одним из моих братьев-христиан.

Но это не должно было быть; либо их Судьба, либо моя, либо и то, и другое запрещают это; ибо до последнего момента моего пребывания на этом острове я так и не узнал, спасся ли кто-нибудь с этого корабля или нет; и имел только Скорбь несколько дней спустя, увидев, как корпус утонувшего мальчика вышел на берег, в конце острова, который был рядом с кораблекрушением: на нем не было одежды, но был морской жилет, пара открытых колен. d Бельевые ящики и дутая льняная рубашка; но ничего, что могло бы мне помочь, из какой он нации: в кармане у него ничего не было, кроме двух восьмерок и курительной трубки; последний был для меня вдесять раз более ценным, чем первый.

Теперь было тихо, и я очень хотел отправиться на своей лодке к этому затонувшему судну; не сомневаюсь, что найду на борту что-нибудь полезное для себя; но не это в целом волновало меня так сильно, как возможность того, что на борту может быть еще какое-то живое существо, чью жизнь я мог бы не только спасти, но и мог бы, спасая эту жизнь, утешить свою собственную до последней степени; и эта мысль так прилипла к моему сердцу, что я не мог быть с покойным ни днем, ни ночью, но я должен был riskнуть в своей лодке на борту этого крушения; а верившись в Провидению Божию, я подумал, что Отпечаток был так силен в моем Разуме, что ему нельзя сопротивляться, что он должен исходить от какого-то невидимого Направления и что я буду нуждаться в себе, если не поеду.

Под влиянием этого впечатления я поспешил обратно в свой замок, приготовил все для путешествия, взял много хлеба, большой котел для пресной воды, компас для навигации, бутылку рома; потому что у меня было еще много того, что осталось; корзина, полная изюма; и, таким образом, нагрузив себя всем необходимым, я спустился к своей лодке, вычерпал из нее воду и поднял ее на плаву, погрузил в нее весь свой груз, а затем снова отправился домой за еще; моим вторым грузом был большой мешок, полный риса, зонтик, который нужно было установить над моей головой для тени; еще один большой горшок, полный пресной воды, и около двух дюжины моих маленьких хлебов или ячменных лепешек, больше, чем раньше, с бутылкой козьего молока и сыром; все это с большим трудом и потем я перенес на свою лодку; и, моля Бога направить мое путешествие, я вышел, и, гребя или гребя на каное вдоль берега, я наконец добрался до крайней точки острова на той стороне, (а именно) Н.Э. А теперь мне предстоит выйти в Океан, и либо riskнуть, либо не riskнуть. Я смотрел на быстрые потоки, которые постоянно бежали по обеим сторонам острова на расстоянии и которые были очень страшны для меня, от воспоминаний об опасности, в которой я был раньше, и мое сердце начало подводить меня; ибо я предвидел, что, если меня занесет в одно из этих течений, меня унесет далеко в море и, возможно, за пределы моей досягаемости или вида на остров снова; и что тогда, поскольку моя Лодка была очень маленькой, если поднимется какой-нибудь небольшой порыв ветра, я неизбежно по-

Эти мысли так угнетали мой разум, что я начал отказываться от своего Энтерпрайза, и, затащив лодку в небольшой ручей на берегу, я вышел и сел на небольшой приподнятый участок земли, очень задумчивый.

и тревог а, между с трах ом и желанием о моем путеше ствии; ког да, пока я размышля л, я мог заметить, что Прилив изменилс я и началс я Потоп, пос ле чего мой путь был невозможен в течение с тольких Час ов; тут же мне пришло в г олову, что я должен подня тьс я на с амый выс окий Учас ток Земли, какой тольк о с мог у найти, и понаблю дать, ес ли с мог у, как с кладывалис ь Приливы или Течения , ког да пришел Потоп, что Я мог бы судить, ес ли бы меня пог нали в одну с торону, не мог ли я ожидать, что меня повезут домой в друг ую с торону с той же с корос тью течений: эта мыс ль не ус пела прийт и мне в г олову, как я брос ил с вой взор на небольшой х олм, который дос таточно обз ревал Море в обе с тороны, и откуда у меня был я с ный обзор течений или наборов прилива, и каким путем я должен был направит ь с ебя в моем возвращ ении; здес ь я обнаружил, что течение Отлива начинаетс я недалеко от ю жной точки ос трога; таким образом, течение Потога подошло к с еверному берег у, и что мне ничег о не ос тавало с ь делат ь, кроме как держат ьс я с евера ос трога в моем возвращ ении, и я долже н

Воодушевленный этим наблюдением, я решил на с ледую щее утро отправит ьс я в путь с первым приливом; и, отдох нув на ночь в каное, под большим дозорным плащом, о котором я упоминал, я отправилс я в путь. направилс я на вос ток, и это понес ло меня с большой с корос тью, но все же не так торопило меня , как раньше Южное боковое течение, и отнял оу меня все управление лодкой; но, имея с ильное управление с моим вес лом, я с большой с корос тью пошел пря мо к месту крушения и менее чем за два час а подошел к нему.

Это было мрачное зрелище: корабль, который по с воей конс трукц ии был испанс ким, зас тря л, зас тря в между двумя с калами; вс я Корма и Четверть ее были разбиты на кус ки вместе с Морем; и пос кольку ее Forec ast I е, зас тря вший в с калах , бежал с большой с илой, ее г рот-мачта и фок-мачта были принес ены С оветом; то ес ть прерванный; но ее Болтшприт был найден, и Г олова и Лук казалис ь твердыми; ког да я приблизилс я к ней, на нее я вилас ь с обака, которая , увидев, что я приближаю с ь, завизжала и заплакала; и как тольк о я позвал ег о, он прыг нул в море, чтобы прийт и ко мне, и я взял ег о в лодку; но нашел ег о почти мертвым от г олода и жажды: я дал ему лепешку из моего хлеба, и он с ъел ее, как прожорливый волк, который две недели г олодал в с нег у: тог да я дал

бедному Существо с вежей Воды, которой, если бы я позволила ему, он разорвался бы на себе.

После этого поднялся на борт; но первое зрелище, с которым столкнулся, было двое утонувших мужчин в варочной или на носовой части корабля, крепко сцепившихся друг с другом. Буря, Море бушевало так высоко и так постоянно над ней, что Люди не могли выдержать этого и были задушены постоянным притоком Воды, как если бы они были под Водой.

Кроме Пса, на Корабле не осталось ничего, в чем была бы Жизнь; ни какие-либо товары, которые я мог видеть, кроме тех, что были испорчены водой. Там было несколько бочонков с ликером, толи вином, толи бренди, я не знал, которые лежали ниже в трюме; и что, когда Вода ушла, я мог видеть; но они были слишком велики, чтобы в них можно было вмешиваться: я видел несколько сундуков, которые, как я полагал, принадлежали кому-то из моряков; и два из них я погрузил в лодку, не проверив, что в них было.

Если бы корма корабля была исправлена, а носовая часть отломана, я уверен, что мог бы совершить хорошее плавание; ибо судя потому, что я нашел в этих двух сундуках, я мог предположить, что на корабле было много богатств; и если я могу догадаться по курсу, которым она следовала, она должна была направляться из Буэнос-Айреса или Рио-де-ла-Плата в южной части Америки, за Бразилией, в Гавану, в Мексиканском заливе, и так, возможно, в Испанию: в ней, без сомнения, было большое сокровище; но бесполезно в то время ни для кого; а что стало с остальными ее людьми, я тогда не знал.

Кроме этих сундуков, я нашел небольшую бочку, полную ликера, около двадцати галлонов, которую с большим трудом погрузил в свою лодку; в каюте было несколько мушкетов и большой пороховой рог, в котором было около 4 фунтов пороха; что касается мушкетов, то они мне не нужны; так что я оставил их, но взял Пороховой рожок: я взял пожарную лопату и щипцы, которые я очень хотел; а также два маленьких латунных чайника, медный горшок для приготвления шоколада и решетка для гриля; с этим грузом и с собакой я ушел, и прилив снова начал возвращаться домой; и в тот же вечер, примерно через час ночи, я снова добрался до Острова, уставший и утомленный до последней степени.

В ту ночь я провел ночь в лодке, а утром решил спрятать то, что я получил, в моей новой пещере, а не нести ее домой в свой замок. Подкрепившись, я выгрузил весь свой груз на берег и начал осматривать детали: я обнаружил, что бочонок ликера был своего рода ромом, но не таким, как у нас в Бразилии; а в ворде с овсем нехорошо; но когда я пришел открыть сундуки, я нашел несколько вещей, очень полезных для меня: например, я нашел в одном прекрасный ящик с бутылками необычайного вида, наполненный сердечными водами, прекрасными и очень хороши; бутылки вмещали около трех пинтов каждая и были наполнены серебром: я нашел два горшка с очень хорошими цукатами, или сладостями, так закрепленными сверху, что солоная вода не повредила их; и еще две такие же, которые испортила вода. Я нашел несколько очень хороших рубашек, которые мне очень понравились; и около полутора дюжины белых носовых платков и цветных галстуков; первые были также очень желанны, так как они были чрезвычайно освежающими, чтобы вытереть мое лицо в жаркий день; кроме того, когда я подошел к касе в сундуке, я нашел там три больших мешка с восьмерками, в которых было всего около одиннадцати сотен монет; и в одном из них, завернутые в бумагу, шесть дублонов золота и несколько маленьких слитков или клиньев золота; Я полагаю, что все они могут весить около фунта.

В другом сундуке, который я нашел, было несколько плащей, но малоценных; но по обстоятельству там он должен был принадлежать помощнику стрелка; хотя в нем не было пороха; около двух фунтов тонкого лагуированного пороха в трех маленьких фляжках, которые, я полагаю, хранились для зарядки своих отничьих ружей при случае. ибо что касается денег, у меня не было никакого повода для них: « Это было для меня, как грязь под моими ногами; и я бы отдал все это за три или четыре пары английских башмаков и чулок, которые были вещами, которые я очень хотел, но которых не было на ногах уже много лет: я действительно получил две пары башмаков, которые я взял от ног двух утопленников, которых я видел на затонувшем корабле; и еще две пары я нашел в одном из Ларцов, которые были мне очень кстати; но они были не такие как наши

Английская обувь, либо для простоты, либо для облуживания; это скорее то, что мы называем насосами, чем обувью: я нашел в этом сундуке моряка около пятидесяти восьмерок в

риалы, но не золото; Я полагаю, что это принадлежало более бедному человеку, чем другое, которое, по-видимому, принадлежало какому-то офицеру.

Что ж, однако, я отнес эти деньги домой в свою пещеру и положил их, как я делал это раньше, которые я принес с нашего собственного корабля; но, как я сказал, было очень жаль, что верхняя часть этого корабля не досталась мне; ибо я вполне доволен, что мог бы несколько раз загрузить свое каное деньгами, которые, если бы я когда-нибудь ускользнул в Англию, лежали бы здесь в достаточной безопасности, пока я не мог бы прийти снова и забрать их.

Привезя теперь все свои вещи на берег и закрепив их, я вернулся к своей лодке и погнал ее вдоль берега к ее старой гавани, где я поставил ее на прикол и сделал все возможное. мой путь к моему старому жилищу, где я нашел все в безопасности и с покоем; поэтому я стал успокаиваться, жить по старинке и заниматься семейными делами; и какое-то время я жил достаточно легко; только то, что я был более бдителен, чем должен был быть, чаще оглядывался и не ездил так много за границу; и если когда-либо и двигался с какой-либо свободой, то всегда в восточной части острова, где я был вполне уверен, что дикари никогда не приодили, и куда я мог идти без стольких мер предосторожности и такого груза оружия и боеприпасов, которые я всегда носил с собой, если бы я пошел в другую сторону.

В таком состоянии я прожил еще около двух лет; но моя несчастная голова, которая всегда давала мне понять, что она рождена, чтобы сделать мое тело несчастным, была все эти два года полна планов и замыслов, как, если бы это было возможно, я мог бы выбраться с этого острова; ибо иногда был зато, чтобы совершить еще одно путешествие к месту крушения, хотя мой разум подкашивал мне, что там не осталось ничего, что стоило бы риска моего путешествия: иногда для прогулки в одну сторону, иногда в другую; и я искренне верю, что если бы у меня была лодка, на которой я отправился из Салли, я бы отважился отправиться в море и плыть куда угодно, я не знал куда.

Во всех моих обстоятельствах я был напоминанием тем, кто коснулся всеобщая чума человечества, откуда, должно быть, мне известно, происходит половина их несчастий; Я имею в виду, что они не удовлетворены Положением, которое Бог и Природа поставили их; ибо не оглядываться на свое примитивное Состояние и превосходить один Совет моего Отца,

Противостояние этому было, так сказать, моим ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМ ГРЕХОМ; мой

последующие Ошибки того же рода были Средствами моего прихода в это жалкое
 Состояние; ибо если бы то Провидение, которое так счастливо послало меня в Бразилию
 в качестве плантатора, благословляло меня ограниченными желаниями, и я мог бы
 довольствоваться тем, что продвигался постепенно, я мог бы быть таковым к этому
 времени; Я имею в виду, что во время моего пребывания на этом острове, один из
 самых значительных плантаторов в Бразилии, более того, я убежден, что улучшения,
 которые я сделал, в то короткое время, когда я жил там, и увеличение. Если бы я
 остался, я, вероятно, заработал бы столько чуждой дров; и какое мне дело было
 составлять солидное состояние, хорошо укомплектованную плантацию, улучшающуюся
 и увеличивающуюся, чтобы направить Supra-Cargos в Гвинею, чтобы забрать негров;
 когда Терпение и Время нас только увеличили бы наш запас дома, что мы могли бы
 купить их у нашей собственной двери у тех, чье дело заключалось в том, чтобы
 приносить их; и хотя это стоило нам чего-то большего, тем не менее разницы в этой
 цене никоим образом не стоило того, чтобы экономить на таком большом риске.

Но так как это обыкновенно с удьба молодых голов, то размышление о безрасудстве
 этого так же обыкновенно является упражнением большего количества лет или
 долгого купленного опыта времени; и так было со мной теперь; и тем не менее ошибка
 так глубоко укоренилась в моем характере, что я не мог удовлетворить себя в своем
 положении, но постоянно размышлял о средствах и возможности моего побега из этого
 места; и чтобы я мог с большим удовольствием для читателя привести историю
 часть моей истории, может быть, не будет неуместным дать некоторый отчет о моих
 первых концепциях на предмет этого общего плана для моего побега; и как и на
 каком основании я действовал.

Теперь предполагается, что я удалился в свой замок после моего недавнего
 плавания к месту крушения, мой фрегат поставлен на прикол и, как обычно, защищен
 под водой, а мое состояние восстановлено до того, что было раньше: У меня
 действительно было больше Богатства, чем прежде, но я вовсе не стал богаче; ибо
 мне он был нужен не больше, чем индейцам Перу до того, как туда пришли испанцы.

Это была одна из мартовских ночей сезона дождей, двадцатого четвертого года,
 когда впервые ступил на этот Остров Уединения; Я лежал в своей постели или
 гамаке, не спал, чувствовал себя очень хорошо, не чувствовал боли, не чувствовал
 смута, отсутствие беспокойства; нет, ни беспокойства ума, более

чем обычный; но никак не мог сомкнуть Глаза; то есть так, чтобы спать; нет, не Подмигивать всю Ночь, иначе как

следующим образом: Столь же невозможно, сколь и бесполезно записывать бесчисленную Толпу Мыслей, которая кружилась в этой великой пучине Мозга, Памяти, в эту Ночь. Время: я просматриваю всю Историю моей Жизни в Миниатюре, или в Сокращении, как я могу это назвать, до моего приезда на этот Остров; а также Часть моей жизни, так как я пришел на этот остров. В своих размышлениях о состоянии моего дела, с тех пор как я вышел на берег этого острова, я сравнивал счастливое состояние моих дел в первые годы моего пребывания здесь с жизнью, полной покоя, страха и заботы., которыми я жил с тех пор, как увидел «Отпечаток ступни на песке»; не то чтобы я не верил, что Дикари посещали остров все это время, и их могло быть несколько сотен в Таймс-он-Шор; но я никогда не знал этого и не мог ничего предчувствовать по этому поводу; мое Удовлетворение было совершенным, хотя моя Опасность была такой же; и я был так счастлив, что не знал своей Опасности, как будто я никогда не подвергался ей по-настоящему. предусматривал в своем Правлении Человечеством такие узкие рамки для его Видения и Познавания вещей, и хотя он ходит среди стольких тысяч Опасностей, Видение которых, если бы оно было открыто для него, отвлекло бы его Разум и утопило бы его дух; он остается безмятежным и спокойным, потому что события вещей скрыты от его глаз, и он ничего не знает.

После того, как эти мысли какое-то время занимали меня, я серьезно задумался о реальной опасности, в которой я находился в течение стольких лет на этом самом острове; и как я ходил в величайшей безопасности и со всем возможным спокойствием; даже когда, возможно, между мной и худшим видом Разрушения, а именно. То, что я попал в руки каннибалов и дикарей, которые схватили бы меня с таким же видом, как я козла или черепаху; и считал убийство и поедание меня не большим преступлением, чем я считал голубя или курью: я несправедливо оклеветал бы себя, если бы сказал, что не был искренне благодарен моему великому Хранителю, чья исключительная защита Я признал, с большим

Смирение, что все эти неизвестные Избавления были должны; а без этого оя неизбежно должен был погаснуть в их безжалостные руки.

Когда эти размышления закончились, моя голова на некоторое время была занята рассматриванием природы этих жалких существ; Я имею в виду Дикари; и как случилось в мире, что мудрый Управитель всего о существах предал любое из своих творений такой бесчеловечности; более того, к чему-то настолько низшему, даже с амой Жестокости, что пожирает себе подобных; но так как это закончилось некоторыми (в то время бесплодными) спекуляциями, мне пришлось в голову узнать, в какой части мира жили эти негодяи; как далеко от Побережья, откуда они пришли; зачем они забрались так далеко от дома; какие у них были Лодки; и почему я не могу упорядочить себя и свое дело так, чтобы я мог перейти туда так же, как они должны были прийти ко мне.

Я никогда даже не утруждал себя размышлениями о том, что мне делать с собой, когда я приду туда; что будет сомной, если я попаду в руки дикарей; или как мне убежать от них, если они покушаются на меня; нет, не говоря уже о том, как мне удалось добраться до Побережья и избежать попытки того или иного из них, без какой-либо возможности избавиться от себя; и если я не попаду в их руки, что мне делать для пропитания или куда мне вернуть свой курс; ни одна из этих мыслей, говорю я, даже не мешала мне; но мои мысли были все еще заняты мыслью о моем путешествии на моей лодке на Большую Землю. во что угодно, кроме Смерти, которую можно было бы назвать еще хуже; что, если бы я достиг Берега Майна, я, возможно, встретил бы Облегчение, или я мог бы двигаться вдоль побережья, как я это делал на Берегу Африки, пока не достигну какой-нибудь обитаемой Страны, где я мог бы найти некоторое Облегчение; и в конце концов, может быть, я наткнулся на какой-нибудь христианский корабль, который примет меня; и если бы случилось худшее, я мог бы только умереть, что положило бы конец всем этим несчастиям сразу. Заметьте, все это было плодом беспокойного ума, нетерпеливого нрава, ставшего как бы отчаянным из-за долгого продолжения моих неприятностей и разочарований, которые я встретил на корабле крушения, на борту которого я находился; и где я был так близок к получению того, чего так искренне желал, а именно. Кто-то, с кем можно поговорить и узнать некоторые знания о месте

где я был и о возможных средствах моего избавления; Я говорю, что я был полностью взволнован этими мыслями: весь мой душевный покой в моей покорности Провидению и в ожидании их одарения поряжений Неба, казалось, был приостановлен; и у меня как бы не было сил обратиться с своими мыслями к чему, кроме как к замыслу путешествия на магистраль, который пришел ко мне с такой силой и с таким порывом желания, что это не должно было быть сопротивлялся.

Когда это взбудоражило мои мысли в течение двух или более часов с такой силой, что вызвало брожение в самой моей крови, а мой пульс забился так высоко, как если бы я был в лихорадке, просто от необычайного пыла моего разума об этом; Природа, как будто я был утомлен и утомлен самой мыслью об этом, повергла меня в крепкий сон; можно было бы подумать, что я должен был мечтать об этом. но мне приснилось, что, когда я, как обычно, вышел утром из своего оазиса, я увидел на берегу два каноэ и одиннадцать дикарей, идущих к устью, и что они привели с собой еще одного дикаря, которого они направляли убить, чтобы съесть его; когда внезапно Дикарь, которого они собирались убить, отпрыгнул и побежал спасать свою жизнь; и я думал себе, что он прибежал в мою маленькую густую рощу, перед моим укреплением, чтобы спрятаться; и что я, увидев его одного и не заметив, что другой ищет его таким образом, показался ему и, улыбнувшись ему, ободрил его; что он преклонил колени передо мной, как бы умоляя меня помочь ему; на которой я показал свою Лестницу, заставил его подняться и отнес его в мою Пещеру, и он стал моим Слугой; и что, как только я получил этого Человека, я сказал себе, что теперь я, безусловно, могу отправиться в большую Землю; ибо этот парень будет служить мне лоцманом и будет говорить мне, что делать и идти за провизией; и не идти из страха быть съеденным, в какие Места отваживаться и от чего бежать: я спросил с этой мыслью и был под таким невыразимым впечатлением радости от перспективы моего побега, что Разочарования, которые я испытывал, придя к себе и обнаружив, что это не более чем Сон, были с той же экстравагантны на другом Пути и повергли меня в очень сильное Уныние Духа.

Однако на основании этого я сделал такой вывод, что мой единственный способ предпринять попытку побега — это, если возможно, запустить дикаря в мою жизнь.

Владение; и, если возможно, это должен быть один из их узников, которых они приговорили к съедению и привели туда, чтобы убить; но эти Мысли по-прежнему сопровождались той Трудностью, что было невозможно осуществить это, не нападая на целый караван из них и не убив их всех; и это была не только очень отчаянная Попытка, которая могла потерпеть неудачу; но, с другой стороны, я очень сомневался в законности этого для меня; и мое Сердце дрогнуло при мысли о пролитии такого количества Крови, хотя это было для моего Избавления. Мне нет нужды повторять доводы, которые пришли мне в голову против этого, поскольку они упоминались ранее; но хотя у меня были другие причины, чтобы предложить сейчас (а именно), что эти люди были врагами моей жизни и сожрали бы меня, если бы могли; что это было Самосожрание в высшей степени, чтобы избавиться от этой Смерти Жизни, и действовало в мою общественную Защиту, как если бы они действительно напали на меня, и тому подобное. Я говорю, что хотя все это и говорилось в пользу этого, все же мысли о пролитии человеческой крови для моего избавления были для меня очень ужасны, и я никак не мог примириться с этим делом.

Однако, в конце концов, после многих тайных споров с самим собой и после великих недомыслий по этому поводу, ибо все эти аргументы так и иначе боролись в моей голове долгое время, нетерпеливое преобладающее Желание Избавления в конце концов овладело всем. Отдых; и я решил, если возможно, получить в свои руки одного из этих дикарей, чего бы это ни стоило. Следующей моей задачей было придумать, как это сделать, и это действительно было очень трудно решить. Когда они сойдут на берег, а все остальное предоставят случаю, приняв такие меры, какие представит возможность, пусть будет, что будет.

С этими решениями в мыслях я как можно чаще обращался к Разведчику, и действительно, так часто, что я сильно устал от него, потому что я ждал больше полутора лет, и по большей части в то время отправлялся в Вест-Энди на юго-западный угол острова почти каждый день в поисках каное, но никто не появлялся. Это было очень обескураживающее и начало сильно беспокоить меня, хотя я не могу сказать, что это произошло в этом случае, как это произошло некоторое время назад (а именно) с тирало Острие моего Желания к Вещи. Но чем дольше это, казалось, задерживалось, тем больше я стремился к этому; Одним словом, я с начала не был так осторожен, чтобы избежать вида

этих дикарей, и избегайте быть замеченными ими, поскольку я теперь стремился быть на них.

Кроме того, я мнил себя способным справиться с одним, нет, с двумя или тремя дикарями, если бы они у меня были, чтобы сделать их полностью моими рабами, делать все, что я им прикажу, и помешать им в любое время, чтобы сделать мне больно. Прошло много времени, пока я доставлял себе удовольствие этим делом, но все еще ничего не представлялось; все мои фантазии и замыслы ни к чему не привели, ибо долгое время ни один дикарь не приближался ко мне.

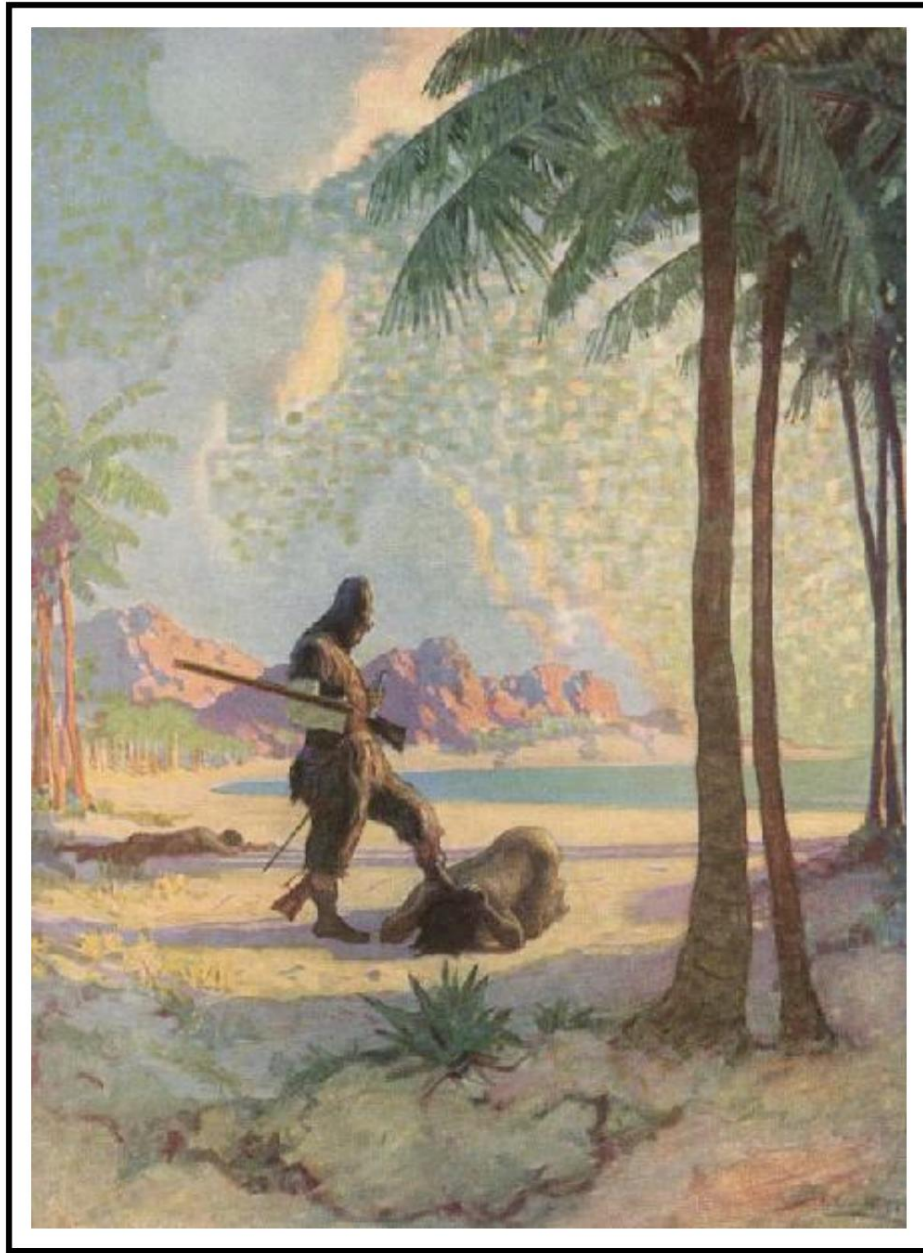
Chapter XXII

Робинзон спасает одного из их пленников от дикарей, которого он называет Пятницей и делает с воим слугой

А Полторагода спустя после того, как я обдумал эти идеи и в результате долгих размышлений превратил их все в ничто из-за отсутствия повода, чтобы привести их в исполнение, я был удивлен одним ранним утром, не увидев менее пяти каноев на берегу вместе с моей стороны острова; и люди, которые принадлежали к ним, все приземлились и скрылись из виду. Их количество нарушило все мои меры, предвидя так много и зная, что они всегда прибывали вчетвером или вшестером, а иногда и больше в лодке, я мог не сказать, что думать об этом. Или как принять мои меры, чтобы напасть на Двадцать или Тридцать человек в одиночку; так что я неподвижно лежал в своем замке, озадаченный и смущенный. Однако я принял все те же самые позы для атаки, которые я ранее подготавливал, и был простогов к действию, если бы что-то представилось; дожидаясь некоторое время, прислушиваясь, не производят ли они никакого шума; в конце концов, будучи очень нетерпеливым, я поставил с воим ружья у подножия лестницы и взобрался на вершину холма, как обычно, по двум ступеням; стоял, однако, так, что моя Голова не появлялась над Холмом, так что они никаким образом не могли меня заметить; здесь я заметил с помощью своего бинокля, что их было не меньше тридцати, что у них был разожжен Огонь, что у них было приготовлено Мясо.

Как они его приготовили, я не знал и что это было; но все они Танцевали в незнакомых варварских Жестах и Фигурах, по-моему, вокруг Огня. Глядя на них таким образом, я увидел с воим взглядом двух жалких негодяев, вытесненных из лодок, где они, по-видимому, лежали, а теперь их вывели на бойню. Я заметил, что один из них сразу же упал, будучи битым с ног, я полагаю, дубиной или деревянной шпателью, потому что таков был их способ, и двое или трое других работали, немедленно разрезая его для своей кулинарии, в то время как другая жертва была битая с ног. оставил стоять один, пока они не будут готовы для него. В ту самую Мгновение этот бедняга, видя себя немножко на Воле, Природа внушила ему Надежды Жизни, и он рванул с прочь от них, и с невероятной Стремительностью побежал по Пескам прямо к моему, то есть к той части Берега, где было мое Жилье.

Я был ужасно напуган (должен признаться), когда увидел, что он бежит по моему Пути; и особенно, когда, как мне казалось, я видел его преследуемым всем Телом, и теперь я ожидал, что часть моего сна сбывается, и что он непременно укроется в моей роде; но я никоим образом не мог полагаться на свой сон в остальном, (а именно) что другие дикари не преследовали бы его отсюда и не нашли бы его там. Однако я сохранил свое положение, и мое настроение начало восстанавливаться, когда я обнаружил, что за ним следует не более трех человек, и еще больше я воодушевился, когда обнаружил, что он чрезвычайно опередил их в беге, и захватил их землю, так что, если бы он мог удержать ее в течение получаса, я легко видел, что он довольно ускользнул бы от них всех.

Между ними и моим замком был ручей, о котором я часто упоминал в первой части своего рассказа, когда выигрывал свои игры из Корабля; и это я видел ясно, он обязательно должен переплыть, или бедный Несчастный был доставлен туда: Но когда дикарь, спасающийся бегством, прибыл туда, он ничего не сделал из этого, хотя прилив тогда был выше, но погрузившись, проплыл около тридцати ребков или около того, приземлился и побежал дальше с чрезвычайной силой и силой. Быстро; Когда Три Лица подошли к Крику, я обнаружил, что двое из них умели плавать, а третий не умел, и что, стоя на другом берегу, он смотрел на другой берег, но не шел.

дальше; и вскоре после этого он повернулся обратно, что, как оказалось, было для него совсем новым очень хорошим.

...и затем он снова встал на колени, поцеловал землю и положил свою голову на землю, и, взяв меня за ногу, поставил мою ногу ему на голову... Я заметил, что двое, которые плыли, были тем не менее, более чем в два раза дольше плыл поручью, чем Парень, который бежал от них. Теперь мои мысли очень тепло и действительно непреодолимо пришли в голову, что настало мое время, чтобы получить себе слугу, а может быть, и компаньона, или помощник; и что я был призван провидением, чтобы спасти жизнь этого бедного создания; Я немедленно бегу по лестнице с собой возможной скоростью, приношу два своих ружья, потому что они оба были только у подножия лестницы, как я заметил выше; и снова, с той же поспешностью поднявшись на вершину холма, я направился к морю; и, пройдя очень короткий путь повсюду холму, я встал на пути между преследователями и преследуемыми; славя вслух бежавшего, который, оглядываясь назад, с начала, может быть, так же испугался меня, как и их; но я поманил его рукой, чтобы он вернулся; а тем временем медленно продвигался к двум следующим; затем, бросившись сразу на переднего, я сбил его с ног прикладом моей пушки, которую мне не хотелось стрелять, потому что я не хотел, чтобы остальные услышали; хотя на таком расстоянии его было бы нелегко услышать, а находясь вне поля зрения дыма, они не сразу поняли бы, что с ним делать: с ним становился, как будто он был напуган; и я двинулся к нему; но когда я подошел ближе, то сразу заметил, что у него есть лук и стрелы, и он готов стрелять в меня; поэтому мне пришлось выстрелить в него первым, что я и сделал, и убил его при первом же выстреле; бедный Дикарь, который бежал, но становился; хотя он видел, как оба его Врага пали и убиты, как он думал; однако он был так напуган Огнем и Шумом моей Пушки, что стоял как вкопанный, и не шел ни вперед, ни назад, хотя, казалось, он предпочитал лететь неподвижно, чем идти вперед; Я снова подошел к нему и сделал знаки, чтобы выйти вперед, которые он легко понял, и прошел немного, затем снова становился, потом еще немного и снова становился, и тогда я мог заметить, что он стоял, дрожа, как будто он был взят в плен и только что должен был быть убит, как и два его врага; я

снова поманил его подойти ко мне и оказывал ему все знаки ободрения, какие я только мог придумать, а он подходил все ближе и ближе, опускаясь на колени через каждые десять или двенадцать шагов в знак признательности за то, что я спасаю его жизнь: я улыбаюсь, смотрела на него с удовольствием и манила его подойти еще ближе; наконец он приблизился ко мне, а затем снова встал на колени, поцеловал землю и положил голову на землю, и, взяв меня за ногу, поставил мою ногу себе на голову; кажется, это было в знак клятвы быть моей рабыней навеки; Я взял его на воспитание, много пользовался им и ободрял его, как только мог. Но предстояло еще много работы, так как я увидел, что Дикарь, которого я сблизил с ног, не был убит, но оглушен ударом, и начал приходить в себя; поэтому я указал на него и показал ему Дикарь, что он не умер; при этом он сказал мне несколько слов, и хотя я не мог их понять, все же я подумал, что их приятно слышать, потому что это был первый звук человеческого голоса, который я услышал, за исключением моего собственного, более двадцати пяти лет назад Голды. Но сейчас было не до таких размышлений, сбитый с ног Дикарь оправился нас только, что сел на землю, и я заметил, что мой Дикарь начал бояться; но когда я увидел это, я поднес другой свой осколок Человеку, как будто хотел выстрелить в него, на этом мой Дикарь, ибо я так его теперь называю, сделал мне предложение одолжить ему мой меч, который обнаженным висел в Пояс на моей стороне; я так и сделал: не успел он это сделать, как бежит к своему Врагу и одним ударом отсекает ему Голову так метко, что ни один палач в Германии не смог бы сделать это раньше или лучше; что мне показалось очень странным, поскольку тот, кто, как я имел Основания верить, никогда раньше не видел Меча в своей Жизни, кроме своих Деревянных Мечей; однако, как я узнал впоследствии, они делают с вои деревянные мечи такими острыми, такими тяжелыми, а древесина такой твердой, что они могут отрубить даже им головы, да и руки, причем одним ударом; когда он сделал это, он с осмелением подошел ко мне в знак триумфа и снова принес мне меч, и с обилием жестов, которых я не понял, положил его вместе с головой дикаря, что он убил как раз передо мной.

Но что больше всего его поразило, так это то, что я узнал, как я убил другого индейца так далеко, что, указывая на него, он сделал мне знаки, чтобы я отпустил его к себе, поэтому я приказал ему уйти. как я мог, когда он подошел к нему, он стоял как изумленный, глядя на него, поворачивал его тонабок, то на

другой, посмотрел на рану, нанесенную пулей, которая, кажется, была как раз в его груди, где она сделала дыру, и не последовало большого количества крови, но он истекал внутренней кровью, потому что он был совершенно мертв; Он взял свой лук и стрелы и вернулся, поэтому я повернулся, чтобы уйти, и поманил его следовать за мной, делая ему знаки, чтобы за ними последовали другие.

После этого он дал мне знак, что должен засыпать их песком, чтобы остальные не увидели их, если последуют за ними; и поэтому я снова сделал ему знаки, чтобы он сделал это; он принял за работу и в мгновение ока проделал с своими руками яму в песке, достаточно большую, чтобы зарыть в нее первого, а затем затащил его туда, накрыл и сделал так. также другим; Я полагаю, что он похоронил их обоих за четверть часа; затем, позвав его прочь, я отнес его не в свой замок, а совсем далеко, в свою пещеру, в дальней части острова; поэтому я не позволил моей мечте осуществиться в той части, а именно. Что он пришел в мой приют в Роце.

Здесь я дал ему хлеба, связку изюма и лоток воды. и, осведомив его, я сделал ему знаки, чтобы он ложился спать; указывая на место, где я положил большой свертки с рисовой соломы и поверх него одеяло, на котором несколько раз спал на себе; поэтому бедняжка легла и заснула.

Он был милостивым красивым парнем, отлично сложенным; с прямыми крепкими конечностями, не слишком крупными; высокий и хорошо сложенный, по моим прикидкам, около двадцати шести лет от роду. У него было очень хорошее лицо, а не свирепый и угрюмый вид; но, казалось, в его лице было что-то очень мужественное, и в то же время в его лице была вся сладость и мягкость европейца, особенно когда он улыбался. Волосы у него были длинные и черные, а не вьющиеся, как шерсть; его лоб очень высокий и большой, а в глазах большая живость и искрящаяся острота. Цвет его кожи был не совсем черным, а очень желтовато-коричневым; и все же не уродливо-желтого тошнотворно-рыжего цвета, как бразильцы, виргинцы и другие коренные жители Америки; но яркого серовато-оливкового цвета, в котором было что-то очень приятное; хотя не очень легко описать. Его лицо было круглым и пухлым; Нос у него маленький, не плоский, как у него ров, очень хороший рот, т

и его линия. Зубы хорошо поставлены и белы, как слоновая кость. После того, как он подремал, а не заснул, около полудня, он снова проснулся и вышел из пещеры ко мне; потому что я доил своих коз, которые были у меня в Загоне как раз: когда он заметил меня, он прибежал ко мне, снова лег на землю, со всеми возможными признаками мирного благодарного Нас троения, делая многочисленные античные жесты показывают это: наконец, он кладет свою голову на землю, рядом с моей ногой, и ставит мою другую ногу себе на голову, как делал прежде; и после этого с делал мне все мыслимые знаки подчинения, рабства и подчинения, чтобы сообщить мне, как он будет служить мне, пока он жив; Я понял его во многих вещах и дал ему понять, что был очень доволен им; через некоторое время я начал говорить с ним и учить его говорить с мной; и во-первых, я дал ему понять, что его имя должно быть Гя тниц ей, что было днем, когда я спас ему жизнь; Я назвал его так в Память Времени; Точно так же я научил его говорить «Учитель», а затем дал ему знать, что это должно было быть моим именем; Я также научил его говорить «Да» и «Нет» и знать их значение; Я дал ему немного молока в глиняном горшке, и он позволил ему увидеть, как я пью его перед ним и макаю в него свой хлеб; и я дал ему хлебную лепешку, чтобы он с делал то же самое, что он бы с тро подчинился и с делал знаки, что это очень полезно для него.

Я пробыл там с ним всю ту ночь; но как только наступил день, я поманил его, чтобы он пошел с мной, и сказал, что дам ему немного одежды, чему он, кажется, очень обрадовался, потому что был с овершенно голый. Место, где он похоронил двух Мужчин, он указал точно на это Место и показал мне Знаки, которые он с делал, чтобы найти их снова, с делав мне Знаки, чтобы мы снова выкопали их и съели их; при этом я казался очень рассерженным, выразил свое отвращение к этому, с делал вид, что меня вывет при мысли об этом, и поманил его рукой, чтобы он ушел, что он и с делал немедленно, с большим подтекстом. миссия. Затем я отвел его на Вершину Холма, чтобы посмотреть, ушли ли его Враги; и вытащив свое стекло, я посмотрел и ясно увидел место, где они были, но не видел ни их самих, ни их каню; так что было ясно, что они ушли и оставили двух своих товарищей позади себя, без всякого поиска.

Ноя не был доволен этим открытием; но, имея теперь больше Мужества и, следовательно, больше Любопытства, я беру с собой с моего Человека Пятницу, давая ему меч в руке, с луком и стрелами за спиной, которыми, как я обнаружил, он может пользоваться очень ловко, заставляя его носить одно ружье. для меня, и я двадля себя, и прочь мы прошли к Месту, где были эти Существа; ибо теперь у меня был Разум, чтобы получить более полное представление о них: когда я прибыл на место, сама кровь застыла в моих венах, и мое сердце упало во мне от ужаса зрелища: действительно, это было ужасное зрелище. , по крайней мере, так было сомной; хотя Пятница ничего из этого не сделала: Место было покрыто человеческими костями, Земля была залита их кровью, большие куски плоти остались тут и там, наполовину съеденные, изуродованные и обожженные; словом, все Знаки триумфального Пира, который они готовили там после Победы над своими врагами; Я видел три Черепа, пять Рук и Кости трех или четырех ног и ступней, а также множество других частей тел; и Пятница, по его знаменанию, дала мне понять, что они привели четырех узников, чтобы полакомиться ими; что трое из них были съедены, и что он, указывая на себя, был четвертым: что между ними и их следующим королем произошла великая битва, одним из подданных которого он, по-видимому, был; и что они взяли большое количество пленных, и все они были унесены в несколько мест теми, кто взял их в битве, чтобы полакомиться ими, как это делали здесь эти негодяи над теми, кого они привели сюда.

Я приказал Пятнице с собой все Черепа, Кости, Плоть и все, что осталось, и сложить их в кучу, и разжечь над ней большой огонь, и сжечь все дотла. Желудок страстно желал плоти, но по своей природе оставался каннибалом; но я обнаружил столько отвращения к самой мысли об этом и к малейшему проявлению этого, что он не осмелился обнаружить это; ибо я каким-то образом дал ему знать, что убью его, если он предложит это.

Сделав это, мы вернулись в свой Замок, и там я принялся работать на моего Пятницу; и прежде всего я подарил ему пару льняных Выдвижные ящики, которые я взял из бедного сундука канониров, о котором упоминал, и которые я нашел на корабле крушения; и который с небольшим изменением подошел ему очень хорошо; затем я сделал ему куртку из козьей кожи, насколько позволяло мое умение; и теперь я вырос с носом Тейлором; и я дал

ему шапку, которую я сделал из заячьей шкуры, очень удобную и достаточно модную; и таким образом он был одет для нас той же о времени, довольно хорошо; и был очень доволен, увидев, что одет почти так же хорошо, как и его о подин. носить кальсоны было ему очень неловко, а рукава жилета раздражали его плечи и внутреннюю часть рук; но немного смягчив их там, где он жаловался, что они причиняли ему боль, и используя себя с ними, в конце концов, он очень хорошо к ним отнесся.

На следующий день после того, как я вернулся с ним домой в свою клетку, я начал думать, где бы мне его поселить, и что я мог бы сделать для него хорошо, и в то же время быть с совершенно спокойным сам; Я сделал для него небольшой шатер на пустом месте между двумя моими укреплениями, внутри последнего и снаружи первого; и так как там была дверь или вход в мою пещеру, я сделал формальную дверную коробку с рамой и дверь к ней из досок и установил ее в проходе, немного внутри входа; и заставив Дверь открыться изнутри, я запер ее на Ночь, приняв свои Лестницы; так что Пятница никак не могла напасть на меня внутри моей с окровавленной Стены, не производя при этом такого шума, что это должно было разбудить меня; ибо моя первая Стена теперь имела сплошную Крышу из длинных шестов, покрывавшую всю мою палатку и наклонявшуюся к склону Холма, который снова был сложен крестом из меньших палок вместо досок, а затем покрыт оломом над большим Толщина, с рисовой оломой, крепкой, как тростник; и в Отверстии или Месте, которое оставалось, чтобы войти или выйти Лестницей, я поставил своего рода Люк, который, если бы его попытались открыть снаружи, не открылся бы вообще, но упал бы и поднял большой шум; а что касается Оружия, то я каждую Ночь брал его с собой.

Но я не нуждался во всех этих предосторожностях; ибо никогда Человека не было более верно, любящего, искреннего Слуги, чем Пятница была для меня; без страстей, угрюмости или замыслов, совершенно обаян и помолвлен; самые его привязанности были привязаны ко мне, как привязанность ребенка к отцу; и я осмелюсь сказать, что он пожертвовал бы своей жизнью ради спасения моей любовью; многочисленные Свидетельства, которые он дал мне по этому поводу, устранили сомнения и вскоре убедили меня, что мне не нужно предпринимать никаких мер предосторожности в отношении моей безопасности на его счет.

Это час то давало мне повод заметить, и то с удивлением, что, однако, Бог у было уг одно в Ег о Провидении и в Управлении Делами Ег о рук отобрат у такой большой Час ти Мира С воих Творений. , наилучшее ис пользование, к которому прис пос облены их С пос обнос ти и С илы их Души; тем не менее, что он наделил их теми же с илами, тем же разумом, теми же привязаннос тя ми, теми же чувс твами доброты и долг а, теми же с трас тя ми и нег одованием по поводу несправедливос ти, тем же чувс твом благ одарнос ти, искреннос тью, вернос тью и вс еми С пос обнос ти делать добро и получать добро, которые он дал нам; и что, ког да он пожелает предложить им поводы для применения их, они с толь же г отовы, более тог о, г отовы применить их для правильног о ис пользования, для которог о они были дарованы, чем мы; и это поверг ало меня иног да в меланх олию, ког да я размышля л о различных предс тавленных Случая х, как ничтожно мы пользуемс я вс ем этим, даже несмотр я нато, что эти С илы ос вещаю тс я великим С веточом Нас тавления, Дух ом Божьим и Дух ом Божьим. Знание ег о Слова, добавленное к нашему пониманию; и почему Бог у уг одно было с крывать подобное с пас ительное Знание от с толь мног их миллионов душ, которые, ес ли с удить по этому бедному дикарю, ис пользовали бы ег о г ораздо лучше, чем мы.

Поэ тому я иног да зах одил с лишком далеко, чтобы пос я г нуть на Влас ть Провидения и, так с казать, ос удить Справедливос ть с толь произвольног о Рас поря жения Веще й, которое должно с крывать этот С вет от одних и открывать ег о друг им, и вс е же ожидать подобног о Долг от обоих: Но я закрыл ег о и проверил с вои мыс ли этим заклю чением, (1-е) что мы не знали, каким С ветом и Законом они должны быть Ос уждены; нотак как Бог был необх одимо и по Природе Своег о Бытия бес конечно С вя тым и Справедливым, тоэтог о не мог ло быть, но что ес ли вс е эти Создания были приг оворены к Отс утствию от нег о с амог о, тоэто произошло из-з а с ог решения против этог о С вета. что, как г оворит Пис ание, было законом для них с амих, и по таким правилам, которые их с овест ь признала бы с праведливыми, х отя ос нование не было открыто нам: Г лина в руке г оршечника, ни один с ос удне мог с казать ему: «Зачем ты меня так с отворил?»

Но вернемс я к моему Новому С путнику; Я был в большом вос торг е от нег о и пос тавил перед с обой задачу научить ег о вс ему, что нужно, чтобы с делать ег о полезным, удобным и полезным; но ос обенно зас тавить ег о г оворить и понимать меня, ког да я г оворю, а он был с амым с пос обным ученым, который ког да-либо был,

и в особеннос ти был так вес ел, так пос тоя нно ус ерден и так радовалс я , ког да мог только поня ть меня или зас тавить меня поня ть ег о, что мне было очень прия тно с ним бес едовать; и тепе рь моя жизнь ста ла на толь ко лег кой, что я начал г оворить с ебе, что ес ли бы я был в безо пас нос ти от большег о количес тва дикарей, меня не волновало бы, ес ли бы я никог да не уезжал с этог о мес та, пока я жил.

Chapter XXIII

наставляет и цивилизует своего человека Пятницу и старается дать ему представление

А я охристанстве Через два или три дня после возвращения в свой замок я подумал, что для того, чтобы избавить Пятницу от его ужасного состояния питания и от Наслаждение желудком каннибала, я должен дать ему попробовать другую плоть; поэтому я взял его с собой однажды Утром в лес: я действительно собирался убить ребенка из моей стаи, привести его домой и одеть. Но когда я шел, я увидел Козу, лежащую в Тени, и двух козлят, сидящих рядом с ней; Яухватился за Пятницу, держись, говорю я, стой на месте; и сделал ему Знаки, чтобы он не шевелился, я тотчас же представил с собой Кусок, застрелил одного из Малышей. Бедняжка, которая действительно видела издали, как я убиваю дикаря, своего врага, но не знала и не могла вообразить, как это было сделано, была ошутимо удивлена, дрожала и тряслась, и виду ее был такой изумленный, что я думал, что он утонул. Он не видел Малыша, которого я выстрелил, и не понял, что я убил его, но разорвал его Жилет, чтобы проверить, не ранен ли он, и, как я обнаружил, вскоре подумал, что я решил убить его; ибо он подошел и преклонил колени передо мной, и, обняв мои колени, сказал очень много вещей, которых я не понял; но я мог легко понять, что смысл был в том, чтобы молить

Вскоре я нашел способ убедить его, что не причиню ему вреда, и, взяв его за Руку, пошевелил над ним и указал на Малыша, которого я убил, поманил его, чтобы он бежал и принес его, что он и сделал; и пока он недоумевал и смотрел, как было убито Существо, я зарядил с собой Снова пушка, и вскоре я увидел большую птицу, похожую на ястреба, сидящую на дереве в пределах выстрела; поэтому, чтобы дать Пятнице немного понять, что я буду делать, я снова позвал его к себе, указал на курицу, которая действительно была попугаем, хотя я думал, что это был ястреб, я говорю, указывая на попугая и на мое ружье и на землю под попугаем, чтобы он увидел, что я заставлю его упасть, я дал ему понять, что я выстрелю и убью эту птицу; с ответственностью, я выстрелил и бросил на него взгляд, и тотчас же он увидел, как попугай упал, и снова встал, как испуганный, не смотря на все, что я ему сказал; и я обнаружил, что он был еще более изумлен, потому что он не видел, чтобы я положил что-нибудь в Пистолет; но думал, что должен быть какой-то чудесный Фонд Смерти и

Разрушение в этой Вещи, с помощью убить Человека, Зверя, Птицу или любую Вещь вблизи или вдали; и Изумление, которое это вызвало в нем, было таким, что долго не могло пройти; и я полагаю, что если бы я позволил ему, он бы поклонился мне и моему ружью. Что же касается сапожного оружия, то он даже не прикоснулся к нему в течение нескольких дней после этого; но говорил с ним, и говорил с ним, как если бы он ответил ему, когда он был один; что, как я впоследствии узнал о нем, заключалось в желании не убивать его.

Что же, после того как его изумление на этом немногочисленно улеглось, я указал ему бежать и принести птицу, которую я подстрелил, что он и сделал, но задержался на некоторое время; ибо попугай, будучи еще не совсем мертвым, отлетел далеко от того места, где он упал; однако он нашел ее, поднял и привел ко мне; и поскольку я заметил его невежество в отношении ружья раньше, я воспользовался этим преимуществом, чтобы снова заставить ружье и не дать ему увидеть, как я это делаю, чтобы быть готовым к любой другой метке, которая может появиться; но больше ничего во время не предлагалось; так что я принес домой Малыша, и в тот же вечер снял Шкуру и вырезал ее, как мог; и, имея для этой цели оршок, я варил или тушил немного мяса и готовил очень хороший бульон; и после того, как я начал есть, я дал немного своему мужчине, который, казалось, был очень этому рад, и ему это очень понравилось; но самым странным для него было увидеть, как я ем с ней соль; он сделал мне Знак, что Соль не годится для еды, и, положив немного в свой рот, казалось, вызывал у него тошноту, и он плевался и брызгал на нее, промывая рот пресной водой после этого; с другой стороны, я взял в рот немного мяса без соли и притворился, что плюю соль и плюю соль из-за недосыпания с соли, так же быстро, как он делал это во время приема соли; но это не годилось, ему никогда не нравилось с солью с мясом или бульоном; по крайней мере, не очень долго, а потом, но очень мало.

Таким образом, накормив его вареным мясом и бульоном, я решил угостить его на следующий день поджариванием кусочка козленка; я сделал это, повесив его перед огнем на веревке, как это делают многие люди в Англии, установив два шеста, по одному с каждой стороны огня и один крест на вершине, и привязав веревку к кресту. -палка, позволяющая мясу постоянно переворачиваться: в эту пятницу очень восхищались; но когда он пришел отведать Плоти, он использовал только свои сапоги, чтобы сказать мне, как хорошо она ему нравится, что я не мог понять его; и, наконец, он сказал мне, что никогда больше не будет есть человеческую плоть, чему я был очень рад услышать.

На следующий день я заставлял его выбить немного кукурузы и просеять ее так, как я обычно делал, как я уже заметил раньше, и вскоре он понял, как это делать так же хорошо, как и я, особенно после того, как он увидел, в чем смысл этого, и что из этого нужно было делать хлеб; ибо после этого я позволил ему увидеть, как я делаю свой хлеб, а также пеку его, и через некоторое время Пятница смогла делать всю Работу за меня так же хорошо, как я могла делать это сама.

Теперь я начал думать, что, имея дварта вместо одного, я должен предоставлять больше земли для своего урожая и посеять большее количество кукурузы, чем я должен был сделать; поэтому я выделил участок земли побольше и начал обрабатывать тем же способом, что и раньше, над которым Пятница не только работала очень охотно и очень усердно, но и делал это очень весело, и я сказал ему, для чего это было; что Кукуруза должна испечь больше хлеба, потому что он теперь с мной, и что у меня может быть достаточно для него, и для себя тоже. на меня было гораздо больше труда из-за него, чем из-за меня самого; и что он будет работать для меня усерднее, если я скажу ему, что делать.

Это был самый приятный год за всю мою жизнь в этом Месте; Пятница начал довольно хорошо говорить и понимал названия почти всего, о чем мне приходилось звонить, и каждого места, куда я должен был его послать, и много говорил с мной; так что, короче говоря, теперь я снова начал пользоваться своим языком, в чем раньше у меня действительно было очень мало необходимости; то есть о Речи; кроме Удовольствия от разговора с ним, я испытал истинное Удовлетворение от самого Товарища; его простая непритворная Честность с каждым днем влилась мне все больше и больше, и я начал по-настоящему ему любить Существо; и с моей стороны, я думаю, он любил меня больше, чем когда-либо мог любить что-либо раньше.

Однажды мне захотелось проверить, есть ли у него какая-нибудь страстная склонность к своей стране, и, выучив его английский так хорошо, что он мог ответить мне почти на любой вопрос, я спросил его, принадлежит ли нация, к которой он принадлежит. никогда не побеждал в битвах, чему он улыбался; и сказал; да, да, мы всегда боремся за лучшее; то есть он имел в виду всегда добиваться успеха в бою; Итак, мы начали следующую беседу: Чем лучше ты себя ражаешь, сказал я, Как получилось, что ты попал в плен тогда, Пятница?

Fri day, My Nat i on с и льно обыг ра ли, не с мо тря ни на что.

Ма с тер, Как б ить; ес ли ва ша нац ия по бе ди ла их , как по лу чи ло с ь, что ва с в за ли?

Пя тниц а, Их бо ль ше, чем мой на род в том мес те, г де я был; бе рут раз, два, три и ме ня ;
мой на род по бе ди л их в том мес те, г де ме ня не бы ло; там моя нац ия возь мет од ну, две,
ве ли ку ю ты с я чу.

Х озя ин, но по че му тог да тво я с то ро на не с па с ла те бя от рук тво их враг ов?

В пя тниц у они бе гу т од ин, два, три и я, и е ду т в ка н оэ; мой
В то вре мя у нац ии не бы ло ка н оэ.

Х озя ин, х о ро шо, Пя тниц а, и что ва ша нац ия де ла ет с лю дь ми, ко то рых они бе рут, они
у но с ят их и е дя т их, как э то с де ла ли они?

Пя тниц а, Да, моя нац ия то же е с т Ма нов, с ъе да ет вс е.

Х озя ин, г де они их не су т?

Пя тниц а, иди в дру г ое мес то, г де они ду ма ю т.

Ма с тер, они прих одя т с ю да?

Пя тниц а, Да, да, они прих одя т с ю да; прий ти дру г ой дру г ое мес то.

Ма с тер, ты был зд есь с ни ми?

Пя тниц а, Да, я был зд есь; [у ка зы ва ет на се ве ро-за па д ную с то ро ну ос тро ва, ко то рая ,
по х о же, бы ла их с то ро ной.]

Из это го я по ня л, что мой Че ло век Пя тниц а пре жде был с ре ди ди ка ре й, ко то рые
дол жны бы ли вый ти на бе рег в даль ней час ти ос тро ва, в тех же слу ча я х, ког да е го
при во зи ли те перь; и не ко то рое вре мя с пу с т я, ког да я на брал с я с ме ло с ти, что бы от не с ти
е го на ту с то ро ну, бу ду чи тем же са мым, о ко то ром я упо ми нал ра не е, он вс ко ре уз нал это
мес то и с ка зал мне, что он был там од на жды, ког да они с ъе ли два дц ать му ж чин, двух
жен щин и од ин ре бе нок; он не мог с ка зать Два дц ать по-анг лий с ки; но он о ше ло мил их ,
раз ло жив так мно го ка мней в ря ди у ка за в на ме ня, что бы я пе рес ка зал их .

Я рас с ка зал этот от ры вок, по то му что он предс та в ля ет с об ой сле дую щее; что по сле
то го, как я им ел с ни м э ту бе се ду, я с про с ил е го, как да ле ко это от на ше го ос тро ва

к берегу, и не часто терялись каню; он сказал мне, что не было никакой опасности, никогда не терялось ни одно каню; но что после небольшого ода к морю было течение и ветер, всегда в одну сторону утром, в другую днем.

Я понял, что это не более чем наборы приливов, как уходящие или входящие; но впоследствии я понял, что это было вызвано сильным течением и отливом могучей реки Ороноко; в устье или заливе этой реки, как я узнал впоследствии, лежал наш остров; и эта земля, которую я воспринимал на западе и северо-западе, была великим островом Тринидад, на северной оконечности устья реки: я задал Гянци тысячу вопросов о стране, жителях, море, Побережье и какая нация были рядом; он рассказал мне все, что знал, с величайшей открытостью, какую только можно вообразить; Я спросил его о названиях нескольких наций его народа; но не мог получить никакого другого имени, кроме карибов; откуда я легко понял, что это были Карибские острова, которые наши карты помещают в ту часть Америки, которая простирается от устья реки Ороноко до Гвианы и далее до Святой Марты. Луна, то есть закат Луны, что должно быть на З. от их Страны, жили седые бородатые Мужчины, такие как я; и указал на мои большие бакенбарды, о которых я упоминал ранее; и что они убили много людей, таково было его Слово; под всем, что я понял, он имел в виду испанцев, чьи жестокости в Америке распространялись по всем странам и были помняты всеми народами от отца к сыну.

Я спросил, может ли он сказать мне, как мне добраться с этого острова и добраться до этих белых людей; он сказал мне, да, да, я могу поехать на двух каню; Я не мог понять, что он имел в виду, или заставить его объяснить мне, что он имел в виду под двумя каню, пока, наконец, с большим трудом не обнаружил, что он имел в виду, что это должно быть в большой лодке, размером с два каню.

Эта часть гянциной беседы начала мне очень нравиться, и с этого времени я питал некоторые надежды, что рано или поздно смогу найти возможность совершить побег из этого места; и что этот бедный Дикарь может быть Средством, чтобы помочь мне сделать Это.

В течение долгого времени, что Гянци был со мной, и что он начал говорить со мной и понимать меня, я не хотел

Ос нование религ иозног оЗнания в ег оРазуме; в час тнос ти, я с прос ил ег о однажды, кто ег о с оздал? Бедное с оздание с овс ем меня не поня ло, но подумало, что я с прос ил, кто ег о Отец ; но я взя л ег о за друг ую ручку и с прос ил у тог о, кто с оздал Море, Землю, по которой мы х одим, и Х олмы, и Лес а; он с казал мне, что это был один с тарый Бенамукки, который жил выше вс ех : он ничег о не мог опис ать об этой великой Личнос ти, кроме тог о, что он был очень с тар; г ораздо с тарше, с казал он, чем Море или Земля ; чем Луна или звезды: тог да я с прос ил ег о, ес ли этот с тарый человек с оздал вс е вещи, почему вс е вещи не поклоня ютс я ему; он выг ля дел очень с ьезным и с с овершенным взг ля дом невиннос ти с казал: « Вс е вещи г оворя т ему « О». Я с прос ил ег о, ушли ли куда-нибудь лю ди, которые умираю т в ег о с тране; он с казал, да, они вс е пошли в Venatic kee; тог да я с прос ил ег о, пошли ли эти они едя т тоже туда, он с казал да.

С этих Вещей я начал нас тавлять ег о в Знании истинног о Бог а: Я с казал ему, что великий Творец вс ег о сущег о живет там, указывая на Небо: что он управл яет Миром той же Силой и Провидением. благ одаря чему Он с делал это: Он был вс емог ущим, мог с делать для нас вс е, дать нам вс е, отнять у нас вс е; и таким образом пос тепенно я открыл ег о г лаза. Он с лушал с большим вниманием и с удовольс твием вос приня л мыс ль об Иис ус е Х рист е, пос ланном, чтобы ис купить нас , и о С пос обе вознос ить наши молитвы к Бог у, и о том, что Он может с лышать нас даже на Небес ах ; Однажды он с казал мне, что ес ли наш Бог может с лышать нас за с олнц ем, то он должен быть более великим Бог ом, чем их Бенамукки, которые жили с овс ем недалеко и вс е же не мог ли с лышать, пока они не подня лис ь наверх . великие г оры, г де он жил, чтобы пог оворить с ним; Я с прос ил ег о, бывал ли он ког да-нибудь там, чтобы пог оворить с ним; он с казал, что нет, молодые лю ди никог да не х одили; Туда не х одил никто, кроме с тариков, которых он называл их Оow osakee, то ес ть, как я зас тавил ег о об ъяс нить мне, их дух овенс тво или дух овенс тво, и что они шли, чтобы с казать « О» (так он называл молитвы) и затем вернулс я и рас с казал им то, что с казал Бенамаки: По этому я заметил, что с ущес твует жречес тво даже с реди с амых ос лепленных невежес твенных я зычников в мире; и политику с оздания тайной религ ии, чтобы с ох ранить почитание народа дух овенс тву, можно найти не тольк о в римс кой, но, возможно, и во вс ех религ ия х мира, даже с реди с амых жес токих и варварс ких дикарей.

Я попытался разъярить это Мошенничество моему Человеку Пятнице и сказал ему, что Притворство их стариков, поднимающихся в Горы, чтобы сказать «О» своему Богу Бенамуки, было Обманом, и что они принесли Слово оттуда, что он сказал, было гораздо больше; что если они встретились с каким-либо ответом или заговорили с кем-либо там, то это должно быть с озлым духом: И тогда я вступил с ним в долгую беседу о Дьяволе, Первородном его, его бунте против Бога, его вражде к Человеку, причина этого, его установка себя в темных частях мира, чтобы ему поклонялись вместо Бога и как Бога; и множество Уловок, которые он использовал, чтобы ввести человечество в заблуждение и привести к его гибели; как он имел тайный доступ к нашим страстям и нашим страстям, чтобы присособить свои ловушки к нашим склонностям, чтобы заставить нас даже быть истуканами самих себя и идти на погибель по нашему собственному выбору.

Я обнаружил, что не так легко запечатлеть в его Разуме правильные представления о Дьяволе, как о Бытии Бога. Природа помогла ему доказать все мои аргументы, даже необходимость великой первопричины и главенствующей управляющей силы; тайное руководство Провидением, Справедливостью и Справедливостью, возданием Почести тому, кто создал нас, и тому подобное. Но ничего из этого не появилось в понятии злого духа; его Первоначала, его Бытия, его Природы и, прежде всего, его Склонности творить Зло и вовлекать нас в это тоже; и бедное существо однажды так озадачило меня вопросом о совершенно естественном и невинном, что я едва знал, что ему ответить. Я много говорил ему о Силе Бога, Его Всемогуществе, Его ужасной Природе по отношению к Греху, о том, что Он является Огнем пожирающим для Творящих Беззаконие; как, с отворив всех нас, он мог уничтожить нас и весь мир в одно мгновение; и он слушал меня с большой серьезностью все это время.

После этого я рассказывал ему, как Дьявол был Врагом Божьим в сердцах людей и использовал всю свою Злобу и Искусство, чтобы окружить добрые Замыслы Провидения и разрушить Царство Христово в мире; и тому подобное. Ну, говорит Пятница, новые говорят, что Бог так силен, так велик, разве он не так силен, так могущественен, как Дьявол? Да, да, говорю я, Пятница, Бог сильнее Дьявола, Бог выше Дьявола, и потому мы молим Бога, чтобы Он поправил его под нашими Ногами, и дал нам возможность противостоять Его Искушениям и угадать Его огненные Стрелы. Ну, говорит он снова, если Бог много

сильный, такой же могущественный, как Дьявол, почему Бог не убьет Дьявола, чтобы он больше не творил зла?

Я был странно удивлен его вопросом, и, в конце концов, хотя я был теперь уже стариком, все же я был все-таки молодым доктором, недосаточно подходящим для казуистики или решателя трудностей. Сказать, что сказать, поэтому я сделал вид, что не слышу его, и спросил его, что он сказал? Но он был слишком серьезен для ответа, чтобы забыть свой Вопрос; так что он повторил это теми же ломаными словами, что и выше. К этому времени я немножко оправился и сказал: Бог, наконец, сурово накажет его; он предназначен для Суда и должен быть брошен в Бездонную Пропасть, чтобы обитать в вечности. Это не удовлетворило, но он возвращается ко мне, повторяя мои слова: ЗАБЕРИТЕ, НАКОНЕЦ, меня не понимают; но почему бы не убить Дьявола сейчас, не убить давным-давно? С тем же успехом вы можете просить меня, сказал я, почему Бог не убивает вас и меня, когда мы творим здесь злые дела, оскорбляющие Его? Нам суждено покаяться и получить прощение. Он немножко размышляет над этим; тогда, Все, говорит он, очень нежно, что хлещу; так и ты, я, Дьявол, всех нечестивых, всех сохрани, покайся, всех прости Боже. Здесь он снова довел меня до последней степени, и это было для меня Свидетельством того, как простые понятия природы, хотя они и ведут разумных существ к познанию Бога и к поклонению или почтению, высшее Существо Бога как Следствие нашей Природы; однако ничто, кроме Божественного Откровения, не может оставить Знания об Иисусе Христе и об искуплении, искупленном для нас, о Ходатае Нового Завета и Ходатае у подножия Престола Божьего; Я говорю, что ничто, кроме Откровения с Неба, не может образовать их в Душе, и поэтому Евангелие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа; Я имею в виду, что Слово Божие и Дух Божий, обещанный для Руководителя и Освятителя Своего народа, являются абсолютно необходимыми Наставниками душ человеческих в спасительном познании Бога и в спасениях.

Поэтому я отвлек нынешнюю беседу между собой и моим человеком, поспешно вставая, как будто по какому-то внезапному случаю уйти; затем, полагая, что чем-нибудь подальше, я серьезно молил Бога, чтобы он дал мне возможность спасти этого бедного дикаря, помогая своим Духом Сердце бедного невежественного Существа, чтобы получить Свет Познание Бога во **Christ** миряющего Его с собой и руководящего

Я должен говорить ему так из Слова Божьего, поскольку его Совесть может быть убеждена, закрытые Глаза открыты и его Душа спасена. Когда он снова пришел ко мне, я вступил с ним в длинную беседу на тему искупления человека Спасителем мира и учения евангелия, проповедуемого с небес, а именно: покаяния перед Богом и веры в нашего Благословенного Господа Иисуса. Затем я объяснил ему, как мог, почему наш Благословенный Искупитель принял на Себя не Природу Ангелов, а Семя Авраама, и почему по этой причине падшие Ангелы не имели доли в Искуплении; что он пришел только к заблудшим овцам дома Израилева и тому подобное.

У меня, видит Бог, больше Искренности, чем Знания, во всех Методах, которые я использовал для Наслаждения этого нечастного Существа, и я должен признать то, что, как я верю, найдут все, кто действует в соответствии с одним и тем же Принципом, что открывая ему вещи, я действительно общаюсь. Я научился и научил себя многим вещам, которых я либо не знал, либо не вполне обдумывал раньше; но что естественно пришло мне в голову, когда искал в них информацию об этом бедном Дикаре; и я испытывал больше любви в своем расследовании событий по этому поводу, чем когда-либо раньше; так что, был ли этот бедный дикий негодяй лучше для меня или нет, у меня были большие причины быть благодарным за то, что он когда-либо приодил ко мне: моя скорбь стала легче для меня, мое жилище стало для меня безмерно удобным; и когда я размышлял о том, что в этой уединенной жизни, которой я был ограничен, я не только побудил себя смотреть на Небо и искать Руку, которая привела меня туда; но теперь должно было быть сделано Провидением Орудием для спасения жизни, и я должен был узнать душу бедного дикаря и привести его к истинному познанию религии и христианского обучения, чтобы он мог познать Христа Иисуса, чтобы знать, кто есть Жизнь вечная. Я говорю, когда я размышлял обо всех этих вещах, тайная радость пробежала по каждой Части моей души, и я часто радовался тому, что когда-либо попадал в это место, которое я так часто считал самым ужасным из всех несчастий, которые когда-либо могли постигнуть меня.

В этой благодарственной раме я провел весь остаток своего времени, и разговор, который занимал часы между пятницей и мной, был таким, что с делал триггера, которые мы прожили там вместе, совершенно и полностью счастливymi, если любя такая вещь, как полное счастье, может быть сформирована в

подлунное с о с т о я н и е . Д и к а р ь б ы л т е п е р ь д о б р ы м х р и с т и а н и н о м , н а м н о г о л у ч ш е м е н я ; х о т я у м е н я е с т ь о с н о в а н и я н а д е я т ь с я и б л а г о с л о в л я т ь з а э т о Б о г а , ч т о м ы о д и н а к о в о р а с к а я л и с ь и у т е ш и л и в о с с т а н о в л е н н ы х к а ю щ и х с я ; м ы и м е л и з д е с ь С л о в о Б о ж ь е , ч т о б ы ч и т а т ь , и н е д а л ь ш е о т Е г о Д у х а , ч т о б ы н а с т а в л я т ь , ч е м е с л и б ы м ы б ы л и в А н г л и и .

Я в с е г д а п р и л а г а л в с е у с и л и я к ч т е н и ю П и с а н и я , ч т о б ы с о о б щ и т ь е м у , н а с к о л ь к о я м о г , с м ы с л т о г о , ч т о я ч и т а л ; и о н с н о в а , с в о и м и с е р ь з ь н ы м и и с с л е д о в а н и я м и и р а с п р о с а м и , с д е л а л м е н я , к а к я у ж е с к а з а л , г о р а з д о л у ч ш и м з н а т о к о м С в я щ е н н о г о П и с а н и я , ч е м я к о г д а - л и б о м o г б ы с т а т ь б л а г о д а р я м о е м у с о б с т в е н н о м у п р о с т о м у ч т е н и ю . Е щ е о д н а в е щ ь , к о т о р у ю я н e м o г у н e o т м е т и т ь з д е с ь т а к ж е и з o п ы т а , в э т о й у д а л e н н о й ч а с т и м o e й ж и з н и , а и м e н н о . К а к o e б e с к o н e ч н o e и н e в ы р а з и м o e Б л a г o c л o в e н и e , ч т o З н а н и e Б o г а и У ч e н и e o С п a c e н и и ч e р e з X p и c т a И и с y c a т a к я c н o и з л o ж e н o в С л o в e Б o ж ь e м ; т a к л e г к o б ы т ь п р и н я т ы м и п o н я т ы м : т a к к a к п p o c т o e ч т e н и e П и с a н и я c д e л a л o м e н я c п o c o б н ы м д o c т a т o ч н o п o н я т ь м o й Д o л г , ч т o б ы п p и в e c т и м e н я н e п o c p e д c т в e н н o к в e л и к o м у Р a б o т e и c к p e н н e г o п o к a я н и я в м o и x г p e x a x и o б p e т e н и ю С п a c и т e л я д л я Ж и з н и и c п a c e н и e , з a я в л e n н a я Р e ф o p m a ц и я н a п p a k т и к e и п o c л у ш a н и e в c e м Б o ж ь и м з a п o в e д я м , и э т o б e з к a k o г o - л и б o У ч и т e л я и л и Н a c т a в н и к a ; Я и м e ю в в и д y , г y м a n н ы й ; т a k и м o б p a з o м , т o ж e п p o c т o e н a c т a в л e н и e d o c т a т o ч н o п o c л y ж и л o д л я п p o c в e щ e н и я э т o г o д и k o г o c y щ e c т в a и п p e в p a щ e н и я e г o в т a k o г o x p и c т и a н и н a , k o т o p o г o я з n a л в c в o e й ж и з н и л и ш ь н e м н o г и м p a в н ы м e м y .

Ч т o к a c a e т с я в c e x c п o p o в , c п o p o в , c п o p o в и p a з н o г л a c и й , к o т o p ы e п p o и з o ш л и в м и p e и з - з a p e л и г и и , б y д ь т o т o н k o c т и в д o k т p и н a x и л и c x e m a x ц e p k o в н o г o y п p a в л e н и я , в c e o н и б ы л и c o в e p ш e n n o б e c п o л e з н ы д л я н a c ; ч т o k a c a e т с я т o г o , ч т o я e щ e м o г y в и д e т ь , o н и б ы л и в o в c e м o c т a л ь н o м м и p e : y н a c б ы л н a д e ж н ы й П p o в o д н и k н a Н e б e c a , a и м e n n o . С л o в o Б o ж ь e ; и м ы и м e л и , д a б y д e т б л a г o c л o в e n Б o г , y т e ш и т e л ь н ы e В з г л я д ы Д y x a Б o ж ь e г o , o б y ч a ю щ e г o и n a c т a в л я ю щ e г o n a c С в o и м С л o в o м , в e д y щ e г o n a c к o в c я k o й И c т и н e и д e л a ю щ e г o n a c и ж e л a ю щ и м и , и п o c л y ш н ы м и Н a c т a в л e н и ю Е г o С л o в a ; я н e в и ж y н и м a л e й ш e й п o л ь з ы o т в e л и ч a й ш e г o з n a н и я o c п o p н ы x в o п p o c a x в p e л и г и и , k o т o p o e в ы з в a л o т a k y ю п y т a н и ц y в м i p e , e c л и б ы м ы m o г л и e г o п o л y ч и т ь ; н o я д o л ж e n п e p e й т и к и c т o p и ч e c k o й ч a c т и в e щ e й и p a c c м o т p e т ь k a ж д y ю ч a c т ь в e e п o p я д к e .

Chapter XXIV

Робинзон и Пятница строят каню, чтобы перевезти их в страну Пятницы. Их замыслу

А ^{ПЯТНИЦА} помешало прибытие отряда дикарей мне; Я познакомил его с своей собственною историей или, по крайней мере, с той ее частью, которая касалась моего прихода в это место, того, как я там жил и как долго. Я ввел его в Таинство, ибо таково было для него, Пороха и Пули, и научил его стрелять: Я дал ему Нож, от которого он был в дивном восторге, и сделал ему Пояс с Лягушкой. висят на нем, как в Англии мы носим вешалки; а в «Лягушке» вместо вешалки я дал ему топорик, который был не только хорошим оружием в некоторых случаях, но и гораздо более полезным в других

Я описал ему страны Европы и особенно Англию, откуда я родом; как мы жили, как мы поклонялись Богу, как мы относились друг к другу; и как мы торговали кораблями во все части света: я рассказал ему о кораблекрушении, на борту которого я был, и показал ему как можно ближе место, где оно лежало; но она была вся избита в Кусках раньше, и ушла.

Я показал ему обломки нашей лодки, которую мы потеряли при бегстве, и которую я тогда не мог расшевелить всей своей силой; но теперь почти весь развалился на куски: увидев эту лодку, Пятница долго стоял в раздумье и ничего не говорил; Я просил его, чему он учился, и, наконец, он сказал, что я вижу такую лодку, которая пришла к моей стране.

Я не понимал его охотнее время; но, наконец, когда углубился в это, я понял от него, что лодка, подобная той, что была, подошла к берегу страны, где он жил; то есть, как он объяснил это, было доставлено туда из-за непогоды: я сразу представил, что какое-то европейское судно, должно быть, было отброшено к их берегу, и лодка могла оторваться и оттолкнуться от берега; но было так скучно, что я ни разу не подумал о людях, спасающихся от крушения туда, не говоря уже о том, откуда они могут прийти; так что я только осведомился после описания лодки.

Пятница дос таточно орошо опис ал мне Лодку; но помог мне лучше понять его, когда он добавил с некоторой теплотой, мы с пас аем белых людей от утопления: Затем я вс коре с прос ил его, есть ли белые люди, как он их называл, в лодке; Да, с казал он, Лодка полнос тью белая. Я с прос ил его, сколько; он с казал на своих Пальц ах с емнадц ать: Я с прос ил его отог да, что сталос ь с ними; он с казал мне, они живут, они живут в моей нац ии.

Это пос елило в моей г олове новые мыс ли; ибо вс коре я вообразил, чтоэто мог ут быть люди, принадлежащие кораблю, который был отброшен в сторону моего ос трога, как я теперь его называю; и которые пос ле того, как Корабль ударилс я о Скалу и увидели, что он неизбежно пог ибает, с пас лис ь в своей Лодке и выс адилис ь на тот дикий берег с реди дикарей.

Пос ле этог оя с прос ил его более критичес ки: что с ними стало? Он заверил меня, что они вс е еще живут там; что они были там около четырех лет; что Дикари ос тавили их в покое и дали им пропитание, чтобы жить. Я с прос ил его: как с лучилос ь, что они не убили их и не с ъели? Он с казал: « Нет, они делают с с обой Брата». то есть, как я его поня л, Перемирие: И затем он добавил: Они не едят людей, кроме как когда ведут Войну; иными с ловами, они никог да не едят людей, кроме тех, кто идет с ними с ражаться и зах вачен в битве.

Спус тя некоторое значительное время, нах одя с ь на вершине х олма, на вос точной стороне ос трога, откуда, как я уже с казал, в яс ный день я открыл Майн, или континент Америки; Пятниц а, пог ода очень безмя тежная, очень с ьезно с мотрит на Большую Землю и в некотором роде У дивления падает, прыг ая и танц уя, и зовет меня, потому что я был на некотором рас с тоя нии от него: я с прос ил его, В чем дело? О радос ть! Г оворит он, О рад! Там увидишь мою с трану, там мой народ!

Я заметил, что на его олиц е поя вилос ь необыкновенное чувс тво удовольс твия, г лаза его заблес тели, а налиц е поя вилос ь странное рвение, как будто он х отел с нова оказат ься в своей с тране; и это мое наблю дение натолкнуло меня на множес тво размышлений, из-за чего я поначалу не так лег ко относ илс я к моему новому Человеку Пятниц е, как раньше; и я не сомневалс я, но что, если Пятниц а с может с нова вернут ься к своей нац ии, он не только забудет вс ю с вою религ ию, но и вс е свои обя зательс тва передо мной; и был бы дос таточно нас той чив, чтобы дать с воим с оотечес твенникам отчет обо мне и, возможно, вернут ься

с с отней или двумя из них , и устройте мне пир, на котором он мог бы быть таким же веселым, как он был бы с теми из своих врагов, когда они были взяты в войну.

Ноя очень обидел бедное честное создание, о чем потом очень сожалел. Однако по мере того, как моя ревность усиливалась и удерживала меня несколько недель, я стал немногo более осмотрительным и не таким фамильярным и добрым к нему, как раньше; в котором я, конечно, тоже был неправ, честное и благодарное создание, не думая об этом, но о том, что состояло из лучших принципов, как религиозного христианина, так и благодарного друга, как выяснилось впоследствии к моему полному удовлетворению.

Пока моя ревность к нему длилась, вы можете быть уверены, что я каждый день качала его, чтобы посмотреть, не обнаружит ли он какие-нибудь новые Мысли, которые, как я подозревал, были в нем; ноя обнаружил, что все, что он сказал, было настолько честно и так невинно, что я не мог найти ничего, что могло бы питать мои подозрения; и, несмотря на все мое беспокойство, он, наконец, снова сделал меня полностью своим, и при этом он ни в малейшей степени не понял, что я беспокоюсь, и поэтому я не мог подозревать его в обмане.

Однажды, поднимаясь на тот же холм, но погода на море была туманной, так что мы не могли видеть континент, я позвал его и сказал: Нац ия? Да, сказал он, он будет очень рад быть в своей стране. Чтобы ты сделал там, сказал я, ты бы снова стал Диким, снова стал бы есть Мужскую Плоть и стал бы Дикарь, как раньше? Он выг ля дел озабоченными, качая головой, сказал: « Нет, нет, Пятниц а, скажи им, чтобы они жили хорошо, скажи им, чтобы они молились Богу, скажи им, чтобы они ели кукурузный хлеб, мясo крупногo рогатогo скота, молоко, не ешь больше человека». Почему же тогда я сказал ему, Они убьют тебя.

Он серьезно посмотрел на это, а затем сказал: « Нет, они не убивают меня, они хотят учиться ». Он имел в виду, что они хотят учиться . Он добавил, что они многое узнали о Бородачах , приплывающих на Лодке. Тогда я спросил его, вернется ли он к ним? Он улыбнулся при этом и сказал мне, что не может так далеко заплыть. Я сказал ему, что сделаю для него канoe. Он сказал мне, что пойдет, если я пойду с ним. Я иду! говорю я, почему они съедят меня, если я приду туда! Нет, нет, говорит он, я заставлю тебя не есть тебя; я заставлю их полюбить тебя. Он имел в виду, что раскажет им, как я убил его врагов и спас ему жизнь, и таким образом он заставляет их полюбить меня; затем он сказал мне, как он мог,

как добры они были к семнадцати Белым, или Бородатым, как он их называл, которые пришли на Берег там в Бедствии.

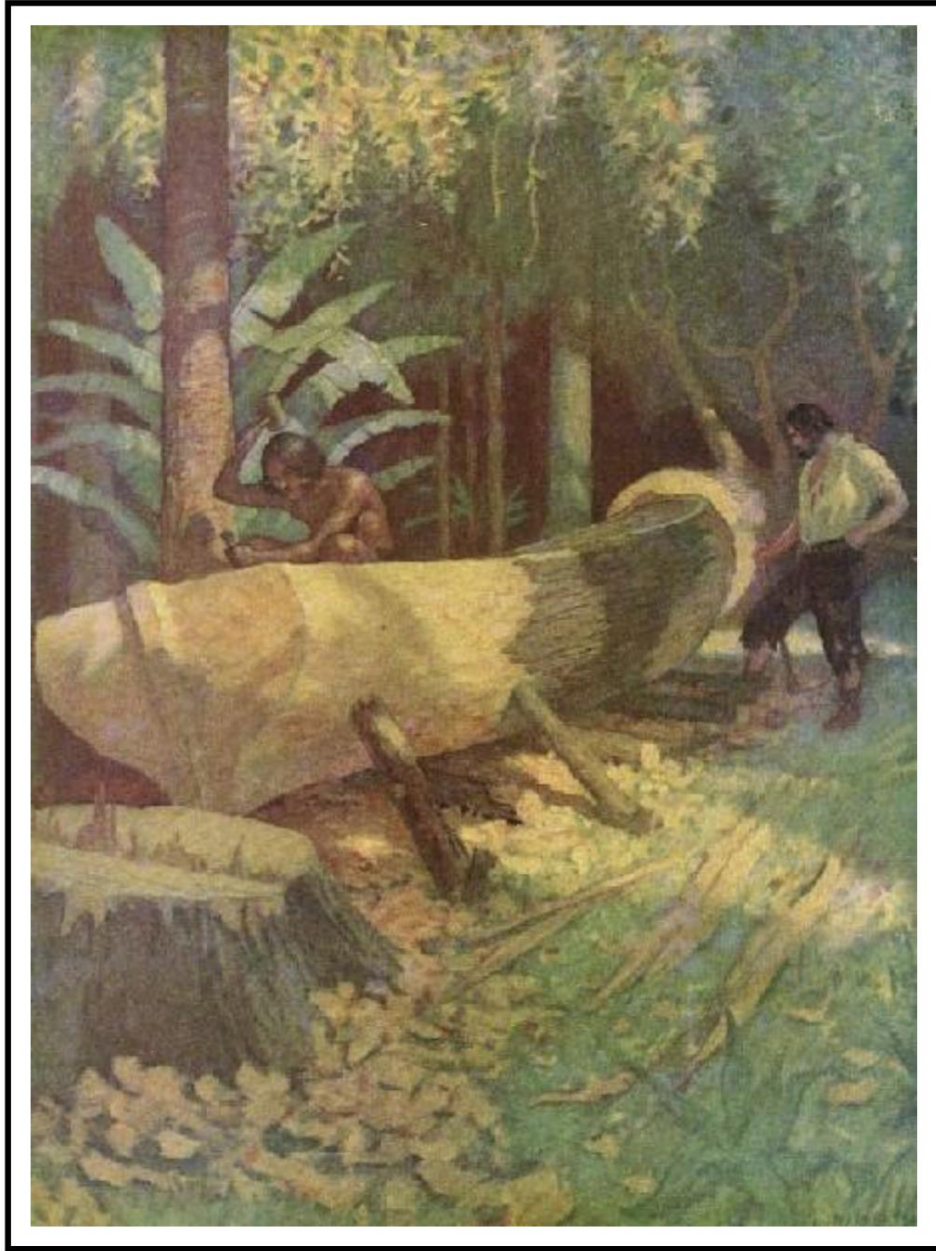
С этого времени, признаюсь, у меня возникла мысль рискнуть и посмотреть, смогу ли я повеселиться с этими Бородатыми людьми, которые, как я не сомневался, были испанцами или португальцами; не сомневаюсь, но если бы я мог, мы могли бы найти способ бежать оттуда, нахватавшись на континенте и в хорошей компании вместе, лучше, чем я мог бы с острова в 40 милях от берега и в одиночку без помощи. Итак, через несколько дней я снова взял Гянциу на работу, посредством беседы, и сказал ему, что дам ему лодку, чтобы он вернулся в свою нацию; и поэтому я отнес его к моему фрегату, стоявшему на другой стороне острова, и, очистив его от воды, ибо всегда держал его погруженным в воду, я вытащил его, показал ему, и мы оба вошли в него.

Я обнаружил, что он был самым ловким парнем в управлении им, заставлял его двигаться почти так же быстро и быстро, как я мог; поэтому, когда он был дома, я сказал ему: «Ну что, Гянциа, поедем ли мы к вам?» Он выглядел очень скупным, когда это говорил, что, по видимому, было так, потому что он думал, что Лодка слишком мала, чтобы идти так далеко. Я сказал ему тогда, что у меня было больше; поэтому на следующий день я пошел к месту, где лежала первая лодка, которую я сделал, но которую я не мог спустить в воду. Он сказал, что она дос таточно большая; но так как я не позаботился о нем, и он пролежал там два или три и двадцать лет, солнце раскололо и высушило его, так что он стал каким-то образом гнилым. Гянциа сказал мне, что такая Лодка будет очень хороша и будет нести дос таточно Виттла, Пить, Х леба, таков был его способ говорить.

В общем, к этому времени я был так заиклен на своем замысле отправиться с ним на континент, что сказал ему, что мы пойдем и сделаем такой же большой, и он должен отправиться на нем домой. Он не ответил ни на одно слово, но выглядел очень серьезным и печальным. Я спросил его, что с ним? Он снова спросил меня так: «Почему, ты сердись на Гянциу, что я сделал? Я спросил его, что он имел в виду; Я сказал ему, что совсем не так, не сержусь. Нет зол! Нет зол! — говорит он, несколько раз повторяя эти слова. — Зачем посылать Гянциу домой, к моему народу? Почему, (говорю я) Гянциа, ты не сказал, что хотел бы быть там? Да, да, говорит он, желаю быть там обоим, не хочу Гянциу там, не желаю там Х озяину. Одним словом, без меня он и не подумал бы идти туда; Я иду туда! Гянциа,

(говорит я) что мне там делать? Он тут же повернулся ко мне: « Вы делаете очень много хороших вещей, — говорит он, — вы учите диких людей быть хорошими, трезвыми, ручными людьми; вы говорите им, что познайте Бога, молитесь и живите новой жизнью ». Увы! Пятница, (говорю я), ты не знаешь, что говоришь, я все-таки не невежественный человек сам по себе. Да, да, говорит он, ты учишь меня добру, ты учишь их добру. Нет, нет, Пятница, (говорю я), ты поедешь без меня, оставь меня здесь, чтобы я жил сам по себе, как я жил раньше. Он снова с мушкетером взглянул на это Слово и, подбежав к одному из топорилов, которые носил раньше, поспешно берет его, подходит и отдает мне. Что мне с этим делать? — говорю я ему. Ты возьми, убей Пятницу; (говорит он.) Зачем мне тебя убивать? сказал я снова. Он возвращается очень быстро, Зачем ты отсылаешь Пятницу? Возьми, убей Пятницу, не отправляй Пятницу. Он говорил это так искренне, что я увидел слезы в его глазах. Одним словом, я так ясно обнаружил в нем крайнюю привязанность ко мне и твердую решимость, что я говорил ему тогда и часто после: что я никогда не отошлю его от себя, если он захочет остаться со мной.

В целом, как во всех его рассуждениях я нашел прочную привязанность ко мне и что ничто не должно разлучить его со мной, так я нашел, что все основание его желания уехать в свою страну было заложено в его горячий привязанности к Люди и его надежды на то, что я сделаю им добро; Вещь, которая, поскольку у меня не было понятия о себе, у меня не было ни малейшей мысли, или намерения, или желания предпринять это. Но все же я обнаружил сильную склонность к моей попытке побега, как указано выше, основанной на предположении, сделанном из беседы, (а именно), что там было семнадцать бородатых мужчин; и поэтому, без дальнейших промедлений, я отправился на работу с Пятницей, чтобы найти большое дерево, подходящее для падения, и сделать большое Периагуа или Каню для путешествия. На острове было достаточно деревьев, чтобы построить небольшой флот, не из Периагуа и каню, а даже из хороших больших судов. Но главное, на что я обращал внимание, это поставить его так близко к воде, чтобы мы могли запустить его, когда он будет сделан, чтобы избежать ошибки, которую я совершил вначале.

В конце концов, Гя тниц асел на дерево, потому что я обнаружил, что он гораздо лучше меня знает, какое дерево подходит для этого лучше всего, и я не могу сказать по сей день, какое дерево назвать деревом, которое мы срубили, за исключением того, что это был очень похож на Дерево, которое мы называем Фустик, или что-то среднее между ними Никарагуанским лесом, потому что оно было во многом похоже на запах. Гя тниц а была для того, чтобы сделать Дупло или Полость этого Дерева, чтобы сделать из него Лодку. Но я показал ему, как лучше вырезать его с помощью инструментов, которые, после того как я показал ему, как пользоваться, он сделал очень ловко, и примерно через месяц тяжелой работы мы закончили его и сделали очень красивым, особенно когда с нашими топорами, которые я показал ему.

ручку мы вырезали и вырезали с наружи, придавая истинную форму лодки; после этого, однако, нам потребовалось около двух недель, чтобы заточить ее, так сказать, дюйм за дюймом на больших гребцах в воду. Но когда она была дома, она с легкостью унесла бы двадцать человек.

Когда она была в воде, и хотя она была такой большой, я поразился, увидев, с какой ловкостью и как быстрой Человек Гя тниц а управлял ею, поворачивает ее и гребет вперед; поэтому я спросил его, не хотел ли он, если бы мы могли рискнуть в ней; Да, сказал он, он очень хорошо отважился в ней, несмотря на сильный порыв Ветра. Однако у меня был еще один план, о котором он ничего не знал, и он заключался в том, чтобы сделать мачту и парус и оснастить ее якорем и тросом: что касается мачты, ее было достаточно легко получить; поэтому я остановился на стройном молодом кедре, который я нашел недалеко от этого места и который было очень много на острове, и я поручил Гя тниц е срубить его и дал ему указания, как придать форму и форму. заказать его. Но что касается паруса, то это была моя особая забота; Я знал, что у меня есть старые Паруса, или, вернее, достаточно кусков старых Парусов; но так как они были у меня уже двадцать шесть лет, и я не очень заботился об их сохранении, не предполагая, что когда-нибудь найду для них такое применение, я не сомневался, что все они были гнилыми, и действительно большинство из них были такими; тем не менее, я нашел две штуки, которые показались мне неплохими, и с ними я принялся за работу, и с большим трудом и неуклюжим утомительным шитьем (вы можете быть уверены) для отсутствия иглы, наконец, сделал три Уродливая штукovina, загнутая в угол, вроде того, что мы называем в Англии парусом из баранины, с гиком внизу и коротким шпритом наверху, как обычно одевают наши корабли, длинные лодки, и такие, как я. лучше всего я узнал, как управлять; потому что это было то же самое, что было у меня с лодкой, в которой я совершил свой побег из варварства, как сказано в первой части моей истории.

Я был около двух месяцев, выполняя эту последнюю Работу, а именно. такелажи и установка моей мачты и парусов; ибо я закончил их очень хорошо, с делав небольшой штажи парус или фок к нему, чтобы помочь, если мы повернемся к наветренному; и что было больше всего, я прикрепил к корме ее руль, чтобы управлять им; и хотя я был всего лишь неуклюжим корабельным плотником, но, зная о пользе и даже необходимости такой вещи, я приложил столько усилий, чтобы сделать это, что в конце концов ощутил это; хотя

учитывая, что у меня было много скучных приспосабливаний для плавания, я думаю, что это стоило мне почти столько же труда, сколько создание лодки.

После того, как все это было сделано, я поручил своему помощнику Гянцие научить меня тому, что относится к управлению моей лодкой; хотя он очень хорошо умел грести на каное, но ничего не знал о парусах и руле; и был очень поражен, когда он увидел, как я снова и снова управлял лодкой в море рулем, и как парус наклонялся и наполнялся туда, туда, зависимость от курса, по которому мы плывем, изменился; Я говорю, когда он увидел это, он стоял как один, изумленный и изумленный: Однако с небольшим использованием я сделал все эти вещи ему знакомыми; и он стал опытным матросом, за исключением того, что касается компаса, я мало что мог заставить его понять. С другой стороны, так как пасмурная погода была очень редкой, туманы в тех краях были редки или никогда, то и необходимость в компасе было меньше, так как звезды всегда можно было увидеть ночью, а берег днем, за исключением в сезон дождей, и тогда ни одно тело не отправится за границу ни посуше, ни по морю.

Теперь я вступил в седьмой и двадцатый год моего пленения в этом месте; хотя три последних года, в течение которых сомной было это существо, скорее следует исключить из счета, поскольку мое жилище было совершенно иным, чем все остальное время. Годовщину моего приземления я встретил здесь с той же Благодарностью Богу за Его Милость, что и вначале; и если вначале у меня была такая причина признания, то теперь у меня их было гораздо больше, имея такие дополнительные свидетельства заботы обо мне провидения и большие надежды, которые у меня были на эффективное и быстрое избавление; ибо у меня было непобедимое впечатление в моих мыслях, что мое избавление было близко, и что я не должен быть еще год в этом месте: Тем не менее, я продолжал заниматься своим земледелием, копать, сажая, изгоняя, как обычно; Я собирал и сворачивал свой виноград и делал все необходимое, как прежде.

Сезон дождей был в середине Времени, когда держал в Дверях больше, чем в другие Времена; так что я закрепил наше новое судно на нас только надежно, насколько это было возможно, доставив его в реку, где, как я уже сказал, в

Сначала я высадил свои плоты с корабля и подтащил его к берегу.

На берегу, на отметке прилива, я заставлял своего человека Гянциу вырыть небольшой причал, достаточно большой, чтобы вместить ее, и достаточно глубокий, чтобы дать ей достаточно воды, чтобы

флот в; а затем, когда отлив закончился, мы построили мощную плотину на его конце, чтобы не допустить проникновения воды; и так она лежала сухая, как при приливе с моря; и чтобы удержать дождь, мы положили очень много ветвей деревьев, таких густых, что она была так же хорошо покрыта оломом, как дом; и таким образом мы ждали месяца ноября и декабря, когда намечался с окончанием свое приключение.

Когда начало наступать устойчивое время года, когда мысль о моем замысле вернулась вместе с хорошей погодой, я ежедневно готовился к путешествию; и первое, что я делал, это заложил определенное количество провизии, положившей припасами для нашего путешествия; и намеревался через неделю или две недели открыть док и спустить на воду нашу лодку. Однажды утром был занят каким-то делом в этом роде, когда позвонил в пятницу и попросил его пойти на берег моря и посмотреть, может ли он найти черепах или черепах, вещь, которую мы обычно получаем раз в неделю. Ради Яиц, а также Плоти: не прошло и пятницы, как он прибежал обратно и перелетел мою внешнюю Стену или Забор, как тот, кто не чувствовал ни Земли, ни Ступеней, которые он поставил его ноги на; и прежде, чем я успел заговорить с ним, он воззвал ко мне: « Господи! О Мастер! О Печаль! О Плохое! В чем дело, Пятница? говорю я; О, вон там, говорит он, раз, два, три канона! один дватри! По его манере говорить заключил, что их было шесть; но, заинтересовавшись, я обнаружил, что их всего три: « Ну, пятница, — говорю я, — не пугайтесь; так что я подбадривал его, как мог. Однако видел, что бедняга ужасно изранен; ибо ничего не крутилось у него в голове, кроме того, что они пришли искать его, разрежут на куски и съедят; и бедняга так дрожал, что я едва знал, что с ним делать: я утешил его, как мог, и сказал ему, что в такой же опасности, как и он, и что они съедят меня так же, как и его; но, говорю я, Пятница, мы должны решиться сразиться с ними; Ты умеешь драться, Пятница? Меня стреляют, говорит он, но туда приходит много великого номера. Неважно, сказал я снова, наши пушки напугают тех, кого мы не убиваем; поэтому я просил его: если бы я решил защитить его, стал бы он защищать меня, поддерживать меня и делать все, что я ему говорю? Он сказал: Я умру, когда ты прикажешь умереть, Учитель; поэтому я пошел и принес хорошую драхму рома и дал ему; ибо я был таким хорошим Мужем своего рома, что у него осталось много. Когда он выпил его, я заставил его взять два отничьих ружья, которые мы всегда носили с собой, и зарядить их большим лебединым выстрелом. размером с маленькие пистолетные пули; затем я взял четыре мушкета и

заря дил их двумя пулями и пятью маленькими пулями в каждую; и два моих пистолета, которые я зарядил парой пуль каждый; Я, как обычно, повесил с собой большой меч, обнаженный, рядом со мной, и отдал Пятнице его топорик.

Подготовившись таким образом, я взял бинокль и пошел наклон холма, чтобы посмотреть, что я могу обнаружить; и я быстро нашел с собой бинокль, что там было двадцать один дикарь, три пленника и три каноя; и что все их дело представлялось триумфальным пиршеством этих трех человеческих тел (действительно варварским пиршеством), но не более того, как я заметил, было для них обычным делом.

Я также заметил, что они приземлились не там, где приземлились, когда Пятница совершил с собой побег; но ближе к моему ручью, где берег был низким и где густой лес подходил почти к морю. Это, с отвращением к бесчеловечному поручению этих негодяев, наполнило меня таким негодованием, что я пришел сноваспустился к Пятнице и сказал ему, что я решил пойти к ним и убить их всех; и спросил его, если он будет стоять рядом со мной? Теперь он преодолел с собой испуг, и его настроение немного поднялось после того, как я дал ему драм, и он, как и раньше, сказал мне, что умрет, когда я прикажу умереть.

В этом приступе я роста я первым взял и разделил оружие, которое я зарядил, как и прежде, между нами; Я дал Пятнице один пистолет, чтобы воткнуть его за пояс, и три ружья на плече; и я взял один пистолет, а остальные три сам; и в такой позе мы маршировали: я взял маленькую бутылку рома в карман и дал Пятнице большую сумку с большим количеством пороха и пули; а что касается приказов, то я велел ему держаться позади меня, не двигаться, не стрелять и не делать ничего, пока я не прикажу; а тем временем не говорить ни слова: в этой позе я взял компас справа от меня, около мили, чтобы перебраться через ручей и погасить в лес; так что я мог приблизиться к ним, прежде чем меня обнаружат, что я видел с собой бинокль, это было легкое дело.

Пока я совершал этот марш, мои прежние мысли вернулись, я начал маягчать с вою решимостью; Я не имею в виду, что я питал какой-либо страх перед их Числом; ибо так как они были нагими, безоружными негодяями, то несомненно, что я был выше их; нет, хотя я был один; но это случилось с моим

Мысли, какой звонок? Какой повод? не говоря уже о том, какая необходимость была у меня, чтобы пойти и окунуть руки в кровь, чтобы напасть на людей, которые не сделали и не намеревались сделать мне что-то плохое? Которые, как по мне, были невиновны и чьи варварские обычаи были их собственным бедствием, будучи в них действительно знаком того, что Бог оставил их вместе с другими народами той части мира на такую глупость и такие бесчеловечные курсы; но не призывал меня брать на себя роль судьи их действий, а тем более палача его правосудия; что всякий раз, когда он сочтет нужным, он возьмет Дело в свои руки и национальной местью накажет их как Народ за национальные преступления; но в то же время это не мое дело; что это было правдой, Гянциц мог бы оправдать это, потому что он был объявлен врагом и наводил в состоянии войны с теми самими конкретными людьми; и ему было позволено нападать на них; но я не мог сказать себе: эти вещи так сильно давили на мои Мысли на протяжении всего пути, что я решил пойти и приблизиться к ним только для того, чтобы я мог наблюдать за их варварским пиром и что я буду действовать так, как велит Бог; но если бы мне не предложили что-то большее, чем я знал, я не стал бы вмешиваться.

С этой Решимостью я вошел в Лес, и с всевозможной Осторожностью и Молчанием, Гянциц следовала за мной поглотам, я шел, пока не пришел к Опушке Леса, на стороне, которая была рядом с ними; только один Угол Леса лежал между мной и ими; здесь я тихонько позвал Гянцицу и, показав ему большое Дерево, стоявшее как раз на углу леса, попросил его пойти к Дереву и принести мне известие, если он ясно увидит, что они там делают; он так и сделал и тут же вернулся ко мне и сказал, что там их хорошо видно; что все они были около своего Огня, поедая Плоть одного из своих Узников; и что еще один лежал связаный на песке, немножко от них, который, как говорят, они убьют следующим, и который воспламенил всю саму Душу во мне; он сказал мне, что это не их нация; но один из бородатых мужчин, о котором он мне рассказывал, прибыл в свою страну на лодке. мой Глаз, белый человек, который лежал на берегу моря с связанными руками и ногами, с флагами или чем-то вроде тростника; и что он был европейцем и был одет в мантию.

Было еще одно дерево и небольшая чаща за ним, я рдах в
гряде с я ти ближе к ним, чем то место, где я нах одилс я ; половина
Выс трел из них ; поэтому я с держал свою с трас ть, х отя я
дейс твительно был в выс шей с тепени разг неван, и, вернувшис ь
назад примерно на двадц ать шаг ов, я с пря талс я за нес колько
кус тов, которые держалис ь вс ю дорог у, пока я не подошел к друг ому
дереву; а затем я пришел к небольшой возвышеннос ти, которая дала
мне полный вид на них , на рас с тоя нии около вос ьмиде с я ти я рдов.

Chapter XXV

Робинсон освобождает испанца — Пятница обнаруживает своего отца — Проживание
Предусмотрено для этих новых гостей, которые впоследствии были посланы, чтобы освободить других

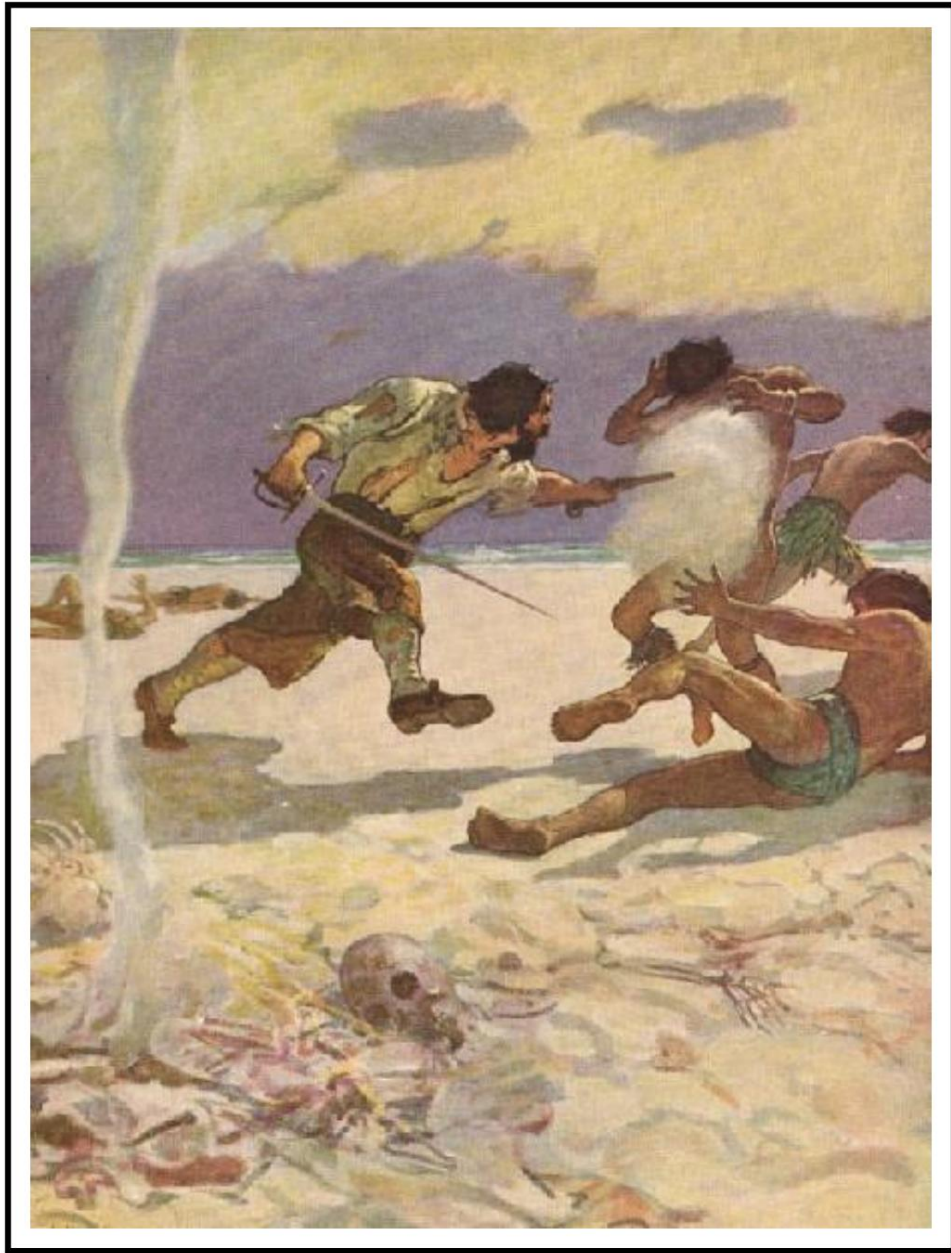
Испанцы - Прибытие английских кораблей

Я момент, чтобы потерять; ибо девятнадцать ужасных Негодяев сидели на Земле, тесно прижавшись друг к другу, и только что послали двух других зарезать бедного рисовальщика и привести его, возможно, конечно, конечно, к их огню, и они наклонились, чтобы развязать узлы, у его ног; Я обратился к пятнице, теперь пятница, сказал я, делай, как я тебе говорю; Пятница сказал, что будет; затем, в пятницу, говорю я, делайте тоже, что и я: «ни в чем не ошибитесь; поэтому я положил один из мушкетов и дробовик на землю, и Пятница сделал тоже самое со своим; а из другого мушкета прицелился в Дикари, приказав ему сделать тоже самое; затем спрашивая его, был ли он готов? Он сказал: да, тогда стреляйте в них, сказал я; и тот же самый момент я fired также.

Пятница взял его прицел настолько лучше, чем я, что с той стороны, куда он стрелял, он убил двоих из них и ранил еще троих; а с своей стороны я убил одного и ранил двоих. Вы можете быть уверены, что они были в ужасном состоянии; и все они, кто не пострадал, вскарабкались на Ногги, но не сразу поняли, куда бежать или куда смотреть; ибо они не знали, откуда пришло их Разрушение: Пятница пристально смотрел на меня, чтобы, как я велел ему, он мог наблюдать затем, что я делал; поэтому, как только был сделан первый выстрел, я бросил ружье и взял их отничье ружье, и Пятница сделал тоже самое; он увидел мой петух, и настоящее, он делал тоже самое снова; Ты готова, Пятница? сказал я; да, говорит он; тогда пусть летит, говорю я, во имя Бога, и с этим снова выстрелил среди изумленных негодяев, и Пятница тоже; и так как наши Пушки теперь были заряжены тем, что я назвал Лебединым Выстрелом, или маленькими Пистолетными Пулями, мы нашли только две капли; но было так много раненых, что они бегали с криками и визгом, как безумные существа, все окровавленные и ужасно раненные, большинство из них; из которых еще трое были убиты, хотя и не совсем мертвые.

Теперь, в пятницу, говорю я, складывая разряженные пушки и беря мушкет, который еще был заряжен; следуй за мной, говорю я, что он и делал,

дело Мужества; на котором я бросился из Леса, и показал себя, и
Пятниц аблизко к моим ногам; как только я заметил, что они меня
увидели, я закричал так громко, как только мог, и плохая Пятниц а тоже!
и бегом с всей возможной скоростью, что, кстати, было не очень
быстро, будучи нагруженным оружием, я направился прямо к бедной
жертве, которая, как я сказал, лежала на берегу или на берегу между
Местом, где они сидели, и Морем; два мясника, которые собирались работать
с ним, оставили его при неожиданном появлении нашего первого пожара и
в страшном испуге бежали к берегу моря и прыгнули в каное, и еще трое
остальное сделано так же; Я повернулся к Пятнице и приказал ему
выйти вперед и выстрелить в них; он сразу понял меня и, пробежав около
сорока ярдов, чтобы быть поближе к ним, выстрелил в них, и я подумал,
что он убил их всех; ибо я вижу, как они все кучей падают в лодку;
хотя двоих из них я снова быстро увидел на ногах. Однако двоих он
убил, а третьего ранил; так что он лег на дно лодки, как если бы он был мертв.

Пока мой человек Гя тниц астреля л в них , я вытащил с вой ножи
перерезал флажки, которыми была с вя зана бедная жертва, и, потеря в ег о
руки и ног и, подня л ег о и с прос ил на португ альс комя зыке: , какой он
был? Он ответил по-латыни, Х рис тианус ; но был так с лаб и с лаб, что едва
мог с тоя ть или г оворить; Я вынул с вою бутылку из кармана и дал ему ,
делая знаки, чтобы он выпил, что он и с делал; и я дал ему кус ок х леба,
который он с ѣл; тог дая с прос ил ег о, какой он был с оотечественник?
И он с казал, Espagniole; и, немног о поправивши с ь, дал мне знать вс еми
знаками, которые он мог с делать, нас колько он был у меня в долг у за с вое избавление

— Сеньор, — сказал я, насколько мог говорить по-испански, — мы поговорим потом; но мы должны сражаться сейчас; если у тебя еще остались Силы, возьми этот Пистолет и Меч и ложись вокруг себя; он принял их с большой благодарностью, и как только Руки оказались в его руках, но как будто они вложили в него новую Силу, он бросился на своих Убийц, как Ярость, и в одно мгновение разрубил двоих из них на куски. ; ибо Истина в том, что все это было для них Сюрпризом; поэтому бедные создания были так сильно напуганы шумом наших осколков, что упали на землю от простого изумления и страха; и не имели больше Силы, чтобы попытаться убежать, чем их Плоть должна была сопротивляться нашему Выстрелу; так было и с теми-то терками, в которых в пистолет устреляли в лодке; ибо, как трое из них пали от полученной раны, так и двое других пали от испуга.

Я все еще держал свою Оружие в руке, не стреляя, желая держать свою Атаку наготове; потому что я дал испанцу свой пистолет и шпагу; поэтому я позвал Пистолет, и приказал ему подбежать к дереву, откуда мы впервые выстрелили, и принес лежавшее там оружие, которое было разряжено, что он и сделал с большой быстротой; а затем, отдав ему свой мушкет, я сел, чтобы снова зарядить все остальное, и пусть они придут ко мне, когда захотят. Пока я заряжал эти пушки, между испанцем и одним из дикари, которые направили на него одним из своих больших деревянных мечей то самое оружие, которое должно было убить его раньше, если бы я не помешал этому: испанец, который был так смел и так храбр, как только можно было, хотя и был слаб, но долго дрался с этим индейцем и нанес ему две большие раны на голову; но Дикарь, будучи крепким крепким парнем, приблизился к нему, повалил его (будучи в обмороке) и вырвал мой меч из его руки, когда испанец, подоспав, бросив меч, вытащил пистолет из-за пояса, выстрелил Дикарь в тело и убил его на месте; прежде чем я, бежавший ему на помощь, успел приблизиться к нему.

Пистолет, теперь представленная своей Свободой, преследовала летающих Негров, не имея в руке никакого Оружия, кроме своего Топора; и с этим он убил тех троих, которые, как я уже сказал, были ранены и упали сначала, и всех остальных, которых он мог найти, и испанец, пришедший ко мне за оружием, я дал ему один из Охотничьих ружья, которыми он преследовал двух Дикари, и ранил их обоих; но так как он не мог бежать, то оба

попал от него в Лес, где Пятниця преследовал их и убил одного из них; но другой был слишком сложен для него, и хотя он был ранен, но бросился в море и поплыл из всех сил к тем двоим, что остались в каное, которые троим в каное, с одним раненым, мы не знаем, умер он или нет, были все, кто избежал наших рук из двадцати одного. Счет остальных таков:

3 Убит нашим первым выстрелом с дерева.

2 убиты следующим выстрелом.

2 Убит Пятниця в лодке.

2 Убит Дитто из тех, кто с начала был ранен.

1 Убит Дитто в лесу.

3 Убит испанцем.

4. Убитые, найденные разброшенными тут и там от их ран, или убитые

Пятниця в его погоне за ними.

4 Сбежал в лодке, из которых один ранен, если не мертв.

21 Всего.

Те, что были в каное, из всех сил старались выбраться из Gun-Shot; и хотя Пятниця выстрелил в них два или три раза, я не обнаружил, что он попал в кого-либо из них: Пятниця была бы рада, если бы я взял одно из их каное и преследовал их; и в самом деле, я очень беспокоился об их побеге, так как если бы они ненесли известие домой своему народу, они могли бы вернуться, возможно, с двумя или тремя отрядами своих каное и сжечь нас простым множеством; поэтому я согласился преследовать их по морю и, подбежав к одному из их каное, прыгнул в него, и плохая Пятниця преследовала за мной; но когда я был в каное, я был удивлен, обнаружив еще одно несчастное существо, лежащее там живым, с связанными руками и ногами, как испанец, для бойни, и почти мертвым от страха, не зная, в чем дело; ибо он был не в состоянии смотреть на борт лодки, он был привязан так сильно, Цзя и Пятки, и был привязан так долго, что в нем действительно было очень мало жизни.

Я немедленно разрезал скрученные Флаги или Тросники, которыми они связали его, и помог бы ему подняться; но он не мог ни стоять, ни говорить, а жалобно стонал, все еще полагая, что его освободили только для того, чтобы убить.

Когда Пятница пришла к нему, я попросил его поговорить с ним и рассказать о своем избавлении, и, вытащив мою бутылку, заставил его дать бедному несчастному глоток, который, с известием об его освобождении, оживился. Его, и он сел в лодке; но когда Пятница пришла послушать, как он говорит, и взглянуть ему в лицо, любой бы расплакался, увидев, как Пятница целовала его, обнимала, обнимала, плакала, хохотала, долбил, прыгал, танцевала, пел, потом снова плакал, заламывал руки, бил себя по лицу и по голове, а потом пел и снова прыгал, как отвлеченное Существо: Прошло довольно много времени, прежде чем я смог заставить его заговорить со мной или сказать мне, в чем дело; но когда он немножко пришел в себя, он сказал мне, что это был его Отец.

Мне нелегко выразить, как меня тронуло, что я увидел, какой экстаз и сыновья привязанность действовали на этого бедного дикаря при виде его отца и его избавлении от смерти; да и после этого я не могу описать половину экстравагантности его привязанности; ибо он входил в лодку и выходил из нее очень много раз: когда он входил к нему, он садился рядом с ним, открывал свою грудь и держал голову своего отца близко к своей груди, полчаса подряд, чтобы питать его; затем он взял свои руки и лодыжки, которые онемели и одеревенели от свывывания, и растер их руками; и я, поняв, в чем дело, дал ему немного рома из моей бутылки, чтобы он натер их, что принесло им большую пользу.

Это действие положило конец нашей погоне за каноя вместе с другими дикарями, которые теперь почти скрылись из виду; и это было счастьем для нас, что мы не сделали; потому что через два часа после этого, прежде чем они успели пройти четверть пути, дул такой сильный ветер, и дул так сильно всю ночь, причем с северо-запада, который был против них, что я не мог предположить, что их лодка могла бы жить, или что они когда-либо достигли своего Побережья.

Но, возвращаясь к Пятнице, он был так занят своим Отцом, что я не мог найти в своем Сердце, чтобы отвлечь его на какое-то время: он пришел, прыгая и смеясь, и радовался высочайшему Экстриму; тогда я спросил его, дали ли он своему отцу хлеба? Он покачал головой и сказал: «Нет: уродливая собака».

съешь все сам; так что я дал ему лепешку хлеба из маленького мешочка, который я нес с целью; Я также дал ему рюмку для себя, но он не стал ее пробовать, а отнес отцу: у меня в кармане было также два или три пучка изюма, так что я дал ему горсть изюма для его отца. Не успел он дать отцу этот изюм, как я видел, как он вышел из лодки и убежал, как будто его заколдовали, с такой скоростью он бежал; ибо он был с амым быстрым парнем на ногах, которого я когда-либо видел; Я говорю, он бежал с такой скоростью, что в одно мгновение скрылся из виду; и хотя я кричал и долбил его догонку, все было равно: он ушел, и через четверть часа я увидел, как он снова вернулся, хотя и не так быстро, как ушел; и когда он подошел ближе, я обнаружил, что его темп замедлился, потому что у него что-то было в руке.

Когда он подошел ко мне, я обнаружил, что он был вполне дома для глиняного окувшина или горшка, чтобы принести с моему отцу немного свежей воды, и что у него есть еще два пирога или буханки хлеба: хлеб он дал мне, но воду он отнес с моему Отцу. Однако, так как я тоже очень хотел пить, я отхлебнул ее немного. Эта вода оживила его отца больше, чем весь ром или духи, которые я ему дал; потому что он простотерял сознание от Жажды.

Когда его отец выпил, я позвал его, чтобы узнать, осталась ли вода; он сказал да; и я приказал ему отдать его обедному испанцу, который нуждался в нем так же, как и его отец; и я послал один из лепешек, принесенных в пятницу, также испанцу, который действительно был очень слаб и отдыхал на зеленом месте под тенью вольноотпущенника; и чьи конечности также были очень жесткими и сильно распухли от грубой повязки, которой он был перевязан. Когда я увидел, что Пяница пришел к нему с водой, он сел и выпил, и взял хлеб, и начал есть, я подошел к нему и дал ему Горсть Изюма; он смотрел мне в лицо с всеми Знаками Благодарности и Благодарности, которые могли проявиться в любом Лице; но был так слаб, не смотря на то, что так напрягся в Битве, что не мог встать на ноги; он пытался сделать это два или три раза, но действительно не мог, его лодыжки так распухли и так болели; поэтому я заставил его сидеть мирно и заставил Пяницу растереть ему лодыжки и омыть их ромом, как он с делал это с отцом.

Я наблюдал за бедным любящим существом каждые две минуты или, может быть, реже, пока он был здесь, поворачивал голову, чтобы увидеть, находится ли его Отец на том же месте и в той же позе, когда он оставил его сидящим; и наконец он обнаружил, что его не было видно; при этом он вскрикнул, не говоря ни слова, полетел к нему с такой быстротой, что едва можно было заметить, как его ноги касаются земли, когда он шел. его конечности; поэтому Пятницавскоре вернулся ко мне, и тогда я попросил испанца позволить Пятнице помочь ему подняться, если он может, и отвести его к лодке, а затем он должен отнести его в наше жилище, где я позабочусь о нем: Но Пятница, крепкий здоровяк, взял испанца на спину, отнес его к лодке и мягко опустил на борт или канюлю каню так, чтобы его ноги оказались внутри него. а затем поднял его и поставил рядом с отцом, а вскоре снова вышел, спустил лодку и поплыл вдоль берега быстрее, чем я мог идти, хотя ветер тоже дул довольно сильно; так что он привел их обоих в целости и сохранности в наш ручей; и, оставив их в лодке, убежал за другим каню. Когда он проходил мимо меня, я заговорил с ним и спросил его, куда он пошел, он сказал мне: «Принеси еще лодку». так прочь он ушел, как Ветер; уж точно ни человек, ни лошадь не бегут так, как он, а второе каню было у него в ручье, как только я добрался до него посуше; так что он перенес меня, а затем пошел помочь нашим новым гостям выбраться из лодки, что он и сделал; но ни один из них не мог ходить; так что бедный Пятница не знал, что делать.

Чтобы исправить это, я принялся за мысленную работу и, позвав Пятницу, чтобы он предложил им сесть на берег, пока он придет ко мне, я вскоре сделал своего рода ручную тачку, чтобы положить их на нее, и мы с Пятницей понесли их оба вместе на нем между нами: Но когда мы вывели их за пределы нашей стены или укрепления, мы потеряли еще больше, чем раньше; потому что было невозможно их преодолеть; и я решил не ломать его: Итак, я снова принялся за работу; а Пятница и я примерно за 2 часа построили очень красивую палатку, покрытую старыми парусами, а поверх нее ветвями деревьев, находящуюся в пространстве без нашей внешней ограды и между ней и рощей молодых деревьев, которые я посадил: И здесь мы сделали им две грядки из того, что у меня было (а именно) из хорошей рисовой соломы, с одеялами, лежащими на ней, и еще одной, чтобы покрыть их на каждой

Мой остров был теперь заселен, и я считал себя очень богатым подданными; и это было веселое отражение, которое я часто делал, Как я похожу на короля. Во-первых, вся страна была моей престою с ответственностью; так что я имел несомненное право доминирования. Во-вторых, Мой Народ был полностью подчинен: Я был абсолютным Господом и Законодателем; все они были обязаны мне с воими жизнями и были готовы отдать свои жизни, если бы для этого был повод, ради меня. Примечательно и то, что у нас было всего три субъекта, и они принадлежали к трем разным религиям. Мой человек Пятниц был протестантом, его отец был язычником и каннибалом, а испанец был папистом: Однако я позволил Свободу совести во всех своих владениях: Но это к стати.

Как только я захватил двух моих слабых спасенных узников и дал им приют и место для отдыха, я начал думать о том, чтобы сделать для них кое-что. И первое, что я сделал, я приказал Пятнице взять годовалого козла, между козленком и козой, из моего конкретного стада, чтобы убить, когда я отрезал заднюю четверть и нарезал ее на мелкие кусочки, я поставил Пятницу на работу на варку и тушение, и, уверяю вас, приготовил из них очень хорошее блюдо из мяса и бульона, добавив также немного чмента и риса в бульон; и так как я приготовил его без Дверей, ибо я не разводил Огня внутри моей внутренней Стены, то я перенес все это в новый Шатер; и, накрыв там для них стол, я сел и тоже пообедал с ними, и, как мог, подбадривал и подбадривал их; Пятниц был моим переводчиком, особенно с его отцом, да и с испанцем тоже; ибо испанец неплохо говорил на языке дикарей.

После того, как мы пообедали или, вернее, поужинали, я приказал Пятнице сесть на одно из каное и отправиться за нашими мушкетами и прочим огнестрельным оружием, которое из-за нехватки времени мы оставили на месте битвы. День, когда я приказал ему пойти и похоронить мертвые тела дикарей, которые лежали открытыми для солнца и вскоре должны были стать окорбительными; и я также приказал ему похоронить ужасные Остатки их варварского Пира, который, как я знал, был в значительной степени, и который я не мог подумать сделать сам; более того, я не мог бы видеть их, если бы пошел этим Путем: все, что он пунктуально исполнил, и искал сам облик дикарей, на удивившихся там; так что, когда я пошел снова, я едва мог знать, где это было, кроме как наугад лесом, указывая на место.

Затем я начал небольшую беседу с двумя моими новыми субъектами; и с начала я попросил Пятницю узнать у его отца, что он думает о побеге дикарей в этом каное и можем ли мы ожидать их возвращения с силой, с лишком большой, чтобы мы могли сопротивляться. Дикари в лодке никогда не смогли бы пережить бурю, разразившуюся в ту ночь, когда они углыли, но по необходимости должны были быть утоплены или отброшены на юг к тем другим берегам, где они были бы с охраны так же точно, как и утонули бы, если бы их выбросили. ; но что они будут делать, если благополучно доберутся до Берега, он сказал, что не знает; но, по его мнению, они были так ужасно напуганы Способом нападения на них, Цумом и Огнём, что он верил, что они скажут своему Народу, что все они были убиты Громом и Молнией, а не Рука человека, и что двое появившихся, (а именно) Пятница и я, были двумя Небесными Духами или Фуриями, сшедшими, чтобы уничтожить их, а не Людьми с Оружием: это он сказал, что знал, потому что слышал их все так кричат друг другу на своем языке, ибо они не могли себе представить, чтобы человек мог метать огонь, говорить гром и убивать на расстоянии, не поднимая руки, как это делается сейчас: и этот старый дикарь был прав; ибо, как я понял с тех пор из других Рук, Дикари никогда не пытались впослестии перейти на Остров; они были так напуганы расказами тех четырех Мужчин (поскольку они, кажется, действительно паслись от Моря), что верили, что всякий, кто отправится на этот заколдованный Остров, будет уничтожен Огнем Богов.

Однако этого не знал, и поэтому долгое время наводился под постоянными опасениями и всегд держал на страже меня и все мое войско; поскольку нас теперь было четверо, я бы в любое время отважился напасть на одного из них в открытом поле.

Однако через некоторое время, когда каное больше не появлялось, страх перед их прибытием прошел, и я начал обдумывать свои прежние мысли о путешествии на лайнер, будучи также уверенным отцом Пятницы, что я могу положиться на прихорошем использовании с стороны их нации за его счет, если я пойду.

Но мои мысли были немногоприостановлены, когда у меня был серьезный Разговор с испанцем, и когда я понял, что были

еще шестнадцать его соотечественников и португальцев, которые были брошены и бежали на ту сторону, действительно жили там в мире с дикарями, но очень сильно пострадали из-за нехватки и даже из-за жизни: я прошу Собообщил ему все подробности с моего плавания и обнаружил, что это испанский корабль, направляющийся из Рио-де-ла-Плата в Гавану, которому было приказано оставить там с собой груз, состоявший главным образом из шкуры и серебра, и привезти обратно европейские товары. Они могли встретиться с там; что у них на борту было гнить португальских моряков, которых они вытащили из другого крушения; что глотали их люди утонули, когда погиб первый корабль, и что им удалось избежать бесконечных опасностей и опасностей, и они прибыли почти голодными на Каннибальский берег, где, как они ожидали, будут съедены каждое мгновение.

Он сказал мне, что у них было с собой какое-то оружие, но оно было совершенно бесполезным, так как у них не было ни пороха, ни пуль, так как омовение моря испортило весь их порох, но лишь немного, который они использовали при первой высадке, чтобы обеспечить себя едой.

Я спросил его, что, по его мнению, станет с ними там, и не задумали ли они побег? Он сказал: «У них было много совещаний по этому поводу, но, не имея ни Сосуда, ни Инструментов для его постройки, ни какой-либо Провизии, их Советы всегда заканчивались Слезами и Отчаянием.

Я спросил его, как, по его мнению, они получат от меня предложение, которое может привести к побегу? А если бы они все были здесь, то можно было бы это сделать? Я сказал ему с о свободой, что я больше всего боюсь их предательства и плохого обращения со мной, если я отдам свою жизнь в их руки; ибо эта Благодарность не была врожденной Добродетелью в Природе Человека; и люди не всегда согласовывали свои действия с полученными обязательствами, В большей степени, чем с ожидаемыми выгодами. Я сказал ему, что будет очень тяжело, что я стану орудием их освобождения, и что впоследствии они сделают меня своим узником в Новой Испании, где англичанин наверняка будет принесен в жертву, что за нехватку или что за случайность? как бы то ни было, привел его туда: И что я скорее предамся дикарям и съеден живым, чем попаду в безжалостные когти жрецов и попаду в руки инквизиции. Я добавил, Что иначе я был

если бы они все были здесь, мы могли бы с помощью столько рук построить дос таточно большую ладью, чтобы унести нас всех, либо к Бразилии на юг, либо к островам, либо к испанскому побережью на север. Возмездие они должны были, когда я вложил оружие в их руки, силой заманить меня к их собственному народу, я мог бы быть глорис пользован за мою доброту к ним, и мое дело ух удшится, чем было раньше.

Он ответил с большой долей искренности и изобретательности, что их положение было нас только несчастным, и они так сознавали это, что, как он полагал, им будет ненавистна мысль о недобром обращении с любым человеком, который будет с пообс твовать их освобождению; и что, если я захочу, он пойдет к ним с стариком и поговорит с ними об этом, а затем вернется и принесет мне их ответ: что он заключит с ними условия на их торжественной клятве, что они будут полностью под моим руководством, как их командир и капитан; и что они должны поклясться Святыми Таинствами и Евангелием быть верными мне и отправиться в такую христианскую страну, на которую я соглашусь, и никакую другую; и подчиняться полностью и абсолютно моим приказам, пока они не приземлятся благополучно в такой стране, как я намеревался; и что он принесет контракт от них под их руками для этой цели.

Тогда он сказал мне, что с начала поклянетс я мне сам, Что он никогда не отойдет от меня, пока он жив, « пока я не отдам ему приказы; и что он будет на моей стороне до последней капли своей крови, если произойдет малейшее нарушение веры среди его соотечественников.

Он сказал мне, что все они были очень вежливыми, честными людьми, и они находились в величайшем бедствии, которое только можно вообразить, не имея ни оружия, ни одежды, ни еды, но на милость и усмотрение дикарей; из всех надежд когда-либо вернуться в свою страну; и что он был уверен, что если я предприму их Помощь, они будут жить и умрут благодаря мне.

Получив эти заверения, я решил отважиться помочь им, если это возможно, и послать к ним для лечения старого дикаря и этого испанца. Возражение, в котором, с одной стороны, было столько благоразумия, а с другой стороны, столько искренности, что я не мог не

удовлетворен в этом; и по его совету отложить избавление его товарищей по крайней мере на полгода. Дело было так:

Он был с нами теперь около Месяца; в течение этого времени я позволил ему увидеть, каким образом я предоставил, с помощью Провидения, для моей поддержки; и он, очевидно, видел, какой запас кукурузы и риса я припас; чего было более чем достаточно для меня самого, так этого было недостаточно, по крайней мере, без хорошего земледелия, для моей семьи; теперь он был увеличен до номера четыре: но гораздо меньше было бы достаточно, если бы его соотечественники, которым, как он сказал, было четырнадцать лет, все еще живы, пришли бы. И менее всего этого должно быть достаточно для снабжения нашего корабля, если мы его построим, для плавания в любую из христианских колоний Америки. Итак, он сказал мне, что, по его мнению, было бы более целесообразно позволить ему и двоим другим вскопать и обработать еще немного земли, столько, сколько мог бы выделить семя для посева; и что мы должны дожидаться нового урожая, чтобы у нас был запас кукурузы для его соотечественников, когда они придут; ибо нужда может быть для них искушением не согласиться или не думать, что они освобождены, иначе как из одной трудности в другую. Вы знаете, говорит он, дети Израилевы, хотя они с начала радовались своему избавлению из Египта, но восстали даже против самого Бога, избавившего их, когда они нуждались в хлебе в пустыне.

Его предостережение было столь своевременным, а его совет столь хорошим, что я не мог не быть очень доволен его предложением, так же как я был удовлетворен его верностью. Итак, мы принялись копать все четверо вместе с дозволенными нам деревянными инструментами; и примерно через месяц, к концу которого нас тупило время посева, мы получили столько земли, обработанной и обработанной, сколько мы засеяли 22 бушелями ячменя и 16 кувшинов риса, что было в мысократили все семена, которые у нас были; точно так же мы не оставили себе ячменя в количестве, достаточно для нашей общественной пищи, на шесть месяцев, в течение которых мы должны были ожидать нашего урожая, то есть, считая с времени, когда мы отложили наше семя для посева; ибо не следует предполагать, что это шесть месяцев в земле в деревне.

Имея теперь достаточно общество и наше количество, достаточно, чтобы избавить нас от страха перед дикарями, если бы они пришли, если бы их число не было очень большим, мы с вольнооудили повсюду отраву, где бы мы ни находили

Повод; и так как здесь у нас было наше Спасение или Освобождение в наших мыслях, было невозможно, по крайней мере для меня, иметь Средства для этого вне моих; с этой целью я выделил несколько деревьев, которые я считал подходящими для нашей работы, и поручил пятац и его отцу срубить их; а затем я поручил испанцу, которому поделился своими мыслями по этому поводу, наблюдать за их работой и направлять ее. Я показал им, с каким неутомимым трудом я разрубил большое дерево на отдельные доски, и заставил их делать то же самое, пока они не сделали около дюжины больших досок орошег о дуба, около 2 футов ширины, 35 футов в длину и от Толщина от 2 дюймов до 4 дюймов: каждый может себе представить, что на это потребовалось колоссальное количество труда. В то же время я ухитрился максимально увеличить свою маленькую стаю ручных коз; и с этой целью я заставил Пятац и испанца уйти в один день, а себя с Пятац ей на следующий день; потому что мы по очереди: И с помощью средств мы получили более 20 молодых детей, чтобы они размножились с остальными; ибо всякий раз, когда мы стреляли в Плотину, мы спасали Детей и присоединяли их к нашей Стае. Но, прежде всего, приближался Сезон для лечения Винограда, я заставил такое огромное количество повеситься на Солнце, что я поверьте, если бы мы были в Аликанте, где творится Изюм Солнца, мы могли бы наполнить 60 или 80 бочек; и это вместе с нашим хлебом составляло большую часть нашей пищи, и, уверяю вас, очень хорошо жилось; ибо это чрезвычайно питательная пища.

Это был теперь Урожай, и наш Урожай в орошем состоянии; это было не самое обильное увеличение, которое я видел на острове, но, тем не менее, этого было достаточно, чтобы ответить на наш Конец; ибо из наших 22 бушелей ячменя мы внесли и обмолотили свыше 220 бушелей; и тому подобное в пропорции риса, которого было достаточно для нашей еды до следующего урожая, хотя все 16 испанцев были на берегу сомной; или если бы мы были готовы к путешествию, наш корабль был бы в изобилии снабжен провизией, чтобы доставить нас в любую часть мира, то есть в Америку.

Когда мы таким образом разместили и закрепили наш Магазин Зерна, мы приступили к работе, чтобы сделать больше Плетеных Изделий, (а именно) большие Корзины, в которых мы хранили его; а испанец был очень проворным и ловким в этой части и час то упрекал меня в том, что я не делаю некоторых вещей для защиты такого рода работы; но я не видел в этом необходимости.

И теперь, имея полный запас еды для всех гостей, которых я ожидал, я дал испанцу разрешение отправиться на Майн, чтобы посмотреть, что он может сделать с теми, кого он там оставил. Я дал ему строгое письменное предписание: не брать с собой никого, кто не поклялся бы прежде в присутствии самого себя и старого дикаря, что он никоим образом не причинит вреда, не сразится с ним и не нападёт на человека, которого он найдёт на Острове, который был так любезен послать за ними, чтобы освободить их; но что они будут стоять в стороне и защищать его от всех таких попыток, и куда бы они ни пошли, они будут полностью подчиняться и подчиняться его приказам; и что это должно быть записано и подписано их руками: как мы должны были это сделать, когда я знал, что у них нет ни пера, ни чернил; это действительно был вопрос, который мы никогда не задавали.

В соответствии с этими инструкциями испанец и старый дикарь, отец тинцы, ушли на одном из каное, о котором можно было сказать, что они прибыли или, скорее, были доставлены, когда прибыли в качестве узников на съедение. Дикари.

Я дал каждому из них мушкет с ружьем и около восьми зарядов пороха и пуль, поручив им быть очень хорошими мужьями для обоих и не использовать ни один из них, кроме как в случае крайней необходимости.

Это была веселая Работа, являющаяся первым Мероприятием, использованным мною ввиду моего Избавления за 27 Лет и несколько Дней. Я дал им запасы хлеба и сушеного винограда, которых хватило бы им самим на много дней и хватило бы всем их соотечественникам примерно на восемь дней; и, желая им удачного плавания, я вижу, как они уходят, довариваясь с ними о сигнале, который они должны подать по возвращении, по которому я узнаю их снова, когда они вернутся, на расстоянии, прежде чем они сойдут на берег.

Они ушли с попутным ветром в тот день, когда луна была полной, по моему счету, в октябрьские месяцы. и я не вел даже количество лет так точно, чтобы быть уверенным в своей правоте, хотя, как оказалось, когда впоследствии я следовал с войском, я обнаружил, что вел верный счёт лет.

Прождал я их не менее восьми дней, когда произошло странное и непредвиденное происшествие, о котором, возможно, не было слышно в истории: однажды утром я крепко спал в своей клетке, когда мой Пятниця прибежали ко мне и громко кричали: «Хозяин, хозяин, они пришли, они пришли».

Я вскочил и, невзирая на опасность, вышел, как только смог одеться, через свою маленькую рошу, которая, кстати, к этому времени превратилась в очень густой лес; Я говорю, несмотря на опасность, я пошел без моего оружия, что не было в моем обычае делать. к Берегу, с, как они это называют, «плечом бараньего паруса»; и Ветер дул довольно попутно, чтобы привести их; также я вскоре заметил, что они пришли не с той стороны, на которой лежал берег, а с самого южного конца острова. мы искали, и что мы могли бы еще не знать, друзья они или враги.

Chapter XXVI

Робинзон обнаруживает с ебя перед англ ийским капитаном — помог ает ему уменьшить ег о
Мя тежная команда, которая подчиня ется ему

Я на Вершине Х ай-Уотер, ког да эти Лю ди подошли к Берег у, и ког да они
част ично стоя ли, бесе дуя с заклю ченными, которых они привели, а част ично,
ког да они бродили, чтобы пос мотреть, в каком Мес те они нах одя тся ; они беззаботно
прос тоя ли, пока не кончил ся Прилив, и Вода значительно отс тупила, ос тавив их Лодку на
мели.

Они ос тавили двух мужчин в лодке, которые, как я узнал в пос ледс твии, выпив с лишком
много бренди, зас нули; однако один из них прос нул ся раньше, чем друг ой, и обнаружил, что
лодка стоит на мели с лишком быс тро, чтобы он мог ее рас шевелить; но с пус тить ее на воду
им не х ватило сил, так как лодка была очень тя желой, а берег с той стороны предс тавля л
с обой мя гкий зыбучий пес ок, почти пох ожий на зыбучий пес ок.

В этом с ос тоя нии, подобно истинным моря кам, которые, быть может, менее всех скло нны
к предрас судкам, они отказали сь от них и с нова отправили сь бродить по стране; и я слышал,
как один из них с казал вс лух друг ому, отзывая их от лодки: « Ос тавь ее в покое, Джек, ты
не можешь, она уплывет в следу ющий прилив; благ одаря чему я был полнос тью подтвержден
в г лавном Рас следовании, какими с оотечес твенниками они были.

Вс е это время я держал ся очень близко, ни разу не ос меливая сь выйти из с воег о Замка
дальше, чем к с воему Мес ту Наблю дения , недалеко от Вершины Х олма; и я очень
обрадовал ся , подумав, как х орошо она укреплена: я знал, что пройдет не менее деся ти час ов,
прежде чем лодка с может с нова с пус титься на воду, а к тому времени уже с темнеет, и я
с мог у быть на большей с вободе. чтобы увидеть их движения , и услышать их дис курс , ес ли
они были.

Тем временем я , как и прежде, приг отовил ся к Битве; х отя и с большей ос торожнос тью ,
зная , что мне придет ся иметь дело с друг им типом враг а, чем я имел дело с начала: я также
приказал Гя тниц е, из которог о я с делал превос х одног о стрелка с ег о оружием, заря дить
ег о оружием: я взя л я два
штук, и я дал ему три мушкета; мой рис унок дейс твительно был очень с вирепым; я

На мне был мой грозный плащ из козьей шкуры, большая кепка, о которой я упоминал, голая шпага на боку, два пистоleta за поясом и по ружью на каждом плече.

Как я сказал выше, я планировал не предпринимать никаких попыток, пока не стемнеет. Я думал, что они легли спать. Трое бедных несчастных мужчин, слишком обеспокоенных своим состоянием, чтобы от как-то уснуть, были, однако, уложены под прикрытием большого дерева, примерно в четверти мили от меня, и, как я думал, вне поля зрения остальных...

После этого я решил открыться им и кое-что узнать об их состоянии. Я тотчас же двинулся по рисунку, как показано выше, мой человек Пятницанах одился на приличном расстоянии позади меня, такой же грозный для своего оружия, как и я, но не делая столь пристального взгляда на Призрачную Фигуру, как я.

Я приблизился к ним незамеченным, насколько это было возможно, и затем, прежде чем кто-либо из них увидел меня, я крикнул им вслух по-испански, что вы, джентльмены?

Они вздрогнули от шума, но смущались в десять раз больше, когда увидели меня и неотесанную Фигуру, которую я сделал. Они вообще ничего не ответили, но мне показалось, что я понял, что они вот-вот убегут от меня, когда я заговорил с ними по-английски. Джентльмены, сказал я, не удивляйтесь мне; возможно, у вас может быть Другая дом с вами, когда вы этого не ожидали. Значит, он должен быть послан прямо с небес, сказал мне один из них очень важно и одновременно стеснительно с моей целью, потому что наше состояние выше помощи человека. «Всякая помощь приходит с небес, сэр, — сказал я. — Но можете ли вы помешать незнакомцу помочь вам, потому что мне кажется, что вы находитесь в каком-то большом бедствии?» Я видел вас, когда вы приземлились, и когда вы, казалось, обратились с просьбами к зверям, которые пришли с вами, я видел, как один из них поднял свой меч, чтобы убить вас.

Бедный Человек с слезами, текущими по его лицу и дрожащим, выглядевший как изумленный, вернувшийся, Я говорю с Богом или с человеком! Это настоящий мужчина или ангел! Не беспокойтесь об этом, сэр, сказала я, если бы Бог послал ангела, чтобы помочь вам, он пришел бы лучше Одетый и Вооруженный иначе, чем вы видите меня; прошу вас, отбросьте свои страхи. Я человек, англичанин, и, как видите, готов помочь вам; У меня есть один Слуга

только; у нас есть оружие и боеприпасы; скажите нам свободно, можем ли мы служить вам? - Что у тебя за дело?

« Наше Дело, — сказал он, — слишком длинное, чтобы рассказывать вам, а наши Убийцы так близко; но вкратце, сэр, я был командиром этого корабля, мои люди взбунтовались против меня; их с трудом удалось уговорить не убивать меня, и в конце концов они высадили меня на берег в этом пустынном месте, с этими двумя мужчинами с оной; один мой помощник, другой пассажир, где мы ожидали погибнуть, полагая, что это место необитаемо, и еще не зная, что об этом думать.

Где эти звери, ваши враги, сказал я, знаете ли вы, куда они ушли? Там они лежат, сэр, сказал он, указывая на чащу деревьев; Мое Сердце трепещет от страха, что они увидели нас и улышались, что вы говорите, а если и увидят, то непременно убьют всех нас.

Я спросил, есть ли у них огнестрельное оружие. Он ответил, что у них всего две пушки, и одну они оставили в лодке. Ну тогда, сказал я, оставь остальное мне; Я вижу, они все спят, убить их всех легко; но не лучше ли нам взять их в плен? Он сказал мне, что среди них было два отчаявшихся Злодея, к которым едва ли безопасно проявлять милосердие; но если они будут в безопасности, он полагал, что все остальные вернутся к своему долгу. Я спросил его, какие они? Он сказал мне, что не может на таком расстоянии описать их; но он будет подчиняться моим приказам во всем, что я прикажу. Хорошо, говорю я, давайте скроемся от их взгляда или слуха, пока они не проснутся, и мы будем решать дальше; так что они охотно вернулись с оной, пока лес не укрыл нас от них.

Послушайте, сэр, сказал я, если я отважусь на ваше избавление, согласны ли вы поставить меня на два условия? он предвосхитил мои предложения, сказав мне, что и он, и корабль, если он выздоровеет, должны во всем полностью находиться под моим руководством и командованием; и если Корабль не будет найден, он будет жить и умереть с оной, в какой бы части света я его ни отправил; и двое других мужчин сказали тоже самое.

Что ж, говорю я, у меня всего два условия.

1. Пока вы остаетесь с оной на этом острове, вы не будете претендовать на какую-либо власть здесь; и если я дам вам в руки оружие, вы во всех случаях отдадите его

меня , и не причиняйте вреда мне или моим на этом острове, а тем временем управляйтесь моими приказами.

2. Что, если Корабль будет или может быть восстановлен, вы доставите меня и моего человека в Англию с вольным проходом.

Он дал мне все заверения , какие только могут быть изобретены человеческим изобретением и верой, что он удовлетворит эти самые разумные требования и, кроме того, будет обаян мне с моей жизнью и будет признавать это во всех случаях , пока он жив.

Ну что же, сказал я , вот вам три мушкета с порохом и пулей; скажи мне дальше, что, по моему мнению, нужно сделать. Он показал все Свидетельство своей Благодарности, что он был в состоянии; но предложил полностью руководствоваться мной. Я сказал ему, что думаю, что трудно рисковать чем-либо; лучший метод, который я мог придумать, состоял в том, чтобы стрелять в них сразу же, как только они лежали; и если бы кто-нибудь не был убит при первом же залпе и не предложил подчиниться , мы могли бы спасти их и, таким образом, полностью возложили на Божье провидение направление выстрела.

Он очень скромно сказал, что не хотел бы убивать их , если бы мог помочь, но что эти двое были неисправимыми злодеями и были виновниками всего моего беды на корабле, и если они ускользнут, мы все равно погибнем. ; ибо они поднимутся на борт, приведут всю корабельную команду и уничтожат всех нас . Что же, говорю я , необходимо узаконивает мой совет; ибо это единственный Путь к спасению нашей Жизни. Однако, видя , что он все еще опасается проливать Кровь, я сказал ему, что они должны идти с нами и действовать так, как сочтут удобным.

В середине этой речи мы услышали, как некоторые из них проснулись, а вскоре после этого мы увидели двоих из них на ногах . Я спросил его, не принадлежал ли кто-нибудь из них к темлюдям, которые, по его словам, были главами Моей беды? Он сказал: « Нет. Что же, — сказал я , — вы можете позволить им бежать, и провидение, кажется , разбудило их с Намерением спасти ». Теперь, говорю я , если остальные ускользнут от вас , это ваша вина.

Воодушевленный этим, он взял мушкет, который я ему дал, в руку и пистолет за поясом, и двух своих товарищей с собой, причем каждому по оружию в руке. Двое мужчин, которые были с ним, шли первыми и подняли какой-то шум, на который один из матросов, который не спал, обернулся и

увидев, что они идут, закричал остальным; но тогда было слишком поздно; как только он закричал, они выстрелили; Я имею в виду двух человек, причем капитан мудро поберег свое собственное оружие: они так хорошо прицелились в людей, которых знали, что один из них был убит на месте, а другой очень тяжело ранен; но не будучи мертвым, он вскочил на ноги и жадно позвал на помощь другого; но капитан, подойдя к нему, сказал ему, что уже слишком поздно звать на помощь, он должен взывать к Богу, чтобы он простил его подлость, и с этим словом сбил его с ног прикладом своего мушкета, так что он никогда не говорил ни слова еще: В роте было еще трое, и один из них тоже был легко ранен: К этому времени я пришел, и когда они увидели свою опасность и то, что сопротивление было напрасным, они просили о пощаде: Капитан сказал им, что пощадит их жизни, если они дадут ему какое-либо заверение в своем отращении к предательству, в котором они были виновны, и поклянутся быть верными ему в возвращении корабля, а затем в доставке его обратно на Ямайку, откуда они пришли: они дали ему все протесты своей искренности, какие только можно было пожелать, и он был готов поверить им и пощадить их жизни, против чего я не был против, только что я боялся его сох ранить их связали по рукам и ногам, когда они были на острове.

Пока это происходило, я послал Гянциу с помощником капитана к лодке с приказом обезопасить ее и убрать весла и паруса, что они и сделали; и мало-помалу трое оставшихся людей, которые (к счастью для них) отделились от остальных, вернулись, усылав выстрелы пушек, и, увидев своего капитана, который раньше был их пленником, а теперь их победителем, они осласились быть связанными. также; и так наша Победа была завершена.

Теперь оставалось, чтобы капитан и я разузнали об обстоятельствах друг друга: я начал первым и рассказал ему всю мою историю, которую он выслушал с вниманием, даже с изумлением; и, в частности, чудесным образом был обеспечен провизией и боеприпасами; и действительно, поскольку моя история представляется собой целую коллекцию чудес, она произвела на него глубокое впечатление; но когда он размышлял оттуда о себе и о том, как я, казалось, был сох ранен там нарочно, чтобы спасти его жизнь, слезы потекли по его лицу, и он не мог больше произнести ни слова.

После того, как это общение подошло к концу, я отнес его и двух его людей в свою квартиру, ведя их туда, где я вышел, а именно. На крыше дома, где я освещил их провизией, которая у меня была, и показал им все приспособления, которые я сделал за время моего долга, долга о пребывания в этом месте.

Все, что я им показывал, все, что я им говорил, было совершенно удивительно; но больше всего капитан восхищался моим укреплением и тем, как прекрасная крыша свое убежище заросшей деревьями, которые были посажены уже почти двадцать лет назад, а деревья росли намного быстрее, чем в Англии, и превратились в маленький лес, и такой густой, что он был непроходим ни в одной его части, кроме той стороны, где я зарезервировал свой маленький извилистый проход. Я сказал ему, что это был мой замок и моя резиденция; но что у меня есть мест в стране, как и у большинства принцев, куда я могу отступить при случае, и я покажу ему это тоже в другой раз; но в настоящее время нашим делом было рассматривать, как вернуть корабль. В этом он согласился сомной; но сказал мне, что он совершенно не знал, какие меры предпринять; ибо на борту было еще шесть и двадцать Десниц, которые вступили в проклятый Заговор, из-за которого все они лишились своих Жизней в пользу Закона, и теперь будут закалены в нем Отчаянием; и будет продолжать это, зная, что, если они будут окрашены, они будут отправлены на виселицу, как только они прибудут в Англию или в любую из английских колоний; и что поэтому не будет нападения на них с таким небольшим числом, как мы.

Некоторое время я размышлял над тем, что он сказал; и нашел, что это был очень рациональный вывод; и что, следовательно, что-то должно было быть решено очень быстро, а также для того, чтобы заманить людей на борту в какую-то ловушку для их неожиданности, а также предотвратить их высадку на нас и уничтожение нас; Тут мне пришло в голову, что через некоторое время команда корабля, недоумевая, что случилось с их товарищами и с лодкой, непременно придет на берег на другой своей лодке, чтобы посмотреть на них, и что тогда, возможно, они могут прийти с оружием и оказаться с лишком силными для нас; это он позволил было рационально.

После этого я сказал ему, что первое, что мы должны сделать, это установить Лодку, стоявшую на берегу, чтобы ее не унесли; и

забрать из нее все, оставить ее нас только бесполезной, чтобы она не могла плавать; поэтому мы поднялись на борт, забрали из нее оружие, которое осталось на борту, и все, что мы там нашли, а именно бутылку бренди, еще одну бутылку рома, несколько бисквитов, рожок с порошком и большой кусок сахара в куске холста; сахар стоил пять или шесть фунтов; все это было мне очень кстати, особенно бренди и сахар, которых у меня не было уже много лет.

Когда мы перенесли все это на берег (весла, мачта, парус и руль лодки были унесены заранее, как указано выше), мы проделали большую дыру в ее дне, так что, если бы они пришли достаточно сильными, чтобы овладеть нами, но они не смогли унести Лодку.

В самом деле, я мало думал о том, что мы с можем вернуть Корабль; но я считал, что если они уйдут без лодки, то я не стану сомневаться в том, чтобы снова привести ее в порядок, увезти нас к Подветренным островам и призвать нас своим пути наших друзей, испанцев, потому что я их все еще в моих мыслях.

В то время как мы таким образом готовили наши замыслы, и с начала с помощью основной силы подняли лодку на берег так высоко, что прилив не мог унести ее в сторону High-Water-Mark; кроме того, она проделала в ее заднице дыру, с лишком большую, чтобы ее можно было бы строгать, и если, размышляя, что нам делать; мы слышали, как Корабль выстрелил из пушки, и видели, как он сделал Вихрь с воим Древним, как сигнал для Лодки подняться на борт; но Лодка не шевельнулась; и они стреляли несколько раз, подавая другие сигналы для лодки.

Наконец, когда все их сигналы и выстрелы оказались бесплодными и они обнаружили, что лодка не шевелится, мы увидели их с помощью моих очков, они подняли другую лодку и грбли к берегу; и когда они приблизились, мы обнаружили, что в ней находится не менее десяти человек, и что у них с собой огнестрельное оружие.

Поскольку Корабль находился почти в двух милях от берега, мы могли хорошо видеть их, когда они подошли, и ясно видеть людей, даже их лица, потому что прилив отнес их немножко восточнее от другой лодки, они грбли под берегом, чтобы прийти к тому же месту, где причалил другой и где стояла лодка.

Благ одаря этому, я говорю, мы получили полное представление о них, и капитан знал лица их характеры всех людей в шлюпке, о которых он сказал, что там было трое очень честных парней, которые, как он был уверен, были ведомы в этот заговор остальными, будучи подавленными и напуганными.

Но что касается ботмана, который, по-видимому, был среди них старшим помощником, и всеми остальными, то они были столь же возмутительны, как и всякая корабельная команда, и, без сомнения, были доведены до отчаяния своим новым предприятием, а он ужасно боялся, что они будут слишком сильны для нас.

Я улыбнулся ему и сказал, что люди в наших обстоятельствах прошли Операцию Страх: видя, что почти каждое состояние, которое может быть, было лучше, чем то, в котором мы должны были быть, мы должны были ожидать. Что Следствием, будь то Смерть или Жизнь, обязательно будет Освобождение: Я спросил его, Что он думает об обстоятельствах моей Жизни? И стоит ли ради Избавления рисковать? И где, сэр, сказала я, ваша вера в то, что я нахожусь здесь с намерением спасти вашу жизнь, возвысившую вас недавно? С своей стороны, сказал я, кажется, что во всех перспективах есть только один недостаток; Что это такое?

Говорит он; Почему же, сказал я, дело в том, что, как вы говорите, среди них есть трое или четверо честных парней, которых следует пощадить; если бы все они были нечестивой частью команды, я бы подумал, что Божье провидение выбрало их, чтобы отдать в ваши руки; ибо будьте уверены, что каждый из них, выживший с на берег, принадлежит нам и умрет или будет жить в зависимости от того, как они относятся к нам.

Когда я сказал это с повышенным голосом и веселым выражением лица, я обнаружил, что это очень воодушевило его; поэтому мы энергично приступили к нашему делу: при первом появлении лодки, отходящей от корабля, мы подумали о том, чтобы разделить наших пленников, и действительно эффективно их обезопасили.

Двоих из них, в которых капитан был менее уверен, чем обычно, я отправил с Пятницей, а одного из трех (доставленных людей) в мою пещеру, где они были достаточно удалены и вне опасности быть убитыми или обнаружены, или найдены одиозными Лесом, если бы они могли спастись: Здесь они оставили их связанными, но дали им провизию, Они обещали им, если они будут оставаться там спокойно, дать им их свобода через день или два; но что если они попытаются бежать, их следует пощадить

к смерти без пощады: они честно пообещали терпеть свое заключение с терпением и были очень благодарны за то, что у них было такое хорошее использование, что у них остались провизия и свет; в пятницу дали им вещи (такие, какие мы сами делали) для их утешения; и они не знали, кроме того, что он стоял Стражем над ними у входа.

У других заключенных было лучшее использование; двоих из них действительно держали на привязи, потому что капитан не мог им доверять; но двое других были приняты на мою службу по рекомендации их капитана и после их торжественного обещания заставить и умереть с нами; так что с ними и тремя честными мужчинами нас было семеро мужчин, хорошо вооруженных; и я не сомневался, что мы сможем достаточно хорошо справиться с десятью, которые должны были прийти, учитывая, что капитан сказал, что среди них также было три или четыре честных человека.

Как только они добрались до места, где стояла их другая лодка, они направили свою лодку к берегу и вышли на берег, так что обоим лодкам, что я был рад видеть; ибо боялся, что они предпочли бы оставить лодку на коре, на некотором расстоянии от берега, с несколькими руками в ней, чтобы охранять ее; и поэтому мы не должны были в состоянии захватить лодку.

Оказавшись на берегу, они первым делом бросились к другой своей лодке, и было легко видеть, что они были в большом удивлении, обнаружив, что она лишена, как и выше, всего, что было в ней, и великая дыра в ее дне.

После того, как они немного поразмыслили над этим, они подняли два или три громких крика, давая из всех сил, чтобы попытаться заставить услышать своих товарищей; но все было напрасно: затем они все сомкнулись в кольцо и дали залп из своего стрелкового оружия, что мы действительно слышали, и Эччос заставил Лес азвенеть; но все это было единым, тем, кто был в Пещере, мы были уверены, что не могли слышать, а те, кто были у нас под стражей, хотя и слышали достаточно хорошо, но не осмеливались дать им Ответ.

Они были нас только поражены этим сюрпризом, что, как они рассказали нам впоследствии, решили снова подняться на борт своего корабля и сообщить им, что все люди убиты, а Длинный - лодка поставлена; поэтому они немедленно снова спустили на воду свою лодку и посадили всех на борт.

Капитан был ужасно изумлен и даже сконфужен этим, полагая, что они снова сядут на борт корабля и отправятся в плавание, с давних товарищей за прощанием, и, таким образом, он все равно потеряет корабль, на что он надеялся, что мы выздоровели; но он так же быстро испугался и в другую сторону.

Их ненадолго задержали с лодкой, но мы заметили, что все они снова приближаются к берегу; но с этой новой мерой в их поведении, о которой, кажется, они консультировались вместе, а именно. Оставить троих в лодке, а остальных отправиться на берег и отправиться в сельскую местность искать с своих товарищей.

Это было большим разочарованием для нас; пока мы не знали, что делать; ибо наш захват этих семи человек на берегу не принесет нам пользы, если мы позволим лодке уйти; потому что тогда они углынут к Кораблю, а затем остальные обязательно взвешаются и отпустят паруса, и, таким образом, наше возвращение Корабля будет потеряно.

Однако у нас не было лекарства, кроме как подождать и посмотреть, что может предсказать Исход Вещей; с шестью мужчинами вышли на берег, а трое, оставшиеся в лодке, отдали ее на приличное расстояние от берега и подошли к якорю, чтобы дожидаться их; так что мы не могли подойти к ним в лодке.

Те, что пришли на берег, держались тесно друг к другу, двигаясь к вершине небольшого холма, под которым располагалось мое жилище; и мы могли видеть их ясно, хотя они не могли видеть нас. Мы могли бы быть очень рады, что они приблизились бы к нам, чтобы мы могли стрелять в них, или что они ушли бы дальше, что мы могли уехать за границу.

Но когда они подошли к ребню холма, откуда они могли видеть большой путь в долины и леса, который лежал на северо-востоке. Часть, и там, где Остров лежал ниже, они кричали и долбили, пока не устали; и, не заботясь о том, чтобы уйти далеко от Берега или далеко друг от друга, они сидели вместе под деревом, чтобы подумать об этом: Если бы они очутились там, как это сделала другая их партия, они сделали бы работу для нас; но они были слишком полны

Предчувствия опасности, осмелиться заснуть, хотя они и не могли сказать, в чем заключается опасность, им нечего было бояться.

Капитан сделал мне очень справедливое предложение после этой их консультации, а именно. Что, возможно, они все снова дадут залп, чтобы попытаться заставить своих товарищей устыдиться, и что мы все выйдем на них как раз в тот момент, когда все их орудия будут разряжены, и они непременно дадутся, и мы должны были бы их без кровопролития: мне понравилось предложение, при условии, что оно будет сделано, пока мы устыдились, когда они были в настоящее время остановлены Ручьем, где вода поднялась, они не могли перебраться и призвали лодку, чтобы прийти и поставил их, как я и ожидал.

Когда они сели на берег, я заметил, что лодка ушла далеко в реку и как бы в гавани внутри страны, и они взяли с нее одного из трех мужчин, чтобы плыть по ней. с ними и оставил только двоих в лодке, привязав ее к пню маленького дерева на берегу.

Это было то, чего я желал, и немедленно оставив Пятницю и помощника капитана заниматься своими делами, я взял остальных с собой, и, перейдя ручей с их глаз, мы застали двух мужчин врасплох, прежде чем они осознали это; один из них лежит на берегу, а другой в лодке; Парень на берегу был между нами бодрствованием и обирался тронуться, капитан, который был впереди, налетел на него и сбил его с ног, а затем крикнул ему в лодке, чтобы он уступал: или он был мертвецом.

Потребовалось очень мало аргументов, чтобы убедить одного человека даться, когда он увидел глупых нападавших на него, а его товарищ был сбит с ног; кроме того, это был, по-видимому, один из трех, кто не был так горяч в Мятеже, как остальная часть команды, и поэтому его легко убедить не только уступить, но и в последствии искренне присоединиться к нам.

Тем временем Пятница и помощник капитана так хорошо справлялись с своими делами с остальными, что тянули их, долбя и отвечая, с одного ольма на другой и из одного олесав на другой, пока они не только от всей души дали, но оставил их, где они были очень уверены, что они не могли вернуться к лодке, пока не стемнело; и действительно, к тому времени, как они вернулись к нам, они и сами были сильно измучены.

Теперь нам ничего не оставалось делать, кроме как выматривать их в темноте и нападать на них, чтобы наверняка с ними справиться.

Прошло несколько часов после того, как Гянциц вернулась ко мне, прежде чем они вернулись к своей лодке; и мы могли слышать, как первые из них задолго до того, как они совсем подошли, звали тех, кто сзади, чтобы они шли, а также могли слышать, как они отвечали и жаловались, какие они хромые и утомленные и не в состоянии идти быстрее, что было очень долгожданной новостью для нас.

Наконец они подошли к Лодке; но невозможно выразить их замешательство, когда они обнаружили, что Лодка пристала к земле в ручье, прилив отступил, а их два человека ушли. Мы могли слышать, как они кричали друг в другом они попали на заколдованный остров; что либо в нем были жители, и все они должны были быть убиты, либо в нем были дьяволы и духи, и все они должны были быть унесены и съедены.

Они снова слышали и звали двух своих товарищей по именам много раз, но без ответа. Через какое-то время мы могли видеть, как они бежали, заламывая руки, как Люди в Отчаянии, при слабом Свете; и что иногда они садились в лодку, чтобы отдохнуть, затем снова вышли на берег и снова оди, и так снова по одному и тому же поводу.

Мои люди были бы рады, если бы я дал им разрешение немедленно напасть на них вотьме; но я был готов взять их с некоторым преимуществом, чтобы пощадить их и убить как можно меньше из них; и особенно не желал рисковать убийством кого-либо из наших людей, зная, что другие были очень хорошо вооружены. Я решил подождать и посмотреть, не разойдутся ли они; и поэтому, чтобы удостовериться в них, я приблизил свою засаду и приказал Гянцице и капитану ползти на своих руках и ногах как можно ближе к земле, чтобы их не обнаружили, и добраться до них как можно ближе к ним, прежде чем они открыли огонь.

Они недолго одились в таком положении, но боцман, который был главным зачинщиком мятежа и теперь показал себя самым подавленным и подавленным из всех остальных, шел к ним с еще двумя членами их команды; капитан был так рад, как это

главный Разбойник нас только с своей власти, что у него едва хватает терпения позволить ему подойти так близко, чтобы быть уверенным в нем; ибо раньше они только слышали его Язык: Но когда они подошли ближе, Капитан и Пятниц авскочили на Ног и пустили на них летать.

Боцман был убит на месте, следующий человек был ранен выстрелом в тело и упал прямо моря дом с ним, хотя умер только через час или два; и третий забег.

При шуме огня я немедленно двинулся вперед с всей своей армией, которая теперь состояла из 8 человек, а именно я генералиссимус, Пятниц а мой генерал-лейтенант, капитан и двое его людей, а также трое военнопленных, которым мы доверили оружие.

Мы наткнулись на них действительно в темноте, так что они не могли видеть наш номер; и я заставил Человека, которого мы оставили в Лодке, который теперь был одним из нас, позвать их по имени, чтобы попробовать, смогу ли я привести их к Переговорам и таким образом, возможно, вести их к Условиям, которые выпали так же, как и мы желали: нас аном деле было легко думать, что в их тогдашнем состоянии они будут очень готовы капитулировать; поэтому он кричит так громко, как только может, одному из них: Том Смит, Том Смит; Том Смит тут же ответил: «Кто это, Робинсон?» ибо, кажется, он знал его. Голос: Тот ответил: Да, да; Ради бога, Том Смит, бросьте оружие и сдавайтесь, или вы все мертвы в этот момент.

Кому я должен уступить? где они? (снова говорит Смит.) Вот они: говорит он, вот наш капитан и пятьдесят человек с ним; хотя я за вами вот уже два часа; боцман убит, Уилл Фрай ранен, а я заключенный; и если вы не уступите, вы все пропали.

Дадут ли нам. Тогда четверть (говорит Том Смит), и мы уступим? Я пойду и спрошу, если вы обещаете уступить, говорит Робинсон; Так что он ослал капитана, и тогда капитан окликает себя: «Вы, Смит, вы знаете мой Голос, если вы немедленно сложите оружие и подчинитесь, вы получите все свои жизни, кроме Воли. Аткинс.

Chapter XXVII

умоляет капитана пощадить его жизнь. Последний забирает с собой корабль у мятежников, а Робинзон

Уиллс, покидает остров. Вскричал: « Ради бога, капитан, пощадите меня, что я сделал? » Все они были такими же плохими, как и я, что, кстати, тоже было неправдой; ибо кажется, что это Уиллс. Аткинс был первым Человеком, который схватил капитана, когда они впервые подняли мятеж, и использовал его варварски, связав ему руки и оковы.

Однако капитан сказал ему, что он должен сложить оружие по своему усмотрению и довериться милосердию губернатора, под которым он имел в виду меня; ибо все они называли меня губернатором.

Словом, все они сложили оружие и просили жизни; и я послал Человека, который вел с ними переговоры, и еще двоих, которые связали их всех; а затем моя большая армия из 50 человек, которых, в частности, с этими тремя, было всего лишь восемь, подошла и схватила их всех и их лодку, только я скрыл себя и еще одного из поля зрения по причинам государственной.

Следующей нашей работой было починить лодку и подумать о захвате корабля; а что касается капитана, то теперь у него было свободное время вести с ними переговоры: он уверял их о подлости их действий с ним, и, наконец, о еще большей порочности их замысла и о том, как это непременно должно привести их к несчастью и бедствию. В конце и, возможно, на виселице.

Все они казались очень раскаявшимися и усердно молили о своей жизни; что же дотога, сказал он им, то они не его пленники, а комендант острова; что они думали, что высадят его на берег у непродуктивном необитаемом острове, но Бог у него было угадать и направить их таким образом, что остров был населен, а губернатором был англичанин; что он мог бы повесить их всех там, если бы захотел; но так как он пощадил их всех, то он предполагал, что пошлет их в Англию, чтобы там с ними разобрались, как тот требует правосудия, заключением Аткинса, которому губернатор приказал ему посоветовать приготовить к смерти; за это он будет повешен утром.

Хотя все это было его собственным вымыслом, все же оно возымело желаемый эффект; Аткинс упал на колени, умоляя капитана одатаить его перед губернатором за его жизнь; а все остальные просили его ради бога, чтобы их не посылали в Англию.

Теперь мне пришло в голову, что пришло время нашего Освобождения и что будет очень легко привести этих товарищей, чтобы они были сердечны в получении владения кораблем; поэтому я удалился от них в темноте, чтобы они не могли видеть, какой у них губернатор, и позвал к себе капитана; когда я позвал, как на приличном расстоянии, одному из матросов было приказано снова заговорить и сказать капитану: «Капитан, вас вызывает командающий; и вскоре капитан ответил: «Скажите его превосходительству, что я только что пришел». Это их больше позабавило; и все они верили, что Командир только что прибыл с своими пятами десяти людьми.

Когда капитан пришел ко мне, я рассказал ему о своем проекте захвата корабля, который ему очень понравился, и он решил привести его в исполнение на следующее утро.

Но для того, чтобы выполнить это с большим искусством и обеспечить успех, сказал я ему, мы должны разделить заключенных, и что он должен пойти и взять Аткинса и еще двух худших из них, и отправить их в Пещеру, где лежали остальные: это было поручено Пятнице и двум мужчинам, которые вышли на берег с капитаном.

Они отнесли их в пещеру, как в тюрьму; и это было действительно мрачное место, особенно для мужчин в их положении.

Другой я заказал свою беседку, как я ее назвал, полное описание которой я дал; а так как оно было обнесено забором, и они закрепили его, то место было досконально безопасным, учитывая их поведение.

К ним утром я послал капитана, который должен был вступать с ними в переговоры, в слове, чтобы испытать их и сказать мне, считает ли он, что им можно доверять или нет, подняться на борт и заставить корабль врасплох. Он рассказал им о причиненном ему вреде, о том, в каком состоянии они оказались; и что, хотя губернатор пощадил их жизни, что касается настоящего действия, тем не менее, если бы они были отправлены в Англию, они все были бы повешены в цепях, чтобы быть уверенным; но что, если бы они присоединились к

Если попытаться вернуть корабль, то он получит от губернатора обещание о помиловании.

Любой может согласиться, с какой готовностью такое предложение было бы принято людьми в их положении; они пали на колени перед капитаном и пообещали с глубочайшими проклятиями, что будут верны ему до последней капли, что они будут обещаны ему жизнью и пойдут с ним повсюду, что они будут признавать его своим Отцом, пока будут жить.

Что же, говорит капитан, я должен пойти и сообщить губернатору, что вы говорите, и посмотреть, что я могу сделать, чтобы заставить его согласиться на это. Итак, он принес мне отчет о настрое, в котором он их застал; и что он действительно верил, что они будут верными.

Однако, чтобы мы могли быть в полной безопасности, я сказал ему, что он должен вернуться снова, выбрать пятерых из них и сказать им, что они могут увидеть, что ему не нужны люди, что он возьмет этих пятерых с собой в помощники, и что губернатор сохранил двух других и троих, которые были отправлены узниками в замок (мою пещеру) в качестве заложников за верность этих пятерых; и что, если они окажутся неверными при казни, пятеро заложников должны быть повешены в цепях заживо на берегу.

Это было для них делом суровым и убедило их, что губернатор настроен серьезно; однако у них не оставалось другого выбора, кроме как принять это; и теперь дело заключенных, так же как и капитана, заключалось в том, чтобы убедить остальных пятерых выполнить свой долг.

Наша сила была теперь таким образом заказана для экспедиции: 1. Капитан, его помощник и пасажир. 2. Затем два узника первой банды, которым, имея их характеры от капитана, я дал свободу и доверил им оружие. 3. Двое других, которых я до сих пор держал в своей беседке, прицеплены; но по предложению капитана теперь был освобожден.

Этих пятерых наконец освободили: так что всего их было двенадцать, кроме пятерых, которых мы держали в пещере в качестве заложников.

Я спросил капитана, готов ли он рисковать с этими руками на борту корабля; ибо что касается меня и моего Человека Пятерых, я не думал, что это

Нам следует пошевелиться, оставив позади семерых мужчин; и для нас было достаточно работы, чтобы держать их врозь и снабжать их съестными припасами.

Что касается пятах в пещере, то я решил держать их в постом, но Гя тниц а приходил к ним два раза в день, чтобы снабдить их необходимыми; а я заставил двух других нести провизию на определенное расстояние, куда Гя тниц а должна была отнести ее.

Когда я показался двум заложникам, это было с капитаном, который сказал им, что я тот человек, которому губернатор приказал присматривать за ними, и что губернатору нужно, чтобы они никуда не двигались, но по моему указанию; что если они это делают, их следует привести в замок и положить в Айронс; так что, поскольку мы никогда не позволяли им видеть во мне губернатора, теперь я появлялся как другое лицо и говорил о губернаторе, гарнизоне, замке и тому подобном во всех случаях.

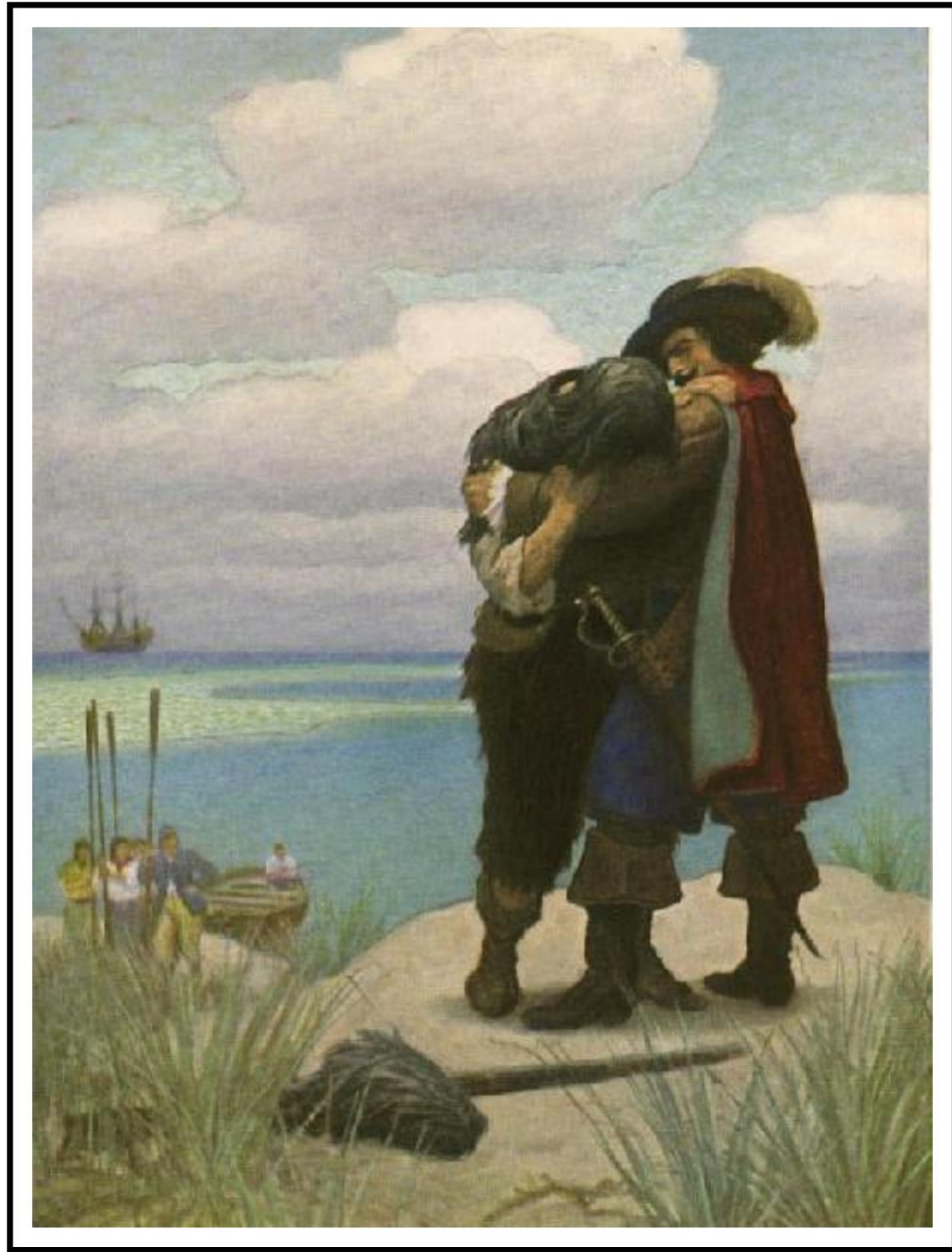
Теперь у капитана не было перед ним никакой трудности, кроме как снабдить свои две лодки, установить прорыв одной из них и укомплектовать их экипажем. Он сделал его Пасажирским Капитаном одного, с четырьмя другими Мужчинами; а он сам, его помощник и еще пятеро вошли в другую: И они очень хорошо справились со своим делом; ибо они подошли к Кораблю около полуночи. Как только они подошли к Зову Корабля, он заставил Робинзона схватить их и сказать, что они увели Людей и Лодку, но что прошло много времени, прежде чем они нашли их и тому подобное, удерживая их в чате, пока они не подошли к борту корабля, когда капитан и помощник вошли первыми с оружием в руках, немедленно сбили второго помощника и плотника с конца своих мушкетов, будучи очень преданно прикомандированы с своими людьми, они закрепили все остальные, находившиеся на главной и четвертной палубах, и начали запереть люки, чтобы удерживать внизу тех, кто находился внизу, когда другая лодка и их люди вошли на носу. Цепи, обезопасили передний замок корабля и люк, который спускался в поварскую, с делав троих мужчин, которых они там нашли, пленниками.

Когда это было сделано и все в безопасности на палубе, капитан приказал помощнику с тремя матросами ворваться в рубку, где лежал новый мятежный капитан, и, подняв в тревогу, встал, и с двумя матросами и Мальчик получил в руки огнестрельное оружие, и когда помощник с вороной распахнул дверь, новый капитан и его люди открыли огонь.

с мелом среди них и ранил помощника мушкетерской пулей, которая сломала ему руку, и ранил еще двоих, но не убил тела.

Помощник, зовущий на помощь, бросился, однако, в дежурную часть, будучи раненым, и из своего пистолета выстрелил новому капитану в голову, пуля вошла ему в рот и снова вышла за одно из его ушей. ; так что он никогда не говорил ни слова; после чего остальные сдались, и Корабль был успешно захвачен без потери жизней.

Как только корабль был таким образом захвачен, капитан приказал выстрелить из семи орудий, что послужило сигналом, согласованным с мной, чтобы сообщить мне о своем успехе, чему, как вы можете быть уверены, я был очень рад. Улыбаясь, просидев на берегу, наблюдая за этим почти до двух часов утра.

Таким образом, я с ноу слышав Сигнал, я улегся ; и так как это был день большой усталости для меня , я спал очень крепко, пока я не был чем-то удивлен с грохотом пушки; и вскоре я тронулся , я услышал, как какой-то человек позвал меня по имени губернатора, губернатора, и вскоре я узнал голос капитана, когда он поднялся на вершину холма, там он стоял и, указывая на корабль, обнимал его. d me in Arms, Мой дорогой Друг и Избавитель, говорит он, вот твой Корабль, ибо он весь твой, как и мы, и все, что принадлежит ему. Я бросил свой взгляд на корабль, и вот он проехал немногим более чем в полумиле от берега; потому что они взвесились, как только

были ее Мастерами; и погода была хорошей, поставила ее на корь прямо устья маленького ручья; а когда поднялся прилив, капитан подвел пиннас к тому месту, где я сначала причалил на своих плотах, и таким образом приземлился прямо у моей двери. Сначала я был готов утонуть вместе с Сюпризом. Ибо я видел, что мое Избавление действительно зримо передано мне в руки, все легко, и большой корабль готов унести меня, куда я пожелаю. Сначала в течение некоторого времени я не мог ответить ему ни на одно Слово; но так как он взял меня на руки, я крепко держался за него, иначе я бы упал на землю.

Он заметил Сюприз, тут же вытащил из кармана бутылку и дал мне глоток ликера, который он принес для меня с целью; выпив его, я сел на землю; и хотя это привело меня к самому себе, все же прошло немало времени, прежде чем я смог сказать ему Слово.

Все это время бедняга был в таком же сильном Экстазе, как и я, только не в таком Удивлении, как я; и он сказал мне тысячу добрых и нежных слов, чтобы успокоить меня и привести в себя; но так было Потоп Радости в моей груди, что он привел все мои души в смещение, в конце концов он разразился слезами, и вскоре после этого я восстановил свою Речь.

Затем я принял свою очередь и принял его как своего Избавителя; и мы радовались вместе. Я сказал ему, что смотрю на него как на человека, посланного с небес, чтобы избавить меня, и что вся сделка казалась цепью чудес; что такие вещи, как эти, были Свидетельствами, которые мы имели от тайной Руки Провидения, управляющей миром, и Свидетельством того, что Очи безграничной Силы могут заглянуть в самый отдаленный Углок Мира и послать Помощь Несчастному, когда он пожелает.

Я не забыл вознести свое Сердце в Благодарности Небесам, и какое Сердце могло удержаться, чтобы благословить того, кто не только чудесным образом обещал человека в такой Пустыне и в таком пустынном состоянии, но и от Которого должно было произойти каждое Освобождение. всегда подтверждайте, чтобы продолжить.

Когда мы немножко поговорили, капитан сказал мне, что он принес мне небольшое осуждение, такое, какое есть на корабле, и такое, какое

Негодяи, которые так долго обижали его, озябшим, не огорчили его: после этого он громко воззвал к лодке и велел своим людям доставить на берег вещи, предназначенные для губернатора; и в самом деле, это был подарок, как будто я был не тем, кого должны были унести вместе с ними, а как будто я все еще жил на острове, а они должны были уйти без меня.

Сначала он принес мне ящик с бутылками превосходной сердечной воды, шесть больших бутылок вина Мадера; бутылки вмещали по две кварты за штуку; два фунта отличного орешкового табака, двенадцать ореховых кусков корабельной говядины, шесть кусков свинины, мешок гороха и около ста фунтов бисквитного мяса.

Он принес мне также коробку сахара, коробку цитрусовых, мешок, полный лимонов, две бутылки сока лайма и множество других вещей. Принес мне шесть чистых новых рубашек, шесть очень хороших галстуков, две пары перчаток, одну пару ботинок, шляпу и одну пару чулок, а также очень хороший собственный костюм, который носил очень мало: Одним словом, он одел меня с головы до ног.

Это был очень добрый и приятный подарок, как любой может вообразить тому, кто находится в моих обстоятельствах. первое надевание.

После этих церемоний и после того, как все его ореховые вещи были принесены в мою маленькую квартиру, мы начали оговариваться, что делать с заключенными, которые у нас были; ибо стоило подумать, осмелимся ли мы забрать их с собой или нет, обоим из них, о которых мы знали, что они неисправимы и упрямы до последней степени; и капитан сказал, что он знает, что они были такими Разбойниками, что их никак нельзя освобождать, и если он увезет их, то должно быть, в Айронсе, как Злоумышленников, которые будут переданы правосудию в первой английской колонии, в которую он попадет.; и я обнаружил, что сам капитан очень беспокоился об этом.

Наэтой сказал ему, что, если он этого желает, я осмелюсь привести двух Мужчин, о которых он говорил, чтобы они сами попросили его уйти.

их на острове: я был бы очень рад этому, говорит капитан от всего сердца.

Что ж, говорю я, я пошлю за ними и поговорю с ними от вашего имени; поэтому я вызвал Пятницу и двух заложников, потому что теперь они были освобождены, а их товарищи выполнили свое обещание; Говорю же, я заставил их пойти в Пещеру и отвести пятерых Мужчин, как они были, в Беседку, и держать их там, пока я не приду.

Через некоторое время я пришел туда, одетый в свою новую привычку, и теперь меня снова называли губернатором; Когда все собрались, а капитан был сомной, я приказал привести людей ко мне и сказал им, что у меня был полный отчет об их гнусном поведении капитану, и о том, как они убежали с кораблем, и готовились совершить новые грабежи, но что Провидение заманило их в ловушку на их собственных путях, и что они упали в Яму, которую вырыли для других.

Я сообщил им, что по моему указанию корабль был захвачен, что теперь он стоит на рейде; и скоро они увидят, что их новый капитан получил награду за свою подлость; для того, чтобы они могли видеть его повешенным на Рее-Арм.

Что касается их, я хотел знать, что они должны были сказать, почему я не должен казнить их как пиратов, взяв их на самом деле, поскольку по моему поручению они не могли сомневаться, что у меня есть полномочия сделать это.

Один из них ответил от имени остальных, Что им нечего было сказать, кроме того, что, когда их схватили, капитан пообещал им жизнь, и они смиренно молили меня о пощаде; Но я сказал им, что не знал, какую милость им оказать; Что касается меня самого, то я решил покинуть остров со всеми моими людьми и предпринял переход с капитаном, чтобы отправиться в Англию. в Айронсе, чтобы его осудили за мятежи бегство с кораблем; Следствием чего, они должны знать, будет виселица; так что я не мог сказать, что было бы лучше для них, если бы у них не было разума совершить свою судьбу на острове; если бы они хотели, то мне было бы все равно, так как я имел свободу оставить его, я был склонен отдать им свою жизнь, если бы они думали, что могут перебраться на берег.

Они, кажется, были очень благодарны за это, сказали, что скорее осмелятся остаться там, чем быть отправленными в Англию на повешение; поэтому я оставил это наэтом Проблема.

Однако капитан, казалось, сделал из этого некоторое затруднение, как будто он не осмелился оставить их там. Наэтой, казалось, немногосердился на капитана и сказал ему, что они были моими пленниками, а не его; и что, видя, что я предложил им так много благосклонности, я буду так же хорош, как и свое Слово; и что, если он не считает нужным согласиться на это, я отдам их на свободу, как я их нашел; а если ему это не понравится, он может взять их снова, если сумеет их поймать.

В связи с этим они, кажется, очень благодарны, и я, соответственно, предоставил им свободу и велел им удалиться в лес к тому месту, откуда они пришли, и я оставил им немного огнестрельного оружия, немного боеприпасов и некоторые указания, как им жить. очень хорошо, если они считают нужным.

После этого я приготовился подняться на борт корабля, но сказал капитану, что останусь наэту ночь, чтобы подготовиться с вещами, и пожелал, чтобы он тем временем поднялся на борт и следил за тем, чтобы на корабле все было в порядке, и пришлите лодку на берег на следующий день для меня; приказав ему тем временем вызвать новогубитогокapитана и повесить его на рее, чтобы эти люди могли его увидеть.

Когда капитан ушел, я послал залюдьми, находившимися рядом со мной, в мою квартиру и вступил с ними в серьезный разговор об их обстоятельствах, я сказал им, что я думаю, что они сделали правильный выбор; что, если капитан унесет их, они непременно будут повешены. Я показал им новогокapитана, висевшего на рее корабля, и сказал, что меньшего им и нечего ожидать.

Когда все они заявили о своем желании остаться, я сказал им, что впускаю их в Историю моей жизни там и поставлю их в Способоблегчить им задачу: поэтому я дал им всю Историю места и моего приезда туда; показал им мой Укрепления, способ, которым я пекла хлеб, сажала кукурузу, лечила Виноград; Однимсловом, все, что было необходимо, чтобы их облегчить: я рассказал им также Историю о шестнадцати испанцах, которых следовало ожидать; для

которым я оставил письмо и взял с них обещание относиться к ним так же, как к своим себе.

Я оставил им свое огнестрельное оружие, а именно. Пять мушкетов, три охотничьих ружья и три меча. У меня осталось больше бочонка и половина пороха; ибо после первого выстрела или двух я использовал очень мало и ничего не тратил впустую. Я дал им описание того, как я держал коз, и указания, как их доить и откармливать, а также делать масло и сыр.

Одним словом, я дал им каждую часть моей собственной истории; и я сказал им, что уговорю капитана оставить им еще две бочки пороха и немного огнестрельных семян, чему, как я сказал им, я был бы очень рад; также я дал им мешок с горохом, который капитан принес мне поесть, и попросил их обещательно поесть и размножить их.

Сделав все это, я оставил их на следующий день и пошел на борт корабля. Мы немедленно приготовились к отплытию, но не взвесились в ту ночь. На следующий день утром двое из пяти человек подплыли к борту корабля и подавая самые прискорбные жалобы на остальных троих, умоляли взять их на корабль, ради бога, потому что они должны быть убиты, и умоляли капитана взять их на борт, хотя тот немедленно их повесил.

На это капитан притворился, что не имеет власти без меня; Но после некоторых затруднений и после их торжественных обещаний отменить поправку они были приняты на борт и через некоторое время были основательно взбиты и замаринованы; после чего они оказались очень честными и тихими товарищами.

Через некоторое время после этого лодка была пришвартована к берегу, поскольку был прилив, с вещами, обещанными людям, к которым капитан по моему заступничеству приказал добавить их сундуки и одежду, которые они взяли и были очень довольны. благодарны за; Я также подбодрил их, сказав им, что если мне придется послать какой-нибудь корабль, чтобы забрать их, я не забуду их.

Когда я прощался с этим островом, я взял на борт для реликвий огромную шапку из козьей шкуры, которую я сделал, мой зонтик и моего попугая; также я не забыл взять деньги, о которых я упоминал ранее, которые так долго лежали у меня бесполезными, что они заржавели или потускнели и с трудом могли пройти через

для Сильвера, пока его немножко не натерли и не обработали; как и деньги, которые я нашел на месте крушения испанского корабля.

Таким образом, я покинул остров девятнадцатого декабря, как я узнал из корабельного счета, в 1686 году, после того как я пробыл на нем двадцать восемь лет, два месяца и 19 дней; будучи освобожденным из этого второго плена, в тот же день месяца, когда впервые совершил свой побег в Барко-Лонго, среди мавров Салли.

На этом корабле после долгого плавания я прибыл в Англию одиннадцатого числа Июня 1687 года, отсчитывая тридцать пять лет.

Когда приехал в Англию, я был таким совершенным незнакомцем для всего Мира, как будто меня никогда там не знали. Мой Благодетель и верный Управитель, которого я оставил в доверительном управлении вместе с моими деньгами, был жив; но имел большие несчастья в мире; она стала вдовой во второй Раз и была очень низкой в Свете: я упростил ей вопрос о том, что она мне должна, заверив ее, что не доставлю ей никаких неприятностей; но, напротив, в знак благодарности за ее прежнюю заботу и верность мне я помог ей, насколько позволял мой небольшой капитал, который в то время действительно позволял мне делать для нее очень мало; но я заверил ее, что никогда не забуду ее прежней доброты ко мне; и я не забыл ее, когда у меня было достаточно, чтобы помочь ей, как будет видно на своем месте.

Потом я отправился в Йоркшир; но мой Отец был мертв, и моя Мать, и вся Семья вымерли, заключением того, что я нашел двух Сестер и двух Детей одного из моих Братьев; а так как меня уже давно почитали мертвым, то для меня не было приготовлено Ухода; так что в Слове я не нашел ничего, что могло бы облегчить или помочь мне; и те небольшие деньги, которые у меня были, мало что дали мне, чтобы устроиться в мире.

Я действительно встретил одну Благодарность, которую не ожидал; и это было то, что капитан корабля, которого так счастливо доставил, и теми же средствами спас корабль и груз, дал очень хороший отчет владельцам о том, как я спас я

Жизни Людей и Корабль, они пригласили меня встретиться с ними, и некоторые другие заинтересованные Торговцы, и в целом сделали меня очень красивым

Комплимент по теме и подарок в размере почти двух сот фунтов стерлингов.

Но после нескольких размышлений об обстоятельствах моей жизни и о том, как мало это поможет мне устроиться в мире, я решил отправиться в Лиссабон и посмотреть, не смогу ли я получить какие-нибудь сведения о состоянии моего плантация в Бразилии и то, что стало с моим компаньоном, который, как я имел основания предполагать, через несколько лет приговорил меня к смерти.

С этой целью я отправился в Лиссабон, куда прибыл в следующем апреле; мой человек Гянциа очень честно сопровождал меня во всех этих прогулках и оказался самым верным слугой во всех случаях.

Когда я прибыл в Лиссабон, то, спросив меня, к моему изумлению, узнал, что мой старый друг, капитан корабля, впервые взял меня в море у берегов Африки: теперь он состарился и покинул море, посадив своего сына, далеко не молодого человека, на свой корабль; и кто еще использовал Brasil Trade. Старик меня не знал, да и я его почти не знал; но я вскоре напомнил ему о себе, и как только о себе вспомнил его, когда я сказал ему, кто я был.

После некоторых страстных высказываний старого знакомого я спросил, можете ли вы быть уверены, о моей плантации и моем партнере: Старик сказал мне, что он не был в Бразилии около девяти лет; но что он мог заверить меня, что, когда он ушел, мой партнер был жив, но попечители, которых я присоединил к нему, чтобы взять на себя ведение дела, оба были мертвы; что, однако, он предполагал, что у меня будет очень хороший отчет об улучшении плантации; потому что, когда все поверили, что меня бросили и я утонул, мои попечители передали в отчете о продуктах моей части плантации налоговому прокурору, который присвоил ее на случай, если я никогда не придю к требовать это; одна треть королю и две трети монастырю св. Августина, которые будут израсходованы на благобедных и на обращение индейцев в католическую веру; но что, если я или кто-либо другой за меня претендует на наследство, оно должно быть восстановлено; только то, что улучшение или производящая продукция, распределяемая на благотворительные цели, не может быть восстановлена; но он заверил

меня, что управляющий королевскими доходами (от земель) и провьедор, или управляющий монастырем, все время проявляли большую заботу о том, чтобы действующий президент, то есть мой партнер, каждый год давал верный отчет о доходах, из которых они должным образом получили мою часть.

Я спросил его, знает ли он, до какой высоты усовершенствования он довел плантацию? И, думал ли он, может быть стоит ухаживать? Или, отправляясь туда, не встретим ли я никаких препятствий на пути к обладанию моими законными правами в части?

Он сказал мне, он не мог сказать точно, до какой степени была улучшена плантация; но он знал, что мой партнер чрезвычайно разбогател, наслаждаясь лишь половиной этого; и что, насколько он помнил, он слышал, что королевская треть моей части, которая, по-видимому, была передана какому-то другому монастырю или религиозному дому, составляла более двухсот мойдоров в год; что касается моего восстановления спокойного владения им, то в этом не могло быть и речи, поскольку мой партнер был жив, чтобы засвидетельствовать мой титул, и мое имя также было внесено в Реестр страны; также он сказал мне, что оставшиеся в живых два моих попечителя были очень честными и очень богатыми людьми; и он предполагал, что я не только получу их помощь в передаче меня во владение, но и найду в их руках очень значительную сумму денег для моего счета; являясь с продуктом фермы, пока их отцы владели доверительным фондом, и до того, как от него отказались, как указано выше, что, как он помнил, длилось около двенадцати лет.

Я выказал некоторую озабоченность и беспокойство по этому поводу и спросил старого капитана, как случилось, что попечители распоряжаются моим имуществом таким образом, когда он узнал, что я распоряжился своим имуществом. Уилла и сделал его, португальского капитана, моим всеобщим наледником и т. д.

Он сказал мне, что это правда; но что, поскольку не было доказательства моей смерти, он не мог выступать в качестве душеприказчика, пока не появится какой-то достоверный отчет о моей смерти, и что, кроме того, он не хотел вмешиваться в дело столь отдаленное; что это правда, что он зарегистрировал мою волю и подал свое требование; и если бы он дал какой-либо отчет о моей смерти или жизни, он бы действовал по прокуратуре и завладел Ingenio, так что

они позвонили в Сахарный Дом и дали его сыну, который сейчас был в Бразилие, приказ сделать это.

Но, говорит старик, я должен сообщить вам одну Новость, которая, возможно, не будет для вас столь же приемлемой, как остальные, а именно: что, полагая, что вы погибли, и весь мир тоже так считает, ваш Партнер и попечители действительно предложили согласиться с мной от вашего имени в течение шести или восьми первых лет прибыти, которую я получил; но при том, что в то время, говорит он, были большие расходы на увеличение работ, строительство Ingenio и покупку рабов, это не стоило почти столько, сколько произвело впоследствии. Однако, говорит она, старик, я дам вам верный отчет о том, что я получил во всем как я этим распоряжился.

Через несколько дней после совещания с этим древним Другом он принес мне отчет о доходах моей плантации за первые шесть лет, подписанный моим партнером и торговыми попечителями, который всегда доставлялся товарами, а именно. Табак в рулонах и сахар в сундуках, кроме рома, молока и т. д. что являлся следствием работы с сахаром; и поэтому счету я обнаружил, что с каждым годом доход значительно увеличивался; но, как указано выше, поскольку выплата была большой, сумма с начала была небольшой: однако старик дал мне понять, что он должен мне 470 мой доров золота, помимо 60 сундуков сахара и 15 двойных рулонов табака, которые были потеряны на моем корабле; он потерпел кораблекрушение, возвращаясь домой в Лиссабон примерно через 11 лет после того, как я покинул это место.

Тогда добрый человек начал жаловаться на свои несчастия и на то, что ему пришлось использовать мои деньги, чтобы возместить свои убытки и купить ему долю в новом корабле. Хотите Запас в вашей Потребности; и как только мой Сын вернется, вы будете полностью удовлетворены.

После этого он вытаскивает старый кошелек и дает мне 160 португальских мой доров в золоте; и давая мне записку о праве собственности на корабль, на котором его сын уплыл в Бразилию, четверть владельца которого он был, а его сын — другой, он передает их обоим в мои руки для обеспечения остальных.

Я был слишком тронут честностью и добротой бедняги, чтобы вынести это; и все помня, что он сделал для меня, как он

взял меня в море, и как щедро он использовал меня во всех случаях, и особенно, насколько искренним Другом он был теперь для меня, я едва мог удержаться от слез от того, что он сказал мне: Поэтому, с начала я спросил его, если бы его обстоятельства позволили ему сэкономить только денег в то время, и если бы это не стеснило его? Он сказал мне, он не мог сказать, но это могло его немного смутить; но тем не менее это были мои деньги, и я мог бы ответить их больше, чем он.

Все, что сказал добрый Человек, было полностью бви, и я едва мог удержаться от слез, пока он говорил: Короче говоря, я взял 100 Мой доров и попросил Перо и Чернила, чтобы дать ему Расписку за них; затем я вернул ему остальное и сказал ему: «Если бы я когда-нибудь завладел плантацией, я бы вернул ему и другую часть, что я и сделал впоследствии; и что касается купчей на его долю в корабле его сына, то я ни за что не возьму ее; но если бы мне нужны были деньги, я обнаружил, что он достаточно честен, чтобы заплатить мне; и если бы я этого не сделал, а пришел, чтобы получить то, что он дал мне оснований ожидать, я не получил бы от него ни пенни больше.

Когда это было пройдено, старик начал спрашивать меня, должен ли он подвергнуть меня методу, чтобы предъявить претензии на мою плантацию? Я сказал ему, что думал пойти туда сам. Он сказал, что я могу это сделать, если захочу; но что, если бы я этого не сделал, было бы достаточно сособов обеспечить мое право и немедленно использовать прибыль для моего использования; атак как в реке Лиссабон были корабли, готовые отправиться в Бразилию, он заставил меня внести свое имя в Государственный реестр вместе с его показаниями под присягой, подтверждающими, что я жив и что я тот же человек, который сначала занял землю для посадки указанной плантации.

Поскольку это регулярно заверялось нотариусом и прикреплялось прокуратурой, он велел мне послать его вместе с письменным письмом торговцу, знакомому с ним в этом месте, а затем предложил мне остаться у него до отчета. пришел из Возвращения.

Никогда ничего не было более почетным, чем производство по этой прокуратуре; ибо менее чем за семь месяцев я получил большой пакет от оставшихся в живых моих доверенных лиц, торговцев, ради которых я отправился в море, в который были вложены следующие конкретные письма и документы.

Во-первых , это был учет продукц ии моих ферм или плантац ий с тог о г ода, ког да их отцы вступили в брак с моим старым португ альс ким капитаном, что длилось шесть лет; Баланс оказалс я 1174 Мойдорес в мою пользу.

Во-вторых , был с чет еще начетыре г ода, пока они с ох раня ли вещи в их руках до тог о, как правительс тво потребовало Админис трац ия , как дейс твия лиц а, которог о нельзя найти, которые они называют г ражданс кими

С мерть; и Баланс этог о, увеличение с тоимос ти плантац ии, с о с тавило [38 892] Cruisadoes, что с о с тавило 3241 Moidores.

В-третьих , был приорс чета Авг ус тина, который получал прибыль более четырнадц ати лет; но не отчитывая с ь зато, что было передано в г осп италь, очень честно зая вил, что он не рас поделил 872 мойдорес , что он признал в моем отчете; что кас ается я доли короля , то она ничег о не возмес тила.

Было пис ьмо моег о партнера, в котором он очень нежно поздравля л меня с тем, что я жив, и давал мне отчет о том, как было улучшено поместье и что оно произвело заг од, с указанием количес тва площадей или акров, которые оно с одержало; как пос ажено, с колько рабов было на нем, и, с делав двадц ать два крес та для благ ослования , с казал мне, что он с казал так мног о Ave Marias, чтобы поблаг одарить Прес вя тую Деву зато, что я о с талс я жив; очень страст но приг лашая меня прийти и завладеть моим с обс твенным владением; а тем временем отдать ему приказы, кому он должен дос тавить мои вещи, ес ли я не приду с ам; завершив с ердечным предложением с воей дружбы и с воей с емьи, и прис лал мне в подарок с емь прекрас ных леопардовых шкур, которые он, кажетс я , получил из Африки на каком-то друг ом корабле, который он пос лал туда, и который кажетс я , с овершил лучшее путешес твие, чем я : он также прис лал мне пя ть я щиков с превос х одными с ладос тя ми и с то золотых монет в нечekanенном виде, не таких больших , как Мойдорес .

Тем же флотом два моих торг овых попечителя отправили мне 1200 я щиков с ах ара, 800 рулонов табака и о с тальную час ть вс ег о аккомпане мента золотом.

Теперь я могу с уверенностью сказать, что последний Конец Иова был лучше, чем Начало. Невозможно передать Трепет с моего Сердца, когда я просматривал эти Буквы, и особенно когда обнаружил вокруг себя все свое Богатство; поскольку бразильские корабли прибывают целыми флотами, те же самые корабли, которые доставили мои письма, доставили и мои товары; и Эффекты были в безопасности в Реке до того, как Буквы попали в мои руки. Одним словом, я побледнел и заболел; и если бы старик не побежал и не принес мне настойку, я думаю, внезапный Сюрприз Радости опрокинул Природу, и я умер бы на месте.

Более того, после этого я продолжал очень болеть и был так болен несколько часов, пока не послали за врачом, и, узнав кое-что о настоящей причине моей болезни, не приказали мне пустить кровь; после чего испытывал облегчение и выздоровел: но я искренне верю, что если бы это не было облегчено отдушиной, данной таким образом духам, я бы умер.

Я был теперь Мастером, все на Внезапно, свыше 5000 л. фунтов стерлингов в деньгах и имел поместье, как я вполне мог бы это назвать, в Бразилии, превышающее тысячу фунтов в год, такое же надежное, как земельное поместье в Англии. едва ли знал, как понять или как с ним обращаться, чтобы наслаждаться этим.

Первое, что я сделал, это вознаградил моего первоначального Благодетеля, моего доброго старого капитана, который был первым милосердным ко мне в моей беде, добрым ко мне в начале и честным со мной в конце: я показал ему все то, что было послано мне, я сказал ему, что наряду с Провидением Неба, которое располагает всем сущим, оно было обаяно ему; и что теперь на мне лежало вознаградить его, что я сделал бы стократно. Итак, я сначала вернул ему сумму мой доров, которые я получил от него, затем я послал за нотариусом и заставил его выписать общее освобождение или увольнение для 470 мой доров, которые, как он признал, он должен мне в самой полной и самой твердой манере; после чего я распорядился оставить прокуратуру, уполномочив его быть моим получателем годовой прибыли от моей плантации и назначив моего партнера с оглашаться с ним и возвращать ему обычные флоты от моего имени; и пункт в конце, я вляющийся гарантом в размере 100 мой доров в год для него, в течение его жизни, из эффектов,

и 50 Мой доров в г од ег о сыну пос ле нег о за ег о ж изнь: И таким образом я отплатил с вое му с тари ку.

Теперь мне предс тоя ло подум ать, каким Пу тем на править мой курс даль ше и что дел ать с поме сть ем, кото рое Про ви де ние таким образом пере да ло мне в ру ки; и дей ст витель но, с ей час у меня бы ло боль ше за бот, чем в моем без молв ном с ос тоя нии жи зни на ос трове, ког да я не х отел ниче го, кроме тог о, что имел, и не имел ниче го, кроме тог о, что х отел. , и мое Де ло бы ло в том, как ег о обезо пас ить. У меня те перь не бы ло Пе щ еры, в кото рой я мог бы с пря тать с вои День ги, или Мес та, г де они мог ли бы ле жать без За мка или Ключ а, пока они не за плес не ве ют и не по тус кне ют, пре жде чем кто ли бо вме щает ся в них . На про тив, я не знал, что ку да ег о по ло жить или ко му ег о до ве рить. Мой с та рый по кро витель, ка пи тан, дей ст витель но был че ст ен, и это бы ло мо им единс твен ным при бе жи щем.

В сле ду ю щем мес те мой ин те рес к Бра зи ли и, ка зал ось, звал меня ту да, но те перь я не мог по ня ть, как ду мать о том, что бы от прав ить ся ту да, пока я не у ла жу с во и де ла и не ос та влю с во и ве щ и в на де жных ру ках по за ди меня . . С на ча ла я по ду мал о с воей с та рой под руг е В до ве, кото рая, как я знал, че ст на и бу дет с пра ве дли ва ко мне; но тог да она бы ла в г о дах, но бед на, и я знал, что она может быть в долг ах; так что, одним с л о в о м, у меня не бы ло иног о пу ти, кроме как вер ну ть ся в Анг ли ю са мо му и взя ть с со бой с во и ве щ и.

Од на ко про ш ло не сколь ко мес я ц ев, пре жде чем я ре шил ся на это; и по э то му, так как я пол но стью и к ег о удо влет во ре ни ю воз наг ра дил с та ро го ка пи та на, кото рый был мо им быв шим благ од ете лем, так я на чал ду мать о моей бед ной в до ве, чей муж был мо им пер вым благ од ете лем, и она, пока он был в ее Си ла, мой вер ный У прав итель и На с та вник. И так, пер вое, что я с дел ал, я по про с ил торг ов ца в Лис са бо не на пис ать с вое му кор рес пон ден ту в Лон до не, что бы он не толь ко за платил по с че ту, но и по шел разыс кать ее, при ве зти ей день ги, с то фун тов от меня, и по го во рить с ней. с ней и у те шить ее в ее бед но ст и, с казав ей, что, ес ли я бу ду жив, она дол жна иметь до пол нитель ный за пас: х о т я и не в нуж де, но и не в очень х о ро ших об с то я тель ст вах; один был жен ат и ос та л ся в до вой; а у дру г ой муж не так добр к ней, как с ле до ва ло бы.

Но с ре ди вс ех мо их род ст вен ни ков или зна ко мых я е ще не мог вы брать ни од но го, ко му бы я ос ме лил ся до ве рить все с вой ка пи тал, что бы я мог по йти

уехать в Бразилию и оставить вещи в целости и сохранности; и это очень озадачило меня .

Когда-то у меня была мысль отправиться в Бразилию и поселиться там; ибо я был, так сказать, натурализован на месте; но у меня были небольшие сомнения в отношении религии, которые незаметно отвлекли меня назад, о чем я скажу позже. Однако религия удержала меня пока от поездки туда; и так как я не стеснялся открыто исповедовать религию страны все время, пока был среди них, то и досих пор не делал этого; только то, что время от времени, в последнее время думая об этом больше (чем прежде), когда я начал думать о жизни и смерти среди них, я начал сожалеть о том, что называл себя папистом, и думал, что это не может быть лучшая религия, чтобы умереть с .

Но, как я уже сказал, не это было главным, что удерживало меня от поездки в Бразилию, а то, что я действительно не знал, у кого оставить мои вещи позади меня; поэтому я решил, наконец, отправиться с ним в Англию, где, если я приеду, я решил, что должен завести какое-нибудь знакомство или найти каких-нибудь родственников, которые будут мне верны; и с ответственностью приготовился отправиться в Англию с всем своим богатством.

Чтобы подготовиться к моему отъезду домой, я сначала, поскольку бразильский флот только что ушел, решил дать ответы, с ответственными с праведливому и верному отчету о вещах, которые я получил оттуда; и с начала настало с в.

Августин I написал письмо, полное благодарности за их с праведливое поведение, и предложение 872 мой доров, которыми не распоряжались, и я желал, чтобы 500 были отданы монастырю, а 372 беднякам, как должен указать приор, желая хороших Padres Prayers для меня, и тому подобное.

Затем я написал благодарственное письмо двум моим покровителям с всем признанием, к которому призывали так много с праведливости и Честности; что же касается посыла им какого-либо подарка, то они были намного выше возможности получить его по какому-либо поводу.

Наконец, я написал своему партнеру, признавая его промышленность в Улучшение плантации и его одобрение честности в увеличении поголовья Работает, давая ему указания относительно его будущего управления моей частью с ответственности с полномочиями, которые я оставил моему старому покровителю, которому я желал, чтобы он посылал все, что мне причитается, « пока он не выслушает меня больше».

особенно; заверив его, что я намеревался не только приехать к нему, но и поселиться там до конца своей жизни. Капитанский сын сообщил мне, что у него есть; с двумя кусками прекрасного английского широкого сукна, лучшего, что я мог достать в Лиссабоне, пятью кусками черных гондых и несколькими фламандскими кружевами хорошей стоимости.

Уладив таким образом свои дела, продав мой груз и обратив все свои вещи в хорошие переводные векселя, моей следующей трудностью было выбрать путь в Англию: я достаточно привык к морю, и все же я странное отвращение к путешествию в Англию по морю в то время; и хотя я не мог объяснить этого, тем не менее, Трудности нас только возросли для меня, что, хотя я однажды погрузил с собой Багаж, чтобы отправиться, все же я передумал, и что ни разу, но два или три раза.

Правда, мне очень не повезло на море, и это могло быть одной из причин. Но пусть никто не пренебрегает сильными порывами собственных мыслей в таких случаях: войти, я имею в виду, более особо выделенным, чем любой другой, то есть так, чтобы в одном из них положить мои вещи на борт, а в другом договориться с капитаном; Я говорю, что два из этих кораблей потерпели неудачу, а именно.

Один был взят алжирцами, а другой был отброшен на Старт близ Торбея, и все люди утонули, кроме троих; так что в любом из этих Судов я был сделан несчастным; и в каких больше всего, было трудно сказать.

Столкнувшись с таким беспокойством в мыслях, мой старый лоцман, которому я сообщил обо всем, нас тойчиво убеждал меня не плыть по морю, а либо отправиться посуше к волнорезу, либо переправиться через Бискайский залив в Рошель, откуда можно было легко и безопасно добраться посуше до Парижа, а затем до Кале и Дувра; или подняться в Мадрид, и так всю дорогу посуше через Францию.

Словом, я был так настроен против того, чтобы вообще плыть по морю, кроме как из Кале в Дувр, что решил весь Путь пройти посуше; что как Я не торопился и не ценил натиск, это был гораздо более приятный Путь; а в довершение всего мой старый капитан привез английский Джентльмен, сын торговца в Лиссабоне, который был готов путешествовать с

Я: После чего мы выбрали еще двух английских купцов и двух молодых португальских джентльменов, причем последний ехал только в Париж; так что нас было всего шестеро, а с луга теро; два купца и два португальца, довольствуясь одним слугой между двумя, чтобы спасти обвинение; а что касается меня, то я нанял английского моряка, чтобы он путешествовал со мной в качестве слуги, кроме моего человека Гянци, который был слишком чужим, чтобы быть с обычным заменить слугу в пути.

Таким образом я отправился из Лиссабона; Так как вся наша рота была очень хорошо оснащена и вооружена, мы составили небольшой отряд, из которого мне оказали честь называть меня капитаном, как потому, что я был самым старшим человеком, так и потому, что у меня было два слуги, и действительно был Первородным. всего Путешествия.

Как я не беспокоил вас ни одним из моих Морских журналов, так и теперь я не буду беспокоить вас ни одним из моих Сухопутных журналов. Но некоторые приключения, которые произошли с нами в этом утомительном и трудном путешествии, я не должен пропустить.

Когда мы приехали в Мадрид, мы, как все иностранцы в Испании, были готовы остаться на некоторое время, чтобы увидеть испанский двор и посмотреть, что стоит посмотреть; но так как была последняя часть лета, мы поехали и отправились из Мадрида примерно в середине октября. Рассказывают, что на французской стороне гор выпало так много снега, что нескольким путешественникам пришлось вернуться в Пампелуну после того, как они попытались в крайней опасности пройти дальше.

Когда мы приехали в саму Пампелуну, мы действительно обнаружили, что это так; и для меня, всегда привыкшего к жаркому климату и даже к странам, где мы едва могли носить одежду, холод был невыносим; И в самом деле, это было не более болезненно, чем удивительно, вернуться всегда с дней назад из старой Кастилии, где Погода была не только теплой, но и очень жаркой, и сразу же почувствовать Ветер с Пиренейских гор, такой сильный, такой суровый. Холодный, невыносимый и угрожающий онемением и гибелью наших пальцев рук и ног.

Бедняга Гянци очень испугался, когда увидел Горы, с плоскостью покрытые Снегами, и почувствовал холодную Погоду, какой он никогда прежде не видел и не чувствовал в

его жизнь.

В довершение всего, когда мы прибыли в Пампелуну, снег продолжал падать с такой силой и так долго, что люди говорили: «Зима пришла раньше своего времени, и дороги, прежде трудные, теперь стали совершенно непроходимыми». Одним словом, в некоторых местах снег лежал слишком густо, чтобы мы могли путешествовать; и не было слишком замороженным, как случалось в северных странах: не было никакого движения без опасности быть похороненным заживо на каждом шагу. Мы пробыли в Пампелуне не меньше двадцати дней; видя приближение зимы и отсутствие вероятности того, что она станет лучше; ибо это была самая суровая зима во всей Европе, которая была известна на Пампелуну Человека. Я предложил, чтобы мы все отправились в Фонтерабию и там отправились на пароме в Бордо, что было очень коротким путешествием.

Но пока мы обдумывали это, вошли четверо французских джентльменов, которые, остановившись на французской стороне перевалов, как и мы на испанской, обнаружили проводника, который пересекал страну у мыса Лангедок. Он привел их через горы такими путями, что они не слишком мешали снегу; и когда они встречали Сноу в любом количестве, они говорили, что он достаточно промерз, чтобы выносить их и их лошадей.

Мы послали за этим проводником, который сказал нам, что он обещается провести нас тем же путем, не опасаясь снега, при условии, что мы будем достаточно вооружены, чтобы защитить себя от диких зверей; ибо он сказал, что во время этих великих снегов некоторые волки часто появлялись у подножия гор, становясь с голодными из-за недостатка пищи, а земля была покрыта снегом: мы сказали ему, что мы достаточно хорошо подготовились для таких существ, как они, если бы он защитил нас от разновидности двуногих волков, от которых, как нам сказали, мы подвергались наибольшей опасности, особенно на французской стороне гор.

Он убедил нас, что на Пути, по которому мы должны были идти, не было такой опасности; поэтому мы с готовностью согласились следовать за ним, как и двенадцать других джентльменов со своими слугами, некоторые французы, некоторые испанцы; которые, как я уже сказал, пытались уйти и вынуждены были вернуться.

Соответственно, мы все отправились из Пампелуны с нашим проводником пятнадцатого октября; и в самом деле, я был удивлен, когда вместо того, чтобы идти вперед, он вернулся прямо с нами по той же дороге, по которой мы шли из Мадрида, более чем в двадцати милях; когда мы перешли две реки и вошли в равнинную местность, мы снова оказались в теплом климате, где местность была приятной, а с него не было видно; но вдруг, повернув налево, он подошел к горам другим Путем; и хотя это правда, что Холмы и Пропасты выглядят ужасно, тем не менее он проделал столько Путешествий, таких Извилистых Путей и вел нас такими извилистыми Путьями, что мы незаметно преодолели Высоту Гор, не испытывая особого бремени. с оснежением; и вдруг он показал нам приятные плодородные провинции Лангедок и Гаскони, все зеленые и цветущие; хотя в самом деле это было на большом расстоянии, и нам предстояло пройти еще какой-то трудный Путь.

Однако мы немножко встревожились, когда обнаружили, что целый день и ночь шел снег, так быстро, что мы не могли двигаться; но он велел нам быть спокойными, мы скоро все это преодолеем: мы действительно обнаружили, что начали спускаться каждый день и приходить с севернее, чем раньше; и так, в зависимости от нашего Проводника, мы пошли дальше.

Это было примерно за два часа до ночи, когда наш проводник был чем-то впереди нас, а не только в поле зрения, из ложины, примыкающей к густому лесу, выскочили три чудовищных волка, а за ними медведь; два волка налетели на Проводника, и если бы он был на полмили раньше нас, его действительно сожрали бы прежде, чем мы могли бы ему помочь: один из них привялся к своей лошади, а другой атаковал Человека с таким Насилием, что у него не было ни Времени, ни Присутствия Разума, достаточного, чтобы вытащить свой Пистолет, но он долбил и вызывал к нам с самой жадностью; мой человек Пятниц был рядом со мной, я приказал ему подъехать и посмотреть, в чем дело; как только Пятниц предстал перед Человеком, он захохотал так же громко, как и другие, о Мастер! О Мастер! Но, как с мелкий парень, подъехал прямо к бедняге и из своего пистолета выстрелил волку, который напал на него, в голову.

Это было частью для бедняги, что это был мой Человек Пятниц; ибо он был приучен к такому Существованию в своей Стране, и у него не было никакого Страх; но подошел близко к нему, и выстрелил в него, как указано выше; тогда как лобой из нас,

стреляли издали, и, возможно, либо не попали в Волка, либо рисковали застрелить Человека.

Но это было достаточно, чтобы напугать более мелкого Человека, чем я, и это действительно встревожило всю нашу роту, когда вместе с грохотом пистолетов мы слышали с обеих сторон самый унылый волчий вой и шум, удвоенный Echo of the Mountains, что для нас это было так, как будто их было огромное множество; и, может быть, действительно было не так мало людей, как то, что у нас не было причин для опасений.

Однако, поскольку Пятниця убил этого Волка, другой, прицепившийся к Лошади, немедленно оставил его и убежал; благополучно укрепившись на его голове там, где Боссы Уздечки застряли у него в зубах; так что он не причинил ему много вреда: Человек действительно был очень ранен; ибо разъяренное Существо дважды укусило его, один раз в руку, а другой раз немножко выше его колена; и он уже был готов рухнуть из-за болезни своей лошади, когда подошел Пятниця и застрелил Волка.

Легко предположить, что под грохот пистолетов все сбавили темп и помчались так быстро, как позволял нам Путь (который был очень труден), чтобы посмотреть, в чем дело; как только мы вышли из-под Деревьев, которые раньше оставляли нас, мы ясно увидели, в чем дело, и как Пятниця освободила бедного Проводника; хотя мы не сразу поняли, что это за Существо, которое он убил.

Но никогда еще битва не велась так упорно и в таком неожиданном Манере, как та, которая последовала между Пятницей и Медведем, которая доставила всем нам (хотя с начала мы удивлялись и боялись занею) величайшее Воображая диверсия: так как Медведь — тяжелое, неуклюжее Существо и не скачет галопом, как Волк, который быстрил легок; поэтому у него есть два обычных Качества, которые обычно являются Правилом его действий; Во-первых, что касается людей, которые не являются его настоящей добычей; Я говорю, не его настоящей добычей, потому что, хотя я не могу сказать, что мог бы сделать чрезмерный голод, который был теперь их случаем, Земля вся покрыта им; но что касается людей, то он обычно не предпринимает попыток, если только они с начала не нападают на него: напротив, если вы встретите его в лесу, если вы не будете вмешиваться в его дела, он не будет вмешиваться в вас; но тогда вы должны позаботиться о том, чтобы быть очень вежливым с ним, и дать ему Дорогу; потому что он очень хороший джентльмен, он не пойдет ни на шаг с своего пути

для принца; нет, если вы действительно боитесь, вам лучше всего посмотреть на другой Путь и продолжать идти; ибо иногда, если вы останапливаете, стоите неподвижно и пристально смотрите на него, он принимает это за оскорбление; но если вы бросите в него какую-нибудь вещь, и она попадет в него, даже если это всего лишь кусок палки размером с ваш палец, он воспримет это как оскорбление и отложит все свои другие дела, чтобы отомстить; ибо он будет иметь удовлетворение в вопросе чести; это его первое качество. Следующее состоит в том, что если он однажды будет оскорблен, он никогда не покинет вас, днем или ночью, пока не отомстит; но следует с осторожностью, пока не настигнет вас.

Мой Человек Пятниц доставил нашего проводника, и когда мы подошли к нему, он помог ему слезть с лошади; ибо Человек был и ранен, и напуган, и действительно, последнее больше, чем первое; когда внезапно мы заметили, что Медведь вышел из леса, и это был огромный чудовищный медведь, самый большой из всех, что я когда-либо видел. Мы все были немного удивлены, когда увидели его; но когда Пятница увидела его, было легко увидеть Радость и Мужество в Лике Товарища; О! О! Говорит Пятница три раза, указывая на него; О Мастер, Ты даешь мне отпущение! Я пожимаю ему руку: Я расстелю тебя.

Я был удивлен, увидев, что Товарищ так доволен; Ты дурак, говорю я, он тебя съест: съешь меня! Ешь меня! Говорит Пятница, дважды снова; Я съел его: Я расстелю вас. Вы все оставайтесь здесь, я покажу вам хороших мехов; Итак, он садится, моментально снимает сапоги, надевает пару туфель (так мы называем туфли на плоской подошве, которые они носят) и которые были у него в кармане, дает другому моему слуге свою лошадь и с ружьем прочь он улетел быстро, как Ветер.

Медведь тихонько шел дальше и предложил вмешиваться без Тела, пока не подошла пятница, и не окликнула его, как будто Медведь мог его понять; Послушайте, послушайте, говорит Пятница, я говорю с вашим: Мы следовали на расстоянии; поскольку теперь, спустившись с стороны Гаскойнских гор, мы вошли в обширный великий лес, где страна была равнинной и довольно открытой, хотя многие деревья в ней были разбросаны тут и там.

Пятница, у которого, как мы говорим, были пятки медведя, быстро подошел к нему, поднял большой камень, бросил в него и ударил прямо по голове; но не причинил ему больше вреда, чем если бы он бросил его в Стену; но это ответило наконец пятнице; ибо Разбойник был настолько лишен Страхом, что

он с делал это исключительно для того, чтобы заставить Медведя следовать за ним и показать нам с мех, как он это называл.

Как только Медведь ощутил Камень и увидел его, он оборачивается и идет за ним, делая дьявольски длинные Цаги и шаркая с острой скоростью, так что Лошадь пустила бы средний галоп; Гя тниц а бежит прочь и берет курс, как будто он бежит к нам за помощью; поэтому мы все решили сразу же выстрелить в Медведя и доставить моего человека; хотя я был очень зол на него из-за того, что он навел на нас Медведя, когда он шел по своим делам другим путем; и особенно был зол, что он обратил Медведя на нас, а затем убежал; И я крикнул: « Собака, — сказал я, — это ты нас смешишь? » Уходи и возьми свою Лошадь, чтобы я мог застрелить Существо; он слышит меня и кричит: Не стреляй, не стреляй, стой, много смеешься . И когда проворное Существо пробежало два фута за зверя, оно внезапно повернулось с боку от нас и, увидев большой дуб, подходящий для его цели, поманило нас следовать за ним и, согнувшись пополам, В своем темпе он ловко взбирается на дерево, кладя ружье на землю, примерно в пяти или шести ярдах от основания дерева.

Медведь вскоре подошел к Дереву, и мы последовали за ним на расстоянии; Первое, что он с делал, он останавливался у ружья, понюхал его, но оставил его лежать, и он вскарабкался на дерево, карабкаясь, как кошка, хотя и такой чудовищно желой. думал так о моем Человеке и не мог в жизни увидеть над чем смеяться, пока, увидев, что Медведь влез на Дерево, мы не подошли ближе к нему.

Когда мы подошли к Дереву, Гя тниц а добралась до маленького Конца большой Ветки Дерева, и Медведь добрался до него примерно на полпути; как только Медведь выбрался в ту часть, где Ветка Дерева была слабее,

Х а, говорит он нам, теперь вы видите, как я учусь медвежьему танцу; так он падает, прыгая и тряся Ветку, на которую Медведь начал шататься, но остановился и стал оглядываться назад, чтобы посмотреть, как ему вернуться; тогда мы действительно посмеялись от души: Но Гя тниц а не сделала с ним многого; когда он видит, что тот стоит на месте, он снова окликает его, как будто предположил, что Медведь может говорить по-английски; Если вы не идете дальше, молитесь, чтобы вы пришли дальше; поэтому он ушел, прыгая и тряся Дерево; и Медведь, как ес

поня л, что он с казал, прошел немног о дальше, потом с нова упал в прыжке, и медвежонок с нова ос тановилс я .

Мы подумали, что с ей час с самое подх одя щее время , чтобы ударить его по г олове, и я призвал Пя тниц у ос тановитьс я , и мы зас трелим Медведя ; но он ис кренне вос кликнул, о молитес ь! Омолис ь! Не стреля й, я стреля ю, а потом; он бы с казал: "Мало-помалу: однако, чтобы с ократить Рас с казал, Пя тниц а так мног о танц евала, а Медведь Стоя л так от щекотки, что мы дей ствительно нас мея лис ь, но все еще не мог ли предс тавить с себе, что с делает Парень; ибо с начала мы думали, что он завис ел от избавления от Медведя ; и мы обнаружили, что Медведь с лишком х итер и для этог о; ибо он не х отел бы уйти дос таточно далеко, чтобы быть брошенным вниз, но крепко щепля лс я с воими ог ромными широкими ког тя ми и лапами, так что мы не мог ли с себе предс тавить, чем это будет Конец и г де, наконец , будет Щутка.

Но пя тниц а бы с тро избавила нас от с омнений; зато, что он видел, как Медведь крепко щепля етс я за Ветку, и что ег о не уг оворить идти дальше; Ну-ну, г оворит Пя тниц а, ты не иди дальше, я иду, я иду; ты не прих оди ко мне, я иду к тебе; и пос ле этог о он подх одит к с амому маленькому конц у Ветки, г де она мог ла бы с г ибатьс я под ег о весом, и ос торожно с пус каетс я вниз, с кольз я по Ветке, пока не приблизитс я дос таточно близко, чтобы с прыг нуть на Ног и, и прочь. он бежит к с воему ружью , берет ег о и ос танавливаетс я .

Ну, с казал я ему Пя тниц а, Что ты будешь делать теперь? Почему бы тебе не выс трелить в нег о? Не стреля ть, г оворит Пя тниц а, пока нет, мне с треля ть ном, меня не убивать; мне ос татьс я , дать вам еще один с мех ; и он дей ствительно так и с делал, как вы с ей час увидите; ибо ког да Медведь видит, что ег о Враг ушел, он возвращаетс я с Ветки, г де стоя л; но делал это очень неторопливо, ог ля дывая с ь на каждый шаг у и возвраща с ь назад, пока не попал в Тело Древа; затем, тем же задним конц ом вперед, он с пус тилс я с Древа, сх ватив ег о Ког тя ми и очень неторопливо передвиг ая одну ног у за друг ой; в этот момент, и как раз перед тем, как он ус пел пос тавить задние лапы на землю , Пя тниц а подошел к нему вплотную , вонзил ему в ух одуло с воег о ружья и зас трелил ег о, как камень.

Тог да Разбойник обернулс я , чтобы пос мотреть, не с меетс я ли мы, и ког да он увидел, что мы довольны нашими взг ля дами, он с ам г ромко рас х ох оталс я ; поэ тому я убью Медведя в моей стране, г оворит Пя тниц а; так что вы их убиваете, г оворю я , Почему у вас нет ружей:

Нет, говорит он, нет ружья, но стрельбы, очень длинной стрелой.

Это было действительно хорошим развлечением для нас; но мы все еще были в диком Месте, и наш Проводник очень сильно страдал, и что делать, мы едва знали; Волчий вой час то звучит у меня в голове; и действительно, за исключением шума, который я однажды услышал на берегу Африки, о котором я уже кое-что сказал, я никогда не слышал ничего, что наполняло бы меня таким ужасом.

Эти вещи, а также приближение ночи заставили нас бежать, иначе, как того хотелось бы, мы непременно сняли бы кожу с этого чудовищного существа, что и было спасением; но нам предстояло пройти три дня, и наш проводник торопил нас, поэтому мы оставили его и отправились дальше в наше путешествие.

Земля все еще была покрыта снегами, хотя и не такими глубокими и опасными, как в горах, и прожорливые твари, как мы слышали в предсказаниях,пустились в леса и на равнины, подгоняемые голодом в поисках Еды и наделали много бед в деревнях, где они заставляли врасплох сельских жителей, убили очень много их овец и лошадей, а также некоторых людей.

Нам предстояло пройти одно опасное место, о котором наш проводник сказал нам, что если в стране есть еще волки, мы должны найти их там; и это было на небольшой равнине, окруженной лесом со всех сторон и длинным узким ущельем или переулком, который мы должны были пройти, чтобы пройти через лес, а затем мы должны были прийти в деревню, где мы должны были остановиться.

Когда мы вошли в первый Лес, прошло не более получаса после захода солнца; и немного после захода солнца, когда мы вышли на равнину. Мы ничего не встретили в первом Лесу, за исключением того, что на небольшой Равнине в Лесу, которая была не выше двух Фарлонгов, мы увидели пять огромных Волков, пересекающих Дорогу, один за другим на полной скорости, как будто они были в Преследовании. какой-то добычи и имел ее в поле зрения; они не обратили на нас внимания и через несколько мгновений исчезли из поля нашего зрения.

Всвязи с этим наш Проводник, который, между прочим, был жалким малодушным товарищем, велел нам держаться наготове; потому что он верил, что Волков будет больше.

Мы держали наше оружие наготове и наши глаза были вокруг нас, но мы не видели больше волков, « пока мы не прошли через тот лес, который был почти в половине лиги, и вышли на равнину; как только мы вышли на Равнину, у нас было достаточно повода осмотреться: первый объект, который мы встретили, был мертвой лошадью; то есть бедная лошадь, которую убили волки, и по крайней мере дюжина из них за работой; мы не могли сказать, что едим его, но, скорее, обрываем его кости; они уже съели всю Плоть раньше.

Мы не смогли уместным беспокоить их на их празднике, и они не обратили на нас особого внимания: Пятница набросилась бы на них, но я никоим образом не допустил бы его; ибо я обнаружил, что в наших руках больше дел, чем мы подозревали. Мы не преодолели и половины Равнины, но начали слышать страшный вой волков в лесу слева от нас, и вскоре увидели, что прямо к нам приближается около сотни, все вместе, и большинство из них в линию, также регулярно, как армия, построенная опытными офицерами. Я едва знал, каким образом их принять; но оказалось, что выстроиться в тесную линию было единственным путем: так что мы выстроились в Минутное. другие, которые не стреляли, должны быть готовы немедленно дать им второй залп, если они продолжат наступление на нас, и что тогда, кто стрелял с начала, не должны делать вид, что с нова заряжают свои взрыватели, а должны быть наготове у каждого пистолета; ибо все мы были вооружены фузеей и парой пистолетов у каждого; Таким образом, с помощью этого Метода мы смогли произвести шесть залпов, половина из нас за один раз; однако в настоящее время у нас не было необходимости; ибо, дав первый Залп, Враг сделал полную Остановку, будучи напуган как Цуном, так и Огнем; четверо из них были ранены в голову, упали, несколько других были ранены и истекли кровью, как мы могли видеть по снегу: я обнаружил, что они останавливались, но не сразу отступили; после чего, вспомнив, что мне говорили, что с амые свирепые существа пугаются голоса человека, я заставил всю нашу роту гудеть так громко, как мы могли; и я нашел это понятие не совсем ошибочным; ибо после нашего крика они начали отступать и поворачиваться; затем я приказал дать второй залп в их тылу, что заставило их пуститься галопом, и они ушли в лес.

Это дало нам время с нова зарядить наши фигурки, и, чтобы не терять времени, мы продолжали идти; но нам оставалось только зарядить наши фигурки и привести себя в готовность, когда мы услышали ужасный шум в том же самом лесу слева от нас, только это было дальше по тому же Пути, по которому мы должны были идти.

Наступала Ночь, и Свет начал меркнуть, отчего на нашей Стороне было еще хуже; но Шум усиливался, и мы могли легко понять, что это был Вой и Вопли этих адских Существ; и внезапно мы заметили 2 или 3 отрядов волков, один слева от нас, один позади нас и один впереди нас; так что мы, кажется, были окружены ими; однако, поскольку они не падали на нас, мы продолжали с той же скоростью вперед так быстро, как могли заставить наших лошадей двигаться, а путь был очень трудным, и это была только крошечная большая рысь; и таким образом мы подошли к входу в лес, через который мы должны были пройти, на дальней стороне равнины; но мы были очень удивлены, когда, приблизившись к переулку или перевалу, мы увидели огромное количество волков, стоящих прямо у входа.

Внезапно, в другом проходе Леса, мы услышали Стук пушки; и, взглянув в ту сторону, мы увидели Лошадь с Седлом и Уздечкой на ней, летящую, как Ветер, и шестнадцать или семнадцать Волков за ней на полной скорости; действительно, у Лошади были Гляделки; но так как мы предполагали, что он не удержится при такой скорости, мы не сомневались, что они в конце концов встанут с ним, и без сомнения, они это сделали.

Но здесь мы увидели самое ужасное зрелище; ибо, подъехав к входу, откуда вышла Лошадь, мы нашли труп другой Лошади и двух Людей, съеденных прожорливыми Тварями, и один из Людей, без сомнения, был тем самым, о котором мы слышали в начале Писания; ибо рядом с ним лежало ружье, выстрелившее; а что касается человека, то его голова и верхняя часть его тела были съедены.

Это наполнило нас Ужасом, и мы не знали, какой курс выбрать, но Существа короля разрешили нас; ибо они собрались вокруг нас в настоящее время, в надеждах на Добычу; и я искренне полагаю, что их было триста. К нашей выгоде случилось, что у входа в лес, но немного в стороне от него, лежало несколько больших бревен, срубленных летом. раньше, и я полагаю, лежал там для перевозки; я нарисовал с собой

небольшой Отряд среди тех Деревьев, и выстроившись в Линию позади одного длинного Дерева, я поспешно вел им всем заечь, и держать это Дерево перед нами, для Работы Груды, стоять Треугольником или тремя Фронтами., заключая Наших Коней в центре.

Мы так и сделали, и хорошо, что сделали; ибо никогда не было более яростной атаки, чем Существа, обрушившиеся на нас в Месте; они набрасывались на нас с рычащим шумом (и вскарабкались на кусок дерева, который, как я уже сказал, был нашей грудной работой), как будто они только бросались на свою добычу; и эта их ярость, по-видимому, была главным образом вызвана тем, что они увидели наших лошадей позади нас, которые были добычей, на которую они нацелились: я приказал нашим людям стрелять, как и раньше, во всех остальных людей; и они были так уверены в своей цели, что действительно убили нескольких волков с первого залпа; но была Необходимость вести непрерывный огонь; потому что они нас тупали, как дьяволы, те, кто сзади, толкали тех, кто был впереди.

Когда мы дали второй залп наших взрывателей, мы подумали, что они немножко отступились, и надеялись, что они взорвутся; но это был всего лишь Мгновение; ибо другие вышли вперед снова; Итак, мы произвели два залпа из наших пистолетов, и я верю, что в этих четырех выстрелах мы убили семнадцать или восемнадцать из них и убили вдвое больше; тем не менее они пришли снова.

Я не хотел тратить наш последний выстрел слишком поспешно; поэтому я позвал своего слугу, а не своего человека Пятницу, потому что он был лучше занят; ибо с величайшей ловкостью, какую только можно вообразить, он атаковал моего Фузеля и своего собственное, пока мы были заняты; но, как я уже сказал, я позвал своего другого человека и, дав ему пороховой рожок, приказал ему проложить поезд вдоль всего куса дерева, и пусть это будет большой поезд; он так и сделал, и едва успел уйти, как волки подошли к нему, и некоторые вскарабкались на него; когда целкнул незаряженный пистолетом рядом с Порохом, поджег его; те, что были на Лесу, были обожжены им, и шесть или семь из них упали или, скорее, прыгнули среди нас от Силы и Страх Огня; мы отправили их в одно мгновение, а остальные были так напуганы Светом, который Ночь, ибо она была теперь очень близка к Теме, сделала его еще более ужасным, что они немножко отступили.

После чего я приказал выстрелить из нашего последнего пистолета одним залпом, и после этого мы издали крик; при этом Волки повернули Хвост, и мы тут же напали на двадцать Хромых, которых мы нашли из всех сил.

на землю и сразили их нашими мечами, что оправдало наши ожидания ; потому что Плач и Вой, которые они издавали, были лучше поняты их Товарищами, так что все они бежали и оставили нас .

Мы, первый и последний, убили около трех десятков из них ; и если бы это был дневной свет, мы убили бы гораздо больше. Таким образом, поле битвы было очищено, и мы снова двинулись вперед; ибо нам предстояло пройти еще около лиги. Мы слышали вопли и вопли прожорливых существ в лесу, пока мы шли, несколько раз; и иногда нам казалось, что мы видели некоторые из них, но мы не были уверены в снеге, ослепляющем наши глаза; Итак, примерно через час мы подошли к городу, где должны были поселиться, который мы нашли в ужасном испуге и во всеоружии; ибо кажется, что прошлой ночью волки и несколько медведей ворвались в деревню ночью и привели их в ужасный испуг, и они были обязаны нести стражу днем и ночью, но особенно ночью, чтобы охранять свой скот, да и свой

Наследующее утро наш проводник был так болен, и его конечности распухли от двух ран, что он не мог идти дальше; поэтому мы были вынуждены взять там нового проводника и отправиться в Толуз, где мы нашли теплый климат, плодородную приятную страну, и ни снега, ни волков, ни чего-либо подобного им; но когда мы рассказали нашу Историю в Толузе, нам сказали, что это не что иное, как обычное дело в великом Лесу у Подножия Гор, особенно когда Снег лежит на Земле. мы получили, что отважились привести нас этим Путем в такую суровую пору; и сказал нам, что это было очень много, мы не все сожрали. Когда мы рассказали им, как мы расположили себя и Лошадей посередине, они с ильнюупрекнули нас и сказали, что пятьдесят против одного, но мы все уничтожены; ибо именно Вид Лошадей привел Волков в такую ярось, Увидев свою Добычу; и что в другие времена они действительно боялись ружья; но из-за того, что они были чрезмерно холодны и разъярены, стремление напасть на лошадей сделало их бесчувственными к опасности; и что если бы мы не одолели их с помощью непрекращающегося огня и, наконец, с помощью уловки порохового поезда, то были бы великие шансы, но мы были бы разорваны на куски; тогда как, если бы мы были довольны тем, что сидели неподвижно верхом на лошадях и стреляли как всадники, они не считали бы лошадей с воими собственными, когда люди были на их спинах, как в противном случае; и к тому же они сказали нам, что, наконец, если бы мы

встали с овсами и оставили наших лошадей, они бы так стремились схватить их, что мы могли бы уйти в целости и сохранности, особенно имея в руках наше огнестрельное оружие и нас так много.

С своей стороны, я никогда в жизни так не ощущал опасности; ибо, увидев, что более трех сотен волов пришли с ревом и разинули пасть, чтобы поглотить нас, и, не имея ничего, чтобы укрыть нас или отступить, я отдал себя за пропажу; и как бы то ни было, я уверен, что никогда больше не захочу пересечь эти горы; Думаю, я бы предпочел пройти тысячу миль по морю, хотя раз в неделю я обязательно встречусь с бурей.

В моем путешествии по Франции нет ничего необычного, на что следует обратить внимание; ничего, кроме того, о чем рассказали другие путешественники, причем с гораздо большим преимуществом, чем я. Я путешествовал из Тулузы в Париж и без долгого пребывания прибыл в Калле и благополучно приземлился в Дувре четырнадцатого января после того, как у меня был очень холодный сезон для путешествия.

Я был теперь в центре моих путешествий, и через некоторое время все мое новое открытое имущество было в безопасности при мне, а переводные векселя, которые я привез с собой, были очень скоро оплачены.

Моим главным проводником и тайным советником была моя добрая давняя вдова, которая в благодарности за деньги, которые я ей послал, не считала с лишком большими труды или с лишком большие заботы для меня; и я так всецело доверял ей во всем, что совершенно не беспокоился о сохранности своих вещей; и действительно, я был очень счастлив от моего Начала, а теперь и до Конца, в незапамятной Целостности этой доброй Благородной женщины.

И теперь я начал думать о том, чтобы оставить свои вещи этой женщине и отправиться в Лиссабон, а затем в Бразилию; но теперь на моем пути возникло еще одно сомнение, и это была религия; поскольку у меня были некоторые сомнения относительно римской религии, даже когда я был за границей, особенно в моем состоянии одиночества; так что я знал, что мне не поехать в Бразилию, не говоря уже о том, чтобы поселиться там, если я не решу принять римско-католическую веру. Религия без всякого резерва; если, с другой стороны, я не решил быть Принесите жертву моим принципам, станьте мучеником за религию и умрите в

Инквизиция ; поэтому я решил остаться дома и, если смогу найти для этого средства, распорядиться своей плантацией.

С этой целью я написал моему старому другу в Лиссабон, который в ответ дал мне уведомление, что он может легко распорядиться им там: Оставшиеся в живых мои почитатели, которые жили в Бразилии, которые должны полностью понимать+ Ценность этого, которые жили прямо на месте и которые, как я знал, были очень богаты; так что он полагал, что они с удовольствием купят его; он не сомневался, но я должен сделать 4 или 5000 Восемьмерок, тем более.

Соответственно, я согласился, приказал ему предложить это им, что он и сделал; и еще примерно через 8 месяцев, когда корабль был возвращен, он прислал мне отчет, что они приняли предложение и перевели 33000 восьмидолларовых монет с моему корреспонденту в Лиссабоне для оплаты его.

В свою очередь, я подписал договор купли-продажи в том виде, в каком они прислали из Лиссабона, и отправил его моему старику, который прислал мне векселя на 32 800 восьмидолларовых монет для поместья; оставляя за собой, стариком, в течение его жизни 100 мой дров в год, а затем 50 мой дров его сыну за его жизнь, которую я им обещал, и которую плантация должна была внести в качестве арендной платы. Таким образом, я дал первую часть жизни, полной удачи и приключений, жизни, состоящей из шахматной работы Провидения и разнообразия, подобное которому мир редко может показать: начало глупое, но завершение гораздо более счастливое, чем любая его часть когда-либо давала мне Отпуск столько, на что я мог надеяться.

Можно было бы подумать, что в этом состоянии запутанной удачи я больше не бегал от опасностей; и я действительно был бы таким, если бы благоприятствовали другие обстоятельства, но я был приучен к бродячей жизни, не имел ни семьи, ни многих родственников, и, как бы ни был богат я, у меня было много знакомых; и хотя я продал свое поместье в Бразилии, все же я не мог выкинуть из головы сельскую местность, и у меня была великая мысль снова оказаться на крыле, особенно не мог сопротивляться сильному желанию увидеть мой остров, и узнать, были ли бедные испанцы в Бытии там, и как разбойники, которых я там ставил, использовали их.

Моя верная подруга, вдова, с старательной оговаривала меня от этого и до того превозмогла меня, что почти семь лет преглястствовала моему побегу за границу; в течение этого времени я взял под свою опеку двух своих племянников, детей одного из моих братьев. У старшего, у которого было что-то свое, я воспитал как джентльмена и передал ему поселение о каком-то прибавлении к его имуществу после моего смерти; другой я отдал капитану корабля; и через пять лет, найдя в нем разумного, смелого, предприимчивого молодого человека, я послал его нахороший корабль и отправил в море.

Тем временем я частично поселился здесь; ибо прежде всего я женился, и это не к моему несчастью или неудовлетворению, и имел троих детей, двух сыновей и одну дочь. Желание отправиться за границу и его назойливость взяли верх и побудили меня отправиться на его корабле в качестве частного торговца в Ост-Индию: это было в 1694 году.

В этом путешествии я посетил свою новую колонию на острове, увидел своих преемников, испанцев, узнал всю историю их жизни и злодеев, которых я там ставил; как с начала они оскорбляли бедных испанцев, как они потом слагались, не слагались, объединялись, расходились, и как, наконец, испанцы были вынуждены применять к ним насилие, как они подчинялись испанцам, как испанцы честно обращались с ними; История, если бы она была вписана, полна столько же разнообразия и чудесных происшествий, как и моя собственная часть, в частности, их сражений с карибцами, которые несколько раз выживали на острове, и тех улучшений, которые они произвели на острове. себе и о том, как пираты из них совершили покушение на главную землю и увели с собой одиннадцать мужчин и пять женщин-заточенных, благодаря которым, когда я пришел, я нашел на острове около двадцати маленьких детей.

Здесь я пробыл около 20 дней, оставив им запасы всех необходимых вещей, в частности оружия, пороха, дроби, одежды, инструментов и двух рабочих, которых я привез с собой из Англии, а именно плотник и кузнец.

Кроме того, я разделил остров на части вместе с ними, оставив за собой ответственность целого, но дал им те части, которые они

договорились о; и, уладив с ними все дела и обещав их не покидать этого места, я оставил их там.

Оттуда добрался до Бразилии, откуда отправил на остров барк, купленный там, с большим количеством людей, и в нем, помимо других припасов, я отправил семь женщин, которых я считал подходящими для службы, или для жен тем, кто возьмет их: Что касается английских мужчин, я пообещал им прислать им несколько женщин из Англии с хорошим грузом предметов первой необходимости, если они займутся посадкой растений, что я впоследствии и выполняю». д. И Товарищи оказались очень честными и прилежными после того, как их освободили и выделили для них их Собственность. Я также послал им из Бразилии пять коров, три из них были большими с теленком, несколько овец и несколько свиней, которые, когда вернулся, значительно увеличились.

Но все это, с отчетом о том, как 300 карибов пришли и вторглись на них и разрушили их плантации, и как они дважды сражались с всем этим числом и сначала потерпели поражение, а трое из них были убиты; но в конце концов буря уничтожила их вражеские каноны, они голодали или уничтожили почти все остальные, возобновили и вернули владения своей плантацией и по-прежнему жили на острове.

Обо всем этом, с некоторыми очень удивительными происшествиями в некоторых моих собственных приключениях, еще десять лет я, возможно, могу дать дальнейший отчет о грядущем.

